

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕРТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

**Всероссийская
научно-практическая конференция
с международным участием
(Москва, 17–18 октября 2024 г.)**

Сборник научных работ

Москва
2025

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕРТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Сборник научных работ по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

(Москва, 17–18 октября 2024 г.)

Москва
2025

УДК 81'33

ББК 81

П44

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 1 от 24 января 2025 г.

Рецензенты:

Евсеева И. В., доктор филологических наук, доцент
Карасик В. И., доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

С. В. Ионова, доктор филологических наук, профессор
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
П. А. Катышев, доктор филологических наук, профессор
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
И. В. Огорелков, кандидат филологических наук,
заведующий лабораторией юридической лингвистики
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

*Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание
и корректность заимствований несут авторы статей.*

П 44 Подготовка экспертов гуманитарных специальностей в современных реалиях: сборник научных работ по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 17–18 октября 2024 года) [Электронное издание] / ред. кол.: С. В. Ионова, П. А. Катышев, И. В. Огорелков. — Москва : Государственный институт русского языка, 2025. — 496 с.

ISBN 978-5-98269-351-8

В сборник включены материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Подготовка экспертов гуманитарных специальностей в современных реалиях», состоявшейся 17–18 октября 2024 г. в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. Настоящий сборник затрагивает актуальные вопросы судебной экспертологии и речеведения, в том числе подготовки судебных экспертов. Статьи адресованы криминалистам, лингвистам, специалистам, занимающимся судебным речеведением, и, представляя междисциплинарное направление в осмыслении проблем языка и права, будут интересны широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-98269-351-8

© Коллектив авторов, 2025
© Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2025

Содержание

А. В. Акинина

Как лингвисту-эксперту анализировать
изобразительный компонент товарного знака
(пределы компетенции и пути анализа) 9

Ю. В. Аксентьева

Проблемные аспекты лингвистической оценки
поликодового медиатекста (на примере исследования
музыкального клипа «Марш обреченных») 16

Л. Н. Аллахкулиева, М. А. Грачев

Лингвопиктографические особенности наркозависимых:
научно-методические рекомендации для производства
судебных экспертиз 24

Ю. А. Ахременкова

К вопросу о периодизации возраста автора текстов
интернет-коммуникации в автороведческой экспертизе 35

А. В. Бабук

Кибергруминг как правонарушение в аспекте
судебной лингвистической экспертизы:
зарубежный опыт 43

П. Е. Белова

Экспертный подход в оценке качества онлайн-курсов 55

Э. В. Богаевская

Тексты дискурса катастроф и их анализ:
особенности функционирования эвфемизмов 61

Н. В. Вязигина

Нарушение связи исследования с предметом доказывания
как частотная ошибка назначения и производства
лингвистических экспертиз 68

Е. С. Демина, П. А. Катышев

Манипулятивные тактики в фейковых новостях
как способ речевого убеждения 85

Я. А. Дударева

Контент блогеров: сравнительное исследование
сходства и различий. 94

А. А. Еркин, Н. В. Дьякова

Проблемы и пути решения подготовки
судебных экспертов-психологов. 111

И. В. Жарков, Е. А. Колтунова

Ошибки в лингвистической экспертизе
как объекты критического анализа 117

Е. А. Жигadlo

Тактики речевого воздействия на примере рекламных текстов
отечественных косметических средств. 131

П. К. Иванов, П. А. Катышев

Методы судебной лингвистической экспертизы:
обзорное исследование 137

И. А. Измestьева

Семантика «неуважения» в русской языковой культуре 149

Н. Д. Голев, А. В. Иркова

Смысловая неопределенность как предмет
судебной лингвистической и антикоррупционной
экспертиз 160

А. Э. Кемерова, Л. Г. Ким

Иноязычная лексика в рекламных текстах
как конфликтогенный фактор 170

И. В. Кичева

Диагностика речевой провокации
как средства создания этноконфессионального
конфликта 176

Ю. Р. Леднева

Жанр комментария в социальных сетях: лингвоправовой аспект. . . 184

А. В. Лямаев, П. К. Иванов

Категория побудительности в высказываниях
с предикатами необходимости. 191

А. А. Малюка

Назначение и проведение лингвистической экспертизы
по делам об оскорблении: недостатки и ошибки,
возможные пути их решения 203

А. О. Манькова

Субъект как ведущий компонент экспертной ситуации
при производстве лингвистических экспертиз 212

Е. В. Махаева

Социально-сетевые боты как участники конфликтной
веб-коммуникации: юрислингвистический аспект. 221

И. А. Меркулова, О. А. Швецова

О статусе слова *проститутка* в лингвистической
экспертизе текста 233

В. И. Мозговой

Прозрачность номинаций как стартовый критерий
экспертизы государственно-правовых актов. 246

Е. С. Моштылева

Лингвистические исследования по экономическим спорам:
экспликация повествовательной структуры в деловом письме . . . 258

К. М. Мыскина

Основы этического воспитания при подготовке экспертов
гуманитарных специальностей 268

К. В. Небытов

Актуальность комплексной судебной
психолого-религиоведческой экспертизы по делам
об оскорблении религиозных чувств верующих 274

М. Е. Новичихина	
О смысловом различии в лингвистической экспертизе товарного знака	282
Е. В. Новожилова	
Передача знаний эксперта-лингвиста как философская проблема	288
Т. Б. Радбиль, С. И. Красса	
Моделирование диалога с ChatGPT в лингвоэкспертном исследовании словесных обозначений товарных знаков	299
Т. А. Распопова	
Проблема идентификации авторства текстов протоколов допроса при производстве автороведческих исследований (экспертиз)	310
М. С. Саломатина	
Методологические принципы семантического анализа в преподавании лингвокриминалистики.	320
В. В. Салькова	
Соотношение лингвистических категорий оценки и модальности: лингвокриминалистический аспект	330
В. И. Сенкевич	
Феномен чести и категория достоинства в языке и речевой деятельности	338
С. Н. Стародубец	
Стратегия речевого манипулирования в противоправной коммуникативной ситуации	355
К. О. Тормышова, П. А. Катышев	
Хезитация в текстах закрытого дискурса: по материалам уголовных дел экономической направленности.	363

Т. А. Троицкая

Использование специальных познаний в области
религиоведения при проведении лингвистических
судебных экспертиз 372

Б. А. Уланова, Н. В. Милосердова

К вопросу о маскировке информации, распространение
которой в Российской Федерации запрещено
(на примере объявлений о продаже
порнографических изображений несовершеннолетних) 384

Э. А. Федина

Приемы оказания давления на собеседника
в ситуации вымогательства (языковой аспект) 396

О. В. Федорова

Подготовка будущих экспертов гуманитарных специальностей
в контексте формирования их личностной зрелости
и психологической устойчивости в целях сохранения
психологического здоровья специалистов 403

**А. Ю. Хоменко, А. О. Панфилова, Ю. Д. Лопатко,
Н. В. Буракова, Е. Ю. Хлопотина, А. П. Верина**

Анализ политизированного контента
в социальных медиа (на материале русскоязычного
сегмента медиаплатформы ТикТок) 414

А. О. Хохлов

Применение нейросетевых технологий в производстве
лингвистической экспертизы рекламного текста 437

Е. А. Чубина

Формирование профессиональных компетенций обучающихся
по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»:
к вопросу о методическом обеспечении 446

А. А. Шаляпина, Е. Е. Абрамкина

Экспериментальное фоноскопическое
и автороведческое исследование возраста
на материалах устной и письменной речи сестер. 455

М. В. Шибает, А. В. Кипчатова

К вопросу о границах лингвоэкспертного понятия
пропаганды терроризма 470

А. А. Шмаков

К проблеме определения границ контекста
при выполнении лингвоэкспертных исследований 477

А. С. Щербак

Однозначность восприятия слова:
лингвистический анализ спорного текста 487

А. В. Акинина

*магистр филологии, независимый эксперт,
магистрант Тольяттинского государственного университета
Тольятти, Россия
akinina21@mail.ru*

Как лингвисту-эксперту анализировать изобразительный компонент товарного знака (пределы компетенции и пути анализа)

Аннотация: в статье намечается проблематика анализа изобразительной стороны такого сложного междисциплинарного объекта, как товарный знак, возникающего на стыке юриспруденции, дизайна и лингвистики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, искусствоведческая экспертиза, нейминговая экспертиза, дизайн, товарный знак, креолизированный текст.

До настоящего времени методический аспект анализа товарных знаков именно в рамках судебной искусствоведческой экспертизы (либо в части искусствоведческого анализа в рамках комплексной экспертизы объекта интеллектуальной собственности) в России не был предметом полноценного научного осмысления.

В этой связи единый научно-методический подход в данной области не только не сформирован, но даже не намечен. Руководства, выпускаемые Роспатентом для внутреннего использования экспертами отдела товарных знаков, не содержат алгоритма исследования ни словесной, ни изобразительной стороны знака, но предполагают лишь расширенное толкование позиций, отраженных в части 4 Гражданского кодекса РФ.

Между тем, несмотря на фактическое отсутствие производства судебных искусствоведческих экспертиз в государственных экспертных учреждениях РФ, судебная искусствоведческая экспертиза представляет собой отдельный класс судебных экспертиз, а при возникновении необходимости в производстве таких экспертиз привлекаются профессиональные искусствоведы, поскольку в основе данного класса лежит наука искусствоведение.

С одной стороны, возникает вопрос, какого рода знания необходимы для производства экспертных исследований изобразительного компонента товарных знаков, которые представляют собой изобразительный объект, но очевидно не являются произведениями искусства.

На практике в российском правосудии сложилась ситуация, при которой к производству исследований такого рода привлекают лиц с образованием в сфере дизайна (как правило, графического). Однако очевидно, что в основе дизайна как прикладной учебной дисциплины также лежат принципы классического искусствоведения. Иными словами, овладение профессией графического дизайнера предполагает в первую очередь освоение искусствоведческих дисциплин — истории искусства, теории искусства и художественной критики.

Соответственно, исследование изобразительной (графической) стороны объектов дизайна, в том числе и товарных знаков, в рамках судебной искусствоведческой экспертизы базируется на универсальных подходах к описанию и анализу памятников искусства и экспертизе культурных ценностей, разработанных в рамках судебной искусствоведческой экспертизы. В частности, производство экспертизы, для которой ставится задача исследовать изобразительные объекты по признакам сходства (например, провести идентификацию культурной ценности по ее фотоснимкам, видеозаписям и другим изображениям, см. [7: 13]), в любом случае предполагает разработку или применение алгоритма сопоставления ряда изображений по стилистическим характеристикам, и таковой алгоритм можно применять и для исследования любых изображений по признакам сходства, в том числе и изображений, являющихся объектами дизайна.

С другой стороны, возникает иная проблема, связанная с комплексным характером появления и бытования самого товарного знака как объекта. Товарный знак (знак обслуживания) — это междисциплинарный объект, возникающий на стыке юриспруденции, дизайна и лингвистики. Это триединство определяется природой такого объекта: к его базовым, неотъемлемым характеристикам относятся наличие графического облика, смыслового содержания и правового статуса как средства индивидуализации товаров и услуг.

В российской экспертной (экспертиза заявки в Роспатенте) и судебной практике сложилась традиция отдельного исследования всех трех компонентов товарного знака (знака обслуживания).

Так, исследование словесной стороны товарного знака (буквенный облик и смысловое содержание, система понятий, стоящих за словом), то есть производство нейминговой экспертизы, отнесено к компетенции лингвистов, то есть входит в задачи класса речеведческих экспертиз: «Нейминговая экспертиза относится к компетенции экспертов-речеведов... <...> Актуальность разработки нейминговой экспертизы определяется необходимостью правовой защиты личного имени гражданина, авторского имени или псевдонимов, неймов как интеллектуальной

собственности» [4: 91]. Исследованием правового статуса товарного знака занимаются лица с юридическим образованием — патентные поверенные, юристы по интеллектуальной собственности. Для исследования же изобразительных характеристик знака принято, как уже было сказано, привлекать лиц с искусствоведческой подготовкой (искусствоведов или дизайнеров).

Нам представляется, что при таком подходе игнорируется сама природа товарного знака как специфического междисциплинарного объекта, все стороны которого не функционируют изолированно. Так, даже у словесного товарного знака имеется шрифтовое оформление, которое должно быть описано по каким-то критериям. А композиция, то есть взаимное расположение частей изображения, «их соподчинение друг другу и целому, что придает произведению единство, цельность и завершенность» [8: 33–34], непосредственно влияет на уяснение смысла изображения и на уяснение смысла всего знака в целом, если изображение не является единственной его частью, то есть если знак является комбинированным и содержит словесные и изобразительные элементы.

Это взаимовлияние обуславливается тем, что с точки зрения лингвистики классический комбинированный товарный знак, то есть объект, содержащий и словесные, и изобразительные компоненты (либо какие-то иные, однако иная проблематика не служит предметом настоящей публикации), является креолизированным текстом. Креолизированным (поликодовым) текстом в лингвистике называется текст, органично сочетающий знаки вербальной и невербальной природы. Такие тексты являются одним из типовых объектов судебной лингвистической экспертизы. И, как отмечает известный теоретик судебной лингвистики В. О. Кузнецов, для работы именно с поликодовыми текстами лингвисту, то есть лицу с базовым филологическим образованием, требуются так называемые «фоновые знания»: «Таким образом, фоновые знания играют большую роль в понимании текста. Этот аспект важен в том числе для проведения полного и всестороннего лингвистического исследования, так как для установления смыслового содержания, подлежащего экспертному исследованию объекта, зачастую востребованными являются не только лингвистические, но и фоновые знания эксперта. Так, фоновые знания экспертом-лингвистом задействованы при исследовании креолизированных (поликодовых) текстов, представляющих собой совокупность вербальной и невербальной составляющей...» [3: 29].

Еще более важно в этой связи остановиться на целостной природе креолизированного текста: «в нем изображение и слово, вербальный и невербальный компоненты никогда не представляют собой некую “сумму семиотических знаков”, их значение интегрируется и «образует сложно

построенный смысл» [1: 177]. Если это так, то и задача лингвиста при анализе товарного знака усложняется, поскольку ему необходимо исследовать в качестве текста объект, который в силу своей природы может обладать сложными изобразительными характеристиками, для рассмотрения которых фоновых знаний может быть недостаточно.

Возникает вопрос, каковы же пределы компетенции лингвиста при анализе товарных знаков, имеющих изобразительные компоненты. Могут ли филологи описывать шрифтовое оформление знака, то есть выделять визуальные признаки шрифта? Могут ли филологи говорить о колористике? Если могут, то в какой мере? И, наконец, можно ли задействовать лингвистов в исследовании графических объектов, не содержащих словесных компонентов?

Е. Л. Дайлоф отмечает, что «целью экспертного анализа *<имеется в виду анализ в рамках лингвистической экспертизы. — А. А.>* креолизованного текста является объективное лингвистическое подтверждение идейно-тематического содержания подобного произведения как сложно организованного вербально-визуального семантического комплекса» [2: 77]. Екатерина Леонидовна Дайлоф — старший государственный эксперт Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста РФ, ее публикация сделана в ведомственном журнале РФЦСЭ при Минюсте России. Соответственно, предлагаемый ею подход мы можем рассматривать как отражающий концепцию Российского федерального центра судебной экспертизы относительно возможностей и способов анализа креолизованного текста.

Е. Л. Дайлоф считает, что анализ объектов, в которых изобразительный компонент доминирует над словесным, в любом случае (то есть так же, как и анализ креолизованных текстов с доминирующим словесным компонентом) должен строиться на методах определения семантической связи между компонентами и дальнейшего декодирования визуальных образов, то есть детальное словесное описание визуальных образов. Получается, что лингвист в любом случае работает непосредственно с вербальными компонентами, но сначала должен получить этот словесный массив, своего рода «пересказав» то, что видит в изображении: «В данном случае изображение является, по сути, имплицитным способом выражения значения, носителем определенной информации (семантической, экспрессивной). Задача эксперта-лингвиста состоит в экспликации данного значения, «перевode» визуальной информации в вербальную. Декодирование информации, выраженной средствами иной, чем языковая, знаковой системы предполагает визуальную интерпретацию изображения и его вербализацию — словесное описание, воспроизведение в форме высказывания содержания и смысла визуального

образа. При анализе содержания изображения необходимо зафиксировать отраженную в нем предметную ситуацию, выделить основной, существенный и достаточный для понимания смысла вербальной части информационный (семантический) компонент, не перегружая исследование описанием второстепенных деталей» [2: 77].

Нам представляется, что такая практика является успешной для анализа визуальной составляющей экстремистских материалов (то есть изображений, содержащихся на демотиваторах, в картинках-мемах, в листовках и проч.), а также при анализе видеозаписей как целостного креолизованного текста. Однако при исследовании товарного знака перекодировка изобразительного ряда в словесный не всегда эффективна. Е. Л. Дайлоф предлагает в рамках лингвистической экспертизы отказаться от «второстепенных деталей», к которым относит чисто визуальные характеристики изображения: «Подробное описание и оценка таких особенностей изображения, как цветовое решение, композиция, художественное значение и др., если таковые не влияют на понимание смысла вербальной части, представляется нецелесообразным, так как влечет риск проявления субъективно-личностного начала эксперта и выхода за пределы компетенции» [Там же]. В экспертизе же товарного знака именно эти детали являются не второстепенными, а одними из главных, составляя базовые характеристики объекта, поскольку, как правило, товарный знак манифестирует не какую-либо ситуацию / сюжетную сцену, которую можно воспроизвести словесно в виде законченной мысли, а выражает эмоцию и/или художественный образ или служит для закрепления такой эмоции/образа в создании потенциального потребителя, то есть является *символом* некой эмоции. Нам представляется, что эта функция близка к той функции, которую выполняют и произведения искусства на уровне идеи: «Всякое искусство имеет две плоскости, оно сообщает о чем-то и одновременно воспекает. Демонстрируя нечто реальное, конкретное, оно одновременно передает некие духовные аффекты» [6: 37].

Соответственно, даже рассматривая товарный знак как креолизованный текст, в котором изобразительная и словесно-смысловая часть неразделимы, следует признать, что компетенция эксперта-лингвиста при анализе креолизованных текстов такого типа весьма ограничена, если речь идет о методе экспликации содержания изображения путем вербализации. Однако нельзя забывать о том, что товарный знак как сложный и многоплановый объект требует комплексного подхода в исследовании. Перспективным направлением анализа товарных знаков в этой связи представляется подключение круга семиотических познаний, то есть базовой науки о знаках и смыслах, которая одновременно

стоит над лингвистикой и вбирает в себя ее основные функции, связанные с анализом смыслов и понятийных рядов.

Говоря о семиотике как базовой науке для анализа товарного знака, мы можем органично сочетать, казалось бы, разнородные знания из области лингвистики и из области искусствоведения, базируя анализ не на выявлении различий в методах этих наук, а на выявлении общего. Таким общим может служить, например, понятие внутренней формы, предложенное видным языковедом XIX века А. А. Потебней. Внутренняя форма имеется как у языкового знака (слова или словосочетания), так и у графического знака. Основой внутренней формы является образ. А выявление стоящего за знаком образа — это и есть основная задача как для лингвиста, так и для искусствоведа/дизайнера, исследующего товарный знак в экспертной практике. Возможно, в этой связи лингвисту логичнее задействовать методы анализа художественного текста, предполагающего анализ идейной и образной стороны исследуемого объекта, а не просто воспроизведение заложенного значения в виде высказывания, что для товарного знака как специфического объекта является непродуктивным.

Литература

1. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: принцип целостности и принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 177–183.
2. *Дайлоф Е. Л.* К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 76–81.
3. *Кузнецов В. О.* Судебная лингвистическая экспертиза: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 352 с.
4. Судебная экспертиология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2018. 272 с.
5. *Федорова Л. Л.* Семиотика: курс лекций для магистрантов и аспирантов. М.: РГГУ, 2019. 573 с.
6. *Фридлендер М.* Об искусстве и знаточестве. СПб.: Андрей Наследников, 2020. 240 с.
7. *Хазиев Ш. Н.* Судебно-экспертное исследование культурных ценностей (аналитический обзор). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2021. 178 с.
8. *Хазиев Ш. Н.* Словарь терминов судебной экспертизы культурных ценностей. М.: Спутник, 2022. 147 с.

A.V. Akinina

The analysis of the pictorial component of the trademark by the linguistic expert (the competence and the ways of analysis)

Abstract: the article outlines the problem of analyzing of the pictorial side of the complicated interdisciplinary object as a trademark, arising at the intersection of jurisprudence, design and linguistics.

Keywords: linguistic expertise, art expertise, naming expertise, design, trademark, creolized text.

Ю. В. Аксентьева

ведущий эксперт

ФГУП «Главный радиочастотный центр»

Москва, Россия

lingw-exp@yandex.ru

Проблемные аспекты лингвистической оценки поликодового медиатекста (на примере исследования музыкального клипа «Марш обреченных»)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные аспекты исследования поликодового текста с учетом специфики восприятия семиотически осложненных текстов. В качестве примера исследуется музыкальный клип в контексте оценки действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации.

Ключевые слова: поликодовый текст, дискредитация ВС РФ, речевая стратегия дискредитации, лингвистическая экспертиза музыкального клипа.

Коммуникация при помощи поликодовых медиатекстов становится все более популярной с развитием интернета и мультимедийных технологий, так как именно такой текст позволяет объединить информацию разного рода в одном контексте, а также обеспечить максимальный контакт с реципиентом и воздействие на аудиторию. Медийный поликодовый текст давно стал средством решения коммуникативных задач, стоящих не только перед субъектами речевой практики СМИ, но и перед блогерами, лидерами мнений и кумирами, стремящимися донести свою позицию до своего зрителя. В связи с этим актуальной проблемой для лингвистов-экспертов становится оценка содержания таких сообщений на предмет наличия/отсутствия нарушений действующего законодательства РФ.

Особое явление культуры представляет собой музыкальный клип как поликодовый медийный продукт, привлекающий внимание исследователей своей эстетической и семантической спецификой. В настоящее время определение музыкального клипа как продукта телевизионной эпохи в виде кино(видео)произведения, сопровождающего музыкальную композицию, уже устарело. Исследователи предлагают новый подход, который позволяет «рассматривать музыкальный клип в качестве продукта эволюции медийных технологий...», чья коммуникативная цель

«...представлять наиболее адекватную форму трансляции популярной музыки в аудиовизуальном пространстве» [12: 144]. Однако, не только сугубо материальную цель продвижения своих произведений преследуют авторы видеоклипов. Цель любого клипа (в том числе и коммерческого) — «провокационным образом зацепить внимание и тем самым погрузить в свое смысловое пространство» [14: 194]. Таким образом, клип — это результат разработки визуальной концепции для песни.

Исследователи отмечают, что лингвист должен анализировать музыкальный клип с позиции поликодового текста, учитывая его гетерогенность и взаимодействие разных семиотических систем (вербального, музыкального и изобразительного рядов). Сложности такого исследования связаны с необходимостью применения инструментов разных дисциплин (искусствоведения, музыковедения, невербальной семиотики) и адаптации филологических методов к описанию гетерогенных составляющих клипа. Также важно учитывать функциональные отношения между элементами и восприятие текста реципиентом на разных этапах и уровнях (когнитивные структуры, рецепция вербальной и изобразительной составляющих). Предлагаемый подход к такому масштабному исследованию музыкального клипа включает следующие этапы: 1. Семиотический подход: определение музыкального клипа как поликодового текста, состоящего из вербального, музыкального и иконического компонентов. 2. Культурологический аспект: анализ «формульного повествования» музыкального видеоклипа, связанного с определенным исполнителем и культурным сегментом. Музыкальный клип может содержать культурные элементы, такие, как язык, культурные символы и референсы к известным произведениям. Исследование этих элементов позволяет понять, как они влияют на общий смысл и интерпретацию клипа как медиатекста. 3. Эстетическое описание: анализ аттрактивных точек на трех структурных уровнях (вербальном, иконическом и музыкальном) и выявление их пересечений для создания «эстетического паспорта» клипа или исполнителя. Заключительной частью становится соотнесение музыкального видеоклипа с поэтическим текстом: анализ взаимодействия ритма мелодии с визуальной языковой избыточностью и формирование особого изобразительно-поэтического языка музыкального клипа. Для достижения целей лингвистической экспертизы стоит остановиться на исследовании клипа как медиатекста и обратиться к сочетанию семиотического и культурологического аспектов, опустив эстетическое описание ввиду отсутствия необходимости и возможности оценки эстетического воздействия материала на реципиента.

Исследуемый материал — клип на музыкальную композицию «Марш обреченных (Гойда, орки)» коллектива «Ногу свело» является ярким

примером цифрового активизма современных лидеров мнений, который российскими авторами определяется как «использование online-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности посредством блогеров» [10: 49]. В данном материале, опубликованном в сети Интернет 17 ноября 2022 г., содержится художественное осмысление специальной военной операции (СВО) и связанных с ней событий 2022 года в виде метафорического изображения. Вербальная сторона видеоклипа представлена устной песенной речью. Иконический компонент представлен видеорядом. Клип выполнен в анимационном стиле. Добавление визуального кода к традиционно содержащимся в песне вербальному и мелодическому отражает попытку полностью завладеть вниманием реципиента и достроить отражаемую в тексте реальность изобразительным компонентом. Несмотря на фантазийные образы, в клипе использованы отсылки к таким инфоповодам, как отравление А. Навального («*новичок в труселях*»), информация об участии в СВО заключенных, отбывавших наказание за уголовные преступления («*Поезда заключенных*»), массовый отъезд из страны мужчин в связи с мобилизацией в 2022 г. («*Племена отреченных*»), выступление И. Охлобыстина на Красной площади в день митинга-концерта о вхождении в состав России новых регионов и др. В структуре клипа изобразительный компонент раскрывает затекстовую составляющую, наглядно раскрывая метафоры и актуализируя содержание поэтического текста.

В виде фантастических чудовищ, захвативших Москву, показаны медийные лица и военные (на принадлежность к ВС РФ указывает исполнение форменной одежды, знаки отличия, георгиевская ленточка), а также граждане, использующие неофициальный символ поддержки СВО — букву Z, ставшую т. н. «символом текущего времени», который носит концептуальный характер. В тексте и визуальном сопровождении армия обозначена как «орки» (этнофолизм, обычно используемый в интернет-дискурсе для обозначения российских солдат, участвующих в вооруженной агрессии против Украины). Изначально орки — вымышленная раса в произведениях жанра фэнтези. Орки имеют большое сходство с гоблинами (в некоторых словарях эти слова синонимичны). Им приписываются исключительно негативные характеристики: вероломство, варварство, коварство, кровожадность, скудоумие. В большинстве случаев опасность, исходящая от орков, была разрушительной, их сила заключалась в ярости и количестве, а не мудрости и воинском умении. Использование такого обозначения преследует несколько целей: определение предмета речи через сленговое

обозначение с привлечением ключевых слов текущего момента, одновременно с выражением его оценки говорящим, а также демонизация описываемого явления. Технология, направленная на создание эффекта демонизации, предполагает обращение как к языковым средствам аксиологической природы, так и к логическим построениям или их подобию. Одним из самых простых способов реализации эффекта демонизации является использование номинаций, обозначающих общепринятого носителя зла. Номинативный способ принадлежит к поверхностному уровню формирования сообщения и осуществляется посредством нескольких приемов. Самый простой из них — использование общеоценочных языковых единиц по отношению к объекту демонизации. Также приемом создания эффекта демонизации является использование кличек и прозвищ [4: 29]. Для идентификации с целевой аудиторией используется мем, который «работает не посредством обращения к разуму, а через апелляцию к символам, вызывая иррациональную, аффективную реакцию на что-то знакомое (например, из истории или онлайн-дискурса)» [5: 21].

Структура персонажа орка складывается из следующих параметров: словесное обозначение — орки, его иконическая визуализация (внешний облик, жесты, одежда, которые выглядят, с одной стороны, отталкивающими, неопрятными, гротескно-карикатурными, а, с другой стороны, содержат социально-статусные характеристики), соотнесенность с реальной действительностью через топоним «Москва» («*Содом с Гоморрой пришли в Москву. В тот город, где я больше не живу*») и узнаваемые визуальные образы архитектуры этого города, по которому маршируют те самые орки — монстры с окровавленной пастью и буквой «Z» на груди. В клипе мы видим также, например, трех скелетов, которые танцуют на полуразрушенных улицах на фоне лежащего трупа. Очевидно, что они олицетворяют русских людей, поддерживающих СВО, как собирательный демонизированный образ обывателей, устраивающих «пляски на костях»: на барабане у одного из них также изображен кровавый знак «Z», на шляпах у них можно увидеть георгиевскую ленточку, они радуются и веселятся на фоне взрывающихся бомб и разрушенных городов. Кроме того, в тексте проводится параллель России с Третьим Рейхом («*Пусть курит Третий Рейх, мы — Третий Рим! Решит начальник за нас с тобой, Кто грузом 200 полетит домой.*»). Таким образом в таком поликодовом тексте и на уровне визуальной реализации, и в звучащей речи можно определить предмет речи через используемые фактоиды. В клипе изобразительный компонент расположен в начале текста: изображение наглядно показывает, что происходит и где происходит, дополняя создаваемый контекст. Приемы внушения, направленные

на подсознание адресата и навязывающие необходимость негативного отношения к предмету речи (формирующие «образ врага»), основаны на таких элементах стихотворного строения текста, как рифма и рифмовка, ритмическая и строфическая организация, композиция, лексические повторы. Для подобных текстов в целом характерны простота, банальность строения стихотворной формы. Используется бедная рифма, рифмовка зачастую не выдерживается, привлекаются типичные, самые распространенные стихотворные размеры и строфы, в качестве приема внушения активно используется дословный лексический повтор [7: 24].

Макростратегия дискредитации реализуется в микростратегиях обвинения, насмешки, оскорбления и т. д. К речевым признакам речевого акта дискредитации относятся амплификация — избыточное нагнетание средств языковой экспрессии с целью сформировать определенное отношение адресата к излагаемому содержанию; использование слов и выражений с негативной окраской, не вызванное практической необходимостью; неуместное использование разговорных, просторечных, жаргонных языковых средств, в том числе инвективных (бранных, оскорбительных слов и выражений), не соответствующее общему стилю, строю текста; неуместное для речевых актов сообщения использование эмоционально-экспрессивных конструкций (экспрессивный синтаксис); «навешивание ярлыков», ирония, использование элементов «чужой речи», недобросовестного цитирования в негативно-оценочных фрагментах содержания. Гиперболизация, гротескность используются для описания и демонстрации таких негативных качеств «чужих», как жестокость, кровожадность, беспринципность, отсутствие сострадания, вероломность, попрание всего дорогого сердцу опонента и вообще всех норм морали. Так, например, в клипе содержится кадр, изображающий несколько зомби, отплясывающих на фоне картины «Явление Христа народу».

Также клип на визуальном уровне представляет собой явную карикатуру на выступление Охлобыстина на Красной площади в день митинга-концерта о вхождении в состав России новых регионов 30 сентября 2022 г. В центре изображенной и узнаваемой Красной площади образована яма, из которой выбирается существо из фильма «Чужой» с лицом актера, а в тексте «марша обреченных» неединожды звучит призыв «Гойда», завершавший выступление актера, что в последствии разошлось на интернет-мемы.

На этом примере можно видеть яркую примету речевой стратегии дискредитации — нарочито преувеличенная, жесткая, избыточно сильная негативная характеристика свойств или действий лица, события, в котором лицо участвует, которая не соответствует характеру данного свойства, действия или события. Общие приемы демонизации

и расчеловечивания на визуальном уровне предмета речи сочетаются с сюрреалистичностью текста композиции.

Пытаясь ответить на вопрос, содержится ли в представленном материале совокупность лингвистических и психологических признаков убеждения адресата в негативном характере целей использования Вооруженных Сил Российской Федерации, т. е. его дискредитации, мы отмечаем, что в клипе «Марш обреченных» выражено однозначно негативное эмоционально-смысловое отношение к действиям ВС РФ, дискредитация их использования в целях защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в качестве аргументации используется распространение ложной информации: в частности, сообщается, что ВС России совершили определенные действия (в видеоряде содержится невербализованное обвинение ВС РФ в бомбежке мирного населения, в тексте — заявление «*И своих и чужих убиваем*»). Надпись на одном из флагов «*Своих не хороним*» отсылает к информации, распространявшейся в соцсетях, что никто не занимается вывозом тел погибших на территории зоны СВО российских солдат, на основании чего также формируется искаженное мнение об аморальных действиях руководства российских вооруженных сил и их бесчеловечном собирательном облике. При этом, если обращаться исключительно к тексту песни без учета визуального ряда и создаваемого им контекста, такой эффект понижения статуса и подрыва доверия к ВС РФ не достигается. Лишь благодаря визуальному воплощению концепции песни становится наглядным не только навешивание ярлыков и создание негативных аллюзий («орки», «Пусть курит Третий Рейх, мы — Третий Рим!»), но и эмблематическим путем демонстрируется, что цели использования ВС России однозначно оцениваются как не соответствующие целям защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, поскольку показано, как разрушены мирные города, полчища воинственных орков захватили их, повсюду кровь и страдания. Именно взаимодействие вербального и невербального текстов обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект. Прагматическая направленность такого креолизованного текста представляет собой побуждение реципиента к ответной реакции, которая предполагает некоторое имплицитное действие, т. е. изменение в чувствах, мыслях зрителя.

Данный клип сложно назвать антивоенным, он подогревает ненависть и разрозненность народов и граждан внутри страны, направлен на декларацию своего понимания добра и зла и навязывание адресату необходимости принять негативное отношение к предмету речи.

Это, в свою очередь, требует нейтрализации подобных деструктивных информационных материалов.

Литература

1. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
2. Громова Ю. М. Музыкальный видеоклип как поликодовый текст // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 188–192.
3. Засыпкин В. П., Сироткина Т. А., Захарченко С. С. Стратегия речевой дискредитации: репертуар тактик и приемов (из опыта экспертной работы) // Юрислингвистика. 2023. № 27(38). С. 130–135.
4. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–36.
5. Ильичева И. Л., Карпиевич М. Н. Модусная мультимодальность медиатекста // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2019. № 1. С. 19–26.
6. Колтунова Е. А., Жарков И. В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Неофилология. 2022. № 30. С. 218–226.
7. Коньков В. И. Дискуссия «Поликодовый медиатекст как объект лингвистического исследования»: проблемы и результаты обсуждения // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 133–135.
8. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации» (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол от 17.06.2022 № 2).
9. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации: монография / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. СПб.: СПбГУ, 2023. 424 с.
10. Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Государство и граждане в электронной среде. СПб., 2016. С. 48–55.
11. Секераж Т. Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных сил Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 41–48.
12. Ушанов П. В. Музыкальный клип как продукт эволюции медийных технологий: к проблеме уточнения термина // Коммуникация в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, 21–22 мая 2022 г. 2022. Ч. 2. С. 143–148.

13. *Шевчик А. В.* Функциональная нагрузка стихотворной формы текстов экстремистской направленности // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 79–97.
14. *Шеметова Т. Н.* Клиповая культура, или Некоторые подходы к описанию музыкального клипа // Наука телевидения. 2010. № 7. С. 293–299.

Y. V. Aksenteva

Problematic aspects of the linguistic assessment of the polycode mediatext (using the example of the research material the music video "March of the doomed")

Abstract: this article is devoted to the problematic aspects of the analysis of a polycode text, taking into account the specifics of the perception of semiotic-complicated texts. As an example, a music video is examined in the context of evaluating actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: polycode text, discrediting of the Armed Forces of the Russian Federation, speech strategy of discrediting, linguistic expertise of the music video.

Л. Н. Аллахкулиева

*ассистент Приволжского
исследовательского
медицинского университета
им. К. Г. Никулина,
врач-терапевт ГБУЗ НО «Городская
поликлиника № 50»
Нижний Новгород, Россия
ibragimovalamunat@gmail.com*

М. А. Грачев

*доктор филологических наук,
профессор Нижегородского
государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия
ma-grachev@mail.ru*

Лингвопиктографические особенности наркозависимых: научно-методические рекомендации для производства судебных экспертиз

Аннотация: в статье анализируются жаргон и пиктографическое письмо наркоманов, приводится целесообразность изучения данных элементов субкультуры для судебных экспертов, медицинских и педагогических работников. Рассматриваются виды жаргонов и татуировок в зависимости от пристрастия их носителей к определенному наркотику.

Ключевые слова: экспертиза, жаргон, пиктографическое письмо, наркомания, речь.

Цель статьи — идентификация и классификация наркоманов в зависимости от их элементов субкультуры — жаргона и пиктографического письма.

Статья представляет собой совместную работу эксперта-лингвиста и врача-практика, анализирующих жаргон и татуировки наркоманов в зависимости от экспертных требований.

Несомненно, данная комплексная работа будет полезной, для экспертов, проводящих исследования по речи и татуировкам наркозависимых лиц, а также для врачей и педагогов.

Лексика наркоманов является своеобразным показателем приверженности человека к наркотикам. И знание о ней особенно важно для коллективов, которые должны тщательно следить за речью пациентов и воспитанников. И если пациент или ученик часто употребляет наркотические словечки или имеют специфические татуировки, то можно с определенной долей уверенности говорить о его пристрастии к наркотикам или, по крайней мере, о связях с наркоманами. Конечно, некоторые слова и обороты речи наркозависимых уже прочно вошли в общенародный язык, однако наркоман может употреблять и специфические

лексемы, например, *гута-густрица* — «желудочные капли, которые после их выпарки вводятся в вену».

Врач, зная лексику наркоманов, может легко войти в контакт с больным: ведь ему не надо уточнять, что означает то или иное специфическое слово. Кроме того, он будет знать и о новых наркотических средствах и, следовательно, применять более действенные лекарства для спасения пациента от наркотической зависимости.

Следует иметь в виду, что наркоманы нередко используют свою лексику в конспиративных целях. Вот, к примеру, фраза из записки, посланной из мест лишения свободы: «*Вышлите Кате триста поцелуев!*» (*Пришлите триста граммов кодеина — наркотического вещества!*). Наркоманы, нисколько не опасаясь, что окружающие могут понять их, произносят различные фразы, связанные с наркотиками [1: 5].

Жаргон широко используется в конспиративных целях продавцами наркотических средств. Так, сбытчик наркотиков в записке сообщает: «*Тете Ханум совсем плохо!*». (*Наркотик оказался некачественным.*)

Осужденные наркоманы в целях консолидации и поиска «дозы» наносят на предплечье аббревиатуры: ТОН — «тайное общество наркоманов», МИЛА — «мои интересы — люблю а(о)бшабиться (Авт.: выкурить самокрутку (папиросу, сигарету) с гашишем) [4: 46].

Поэтому знание жаргона и пиктографического письма наркоманов крайне необходимо и правоохранительным органам.

Жаргонная лексика не отличается разнообразием. В основном она состоит из следующих тематических групп: обозначений наркотиков, шприцев, наркоманов, продавцов и поставщиков наркотиков, вен человека, действий, связанных с употреблением наркотиков. Другие тематические группы немногочисленны и обозначают притоны наркоманов, врачей, больницы и т. п.

По своему происхождению жаргонизмы наркоманов делятся на общерусские лексемы (см. слова: *лед* — «кокаин», *насос* — «шприц», *убиться* — «накуриться гашиша») и заимствованные: *глюк* — «галлюцинации» (нем. *Gluck* «счастье», *креза*, *крейза* — «психбольница», «сумасшествие», «сумасшедший человек» (англ. *Crazy* — «сумасшедший»).

Некоторые слова наркоманов употребляются только в их среде (*беляшка* — «морфий», *заякишит* — «начать испытывать эйфорию от действия наркотиков», *кислота* — «наркотик ЛСД»), другие проникли и в нашу повседневную речь, и в публицистическую сферу (к примеру, *сесть на иглу*, *спрыгнуть с иглы*, *наркота*, *задвигаться* и др.) [1: 9–12].

Практически все наркоманы употребляют жаргонизмы: одни больше, другие меньше, точно также и различается частотность в их речи. Как показывают опросы и интервьюирование, многие наркоманы считают

жаргонизмы за нормированные слова и даже употребляют их в песнях (особенно в стиле рэп) и анекдотах. Но следует подчеркнуть, что жаргонные лексемы являются вкраплениями в общенародную речь.

У наркоманов есть специфические татуировки. Они отличаются от общеуголовных татуировок. Почти все их тату имеют криптолалическое значение и наносятся исключительно добровольно. Время их появления — 60–80-е гг. XX в. Наркоманы наносят татуировки для опознавания себе подобных, для определения разрядов наркоманов, пристрастия к тому или иному наркотику. (Особенно подобные татуировки актуальны для мест лишения свободы.)

Все татуировки делятся на аббревиатуры и сюжетные изображения, наркоманийные высказывания почти отсутствуют. Аббревиатуры появились в среде наркоманов под воздействием общеуголовных татуировок-аббревиатур. Некоторые общеуголовные татуировки-аббревиатуры напрямую способствовали появлению специфических аббревиатур наркоманов [сравните: общеуголовная татуировка НИНА — «не был и не буду *активистом*» и татуировка наркоманов *НИНА* — «не был и не буду анашистом» (курильщиком гашиша)]. Но если общеуголовные тату наносятся исключительно для бравადы или для выражения собственного «Я» и не имеют тайного назначения, то аббревиатуры наркоманов наносятся исключительно для конспиративных целей (см.: *ЛОН* — «люблю общество наркоманов», *НОНА* — «наркоман, очень нужна анаша») [3: 134–138].

Сюжетные рисунки также имеют конспиративное или опознавательное значение. Нередко они свидетельствуют о наркотической зависимости человека (например, татуировка, изображающая паука в паутине, имеет значение «наркоман») [3: 46].

Иногда на тело наносят цифры. Например, 5 — это экстази, 8 — героин, 12 — марихуана (берется первая буква в названии наркотика и ставится ее порядковый номер в английском алфавите, см. английское написание обозначенных наркотиков — *ecstasy, heroin, marijuana*).

Слова наркоманов могут быть своеобразным показателем приверженности человека к наркотикам. Врач-нарколог, зная лексику наркоманов, может легче установить контакт с наркозависимым: ведь ему не надо спрашивать пациента, что означает то или иное слово! Кроме того, он будет знать и о новых наркотических средствах и, следовательно, применять более действенные лекарства для спасения своего пациента от наркотической зависимости, от смерти...

Жаргон широко используется в конспиративных целях наркодельцами. Так, сбытчик наркотиков сообщает: «*Теме Ханум плохо!*» («Присланный гашиш оказался некачественным».) Поэтому

знание жаргона наркоманов крайне необходимо и правоохранительным органам.

Несомненно, наблюдаются различия в зависимости от пристрастия к тому или иному виду наркотиков (в основном, они делятся на три разряда: наркотики, которые принимают внутрь, как таблетки, одурманивающие вещества, которые вводятся в организм при помощи вдыхания и путем инъекции. Это легко прослеживается по специфической лексике наркозависимых.

В жаргоне наркоманов (информанты — студенты и безработные от 18 до 30 лет), совершающих инъекцию наркотика, имеются следующие слова: *байн* — шприц, *инсули́нка* — однокубовый медицинский шприц, *дорóга* — следы инъекций на теле наркомана, *апте́ка* — принадлежности для приготовления раствора и инъекции наркотика, *тря́ска* — болезненное состояние из-за инъекции загрязненным наркотиком.

Лексика любителей употреблять наркотические средства в виде таблеток немногочисленна. В ней преобладают названия наркотиков: *ка́лики-морга́лики*, *колеса*, *д́иски*, *кру́глые* — таблетки, содержащие наркотическое вещество.

В составе наркотической лексики выделяется особый пласт слов, который употребляется чаще всего в кинотеатрах, домах культуры и на школьных мероприятиях, где проходят дискотеки, см.: *дед морóз* — продавец наркотического средства в порошкообразном виде светлого цвета, *зна́харь* — продавец растительных наркотических средств собственного производства, *квадра́т*, *ма́рка* — почтовая марка, имеющая с клеевой стороны слой наркотика, чаще всего ЛСД; *ма́рку* лижут, как раньше перед склеиванием частей конверта, или проглатывают, *мазел* — единица измерения марихуаны, равная одному спичечному коробку; некоторое количество марихуаны, приготовленное для транспортировки, *свисто́к* — наркоман, употребляющий синтетические наркотики и психотропные средства, *фитю́лька* — упакованная для розничной продажи доза наркотика («Дед морóз четыре фитю́льки принес!»).

Известно, что наркоманы и наркодельцы вовлекают в свой круг все новые и новые жертвы. Причем они вначале бесплатно угощают новичков наркотиком. Об этом свидетельствуют особые слова: *заморóчить* — уговорить кого-л., предложить употребить наркотик, *подоге́ть* — угостить наркотиком с целью вовлечения в наркоманию, *потроши́ть* — угощать гашишем, *призово́й чек* — бесплатная доза наркотика от наркодельца за вовлечение в наркоманийную зависимость других людей.

Письменной разновидностью жаргона наркоманов являются так называемые татуировки. Они отличаются от общеуголовных татуировок. Почти все татуировки наркоманов имеют криптолалическое значение,

наносятся исключительно добровольно. Время их появления в основном 70—90-е годы XX века. Наркоманы наносят татуировки для опознавания себе подобных, для определения разрядов наркоманов, пристрастия их к тому или иному наркотику. Особенно такие татуировки актуальны для мест лишения свободы.

Особенности могут быть не только на лексическом, но и на грамматическом уровне. В лексике втянутых наркоманов преобладают существительные и глаголы, наблюдается большое количество вводных слов и частиц (*блин, как бы, короче, там, вот*). Очень мало наречий и прилагательных. Слова категории состояния, оценивающие действие наркотиков, они используют из общемолодежной лексики, см.: в *кайф, дико, гламурно* — хорошо, в *облом, некайфово, глюкально* — плохо.

По мнению исследователя А. С. Меркуловой, «в речи больных наркоманией обнаружено преобладание простых и сложносочиненных предложений над сложноподчиненными. Так как сложноподчиненные предложения служат для передачи различных связей между событиями или явлениями действительности <...>, то низкая частотность таких синтаксических конструкций свидетельствует о нарушении связей в картине мира наркозависимых» [5: 184].

Речь наркомана во время наркотической абстиненции бывает бесвязной, так как все мысли направлены на поиск наркотика и его употребление. Отсутствие второстепенных членов предложений может быть свидетельством того, что наркоман воспринимает реалии окружающей действительности упрощенно. Причем его речь резко отличается до принятия наркотиков и после принятия наркотиков. Черно-белое восприятие мира свидетельствует о деградации личности. Почерк наркомана также меняется: он становится волнистым, «уплывающим», неразборчивым.

У наркомана, в зависимости от пристрастия к определенному наркотику, возникают и устойчивые психические изменения. Например, уже в обозначении наркотика *зверушкой* или *сексушкой* можно предположить, что они вызывают страшные или сексуальные галлюцинации.

Нам кажется, что следует и дальше изучать лексические, морфологические и синтаксические особенности речи наркоманов. Это будет способствовать не только углубленному исследованию личности наркозависимого, но и поможет создать стройную систему определения наркотической зависимости. Анализ речи наркоманов показывает значительные отличия в зависимости от его стажа употребления наркотиков, вида наркотиков, возраста, пола и проч.

Например, наркоман-курильщик гашиша, как правило, будет пользоваться такими словами, как *балда́* — «наркотическое средство; гашиш»,

мастьрка — «папироса, сигарета самокрутка, начиненная гашишем», *травка* — «гашиш» (см. также соответствующие татуировки: рисунки 1–3, взяты из открытых источников).

Наркоман, делающий инъекции наркотиков, гораздо чаще использует в своей речи слова: *амнуха* — «ампула с наркотиком», *морбз* — «морфий», *агрегат*, *насос*, *самосвал* — «шприц». См. также примеры соответствующих татуировок (рисунки 4–6, взяты из открытых источников):

У наркоманов, использующих таблетки, в частом употреблении слова: *калики*, *ка́лики-морга́лики*, *колеса* — «таблетки, содержащие наркотическое вещество», *ка́тя* — «кодеин», см. рис. 7, 8.

В лексике наркоманов-осужденных бытуют следующие специфические жаргонизмы: *контёйнер* — «герметически закупоренная ампула, гильза с наркотиками, которую проглатывают заключенные и таким образом проносят в исправительное учреждение», *подогр́ев* — «наркотики, полученные в местах лишения свободы», *наркома́т* — «преступная группа сбытчиков наркотиков». См. также татуировку, имеющую значение «наркомана», на рис. 9.

Лингвистика измененных состояний сознания (далее ЛИСС) исследует речевое поведение человека в нестандартных ситуациях, где его

Рис. 1. Наркоман, употребляющий гашиш

Рис. 2. Наркоман, употребляющий гашиш

Рис. 3. Наркоман — курильщик гашиша

Рис. 4. Наркоман, вводящий в организм наркотики путем инъекции

Рис. 5. Наркоман, вводящий в организм наркотики путем инъекции

Рис. 6

Рис. 7. Наркоман, употребляющий *колеса* (таблетки, содержащие наркотические вещества)

Рис. 8. Наркоман, употребляющий психоделические грибы

сознание находится в состоянии неравновесия. Такими состояниями являются, например, шок, аффект, транс, алкогольное или наркотическое опьянение. Среди всех этих состояний в статье наиболее подробно

Рис. 9. Наркоман (общее значение, буквально: «вот что нас губит»)

описаны лишь состояние наркотического опьянения, а также рассмотрено речевое поведение людей, находящихся в данных состояниях.

Для лингвокриминалистики оно заключается в открытии новых данных для лингвистического анализа текста, в том числе и для криминалистических исследований. Дело в том, что измененные состояния сознания (далее ИСС) довольно часто пытаются имитировать люди, пытающиеся оправдать свои неправомерные действия.

Для автороведческой и идентификационной экспертиз данные, полученные в результате этих исследований, будут незаменимы. Во время ИСС восприятие человеком окружающей действительности и даже своей личности существенно меняется, следовательно, меняется и характер описания им указанных реалий.

Для более детального представления о типах наркотических жаргонов дадим характеристику основных видов наркотиков.

Героин (от лат. *heroicus* — сильнодействующий) — наркотик из семейства опиатов, изначально средство от кашля. Впоследствии героином лечили такие психические расстройства, как нимфоманию, идиотизм, маниакальные галлюцинации, склероз, болезни сердца. «Излечение» достигалось за счет того, что в результате наркотического опьянения больной переставал обращать внимание на мучившие его симптомы.

Речь у человека в наркотической интоксикации становится медленной. Появляются такие характеристики голоса, как надтреснутость, сдавленность, охриплость, гнусавость, сиплость. К акустическим изменениям можно отнести снижение основного тона голоса в результате длительного приема опиатов. Именно по этим специфическим признакам и удастся определить наркотическое опьянение.

Конопля (марихуана, жарг. *анаша*). Из нее изготавливаются «легкие наркотики», употребляемые преимущественно путем курения.

Признаки употребления: ухудшение координации движений и чувства равновесия, учащение сердцебиения, ирреальное состояние психики. При последующих приемах эффект марихуаны слабеет.

Человек, употребляющий коноплю, имеет плохую память, у него наблюдается снижение умственных способностей. В результате приема конопли у человека возникают головные боли, ухудшение зрения, нарушение работы желудочно-кишечного тракта.

Спайс (англ. *spice* — приправа, специя) — синтетический аналог марихуаны — получил широкое распространение в настоящее время. Заметим, что в речи наркоманов используется жаргонизм *легалка* (намек на то, что некоторые виды спайсов имелись в открытой продаже).

Амфетамины — наркотические вещества, оказывающие на организм психостимулирующее действие. К этой группе относятся синтетические вещества, содержащие соединения амфетамина: эфедрон, эфедрин и первитин (метамфетамин). В большинстве случаев вводятся внутривенно. Эти наркотики получают из лекарственных препаратов, содержащих эфедрин. Резко обостряются психические составляющие организма: появляются беспричинная вспыльчивость, злоба, агрессивность; наблюдается сильнейшее физическое истощение, нарушения сна повреждения кровеносной системы и внутренних органов. Речь наркозависимого человека нелогичная и долгая.

Кокаин — сильнодействующий психостимулятор растительного происхождения. Его изготавливают из листьев растения *коки*. После его приема на участке от глаз до груди тело становится нечувствительным. Из-за употребления кокаина появляется аритмия, разрушение слизистой оболочки, глухота; психозы, галлюцинации, агрессивность. Речь кокаиниста невнятна.

К галлюциногенам относятся психоделические препараты, которые изменяют сознание человека: ЛСД, псилоцин и псилоцибин.

ЛСД — производное лизергиновой кислоты, содержащейся в спорынье. Помещается под язык и вызывает галлюцинации даже при малых количествах. При этом в речи наблюдается алогичность, она становится невнятной.

Псилоцибин и псилоцин — наркотические вещества в некоторых видах грибов. Они имеют галлюциногенный эффект. Данный наркотик легко доступен. Содержащие его грибы повсеместно встречаются в российских лесах. Негативные последствия: элементы шизофрении, распад личности, повышенная агрессивность.

Экстази — наркотик амфетаминовой группы. Содержится в таблетках или в капсулах. При употреблении истощается организм, наблюдаются повреждения внутренних органов и сильная психологическая зависимость. Речь становится быстрой и суетливой [5: 156].

Как уже было сказано, все наркотики отрицательно влияют на организм. Эта особенность была выявлена и на основе речи наркозависимых. Длительное употребление наркотиков вызывает деградацию психическую и физическую, что приводит к потере памяти, понижению речевого уровня и изменению типа речи, т. е. наркозависимый чаще употребляет просторечные слова арготизмы и жаргонизмы.

Особое место в криминальной субкультуре занимают татуировки (**пиктографическое письмо**) наркоманов (и наркодельцов). Криминальная пиктография получила развитие с 30-х годов XX в. Заметим, что системы татуировок наркоманов в то время еще не было, она появилась в 70-е годы XX в. Это не значит, что наркотических обозначений у преступников не было.

Сюжеты татуировок у наркоманов — не просто свидетельство их принадлежности к данной группе, но и своего рода «паспорт». Наличие татуировки облегчает приобретение наркотика, так как его распространители опасаются нежелательных контактов с переодетыми милиционерами.

Татуировка, как правило, несет смысловую нагрузку о том, какие наркотики предпочитает ее владелец, о месте и способах их употребления, о стадии приобщения к наркотикам и т. п.

Проблема важнейших элементов субкультуры наркоманов — жаргона и пиктографического письма — чрезвычайно сложная и нуждается в постоянной фиксации.

Литература

1. *Грачев М. А.* Жаргон и татуировки наркоманов: краткий словарь-справочник. Нижний Новгород, 1996.
2. *Грачев М. А.* Появление и эволюция криминальных татуировок в России // Юрислингвистика, 2022. № 3. С. 27–30.
3. *Грачев М. А.* Криминальная татуировка в России: прошлое и современность. Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2023. 180 с.

4. *Грачев М. А., Юматов В. А.* Актуальные аспекты изучения современной жаргонной нарколексии // Судебная экспертиза Беларуси. Минск, 2023. № 2 (17). С. 45–50.
5. *Меркулова А. С.* Наркозависимый как тип языковой личности: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 208 с.

L. N. Allakhkulieva, M. A. Grachev

Linguistic and pictographic features of drug addicts: scientific and methodological recommendations for the production of forensic examinations

Abstract: The article analyzes the jargon and pictographic writing of drug addicts, provides the expediency of studying these elements of subculture for forensic experts, medical and teaching staff. The types of jargon and tattoos are considered depending on the addiction of their carriers to a certain drug.

Keywords: expertise, jargon, pictographic writing, drug addiction, speech.

Ю. А. Ахременкова

главный эксперт отдела лингвистических экспертных исследований

Управления судебного речеведения

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»,

магистрант Государственного института

русского языка им. А. С. Пушкина»

Москва, Россия

akhremenkova.yulia@yandex.ru

К вопросу о периодизации возраста автора текстов интернет-коммуникации в автороведческой экспертизе

Аннотация: статья посвящена анализу представленных в современной науке подходов к определению возраста автора в целях применения данных для исследования конфликтного текста в интернет-коммуникации. В работе также отражены подходы к возрастной периодизации в аспекте автороведческой экспертизы. Обосновывается необходимость формулирования и апробации нового подхода к пониманию возрастной периодизации авторов конфликтных текстов в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, возраст автора, возрастная периодизация, интернет-коммуникация.

Стремительное развитие цифровых технологий обуславливает новые способы передачи информации: в обстоятельствах всеобщей компьютеризации коммуникация посредством сети Интернет осуществляется на различных уровнях, охватывает практически все сферы человеческой жизни. Одной из основных особенностей интернет-коммуникации является возможность анонимного размещения сообщений: данные о личности автора интернет-сообщения (как индивидуальные, так и социально-демографические характеристики) нередко скрыты от адресата. Сегодня юристы рассматривают указанную возможность как справедливую реализацию права на защиту персональных данных [12; 14; 16; 18], что в том числе способствует широкому распространению сервисов-анонимайзеров, нацеленных на сокрытие указанных данных [22].

В связи с этим представляется важным рассмотреть актуальные данные о состоянии преступности в РФ. Согласно открытой статистической информации МВД РФ за период с января по сентябрь 2024 года, число преступлений, совершенных с использованием

информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, непрерывно растет [21]. В январе-сентябре 2024 года зарегистрировано 564,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 15,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года [21: 3]. При этом 36,7% от общего числа совершенных тяжких и особо тяжких преступлений с использованием сети Интернет за указанный период не раскрыто [21].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости модернизации методов выявления лиц, причастных к совершению преступлений и правонарушений с использованием сети Интернет.

Нередко способом совершения вышеуказанных преступлений является размещение в Интернете сообщений криминогенного характера (см., например, преступления экстремистской и террористической направленности), а также инициации межличностной коммуникации и ведения сетевой переписки (см., например, преступления экономического характера, в частности, мошенничество). Наличие у коммуниканта умысла на совершение противоправных действий обуславливает сокрытие данных о его личности.

В условиях крайнего недостатка оперативных сведений одним из способов получения значимой информации (преимущественно ориентирующего характера) о социально-демографических характеристиках лица, разместившего текст конфликтогенного характера в сети Интернет, является диагностическое автороведческое исследование, заключающееся в анализе признаков письменной речи автора анонимного документа с целью построения лингвистической модели его речемыслительного навыка [14].

Важным критерием, оказывающим влияние на речемыслительный навык и, соответственно, на его отражение в письменной речи, является возраст автора. Согласно методическим рекомендациям, «главной задачей эксперта-автороведа является не определение конкретного возраста пишущего, а обоснованное отнесение его к той или иной возрастной категории (возрастной группе)» [6].

Вопрос возрастной периодизации в аспекте автороведческих исследований отражен в работах отечественных и зарубежных специалистов. Одно из наиболее ранних предложений по возрастному ранжированию авторов письменных текстов принадлежит А. Н. Лысенко, который полагал необходимым выделять три группы: 12–20 лет, 21–60 лет и 61–90 лет [13]. Проведя исследование массива письменных текстов, А. Ю. Комиссаров выделил следующие возрастные группы: *детскую* (до 10–12 лет), *юношескую* (13–20 лет), *среднего возраста* (21–55 лет), *пожилую* (свыше 55 лет) [9]. Несмотря на то, что классификация

А. Ю. Комиссарова сужает рамки «среднего» возраста, указанный подход не отвечает современным представлениям о вариационном разнообразии признаков письменной речи лиц в возрасте от 21 года до 55 лет, что, в частности, неприменимо для интернет-коммуникации.

Исследование, проведенное датскими специалистами А. Йохансенсом, Д. Хови, А. Согаардом, среди прочего посвящено выделению признаков письменной речи (материалов интернет-дискурса) авторов определенной возрастной группы [24]. Существенным минусом работы представляется ограниченность исследуемых возрастных групп: *до 35 лет и старше 45 лет* (следует заметить, что цель данной работы — исследование морфосинтаксических признаков текста через призму демографических характеристик его автора; возраст как признакообразующая категория не являлся единственным и главным предметом изучения).

Аналогичная ситуация наблюдается в общедоступных методических рекомендациях по проведению диагностических автороведческих исследований. Так, согласно «Комплексной методике производства автороведческих экспертиз» ЭКЦ МВД России 2007 года, возраст автора анонимного документа следует соотносить со следующими группами: *юношеская* (17–25 лет), *средневозрастная* (25–50 лет) и *пожилая* (50–65 лет) [10]. В пособии «Диагностика индивидуально-личностных характеристик автора нерукописного текста», подготовленном тем же ведомством 7 лет спустя, автора анонимного текста рекомендуется соотносить с «тремя поколениями: *молодость* (18–30 лет), *зрелость* (31–55 лет) и *поздняя зрелость* (старше 55 лет)» [10: 21].

Существенной проблемой указанных классификаций представляется отсутствие исследований лиц подросткового возраста, на что также было обращено внимание научного сообщества [20]. Необходимость выявления информативных признаков письменной речи подростков подтверждается актуальными статистическими данными: каждое тридцать седьмое преступление, расследованное в период с января по сентябрь 2024 года, совершено несовершеннолетними или при их соучастии [21]. Кроме того, целесообразным видится и исследование отображения в текстах речемыслительного навыка лиц пожилого возраста (старше 65 лет), что обусловлено общим повышением продолжительности жизни и практически повсеместной цифровой грамотностью.

Представляется, что вышеуказанные классификации не отражают реального положения дел: уровень развития речемыслительного навыка, носящий отпечаток материальных, экономических, социальных, политических, духовных условий развития личности и ее ценностных ориентаций может существенно различаться у лиц в возрасте 25 и 55 лет, что в том числе отражено в актуальных аксиологических исследованиях [4; 7].

Объединение авторов спорных текстов в большие возрастные группы может послужить причиной для субъективной экспертной оценки их возрастной принадлежности, что в результате может привести к передаче следствию/дознанию необъективных данных о лице, совершившем преступление/правонарушение.

Указанная позиция находит свое подтверждение в публикации Т. П. Соколовой. По мнению автора, «период среднего возраста необходимо расширить (до 60–65 лет) и выделить в нем два субпериода (первый до 35–40, второй до 60–65); а нижнюю границу пожилого возраста установить с 60–65 лет» [20: 115].

В этой связи перспективным представляется исследование Дж. Пеннебейкера и др., направленное на изучение текстов интернет-дискурса на английском языке — публикаций в личных блогах [23]. В результате проведенного анализа исследователям удалось диагностировать принадлежность автора к определенной возрастной группе (13–17 лет, 23–27 лет и 33–47 лет) с вероятностью 80%. При этом следует отметить недостаток указанного исследования: корпус анализируемых коллективов текстов не включает продукты речевой деятельности лиц, входящих в возрастные группы от 18 до 22 лет и от 28 до 32 лет, т. н. *пограничные возрасты* [23]. Указанный недостаток является существенным при применении данной модели к русскоязычным текстам, т. к. вышеназванные периоды тесно связаны с изменением статуса авторов-представителей русской лингвокультуры, что неизбежно влечет за собой преобразование лексикона, используемых языковых шаблонов и правил коммуникативного поведения. Так, период с 18 до 22 лет преимущественно соотносится с получением среднего специального и/или высшего образования, службой в рядах вооруженных сил и началом активной трудовой деятельности, в то время как период с 28 до 32 лет, как правило, связан с профессиональным самоопределением и созданием семьи, что сопровождается освоением новых коммуникативных норм и развитием навыков. Все вышеизложенное иллюстрирует назревшую необходимость формулирования и апробации нового подхода к пониманию возрастной периодизации авторов-представителей русской лингвокультуры.

Поскольку предметная область автороведения включает в себя исследование речемыслительных норм (в частности, норм мышления, руководящих построением высказывания и обуславливающих систему изложения [10]), для решения автороведческих задач многообещающим представляется междисциплинарный подход [19]. В связи с тем, что категория возраста широко изучена в психологии, интересным видится проанализировать существующие в данной науке подходы к возрастной периодизации.

По устоявшемуся мнению, возрастные периоды не имеют четких границ [3; 8; 11]; неоднородность возрастных категорий обусловлена «многомерностью и многовариантностью» человеческого развития [11]. Согласно существующей в психологической науке парадигме, при периодизации развития человека (периодизации возраста) следует говорить о социальном, психологическом и биологическом возрасте [3; 11]. При этом какие-либо варианты классификаций должны учитывать все вышеуказанные критерии. По справедливому замечанию научного коллектива ЭКЦ МВД России, в целях решения оперативных задач существенное значение имеют только определенные возрастные границы [6].

Исследуя природу становления личности в контексте разнообразных факторов (в том числе социальных, политических, экономических и исторических), И. С. Кон формулирует теорию юности, включающую три этапа: *подростковый возраст* (от 11–12 до 14–15 лет), *ранняя юность* (от 14–15 до 18 лет), и *поздняя юность* (от 18 до 23–25 лет) [11]. При описании стадий развития ребенка В. С. Мухина выделяет 2 этапа — *детство* и *отрочество*, ограничивая последний следующими рамками: от 11–12 до 15–16 лет [17].

Наиболее интересными для целей автороведения представляются исследования, посвященные психологии взрослости. Так, например, Д. Б. Бромлей представляет зрелый возраст как процесс, состоящий из четырех стадий: *раннюю взрослость* (21–25 лет), *среднюю взрослость* (25–40 лет), *позднюю взрослость* (40–45 лет) и *предпенсионный возраст* (55–65 лет), являющийся переходным к старости [2]. Б. Г. Ананьев выделяет три периода взрослости: *раннюю взрослость* (18–25 лет), *среднюю взрослость* (26–46 лет) и *позднюю взрослость* (47–60 лет) [1]. Разделяя точку зрения Б. Г. Ананьева, Е. П. Ильин дифференцирует указанный период на *раннюю зрелость* (18–25 лет), *среднюю зрелость* (26–46 лет) и *позднюю зрелость* (47–60 лет), а также представляет возраст 60 лет в качестве границы взрослой и пожилой возрастных групп [1].

Следует подчеркнуть, что наработки психологической науки в области теории возраста обладают потенциалом для создания соответствующих методических рекомендаций: возрастная периодизация, широко представленная в исследованиях отечественных и зарубежных психологов, может лечь в основу нового подхода к типологизации возраста автора конфликтогенного текста. Как было указано ранее, это представляется возможным в связи с комплексностью предмета автороведения — проявления речемыслительного навыка и его отражения. При этом эксперту, обладающему специальными знаниями в области языкознания, осуществляющему конкретные автороведческие исследования, не предлагается самостоятельно проводить какие-либо

диагностические процедуры, связанные с предметной областью психологии, выходя тем самым за пределы своей компетенции.

Е. И. Галяшина отмечает, что «современная автороведческая экспертиза сталкивается с новыми вызовами, обусловленными компьютерно-опосредованной коммуникацией и особым языком веб-коммуникации» [5: 33]. Обоснованным видится и следующее заключение Т. П. Соколовой: «один из факторов оптимизации судебно-экспертной деятельности — разработка и апробация новых методик, соответствующих специфике новых, цифровых реалий» [20: 112]. Проведенный анализ актуальных исследовательских данных (представленных как в методических рекомендациях, так и в научных текстах отечественных и зарубежных авторов) о концепциях ранжирования возраста автора показал, что существует объективная необходимость модернизации методических подходов к автороведческой диагностике в соответствии с современными реалиями. Представляется, что возрастная периодизация, избранная для целей автороведения, должна соответствовать современному смещению возрастных границ и всеобщей цифровизации. Кроме того, требуется учитывать специфику интернет-дискурса, в рамках которого преимущественно разворачивается сегодняшняя коммуникация. В частности, существующие методические рекомендации по автороведческой диагностике не учитывают разнообразие форм и способов передачи сообщений посредством сети Интернет, в том числе широкий спектр доступных невербальных средств (графических, иконических и мультимедийных), выполняющих в тексте различные функции.

Таким образом, были выявлены следующие аспекты, требующие проведения масштабных исследований и апробации их результатов:

- 1) установлена необходимость исследования письменной речи лиц *подросткового и пожилого* возраста с целью выявления ее информативных признаков;
- 2) представляется целесообразным изменение рамок *пожилого* возраста с учетом современного смещения возрастных границ;
- 3) особого актуальным видится пересмотр границ *среднего* возраста, отраженных в методических рекомендациях (от 25 до 50 лет) [10] в связи с возрастной периодизацией, представленной в психологических исследованиях.

Литература

1. *Ананьев Б. Г.* Структура развития психофизиологических функций взрослого человека // *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1.

2. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. (Мастера психологии). 288 с.
3. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Академия, 2007. 528 с.
4. *Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю., Кожевникова О. В.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 1. С. 135–162. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-135-162.
5. *Галяшина Е. И.* Современная судебная автороведческая экспертиза информационных материалов, размещаемых в сети интернет: профессиональные и квалификационные требования к эксперту // Современная криминалистика: Материалы республиканской научно-практической конференции, Душанбе, 31 декабря 2021 года. Душанбе: Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, 2022. С. 32–37.
6. Диагностика индивидуально-личностных характеристик автора рукописного текста. Методические рекомендации / Т. В. Назарова, Е. И. Ермолова, А. В. Ростовская [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 112 с.
7. *Дубров Д. И., Татарко А. Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 299–309.
8. *Ильин Е. П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012 (Мастера психологии). 490 с.
9. *Комиссаров А. Ю.* Криминалистическое исследование письменной речи: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2000. 104 с.
10. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
11. *Кон И. С.* Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение. 1989. 254 с.
12. *Кузнецова С. С.* Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 5. С. 33–41. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-5-33-41.
13. *Лысенко А. Н.* Теоретические основы определения возраста автора спорного документа // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Сборник научных трудов. ВНИИСЭ, 1989. С. 161–173.
14. *Ляпунов Б. А.* Приватность личности: понятие, сущность и правовая природа // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 33–42. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.99.2.033-042> (дата обращения: 15.09.2024).
15. *Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В.* Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие. М.: РГУП, 2022.
16. *Мочалов А. Н.* Интернет и социальные права граждан // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы Международная научно-практическая конференция (Минск, 3–4 октября 2019 г.). Минск: БГУ, 2019. С. 519–523.

17. *Мухина В. С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. М.: Академия, 1999. 456 с.
18. *Мылтыкбаев М. Ж.* Право на анонимность в сети Интернет: вопросы международно-правовой защиты // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 42–45.
19. *Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В.* Речевая маскировка авторства в конфликтогенных текстах: лингвистические, правовые и психологические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 3. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9/>.
20. *Соколова Т. П.* Проблемы экспертной диагностики обликовых характеристик автора речевого произведения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 111–119.
21. Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2024 года. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ, 2024.
22. *Усманов Р. А.* Характеристика преступной деятельности, осуществляемой в сети Интернет посредством сервисов-анонимайзеров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 134–141.
23. *Argamon, S., Koppel, M., Pennebaker, J.* Mining the Blogosphere: Age, gender and the varieties of self-expression // Journal: First Monday 12 (9). Publisher: University of Illinois Libraries. 2007. [Electronic resource]. Mode of access: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2003/1878> (date of access: 09.12.2024).
24. *Johannsen A., Hovy D., Søgaard A.* Cross-lingual syntactic variation over age and gender. In: Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning // CoNLL Association for Computational Linguistics, Beijing. 2015. P. 103–112.

Yu. A. Akhremenkova

On the issue of the periodization of the age of the author of internet communication texts in the author's expertise

Abstract: the article is devoted to the analysis of approaches presented in modern science to determining the age of the author in order to apply data for the study of conflict-prone text in Internet communication. The article also reflects approaches to age periodization in the aspect of the author's expertise. The necessity of formulating and testing a new approach to understanding the age periodization of authors of conflict-prone texts in Internet communication is substantiated.

Keywords: authorship expertise, diagnostic research forensics, author's age, age periodization.

А. В. Бабук

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории психолого-лингвистических исследований
научного отдела гуманитарных исследований
государственного учреждения «Научно-практический центр
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»
Минск, Белоруссия
alexander_babuk@yandex.ru*

Кибергруминг как правонарушение в аспекте судебной лингвистической экспертизы: зарубежный опыт

Аннотация: статья посвящена исследованию кибергруминга как правонарушения, рассматриваемого в аспекте судебной лингвистической экспертизы как процессуальное действие, проводимое в зарубежных странах. Автор уделяет особое внимание стратегиям и тактикам речевого поведения грумера, направленным на завоевание доверия жертвы и принуждение к действиям сексуального характера как посредством интернет-коммуникации, так и в формате очной встречи.

Ключевые слова: кибергруминг, судебная лингвистическая экспертиза, речевая стратегия, речевая тактика, побуждение, угроза, шантаж.

Судебная лингвистическая экспертиза (далее — СЛЭ) — это процессуальное действие, которое проводится лицами, обладающими специальными знаниями, в соответствии с действующим законодательством с целью «установления фактов и обстоятельства, имеющих значение доказательств» [4: 16]. В зарубежной практике объектом СЛЭ выступает любой подлежащий судебно-экспертному исследованию текст (завещание, книга, статья, письмо, эссе, договор, диссертация, интернет-сообщение и т. д.), содержащий криминалистически значимую информацию и помещенный в соответствующий контекст [17: 1]. Проводится СЛЭ по решению инициатора (следователя или суда) в рамках рассмотрения различных дел (прежде всего, уголовных), по таким правонарушениям, как оскорбление, клевета, терроризм, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, угроза, взятничество, подкуп и т. д.

Виды преступлений, в ходе расследований которых возникает необходимость проведения СЛЭ, касаются нарушения телесной неприкосновенности и половой свободы и совершаются чаще всего в отношении

несовершеннолетних (*child sexual abuse*). Данный вид преступления подразумевает совершение любых насильственных действий сексуального характера в отношении ребенка. В зарубежной судебной практике уголовного преследования такой, например, страны, как Великобритания, согласно Закону о сексуальных преступлениях (*Sexual Offences Act 2003*) данная группа деяний включает принуждение к совершению действий сексуального характера (*sexual assault*), а также различные сексуальные домогательства (*sexual misconduct*), сексуальное общение с ребенком (*sexual communication with a child*), сексуальную эксплуатацию ребенка (*child sexual exploitation*), создание, владение руководством для педофилов (*possession of paedophile manual*) и другие [20]. В США преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних связаны с жестоким обращением с ребенком (*child maltreatment*). Они регулируются также Законом о предотвращении насилия в отношении детей и заботе о них (*Child Abuse Prevention and Treatment Act — CAPTA* [13]), а также принятыми в соответствии с этим федеральным законом законодательными актами во всех штатах. В целом в зарубежных странах лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности (в том числе и несовершеннолетних), подлежат уголовному преследованию в соответствии с действующим законодательством того государства, где совершено правонарушение.

В современных условиях подобные преступления часто совершаются в пространстве интернет-дискурса с применением социальных сетей и мессенджеров. Злоумышленник, используя технологию зашифрованных от поисковых систем протоколов скрытой сети даркнет (от англ. *darknet* — темный интернет, скрытая сеть) [14: 28], а также созданный посредством аватарки и вымышленного имени (никнейма) образ «виртуальной языковой личности» [8], выходит на контакт со своей потенциальной жертвой посредством социальных сетей, мессенджеров и других платформ компьютерно-опосредованной коммуникации путем создания различных закрытых виртуальных сообществ, групповых чатов и добавляя в них несовершеннолетних субъектов. Накануне и во время коммуникации злоумышленник подвергает тщательному анализу профиль личной страницы своей потенциальной жертвы с целью выявления «слабых мест» в их личностях и обращает внимание на тех, кто увлеченно постепенно погружается в коммуникацию с ним.

Правонарушение против половой неприкосновенности несовершеннолетних часто называют кибергруммингом (от англ. *groom* — ухаживать, холить; приставка *cyber* указывает на связь термина с компьютерными технологиями) — процессом «установления эмоциональной связи и дружеских отношений злоумышленника (далее — грумера) с ребенком или

подростком с целью совершения развратных действий, сексуального насилия либо иных форм сексуальной эксплуатации» [9: 143]. Данным термином обозначают различные виды агрессии, входящие в число так называемых киберпреступлений, под которыми в зарубежной криминалистике понимают не только преступления, совершаемые в сфере компьютерных систем (например, фишинг — кибератака с целью кражи денежных средств с банковской карточки или получения каких-либо закрытых данных), но и любое использование компьютерных технологий с целью совершения противоправных деяний, таких как мошенничество, кража, взяточничество, нарушение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни человека, различные угрозы, распространение детской порнографии [19] и т. д.

При проведении СЛЭ в рамках дел нарушения половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних объектами исследований являются тексты электронной переписки. Цель такой экспертизы предполагает решение следующих задач:

- определение темы обсуждения;
- установление предмета речи, который относится к сексуальной сфере;
- выявление языковых средств, касающихся речевого выражения сексуальной сферы;
- поиск и выявление вербальных средств, нарушающих этико-речевую норму;
- установление инициатора коммуникации;
- выявление коммуникативной целеустановки и намерений адресанта (сексуальное удовлетворение в режиме интернет-переписки или посредством личной встречи, непосредственно предполагающей половой контакт);
- установление способов воздействия на адресата (побуждение или угроза);
- выявление признаков маскировки предмета речи [1: 48–49].

Всех грумеров можно условно разделить на две группы: одни возвращают свою жертву в пространстве интернета и затем посредством угрозы, шантажа требуют совершить действия сексуального характера дистанционно (как правило, перед вебкамерой); другие после виртуального знакомства посредством интернета требуют очной встречи и непосредственного сексуального контакта. К первой группе грумеров относятся, как правило, одинокие мужчины молодого возраста, желающие получить удовлетворение за счет обсуждения сексуального контента в интернет-дискурсе, ко второй группе — распространители детской

порнографии, педофилы [11: 141] и серийные убийцы, совершающие убийства на сексуальной почве.

Кибергрумминг как правонарушение включает также секстинг (от англ. *sexting*, слово образовано путем контаминации слов *sex*, т. е. половой акт и *texting* — отправка кому-либо текстовых сообщений по сети Интернет) — совершение противоправных действий интеллектуального характера путем различных сексуальных намеков, манипуляций, пересылок фото- и видеоизображений половых органов и т. д. В некоторых случаях грумер взламывает компьютер жертвы и получает удаленный доступ к изображениям. При отказе несовершеннолетнего совершить половой акт кибергрумминг переходит в кибербуллинг или харассмент (от англ. *harassment*), т. е. сексуальное домогательство.

Одним из важнейших речевых средств совершения правонарушения в сфере половой неприкосновенности личности является побуждение к действиям сексуального характера. Оно характеризуется наличием положительной оценки описываемых действий сексуального характера и вербальным или невербальным указанием на эти действия (например, демонстрация половых органов и/или манипуляция с ними) [6: 111]. Для таких высказываний типичными являются побудительные конструкции *let's (давай)*, непосредственно выражающие желание говорящего совершить совместный половой акт с адресатом (*"Let's do it. Don't be obstinate!"* — «Давай сделаем это. Не упрячься!»).

Побуждение к действиям сексуального характера чаще всего говорящим выражается имплицитно, используя маскировку для обозначения денотативного компонента текста, связанного с лексико-семантическом рядом генитальной тематики. Как пишут О. В. Зайцева и П. А. Катышев, вербальными инструментами такой маскировки могут быть эвфемизмы и метафоры [5]. В первом случае лексика представлена языковыми средствами, более нейтральными по своему значению. В порнографическом нарративе такими языковыми средствами выступают слова, связанные со строением, месторасположением, функционированием и значением половых органов (*"Show me things that you have downstairs"* — «Покажи мне то, что у тебя *внизу*»). Во втором случае говорящий намеренно использует различные метафорические образы, основанные на переносе по функции или форме. Так, например, для обозначения мужских гениталий говорящий может использовать такие слова, как *screwdriver (отвертка)*, *drill (дрель)*, *jackhammer (бурильный молоток)*, *chisel (долото)*, *lawnmower (газонокосилка)*, *hedgetrimmer (машинка для бритья волос)*, *fuzzbuster (охотник за пухом)*; для обозначения женских гениталий — *lady bits (женские прелести)*, *kingdom (царство)*, *treasure (сокровище)*, *the bell that needed to ring (колокол, в который нужно позвонить)*, *a hot dog bun*

in need of a hot dog (булочка для хот-дога ожидающая свою сосиску [3: 204]). Иногда говорящий может также использовать дисфемизмы, которые напрямую обращены к телесному низу, формам и размерам половых органов человека (*“Show me your hole”* — «Покажи мне свою дыру»).

В целях конспирации и маскировки предмета речи адресант при кибергруминге и секстинге может также использовать эмодзи и эмодзи — семиотические компоненты коммуникации, используемые для обозначения эмоций, идей, объектов, артефактов (см. таблица 1):

Таблица 1. Эмодзи, используемые при кибергруминге

Эмодзи, используемые в интернет-коммуникации для обозначения действий сексуального характера	
 — баклажан	 — действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего ребенка мужского пола
 — клубника	 — в отношении несовершеннолетнего ребенка женского пола
 — кровать	 — зонт для обозначения компонентов, соответствующих понятию «безопасный секс»
 — персик	 — «сексуальная капля», используемая для обозначения различных жидкостей и выделений
 — «отель любви»	 — отвертка, обозначающая побуждение к действиям сексуального характера (<i>screwdriver</i> , от англ. сленгизма ‘screw’ — половой акт)
 , , — радуга из шести цветов как символ однополых отношений ¹	 — «гоблин» и другие ²

Указанные лексические компоненты и эмодзи носят преимущественно жаргонный характер, поскольку их использование объединяет субъектов по признаку принадлежности к компьютерно-опосредованной коммуникации, и соответственно их значение может быть выявлено

¹ Организация ЛГБТ признана экстремисткой в Российской Федерации.

² Более подробное описание подобных эмодзи содержится в электронной энциклопедии «Эмодзипедия» (Режим доступа: <https://emojiopedia.org/>), созданной компанией Apple.

только исходя из контекста и коммуникативной ситуации высказывания. Внутри плана выражения и плана содержания большинства подобных невербальных компонентов, как и во внутренней форме слова, происходит «семантический сдвиг» [10: 61], при котором важность представляет не только его референтное, но и социально-коммуникативное значение, основанное на мотивах и интенциях говорящего [7: 64]. Соответственно, референтом эмодзи , , в текстах с высказываниями кибергруминга будет выступать обозначение половых органов человека, а интенцией и мотивом — принуждение объекта к действиям сексуального характера, также обозначенного соответствующими эмодзи: , , , , , , , , и т. д.

Интенция кибергрумера в компьютерно-опосредованной коммуникации осуществляется путем применения определенных паттернов речевого поведения, сущность которых выявляется посредством анализа конкретных тактик речевого поведения. Цель этих тактик — завоевание доверия и расположения адресата к говорящему и постепенная изоляция жертвы от коммуникации с посторонними лицами.

Раскроем упомянутые тактики речевого поведения более детально, расположив их в хронологическом порядке по степени их проявления в коммуникации.

1. Установление коммуникативного контакта грумера с адресатом. При данной тактике говорящий использует языковые средства, соответствующие реализации фатической функции. Как правило, это безопасные темы бытовой повседневной коммуникации: *семья, друзья, работа, учеба, досуг* [11: 145] и т. д. Выявление названных тем возможно по результатам проведения контент-анализа текста экспертом-лингвистом.

2. Дружба и завоевание доверия адресата. Для данной тактики характерны языковые репрезентанты *положительных эмоций*, а также обозначения концептуальной переменной, репрезентанты которой объединены по такой тематической линии, как *цели, личностные достижения, доходы, религия* и другие безопасные темы, позволяющие установить дружеский доверительный коммуникативный контакт говорящего с адресатом [11: 145]. Выявление названных тем также возможно по результатам проведения экспертом контент-анализа текста.

3. Сексуальный раппорт, предполагающий положительную оценку грумером будущих сексуальных действий. Данная тактика включает в себя комплимент, основанный на сексуальной почве (*“U may like it” — «Тебе это может понравиться»*), а также соответствующие комментарии и вопросы, задаваемые адресантом адресату (*“Have you done it before?” — «Ты когда-нибудь занималась этим прежде?»*).

4. Получение обратной связи от адресата (*“U still here” — “Ты еще здесь?”*).

5. Выработка сценария будущих действий и расширение коммуникации, связанной с виртуальным или личным общением. Данный этап включает определение желания адресата, поиск стратегии будущего сценария сексуальной коммуникации (онлайн или очная встреча), выяснение сексуального опыта адресата и указание адресантом на степень серьезности своих намерений (*“How old were you while making love for the first time” — «Сколько лет тебе было, когда ты занимался любовью в первый раз в жизни?»*).

6. Оценка степени риска — установление говорящим приватности коммуникации, подчеркивание серьезности своих сексуальных намерений, перекладывание ответственности на жертву, выявление реальности желания жертвы, ограничение коммуникативного пространства жертвы для достижения приватности общения и т. д. На данном этапе важным является изолирование жертвы от законных представителей (родителей), которое чаще всего производится адресантом имплицитно с использованием различных лингвистических приемов, таких, например, как риторический вопрос (*“Do U really want me to do it?” — «Ты действительно хочешь, чтобы я это сделал?»*; *“Are U afraid of getting caught?” — «Ты не боишься, что тебя ‘застукуют’?»*). Началом общения говорящего с жертвой в условиях изоляции от законных представителей может служить подача какого-либо заранее оговоренного условного знака (*Type a ‘plus’ on your window if you agree” — «Нарисуй плюс на окне, если ты согласен»*) [11: 145].

7. Оценка говорящим соответствия жертвы выбранным личностным критериям — определение возраста, пола и внешних данных жертвы (*“How tall are U?” — «Какой рост у тебя?»*).

8. Распределение ролей и озвучивание цели коммуникации. Как правило, основные роли связаны с ролью учителя и ученика, а озвучиваемая говорящим цель коммуникации — получение «новых знаний» под видом сексуального опыта, который отсутствует у ребенка. Именно этот мотив выступает для жертвы доминирующим. Сексуальный мотив может быть представлен в тексте имплицитно и интерпретирован адресатом только в контексте всей коммуникативной ситуации (*“Do U know anything about flowers and bees?” — «Ты что-нибудь знаешь о цветах?»*).

9. Расширение и продвижение сексуального контента — побуждение или принуждение к совершению действий сексуального характера (*“Go to the shower and shave yourself, baby. Daddy wants to see your body clean and nice” — «Иди в ванную и побрейся, детка. Папочка хочет видеть твоё тело чистым и красивым»*). Концептуальная переменная,

выявляемая по результатам контент-анализа, указывает на тему, связанную непосредственно с обозначением различных действий и взаимодействий с предметами и образами телесного низа человека [11: 147]. Использование слов *папочка* в подобных императивных высказываниях осуществляется говорящим интенционально с целью достижения доминанции в коммуникации, а лексема *детка* указывает на подчеркивание установления близости в этой коммуникации, с другой стороны [16: 29].

10. Детальная договоренность о предстоящей личной или виртуальной встрече [12: 111–113].

Помимо вышеперечисленных стадий коммуникация адресанта с жертвой обязательно включает этап, где говорящий, также задавая различные вопросы (*“What city do you live in”* — «В каком городе ты живешь?»), узнает местонахождение адресата, расстояние до него и свою физическую удаленность. Это говорящему необходимо, чтобы рассчитать свои физические силы и время для совершения правонарушения. Как правило, грумер выбирает жертву, находящуюся на наиболее близком расстоянии от него. Но при этом экспертной практике известны случаи, где злоумышленник оказывается готовым путешествовать и на дальнее расстояние, в другой населенный пункт, демонстрируя таким образом высокую мотивацию и заинтересованность в совершении правонарушения [12: 111–113].

Преступления против половой неприкосновенности человека часто включают не только побуждение, но и принуждение к действиям сексуального характера, осуществляемое посредством угрозы как формы проявления речевой агрессии. Угроза — это конфликтный речевой акт (менасив), включающий в себя санкции, под которыми понимается обещание адресанта совершить некие небенефактивные действия в отношении адресата (угроза-наказание). Также помимо вербально выраженных санкций высказывание угрозы может включать в себя и каузируемое действие, к будущему выполнению или невыполнению которого принуждает говорящий адресата (угроза-предупреждение). Угроза часто встречается при совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы человека. Как правило, угрозой сопровождаются любые принуждения к совершению человеком нежелательных действий сексуального характера, таких как изнасилование, принуждение к занятию проституцией и т. д.

В зарубежной практике принуждение к любым действиям посредством угроз, направленных на пробуждение чувства страха у жертвы путем маниакальных преследований, а также путем рассылки соответствующих менасивных текстов (электронных писем и интернет-сообщений), произнесения устных обещаний совершить небенефактивные действия

также называют **сталкингом** (от англ. *stalk* — преследовать, выслеживать) [18: 28].

Речевой формой угрозы в преступлениях против половой неприкосновенности личности в зарубежной практике часто является шантаж, который по своей сущности является субжанром угрозы и сталкинга. При шантаже санкцией является обещание говорящим публично распространить информацию компрометирующего характера в отношении адресата:

«X шантажирует Yа, что сделает Р, [чтобы Y не делал Q] = ‘X говорит Y -у, что обнародует об Y-е негативную информацию (Р), если Y сделает Q — что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся Р и из-за этого не делал Q’» [2: 38].

Шантаж в кибергруминге обычно предполагает угрозу-предупреждение, в которой говорящий обещает осуществить санкцию, предполагающую публичное распространение фото- и видеоизображений адресата, наполненных сексуальным контентом (*“If U don’t show me everything, I’ll post your naked photos in Twitter”* — «Если ты не покажешь мне все, я опубликую твои обнаженные фото в Твиттере»). Цель шантажа в кибергруминге заключается в том, чтобы заставить адресата совершить не желаемые им действия сексуального характера.

В зарубежной практике иногда под кибергрумингом понимаются также сексуальные домогательства (*sexual harassment*) в отношении взрослых. При совершении таких правонарушений злоумышленник в своем речевом поведении использует стратегию давления на жертву, манипуляции чувством вины и стыда, а также коммуникативные средства клеветы, угрозы, эмоционального шантажа, непрерывного спора, кибербуллинга, унижения, тотального контроля и т. д. Длительность кибергруминга в отношении взрослых зависит от антропологических характеристик жертвы (возраста, пола, профессиональной принадлежности и т. д.) и коммуникативной ситуации [15].

Кибергруминг, объектом которого является взрослый, включает в себя этапы, состоящие из следующих психолингвистических паттернов (шаблонов) коммуникативного поведения адресанта.

1. Выбор жертвы. Поиск объекта злоумышленником осуществляется, как правило, с расчетом на наличие у потенциальной жертвы психологических травм с целью их использования для последующего принуждения к действиям сексуального характера.

2. Изоляция жертвы от внешнего мира. Здесь злоумышленник пытается вырвать жертву из своего привычного окружения с целью получения к ней полного физического доступа (совместная поездка, встреча в уединенном месте, работа в одном кабинете при отсутствии посторонних лиц и т. д.).

3. Завоевание доверия жертвы. На этом этапе злоумышленник, как правило, показывает себя с наилучшей стороны, демонстрируя свои наилучшие личностные качества, чтобы оставить о себе хорошее впечатление и тем самым сблизиться с объектом, завоевав доверие и расположение жертвы к себе (публичные комплименты, подарки, помощь другим людям, демонстрация заинтересованности в коммуникации и т. д.).

4. Коммуникация с использованием сексуального контента — пересылка соответствующих фото- и видеоизображений в сочетании с разговорами на тему половых отношений. Лингвистическими приемами в таких разговорах часто выступают сарказм и ирония с использованием эвфемизмов, указывающих на образы телесного низа человека.

5. Принуждение к сексуальному контакту посредством угрозы или шантажа (*“If you make a sound, I’ll kill you”* — «Издашь хоть звук, я убью тебя») [15].

Таким образом, кибергруминг является одним из распространенных видов правонарушений, для установления которого необходимо проведение судебной лингвистической экспертизы. В зарубежной практике термином кибергруминг обозначают преступления, совершаемые против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Объектом СЛЭ таких преступлений в зарубежной практике чаще всего становятся тексты интернет-переписки грумера с жертвой. Необходимость проведения СЛЭ возникает в случае возникновения потребности в установлении сексуальной тематики текста, а также выявлении речевых стратегий и тактик коммуникативного поведения грумера, направленных на завоевание доверия жертвы и осуществления побуждения или принуждения (в случае угрозы или шантажа) к последующим действиям сексуального характера, как дистанционно, так и в формате очной встречи. Также посредством термина кибергруминг могут обозначать сексуальные домогательства, совершаемые в отношении взрослых, для которых также характерны определенные стратегии и тактики речевого поведения, направленные на побуждение и принуждение жертвы к действиям сексуального характера. Объектом экспертизы в таком случае выступают тексты интернет-переписки, содержащие порнографический нарратив, где предметом речи выступают половые органы человека и манипуляции с ними, которые говорящий, как правило, маскирует посредством как вербальных (эвфемизмов, дисфемизмов и метафор), так и невербальных компонентов (эмодзи).

Литература

1. Антонов О. Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 42–51.
2. Баранов А. Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М.: Азбуковник, 2021. 219 с.
3. Вульф Н. Вагина: Новая история женской сексуальности. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 414 с.
4. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.
5. Зайцева О. В., Катыхов П. А. Лексика гениталий: номинативные особенности и функционирование в порнографическом нарративе // Юрлингвистика. 2023. № 28. С. 96–104.
6. Кузнецов В. О. Методологические аспекты лингвистического экспертного исследования переписок на сексуальные темы с несовершеннолетними // Теория и практика судебной экспертизы, 2022. Т. 17. № 1. С. 107–114.
7. Лурия А. Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2021. 448 с.
8. Лутвинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 50. С. 288–292.
9. Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга // Вестник Российского университета кооперации, 2020. № 1 (39). С. 142–146.
10. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
11. Black P. J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J. T. A Linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: Implications for our understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world // Child Abuse and Neglect. 2015. Vol. 44. P. 140–149.
12. Carmody E., Grant T. D. Online grooming: moves and strategies // Language and Law (Linguagem e Direito). Vol. 4. № 1. P. 103–141.
13. Child Abuse Prevention and Treatment Act [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-805/uslm/COMPS-805.xml> (date of access: 23.01.2024).
14. Grant T., MacLeod N. Language and Online Identities: The Undercover Policing of Internet Sexual Crime. Cambridge University Press, 2020. 212 p.
15. Jeglic E. L., Winters G. Adult Sexual Grooming: A Case Study [Electronic resource] // Journal of Forensic Psychology Research and Practice. Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/24732850.2023.2177577?journalCode=wfp21> (date of access: 30.06.2023).
16. Lorenzo-Dus N., Kinzel A. ‘So is your mom as cute as you?’: examining patterns of language use by online sexual groomers // Journal of Corpora and Discourse Studies. № 2 (1). P. 1–30.

17. *Olsson J.* Forensic Linguistics. London: Continuum International Publishing Group, 2008. 256 p.
18. *Scherer H. L., Fisher B. S.* Exploring the methods behind sexual violence estimates. The composition and findings from national and international surveys // Sex offences and sex offenders. Oxford University Press, 2017. P. 21–41.
19. *Senker C.* Cybercrime and the darknet: revealing the hidden underworld of the internet [Electronic resource]. Mode of access: https://www.google.by/books/edition/Cybercrime_and_the_Darknet/BwweDQAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1. (date of access: 29.06.2023).
20. Serious Crime Act 2015 [Electronic resource]. Mode of access: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/pdfs/ukpga_20150009_en.pdf (date of access: 23.01.2024).

A. V. Babuk

Cybergrooming as an offense in the aspect of forensic linguistic examination: foreign experience

Abstract: the article is dedicated to the study of cybergrooming as an offense studied in the aspect of forensic linguistic examination as a procedural action carried out in foreign countries. The author pays special attention to the strategies and tactics of the groomer's speech behavior aimed at gaining the victim's trust and sexual abuse commitment, both through Internet communication and in the format of a face-to-face meeting.

Keywords: cybergrooming, forensic linguistic expertise, speech strategy, speech tactics, inducement, threat, blackmail.

П. Е. Белова

*эксперт-лингвист, эксперт-фоноскопист
ООО «Центр экспертизы и оценки “ЕСИН”»,
аспирант НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
belova-polina@mail.ru*

Экспертный подход в оценке качества онлайн-курсов

Аннотация: в данной статье поднимается актуальная в настоящее время проблема определения качества онлайн-курсов, обозначается возможность привлечения эксперта-лингвиста к анализу материалов курса и представляется новый вид лингвистической экспертизы, направленный на установление соответствия предоставленной информации заявленной программе курса.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экспертиза обещаний, онлайн-курсы, оценка качества.

В настоящее время онлайн-обучение является неотъемлемым компонентом современного образования, которое дает людям возможность приобрести профессиональные навыки в различных сферах деятельности. В условиях быстро меняющегося мира онлайн-курсы пользуются большой популярностью. Особенно востребованными становятся онлайн-курсы по цифровым профессиям, а также краткосрочные образовательные программы для быстрой переквалификации. По данным агентства Smart Ranking, по итогам 2023 года рост рынка онлайн-образования в России составил 32% [3]. В дальнейшем также ожидается развитие онлайн-образования по разным направлениям, чему будет способствовать экономический и промышленный рост, а также развитие цифровых технологий.

Большое разнообразие предлагаемых онлайн-курсов приводит к тому, что выбрать подходящий курс порой бывает сложно: в одном дается слишком много теории, а другой, наоборот, стоит из одних практических заданий с минимальным количеством лекций. Как известно, если человек купил курс, но в процессе обучения в нем разочаровался, он может вернуть деньги за обучение. В соответствии с законом «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300—1 (статья 32. Право потребителя на отказ от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг)) [1], отказаться от онлайн-обучения и вернуть деньги клиент вправе в любой момент. Однако сделать это можно не всегда.

Например, нельзя вернуть деньги по причине того, что курс не понравился или в договоре не было пункта о возврате средств. Здесь важно понимать, что онлайн-школа не отвечает за несоответствие ожиданий клиента предоставленным услугам. Если курс соответствовал заявленным критериям, но не оправдал ожидания человека, вернуть деньги не получится. Кроме того, нельзя вернуть деньги за уже пройденные занятия.

Другое дело, если у человека имеются претензии к качеству онлайн-курсов. В таком случае он может требовать даже возврата всей стоимости обучения (статья 29 Закона «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300—1 [1]). Однако необходимо, чтобы выявленные недостатки являлись существенными и это можно было доказать. Если человек решает вернуть деньги за онлайн-курс, то ему первым делом нужно написать в саму онлайн-школу, а именно — в письменном виде составить досудебную претензию, где среди прочих данных указать причины, побудившие его к возврату денежных средств, и приложить к претензии все необходимые документы. Причин для отказа может быть множество, но в рамках данной статьи мы остановимся подробнее на причине, состоящей в некачественном оказании услуги.

В том случае, если продавец онлайн-курсов отказывается возвращать деньги после рассмотрения претензии, клиент может обратиться в суд, а для этого ему понадобится предъявить доказательства того, что обучение было некачественным. Если доказательств не будет, то есть человек не обоснует, почему онлайн-обучение не соответствует образовательным стандартам и заявленному содержанию, суд может дело не рассмотреть и отказать в иске (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2021 № 88—15388/2021 по делу № 2—3531/2020 [2]).

Некачественное обучение доказать бывает сложнее всего, потому что четкое определение данного понятия отсутствует. Каждый понимает под этим словосочетанием что-то свое. О «некачественности» курсов может свидетельствовать несоответствие курса заявленной программе обучения, объему, составу спикеров, отсутствие тех или иных материалов, изменение наполнения, предъявление устаревшей информации, неполная проверка заданий и отсутствие обратной связи, некачественная наставническая поддержка и др. В качестве доказательств в суде в таком случае могут быть представлены договор-оферта, программа обучения с перечнем лекций и спикеров, скриншоты переписок с наставниками и поставщиками услуги и пр., свидетельствующие о том, что доводы истца в суде не являются субъективным выражением его мнения. Однако новым способом решения данного вопроса видится привлечение экспертов для анализа материалов курса и подготовки доказательной базы.

И ведущая роль здесь будет отводиться эксперту-лингвисту, обладающему специальными знаниями в области языка и речи и применяющему их для анализа и интерпретации продуктов речевой деятельности (устной или письменной).

Привлечение эксперта-лингвиста к решению споров в сфере инфобизнеса — явление не новое. Так, без проведения лингвистической экспертизы не обходится разрешение вопросов по защите чести, достоинства и деловой репутации. В последнее время также набирает популярность лингвистическая экспертиза по делам о нарушении авторских и смежных прав, направленная на сравнение материалов и выявление признаков плагиата. Однако уже сейчас можно сказать о том, что в сфере инфобизнеса в скором времени сложится новая практика. Помимо лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также экспертизы по установлению наличия или отсутствия в учебных материалах признаков плагиата, востребованной станет лингвистическая экспертиза, направленная на установление соответствия заявленной программы курса фактически предоставленной информации.

Большая популярность онлайн-курсов и желание людей быть уверенными в том, что содержание курса соответствует заявленным обещаниям, породило новый вид лингвистической экспертизы в современном мире цифрового обучения — **«Лингвистическую экспертизу обещаний»**. В новой судебной практике за 2024 год был отмечен случай, когда человек, купивший онлайн-курс, обратился в суд для того, чтобы выяснить, соответствует ли содержание видеоуроков и материалов заявленной программе обучения, в каком объеме и процентном соотношении представлены заявленные темы в видеоуроках. По этому гражданскому делу была назначена судебная лингвистическая экспертиза, которая в интернет-кругах получила название «лингвистическая экспертиза для выявления обещаний со стороны наставников», а если кратко, то «лингвистическая экспертиза обещаний». К слову, поставленные перед экспертом вопросы об установлении соответствия содержания уроков заявленной программе обучения, установлении объема и процентного соотношения заявленных в уроках тем с точки зрения лингвистической экспертизы решить возможно, однако для объективности полученных результатов к этим вопросам следовало бы также добавить вопрос об установлении дословного содержания аудио- и видеоматериалов, содержащихся в онлайн-курсе.

Результат подобной лингвистической экспертизы будет важен не только ученику. Данная экспертиза позволит защитить и саму онлайн-школу / самих экспертов и наставников, которые оказывают

услуги. Если подтвердится, что оказанный объем услуг соответствует заявленному, то никаких претензий со стороны ученика не будет. В ином случае будет осуществлена защита клиента от недобросовестного поведения наставника.

Как уже было отмечено ранее, ведущая роль при оценке качества онлайн-курсов отводится эксперту-лингвисту. Так, эксперт-лингвист может:

1. Проверить соответствие онлайн-курса заявленной программе обучения и объему. На данном этапе экспертом-лингвистом осуществляется оценка структуры курса, определяется соответствие его содержания рабочей программе, соответствие обсуждаемой на уроке темы заявленной теме занятия, соответствие материалов курса заявленному уровню сложности, требуемому уровню подготовки обучающихся и объему. Стоит также обратить внимание на состав спикеров: соответствует ли он заявленному.

2. Важной является и проверка самих преподавателей (спикеров) по следующим критериям: обладают ли они специальными знаниями по тому направлению обучения, по которому проводится онлайн-курс (какое у них базовое образование, какие удостоверения о дополнительном образовании предоставляют и т. п.); имеют ли опыт работы в данной сфере, какие результаты достигли за годы работы и пр.

3. Проанализировать материалы онлайн-курса на предмет используемых источников и актуальности предлагаемого материала. Здесь необходимо обратить внимание на то, какую литературу использовал автор при составлении курса, соответствует ли материал курса современному уровню развития науки, производства, нормативной и законодательной базы, имеются ли в тексте ссылки на актуальные научные статьи по теме. Например, в списке литературы к курсу могут отсутствовать основополагающие работы, или автором используются устаревшие издания вместо современных дополненных, или в библиографию включены источники, которые не соотносятся с заявленной темой курса, и т. п.

4. Проверить материалы онлайн-курса на наличие в них ошибок различного характера. Ошибки могут быть как в самом тексте: орфографические (ошибки в написании слов), грамматические (ошибки в образовании слов и их форм), пунктуационные (ошибки в расстановке знаков препинания), речевые (нарушения в употреблении лексики и сочетаемости слов), стилистические (ошибки в употреблении слов и выражений, не подходящих по стилю), графические (опечатки), фактические (искажение информации об упоминаемых лицах и событиях), логические (нарушение логики изложения мысли, наличие противоречий), так и в работе программы (в данном случае потребуются привлечение другого

специалиста). Например, допущенная ошибка в коде не позволяет программе, направленной на автоматическую проверку заданий, принять правильный ответ.

5. Определить, являются ли материалы онлайн-курса авторскими, представлены ли они с учетом правил соблюдения лицензионных и авторских прав, или в материалах курса имели место случаи нарушения авторских прав (плагиат). Исходя из экспертной практики, отметим, что на исследование эксперту-лингвисту часто поступают материалы онлайн-курсов, в которых отмечаются случаи неправомерного использования фрагментов различных произведений без указания ссылок на их авторов. Здесь эксперт-лингвист может помочь определить, имели ли место в материалах онлайн-курса и произведениях конкретных авторов полнотекстовые и/или иные (лексические, грамматические, семантические и пр.) совпадения и в каком количестве; имело ли место в материалах онлайн-курса использование и/или переработка чужих-либо произведений.

Представленный перечень задач, которые может решить эксперт-лингвист при оценке качества онлайн-курсов, конечно, не является исчерпывающим и может быть дополнен в зависимости от ситуации. Кроме того, большое разнообразие онлайн-курсов (по изучению иностранных языков, по программированию, графическому дизайну, интернет-маркетингу, по экономике, финансам и инвестициям и др.) требует привлечения к работе эксперта-лингвиста другого эксперта с соответствующей онлайн-курсу специальностью, который бы мог оценить материал со своей точки зрения, что сравнимо с проведением комплексной экспертизы.

Таким образом, большое разнообразие предлагаемых онлайн-курсов приводит к тому, что выбрать подходящий курс порой бывает сложно, но еще сложнее впоследствии доказать в суде, что обучение было некачественным. В такой ситуации актуальным видится привлечение экспертов для подготовки доказательной базы, а особенно эксперта-лингвиста, в компетенцию которого входит решение определенного круга задач в рамках обозначенной проблемы и проведение лингвистической экспертизы, направленной на установление соответствия заявленной программы онлайн-курса фактически предоставленной информации («лингвистической экспертизы обещаний»). Если привлечение экспертов для подготовки доказательной базы «некачественности» онлайн-курсов станет распространенной практикой, оно может заставить онлайн-школы задуматься о качестве своих материалов и даваемых рекламных обещаниях, что впоследствии приведет к повышению уровня оказываемых образовательных услуг.

Литература

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» (Статья 32. Право потребителя на отказ от исполнения договора о выполнении работ (оказании услуг)) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.09.2024).
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2021 № 88–15388/2021 по делу № 2–3531/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=66088#0Fo31XUjl5rPcXA6> (дата обращения: 15.09.2024).
3. IT-профессии еще на плаву. Edtech-рынок вырос в 2023 году на 32%. URL: https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/it-professii-eshe-na-plavu-edtech-rynok-vyros-v-2023-godu-na-32/?roistat_visit=1897617 (дата обращения: 25.08.2024).

P. E. Belova

An expert approach to assessing the quality of online courses

Abstract: this article raises the currently relevant problem of determining the quality of online courses, identifies the possibility of involving an expert-linguist in the analysis of course materials and introduces a new type of linguistic expertise aimed at establishing compliance of the information provided with the declared course program.

Keywords: linguistic expertise, expertise of promises, online courses, quality assessment.

Э. В. Богаевская

магистрант Государственного института

русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

emiliabogaevskaa@gmail.com

Тексты дискурса катастроф и их анализ: особенности функционирования эвфемизмов

Аннотация: наибольший эмоциональный отклик и скорую реакцию среди тем, распространяемых в СМИ, получают катастрофические события, описание которых связано с упоминанием табуированных, неприятных для общественности тем и предметов. Риск распространения потенциально конфликтогенной информации нивелируется авторами материалов использованием эвфемизмов.

Ключевые слова: катастрофа, медиадискурс, эвфемизация, пейоративная лексика, СМК.

В связи с развитием средств связи, разработкой новых информационно-коммуникативных технологий современное медиаполе значительно расширяется. Появление большего количества текстов в СМИ (средствах массовой информации) и СМК (средствах массовой коммуникации) влечет за собой неизбежное увеличение различных интерпретаций событий, происходящих во всем мире.

Медiateкст формирует представление и отношение к новостям, ценностное восприятие информации у читателя, а также может служить как средство убеждения, освещаая разные стороны одной проблемы в разных истолкованиях. О. А. Пангина определяет новостной текст как «краткое информационное сообщение, связанное с функциональным потенциалом убеждения читателя в достоверности предоставляемой информации» [4: 9]. Исследователь замечает, что именно они в большей степени реализуют информативную функцию массовой коммуникации вместе с функцией убеждения посредством осведомления.

Все эти факторы создают двунаправленную реакцию: общество, анализируя данные события, склоняется к употреблению слов с негативной коннотацией, что распространяется в интернет- и медиапространстве, с одной стороны. С другой стороны, актуализация в СМИ и СМК таких понятий, как анархия и катастрофа, приводит к осмыслению обществом глобальных проблем как фатальных и безнадежных.

Речь СМИ представляет собой предмет постоянного лингвистического интереса, потому что является очень разнообразной, включающей разные слои лексики и выражений, в дополнение к этому считается рупором власти и источником для формирования мнений у граждан-читателей. В связи с широким разнообразием освещаемых проблем, мнение о которых не всегда может быть выражено корректно без применения дополнительных описательных выражений из-за их недопустимости, нетолерантности или грубости — т. е. потенциально конфликтогенным. К подобным выражениям относятся эвфемизмы. «Эвфемизмы — слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [5: 199]. Наиболее часто эвфемизмы употребляются в дискурсе, связанном с табуированными темами, например, со смертью. Эвфемизация служит средством нейтрализации конфликтного потенциала текста.

Катастрофа — это крупное неблагоприятное событие техногенного или природного характера, как правило, характеризующееся внезапностью (авария, стихийное бедствие, землетрясение, цунами и др.) и влекущее за собой трагические последствия для окружающего мира (разрушения, гибель людей, животных, растительного мира). Виды катастроф могут различаться масштабами последствий, однако всегда данное явление связано с негативной и высокоэмоциональной оценкой, даваемой общественностью.

Дискурс катастроф входит в это число в связи с общей негативной конnotation, связанной с данным термином, поскольку он связан с новостями о трагических событиях, приводящих к летальному исходу их участников, большому числу пострадавших и разрушению окружающей среды. В связи с этим при описании катастрофических событий существует риск использования некорректных фраз либо лексем, семантика которых в конкретной ситуации неприменима, что влечет за собой появление потенциально конфликтогенного текста, что несет еще большую опасность в СМИ как в основных источниках распространения информации.

При этом использование эвфемизмов может варьироваться в зависимости от вида произошедшей катастрофы.

Наибольшее количество эвфемизмов встречается в статьях о транспортных и техногенных катастрофах либо коммунальных катастрофах, связанных с организацией кладбища. Подобные материалы нуждаются в нейтрализации самой этически-нежелательной темы — темы смерти. Изменению подвергаются те слова, которые являются максимально ясными в своем значении, при этом наиболее точными.

К ним относятся: похоронить — *«их родным и близким нужно обеспечить возможность упокоить любимых»* (18), могила — *«Захоронения по соседству будут напрямую влиять на качество воды, считают воронежцы»* (18), кладбище — *«Это что, забота о людях — ставить им под ворота погост?»* (18), умирающие, погибшие — *«к нуждающимся в жизнеспасительной помощи»* (6), *«Шесть [человек] деблокированы без признаков жизни»* (14), и глагольная форма умереть — *«Многие из наших близких безвременно нас покинули»* (21), *«Трагедия унесла жизни»* (2), *«катастрофа унесла жизни»*, *«Общее количество потерь в железнодорожной катастрофе»*, *«жертвами катастрофы стали 435 человек»* (10), *«Авария на шахте Листвяжная в Кемеровской области унесла 51 жизнь»* (19), *«В 1812 году Наполеону это продемонстрировали наглядно: из шестисоттысячной армии вторжения полмиллиона остались в России навсегда»* (16).

Большая часть экологических катастроф происходит без человеческих жертв, поэтому пострадавших животных и экосистему прямо обозначают *умершими*, подобное наименование, наряду с *погибшими*, присутствует во многих материалах и о транспортных катастрофах, в которых подразумевается наличие жертв, то есть у читателя заранее создается экспектация наличия тяжелых для эмоционального восприятия новостей. Транспортные и технические катастрофы обычно указывают на неисправность оборудования, которая эвфемизируется, чтобы не вызывать обвинения государственных структур, не проследивших поломку: *«Департамент транспорта Пенсильвании в отчетах указывал на неважное техническое состояние упавшего моста»* (8).

Порой эвфемизация используется для эмоциональной разгрузки статьи, написанной на трагическую тему: *«Но оборудование на «Булгарию» в целом оставляло желать лучшего»* (2).

Не меньшей эвфемизации подвергаются и статьи, содержащие политические новости. Страна не может позволить себе открыто употреблять негативно окрашенные выражения во избежание начала конфликта. В данном случае авторы новостных статей находятся на пересечении двух своих интересов: с одной стороны, они должны осветить событие, при этом привлечь читателя, с другой — соблюсти нормы закона, не распространив при этом фейковую информацию либо такую, которая будет содержать в себе криминогенный элемент. Нейтрализуются слова со значением обмана, лжи — *«Он также сказал, что Россия пытается вводить в заблуждение суд и международное сообщество»* (5), манипуляции или шантажа — *«Среди возможных инструментов давления на Москву в статье упоминается и отключение от SWIFT»* (20), военных действий — *«В последние месяцы*

западные СМИ все чаще публикуют сообщения о подготовке Москвой “удара” по Украине. В России не раз опровергали утверждения о “вторжении” в соседнее государство» (20), обозначение плохого качества чего-либо «Журналисты продолжают жаловаться на слабую организацию Олимпийских игр в Пекине, в частности, связанную с транспортом и логистикой» (11), «без того хрупкую экономику Афганистана» (4), воровства, кражи — «Районы Сирии, где американцы расхищают нефть, превращаются в зону экологического бедствия» (1), «В целом механизм казначейского сопровождения должен сделать прозрачным все операции с бюджетными деньгами, чтобы не допустить их нецелевого использования» (12), а также может присутствовать скрытое обвинение — «Конечно же, мы, прежде всего, связываем такие цифры с нашим соседом — Китаем» (17). Данные выражения могут показать другой стране или региону, что им недовольны и с его стороны должны последовать некоторые перемены, в дополнение они показывают снисходительное отношение к какому-либо субъекту, не обозначая их напрямую либо обозначая в меньшей степени.

Эвфемизации подвергаются неприятные для общества темы, о которых неприятно говорить и писать, они считаются низкими. К ним относятся бездомные люди и животные — «Более 900 человек лишились крова» (15), «с безнадзорными животными» (9), работа, обычно считающаяся непрестижной или постыдной — «так как местные на черной работе работать не хотят» (3), а также какие-либо отходы жизнедеятельности человека, грязь, сильный неприятный запах — «По ее словам, если построить кладбище, то все нечистоты и разложения» (18), «химическое зловоние в воздухе» (7), «Отходов скопилось столько, что под ними уже было не видно контейнеров» (13). Подобные выражения нередко заменяют книжными словами, так как подобные обозначения подрывают престиж общества, его визуальное благополучие. Эвфемизация используется в статьях для уменьшения значимости произошедшего, с целью успокоить население и читателей.

Таким образом, рассматривая дискурс катастроф как частный вид дискурса, функционирующий в современном медиаполе, мы можем констатировать, что изучение дискурса катастроф тесно связано с понятием *медиасобытие*. Эвфемизмы же используются в данном дискурсе в связи с наличием в нем табуированных тем, о которых не принято открыто говорить в обществе, и для исключения прямого оскорбления объектов обсуждения, распространения конфликтогенной информации, что может повлечь за собой негативное развитие ситуации.

Литература

1. Горин Д. Г. Дискурс экологических катастроф в региональной прессе: между системным и жизненным мирами // Экологическая журналистика: сб. статей / под ред. А. В. Давыдовой, А. С. Смоляровой. СПб, 2011. С. 48–56.
2. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.
3. Ним Е. Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? // Социологический журнал. 2019. Том 25. No 4. С. 28–37.
4. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса: на материале газетных текстов о природных катастрофах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.04). Санкт-Петербург, 2018. 24 с.
5. Шмелев Д. Н. Эвфемизм // Русский язык. М.: Энциклопедия, 1979. 879 с.
6. Katz E., Liebes T. 'No More Peace!': How Disaster, Terror and War Have Upstaged Media Events// International Journal of Communication. 1, 2007. P. 157–166.

Источники

1. В районах Сирии, где США воруют нефть, происходит экологическая катастрофа — дипломат РФ [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: <https://www.ng.ru/news/730848.html> (дата обращения: 08.02.2022).
2. Гутерреш: климатическая катастрофа по-прежнему не за горами [Электронный ресурс] // ИноТ V. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-11-14/Guterresh-klimaticheskaya-katastrofa-po-prezhnemu-ne> (дата обращения: 08.02.2022).
3. Зерна катастрофы. Глобальное потепление угрожает существованию кофе. Что будут пить по утрам миллионы людей? [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/01/26/coffee/> (дата обращения: 08.02.2022).
4. Катастрофа в Германии: две недели спустя (29.07.2021) [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/katastrofa-v-germanyi-dve-nedeli-spustja-290721/av-58697569> (дата обращения: 16.02.2022).
5. Катастрофа МН17: ЕСПЧ рассмотрел позиции сторон по иску против России [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/katastrofa-mh17-espch-rassmotrel-pozicii-storon-po-isku-protiv-rossii/a-60565121> (дата обращения: 08.02.2022).
6. Над Афганистаном нависла гуманитарная катастрофа [Электронный ресурс] // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/08/1409112> (дата обращения: 08.02.2022).
7. «Настоящая катастрофа!» — сети о «черном небе» Красноярска [Электронный ресурс] Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/society/3497369.html> (дата обращения: 08.02.2022).

8. Не фильм-катастрофа, а реальность: в США рухнул мост с машинами [Электронный ресурс] // Motor.ru. URL: <https://ru.motor1.com/news/563977/bridge-collapse-pittsburg/> (дата обращения: 08.02.2022).
9. Остановитесь! Оппозиция армении рассказала, почему нормализация отношений с турцией — это катастрофа [Электронный ресурс] // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/news/ostanovites-oppozicija-armenii-rasskazala-pochemu-normalizacija-otnoshenij-s-turciej-jeto-katastrofa_503263 (дата обращения: 16.02.2022).
10. Пашиян рассказал о катастрофе в переговорах по Карабаху [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/25/katastrofa/> (дата обращения: 16.02.2022).
11. «Просто катастрофа»: Журналист сообщил об ужасающей ситуации с транспортом и логистикой в Пекине [Электронный ресурс] // Live Result. URL: <https://www.liveresult.ru/news/110514#ixzz7KJMYDwpJ> (дата обращения: 08.02.2022).
12. Строители предупредили о «катастрофе» из-за новых правил по госконtrakтам [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/22/12/2021/61c2df669a7947d4dbf1be38> (дата обращения: 08.02.2022).
13. «У нас опять катастрофа!». Коммунальщики вновь забыли про свалку на Волжской [Электронный ресурс] // Саринформ. URL: <https://sarinform.ru/news/zhkh-i-stroitelstvo/u-nas-opyat-katastrofa-kommunalshchiki-vnov-zabyli-pro-svalku-na-volzhskoj> (дата обращения: 08.02.2022).
14. Ученые признали ошибку в прогнозе о глобальной катастрофе [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211125/ocean-1760755245.html> (дата обращения: 08.02.2022).
15. Фильм-катастрофа «Пылающее море» как предупреждение человечеству [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/01/31/film-katastrofa-pylaiushchee-more-kak-preduprezhdenie-chelovechestvu.html> (дата обращения: 16.02.2022).
16. Французы в плену русского гостеприимства: катастрофа Наполеона [Электронный ресурс] // Экспресс-газета. URL: <https://www.eg.ru/politics/1914252-francuzu-v-plenu-russkogo-gostepriimstva-katastrofa-napoleona/> (дата обращения: 08.02.2022).
17. Экологическая катастрофа грозит реке Амур у Хабаровска [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/28336/4481380/> (дата обращения: 16.02.2022).
18. Это будет катастрофа»: почему воронежцы массово протестуют против нового городского кладбища [Электронный ресурс] // Блокнот Воронеж. URL: <https://bloknot-voronezh.ru/news/eto-budet-katastrofa-pochemu-voronezhtsy-massovo-p> (дата обращения: 08.02.2022).
19. 2021 год ознаменовался большим количеством техногенных катастроф и природных катаклизмов по всему миру [Электронный ресурс] // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-12-26/418685-2021_god_oznamenovalsya_bolshim_kolichestvom_tehnogennyh_katastrof_i_prirodnyh_kataklizmov_po_vsemu_miru (дата обращения: 16.02.2022).

20. DNA: Европу ждет энергетическая катастрофа в случае санкций против России [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220131/katastrofa-1770337006.html> (дата обращения: 08.02.2022).
21. Forbes предрек Европе скорую энергетическую катастрофу [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211004/katastrofa-1752985096.html> (дата обращения: 08.02.2022).

E. V. Bogaevskaya

Disaster discourse texts and their analysis: features of the functioning of euphemisms

Abstract: the most emotional response and quick reaction among the topics disseminated in the media are catastrophic events, the description of which is associated with the mention of taboo topics and subjects unpleasant to the public. The risk of spreading potentially conflicting information is offset by the authors of the materials using euphemisms.

Keywords: catastrophe, media discourse, euphemization, pejorative vocabulary, QMS.

Н. В. Вязигина

*кандидат филологических наук,
судебный эксперт-лингвист
Барнаул, Россия
tigrej@yandex.ru*

Нарушение связи исследования с предметом доказывания как частотная ошибка назначения и производства лингвистических экспертиз

Аннотация: в статье представлен обзор с классификацией частотных ошибок лингвистических экспертиз, связанных с нарушением связи заключения с предметом доказывания. Приведены конкретные примеры из экспертной практики, предложены пути предотвращения подобных ошибок.

Ключевые слова: вторичный текст, доказательство, лингвистическая экспертиза, относимость, судебная экспертиза, экспертная ошибка.

Действующее законодательство определяет понятие «доказательство» следующим образом:

«1. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

2. В качестве доказательств допускаются: <...>

3) заключение и показания эксперта;

3.1.) заключение и показания специалиста» (ст. 74 УПК РФ);

«1. Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов» (ст. 55 ГПК РФ);

«1. Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд

устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

2. В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, закключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы» (ст. 64 АПК РФ);

«1. Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

2. Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными настоящим Кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, закключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами» (ст. 26.2 КоАП РФ).

Включая результаты экспертного исследования — заключение эксперта или специалиста — в число возможных доказательств, законодатель демонстрирует презумпцию его связи с обстоятельствами, которые подлежат доказыванию, т. е. тех фактов и событий, которые стали предметом рассмотрения в суде.

Об этом свидетельствует также включение критерия относимости в число критериев оценки доказательств наряду с такими критериями, как достоверность и допустимость (ст. 88 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ): «Суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела» (ст. 59 ГПК РФ), «Арбитражный суд принимает только те доказательства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу» (ст. 67 АПК РФ).

Лингвистическая экспертиза, наряду с другими видами экспертиз, выступает в качестве доказательства по различным категориям дел. В литературе, посвященной судебной лингвистической экспертизе, предмет доказывания четко связывается с предметом экспертного исследования: «Предметом судебной лингвистической экспертизы являются факты и обстоятельства, имеющие значение доказательств по конкретному делу и устанавливаемые на основе специальных лингвистических знаний. К предмету лингвистической экспертизы относится установление

речевых действий, квалифицируемых в соответствии с законодательством как правонарушение, а также иных фактов и обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по делу» [4: 74].

При этом практика оценки, в том числе рецензирования заключений лингвистической экспертизы, демонстрирует частотные нарушения связи предмета реальных экспертных исследований с подлежащими доказыванию обстоятельствами. Эти нарушения (ошибки) возникают на различных этапах назначения и производства лингвистической экспертизы: от предоставления эксперту материалов и постановки вопросов до формирования экспертных выводов.

Настоящая статья имеет целью репрезентацию этих нарушений (ошибок) на конкретных примерах и формулирование предложений по их предотвращению.

1. Ошибки, связанные с определением объекта лингвистического исследования.

Объектами лингвистической экспертизы, как известно, выступают письменные и устные тексты, а также тексты смешанной знаковой природы (креолизованные): изображение (статическое/динамическое) + текст, музыка + текст и т. д. При этом каждый такой объект, обладая цельностью и связностью как необъемлемыми текстовыми категориями, должен подвергаться экспертному исследованию с учетом своей специфики. Игнорирование этой специфики приводит к экспертным ошибкам, среди которых базовой и тотальной становится утрата связи с предметом доказывания.

1.1. Подмена исследования устного текста исследованием его письменной фиксации.

По различным категориям дел объектами экспертного исследования становятся фонограммы и видеофонограммы разговоров (дистантных и контактных, диалогов, монологов и полилогов). Несмотря на то, что непосредственным объектом исследования в таких случаях является устный текст, для удобства, увеличения скорости исследования и в целом возможности цитирования в заключении экспертом используется его перевод в письменную форму. На сегодняшний день единственным надлежащим способом письменной фиксации устного текста является *дословное содержание* — это письменный текст, полученный в результате фоноскопического экспертного исследования с использованием специальных методов, программных и аппаратных средств фоноскопической экспертизы лицом или лицами, обладающими специальными познаниями и опытом в области фоноскопической экспертизы. Только дословное содержание пригодно для использования при проведении лингвистической экспертизы устного текста, поскольку:

- отражает разговор полно, дословно, объективно;
- фиксирует интонацию, лексику и другие значимые для интерпретации разговора детали.

На практике фоноскопическая экспертиза на предмет установления дословного содержания звучащей речи далеко не всегда предшествует назначению и производству лингвистической экспертизы, и устный текст либо предоставляется эксперту без какой-либо письменной фиксации, либо — сопровождается стенограммой, справкой-меморандумом, протоколом осмотра и прослушивания фонограммы или др. Известные нам действующие методики не содержат на этот счет каких-либо однозначных указаний. Лишь в отдельных научных публикациях встречаются четкие указания: «эксперт-лингвист, исследующий звучащую речь, должен работать с содержанием, установленным экспертным путем, а не со стенограммой, ее «расшифровкой» или протоколом осмотра и прослушивания фонограммы, предоставленными органами следствия или иными лицами» [3: 8]. Это связано с тем, что «Стенограмма» — это текст, полученный с помощью стенографии — способа быстрой записи устной речи посредством особой системы знаков, сокращений слов и их сочетаний. «Расшифровка» предполагает раскрытие некоего кода, шифра и других специальных знаков. Однако ни стенограмма, ни расшифровка не предусматривают дословного переноса звучащей речи в письменную форму. То же самое касается и протокола осмотра и прослушивания фонограммы, который согласно п. 7 ст. 186 УПК РФ составляет следователь с участием специалиста (при необходимости), а также лиц, чьи телефонные и иные переговоры записаны. При этом в протоколе должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к рассматриваемому уголовному делу. В этом случае протокол осмотра и прослушивания фонограммы является лишь средством фиксации следственного действия» [Там же].

Отметим, что даже при наличии установленного экспертным путем дословного содержания исследование письменного текста вместо устного приводит к неполноте анализа, поскольку письменный текст с очевидностью не отображает всю специфику устной речи: интонацию, темп речи, тембр голосов, особенности произнесения отдельных слов и фраз и т. д.

Приведем пример нарушения связи лингвистической экспертизы с предметом доказывания, выражающегося в игнорировании реального объекта исследования — устного текста.

На лингвистическое исследование по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации поступила видеозапись сюжета новостей. При этом формулировка спорных (подлежащих исследованию) высказываний была предложена специалисту в самом вопросе: «*Мошенник*

выдал себя за жертву, липовые подписи и документы именно это помогло выиграть суд у автосалона ***ый», «подача иска в защиту прав потребителей является мошенничеством и зарабатыванием денег, а не защитой нарушенного права потребителя».

При обращении к видеозаписи новостей было обнаружено, что первое высказывание существенно отличается от сформулированного в вопросе, а второе высказывание в нем вовсе отсутствует.

Первое высказывание произносится ведущей следующим образом: *«Мошенник выдал себя за жертву. Липовые документы и подписи, именно это, как утверждает представитель автосалона ***ый, помогло клиенту ФИО выиграть суд почти на *** миллионов рублей»* (подчеркнуты части, отсутствующие в предложенной в вопросе формулировке). Отсутствующие части существенно влияют на смысл, в связи с чем исследование высказывания в усеченном виде, в котором оно приведено в вопросе, а не произнесено на видеозаписи, является подменой объекта исследования.

Второе высказывание не совпадало ни с одним целостным фрагментом текста на видеофонограмме и по смыслу представляло собой некое выводное суждение из контекста: *«Мошенник выдал себя за жертву. <...> Как утверждает представитель автосалона, ФИО таким образом зарабатывает, взыскивая с организаций компенсации. Однако сам мужчина, считающий себя обманутым клиентом, обилие дел в судах объясняет тем что выступает в защиту прав потребителей в качестве юриста»*, т. е. несуществующий объект, искусственный конструкт, не имеющий отношения к рассматриваемому делу. Специалист в своем заключении никак это не прокомментировала и не пояснила.

Исследование не соответствующих реальной видеозаписи высказываний указывает на то, что специалист, вероятно, ее не просматривала, т. е. не обращалась к оригинальному объекту исследования.

Анализ обоих высказываний в том виде, в каком они зафиксированы в вопросе, является грубым нарушением принципа относимости лингвистического экспертного исследования. Вместо реального объекта исследования — текста на видеозаписи — анализировались его фрагментарные переработки, исследование и выводы относительно которых не имеют отношения к предмету оспаривания в рамках иска о защите чести, достоинства и деловой репутации.

1.2. Игнорирование визуальной составляющей креолизованного текста.

Креолизованные тексты, т. е. тексты, смысл которых определяется как вербальной, так и визуальной составляющей, в соответствии с тенденцией к визуализации смыслов составляют большую часть объектов

современной лингвистической экспертизы. Это уже не только видеозаписи оперативных мероприятий, фильмы и телевизионные выпуски, но и видеоблоги, видеointервью, короткие видео — рилсы, сторисы, ТикТоки и т. д.

Высокая смысловая нагрузка визуальной составляющей новых интернет-жанров очевидна, однако при этом часто игнорируется смысловая нагрузка визуальной составляющей естественной коммуникации. Так, результаты оперативно-розыскной деятельности часто фиксируются на видеозаписях, позволяющих оценить мимику, жесты и иные неречевые действия говорящих. С точки зрения лингвистической экспертизы это тоже креолизованные тексты — сложные текстовые образования, в которых вербальные и невербальные элементы образуют одно структурное, смысловое и функциональное целое. Анализ разговоров без анализа видеоряда, на наш взгляд, является грубой экспертной ошибкой, поскольку смысл видеозаписи определяется не только устной речью на ней, но и видеорядом.

Так, объектом одного лингвистического исследования была видеозапись разговора между сотрудником правоохранительных органов и гражданином, происходившего в автомобиле последнего. Согласно фабуле дела, запись содержала передачу денежных средств гражданином сотруднику. Специалист, проанализировавший данный разговор (без учета не только видеоряда, но и записей иных эпизодов коммуникации между теми же лицами, что так же некорректно), пришел к выводу о том, что говорить о передаче денежных средств не представляется возможным, поскольку разговор содержал следующие реплики (M1 — гражданин, M2 — сотрудник):

«M1 — Сумочку свою не забудь, пакетик свой.

M2 — Пакетик, да.

M1 — Под тобой. Щас, погоди. Пакетик свой забыл.

M2 — Ага.

M1 — На, вот».

На основании того, что вербально говорящими констатирована изначальная принадлежность «пакетика» сотруднику, специалист пришел к выводу, что передачи денежных средств не было — сотрудник пришел и ушел со своим «пакетиком», о содержимом которого гражданину ничего не было известно.

Однако видеоряд свидетельствовал об обратном: на видеозаписи был запечатлен момент, когда сотрудник садится в автомобиль, и в его руках нет ни пакетов, ни сумок. Движения, свидетельствующие о помещении чего-либо под сиденье, отсутствуют. Во время произнесения слов *«Щас, погоди. Пакетик свой забыл»* M1 — гражданин — сам протягивает руку

под сиденье и достает оттуда впервые появляющийся в кадре сверток. Соответственно, вся сцена с «забытым пакетиком» разыграна коммуникантами, т. е. имеет место речевая маскировка передачи объекта. Без анализа видеоряда установить это невозможно. Специалистом, таким образом, был проведен неполный анализ, повлекший за собой не соответствующие реальному тексту выводы.

1.3. Искусственное объединение не связанных друг с другом объектов.

Одним из возможных и методически обоснованных алгоритмов работы эксперта-лингвиста с двумя и более объектами является их объединение и дальнейшее исследование как текстовой совокупности: «Если объектов много, после установления текстовых границ рассматривается возможность их объединения в сложный отдельный текст, соединяющий в себе ряд текстов» [8: 247]. Эта процедура наиболее перспективна и востребована при работе с устными текстами — аудиозаписями разговоров. Действительно, рассмотрение таких разговоров в контексте друг друга как общей длительной коммуникативной ситуации позволяет установить более подробную и целостную картину событий, извлечь и корректно интерпретировать больше информации. Однако такое объединение должно осуществляться по очень четким, неоспоримым критериям, подробно обосновываемым в заключении. В противном случае экспертом создается искусственный конструкт, выводы в отношении которого справедливы только при условии действительной взаимосвязи объектов.

Именно о таком искусственном объекте можно говорить применительно к следующему примеру.

В заключении эксперта было проведено исследование ряда разговоров как единого массива, однако предварительный анализ на предмет возможности их объединения отсутствовал. Анализ заключения и самих разговоров показал, что:

- применительно к разговорам не представлялось возможным говорить о тождестве состава участников: в части разговоров принимает участие одна пара дикторов (Иванов и Петров), в части — другая (Иванов и Сидоров), и нет ни эксплицитных, ни имплицитных признаков их осведомленности друг о друге, взаимных упоминаний или информации об участии в некой общей деятельности;
- разговоры не имели общих пространственно-временных границ: коммуникация осуществлялась по телефону, в разговорах содержалась информация о пребывании участников в разных городах; временной период разговоров составлял около трех месяцев, при этом между разговорами имелись длительные промежутки, ставящие под сомнение наличие какой-либо связи между первыми и последними разговорами в указанный временной период;

- высокая степень имплицитности не позволяла говорить о тождестве темы всех разговоров, также отсутствовали общие смысловые элементы и признаки тематической прогрессии, характерные для развития единой коммуникативной ситуации.

В связи с этим объективно объединить все представленные на исследование разговоры не представлялось возможным, их исследование в качестве единого массива было необоснованным экспертным допущением, а общий вывод в их отношении — невозможным.

1.4. Исследование высказываний, вырванных из ситуативного контекста.

Необходимость исследования значений слов и словосочетаний в контексте высказываний не вызывает сомнения, равно как и значение высказываний анализируется в целостном контексте речевого произведения — статьи, публикации, видеоролика и т. д. Ошибки, связанные с анализом высказываний вне контекста, встречаются редко и связаны, как правило, с отсутствием у эксперта или специалиста познаний в области филологии.

Однако значительный пласт ошибок, часто не осознаваемых как таковые, связан с исследованием высказываний в отрыве от конситуации — ситуативного контекста, который позволяет уяснить и уточнить как значение входящих в состав высказывания лексических единиц, так и смысл самого высказывания в целом. Особенно ярко это проявляется при работе с материалами, относящимися к интернет-дискурсу — репостами, комментариями и подобными им текстами. Комментарии в социальных сетях представляет собой полилогическое письменное общение, в большинстве случаев — спонтанное, предполагающее возможность как индивидуальной, так и множественной адресации, размещение как сообщений-реакций на основную публикацию, так и сообщений-реакций на иные комментарии. Возможно размещение комментариев, не связанных с текстом-стимулом. Как текст основной публикации, так и окружающие комментарии, в особенности — предшествующие, составляют контекст для интерпретации спорного комментария. Объективное исследование комментария вне контекста в рамках лингвистической экспертизы невозможно.

В качестве примера некорректного исследования спорного комментария вне связи с текстом-стимулом приведу следующий.

На экспертизу по делу о защите чести и достоинства поступил комментарий к публикации с видеозаписью. В публикации шла речь о негативном опыте посещения ресторана, на видеозаписи был зафиксирован эпизод взаимодействия посетителей с менеджером, когда на требование предоставить документы последний сообщал, что они у юриста,

а сам юрист на больничном. Имя юриста в публикации и на видеозаписи представлено не было.

Комментарий, ставший предметом иска, состоял из двух абзацев:

«Если юрист, о котором идет речь, ФИО, то он действительно на больничном, причем давно.

Я вам советую обратиться сразу в суд, вас там многое удивит — и поддельные документы, и подкуп различных служб, и многие другие нарушения».

Юрист ФИО, упомянутый в комментарии, подал иск о защите чести и достоинства (ст. 152 ГК РФ), поскольку посчитал, что подделка документов, подкуп и другие нарушения относятся к нему, а также о разглашении информации о личной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), поскольку комментатор якобы распространил сведения о его болезни.

Эксперту, которому было поручено производство экспертизы, не был предоставлен целостный контекст анализируемого коммуникативного события, а именно — текст-стимул, включая видеозапись. Это является нарушением связи спорного комментария с предметом доказывания, поскольку не позволяет эксперту восстановить следующие смысловые лакуны:

1) высказывание *«Если юрист, о котором идет речь, ФИО, то он действительно на больничном, причем давно»* содержит пресуппозицию того, что ранее в тексте-стимуле (основной публикации) уже введена тема ‘Юрист ресторана находится на больничном’, однако кто и какими речевыми средствами инициировал эту тему, по одному только спорному комментарию установить не представляется возможным;

2) высказывание *«Я вам советую обратиться сразу в суд, вас там многое удивит — и поддельные документы, и подкуп пожарной и санитарной служб, и многие другие нарушения»* допускают различные интерпретации:

а) оно может относиться к ранее сказанному собственно в комментарии, и в этом случае в нем идет речь об упомянутом юристе;

б) оно может относиться к содержанию текста-стимула (основной публикации), и в этом случае в них идет речь о ресторане и его руководстве.

Отсутствие целостного контекста не позволяет провести полный и объективный анализ спорного комментария, восстановить смысловые лакуны и снять вариативность интерпретаций. Правильным алгоритмом экспертных действий в данной ситуации является приостановление исследования и направление в суд ходатайства о предоставлении недостающей информации. Исходя из содержания заключения эксперта, это сделано не было: исследование не приостанавливалось, какие-либо ходатайства экспертом не заявлялись. Исследование было проведено по имеющимся неполным данным, соответственно, сделанные в нем выводы не соотносятся с реальным комментарием как речевым

событием, произошедшим в определенных условиях, а носят абстрактный характер: соотносятся с неким изолированным, существующим «в вакууме» текстом.

1.5. Исследование объектов, вторичных по отношению к предмету доказывания.

В лингвистической экспертизе нет единого мнения о том, подлежат ли исследованию вторичные тексты, т. е. тексты, передающие основную информацию оригинала. Вторичный текст создается на базе другого текста и сохраняет его основное содержание. Классическим примером противоречий в экспертной практике является лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: в случае, если высказывания не зафиксированы на аудио- или видеозаписи, методика ЭКЦ МВД РФ запрещает их экспертный анализ: «Текст, подлежащий исследованию, также не может быть заменен другим текстом, опосредованно представляющим ситуацию и содержание текста. В качестве объектов исследования не могут быть исследованы протоколы допросов, в которых пересказывается письменный или устный текст (утрачиваются все характеристики звучащей речи, несущие смысловую нагрузку: интонация, паузы, речевое дыхание, тембр, громкость голоса)» [9: 17–18]. В то же время давно сложилась судебная практика, в рамках которой эксперту предоставлялись спорные высказывания на отдельных листах, записанные свидетелями речевого события. Вторичность таких текстов с лингвистической точки зрения не вызывает вопросов и позволяет каждому эксперту самостоятельно сформировать позицию относительно их исследования или отказа от исследования.

Однако практика лингвистической экспертизы показывает, что ее объекты могут обладать вторичностью особого рода. Так, нередко на экспертизу предоставляются объекты, не отражающие правонарушение непосредственно (договоренность о передаче денежных средств и собственно передачу; совершение насилия; действия в отношении наркотических средств и др.), а содержащие его обсуждение постфактум, в том числе без участия самих субъектов.

К примеру, на экспертизу поступило несколько устных диалогов, с одной стороны, между женщиной и ее бывшим сожителем, в которых они обсуждают неподобающее поведение последнего по отношению к несовершеннолетней падчерице: переодевался при ней, ходил дома в нижнем белье, заходил к ней в ванную, чтобы что-то взять, и т. п. действия, не соотносящиеся прямо с развратными действиями или действиями сексуального характера. Говоря о данной ситуации, мужчина выражал раздражение: *«Слушай, ну было и было, я так делал. Возможно, это было неправильно. Сейчас-то это какое значение имеет? Забуду*

и все». С другой стороны, одновременно с этим женщина вела разговоры на данную тему с родственниками и подругами, где уже прямо обвиняла сожителя в нарушении половой неприкосновенности дочери: демонстрировал половые органы, трогал за интимные места и т. д.

Объединив все разговоры, эксперт, с одной стороны, сконструировал искусственный объект (см. пункт 1.3. настоящей статьи), с другой стороны, безосновательно отождествил информацию, полученную со слов подозреваемого, с информацией, полученной о его действиях со слов третьих лиц.

На наш взгляд, при производстве лингвистической экспертизы следует разграничивать информацию о действиях лица со слов самого лица («Я сделал», «Я передал»), и информацию о нем, получаемую со слов третьих лиц («Он сделал», «Он передал»). Поэтому с лингвистической точки зрения, собственно, как и с точки зрения здравого смысла, следует разграничивать разговоры, в которых принимает участие подозреваемый, и разговоры, в которых он участия не принимает, как не равноценные источники информации, устанавливаемой средствами лингвистической экспертизы. Первичны относительно расследуемого события разговоры с их непосредственными участниками, в то время как разговоры о них с третьими лицами вторичны.

Поэтому лингвистическое исследование всех разговоров в качестве равноценных объектов нарушает соотносимость лингвистической экспертизы и исследуемого события.

2. Ошибки, связанные с постановкой вопросов на разрешение эксперта-лингвиста.

От корректности формулировки вопросов зависит качество и результативность экспертного исследования и дальнейшая эффективность его применения при расследовании преступления. Поэтому на этапе составления вопросов следователь определяет, каким образом будут соотноситься выявляемые лингвистом обстоятельства представленного на исследование текста с юридическими признаками состава преступления, которые необходимо установить, и какова их криминалистическая значимость [2: 8].

Некорректная формулировка вопросов не только зачастую провоцирует эксперта на нарушение принципа объективности, но и приводит к нарушению связи результатов экспертного исследования с расследуемым событием.

Применительно к лингвистической экспертизе такие ошибки можно условно разделить на две группы:

2.1. Чрезмерно широкие, не соотносящиеся с конкретной референтной ситуацией вопросы.

К вопросам такого характера следует отнести, к примеру, следующие:

Каково смысловое содержание разговоров?

Каковы основные темы диалогов?

Каковы тема, предмет и смысл каждого разговора?

Каковы основные лингвистические, морфологические, лексические синтаксические характеристики текста?

Вопрос о смысловом содержании, с одной стороны, не выдерживает критики. В судебной лингвистике, как и в лингвистике вообще, не существует термина «смысловое содержание» (текста/диалога/разговора): используются термины «смысл», «содержание», «значение», но не «смысловое содержание».

При буквальном его понимании перед экспертом фактически ставится вопрос «О чем идет речь в разговорах?», что по смыслу является побуждением к пересказу, «переводу с русского языка на русский язык». Такая задача теоретически может быть криминалистически обоснована в ситуации использования преобладающего сленга, маскировки содержательных элементов, но не применительно к обыденным разговорам с использованием общеупотребительной лексики. Но на практике пересказ не является способом экспертного анализа и интерпретации текста, а лишь придает исследованию субъективность.

Вопрос о темах текста или разговора ни одной методикой лингвистической экспертизы не предусмотрен. Это абстрактный вопрос, не имеющий самостоятельного криминалистического значения и провоцирующий экспертов выходить за рамки своей компетенции и искать в разговорах признаки состава преступления. Вопрос всегда должен ставиться относительно конкретной информации: «Идет ли речь о передаче денежных средств?», «Имеется ли информация о действиях в отношении наркотических средств?» Любой разговор политематичен. Помимо значимой для расследования темы передачи денежных средств, собеседники могут обсудить погоду, здоровье, общих знакомых, политическую обстановку в стране и мире и т. д. В случае постановки вопроса о темах разговора эксперт будет вынужден описывать их все, выполняя лишнюю работу. Выборочное описание тем будет свидетельствовать о неполном, предвзятом анализе. В целом определение темы какого-либо текста является элементарной задачей, решать которую теоретически обучен любой человек со средним образованием, это не требует наличия специальных познаний в области лингвистики.

2.2. Вопросы, лишь косвенно соотносимые с референтной ситуацией.

Практика оценки и рецензирования экспертных заключений показывает, что в ряде ситуаций на разрешение экспертов ставятся вопросы,

не имеющие прямой проекции на подлежащие установлению юридически значимые обстоятельства. И если в одних случаях такая постановка вопросов оправдана методически (например, постановка вопроса о наличии негативной оценки группы лиц, объединенных по национальному, религиозному или иному признаку, предусмотренная методикой лингвистической экспертизы ЭКЦ МВД, предполагающая сбор и оценку иных доказательств следствием и судом), то в других она зачастую обусловлена информативной бедностью речевого материала, не позволяющей подвести к обвинительному заключению прямым путем.

Так, на разрешение экспертов по делу о заключении фиктивного договора вместо прямых вопросов о том, содержится ли в разговоре информация о фиктивном характере заключенного договора, неисполнении данного договора сторонами в действительности, были поставлены вопросы о побуждении лица к тому, какие сведения следует сообщать проверяющей организации о содержании и исполнении договора, об осведомленности третьих лиц и наличии договора и т. п. Ни один из вопросов прямо не соотносился с фиктивным характером договора. Постановка подобных вопросов, на наш взгляд, заведомо выводит как заключение эксперта-лингвиста, так и объекты его исследования из числа значимых доказательств по делу.

3. Ошибки формулирования выводов.

Мы намерено опускаем ошибки собственно исследования, поскольку они настолько многообразны и многочисленны, что заслуживают отдельного анализа. Кроме того, как показывает практика, даже при относительно корректно проведенном исследовании и правильно примененных методах и методиках исследования на этапе формулирования выводов возможны ошибки, делающие проведенную экспертную работу малопригодной или не пригодной для использования в качестве доказательств. Подобные ошибки можно разделить на две группы.

3.1. Несоответствие выводов поставленным вопросам.

Вывод эксперта — это «часть заключения эксперта, содержащая ответ на вопрос следователя или суда, в котором сообщаются установленные им фактические данные» [7: 15]. Ключевым в данном случае является определение «ответ на вопрос». Как уже было сказано ранее, формулируя вопрос эксперту, инициатор экспертизы рассчитывает получить информацию относительно обстоятельств расследуемого дела, которую в дальнейшем можно будет использоваться в качестве доказательства. Соответственно, ставя вопрос о наличии в разговоре информации о передаче денежных средств и их предназначении, следователь/адвокат должен получить ответ, к примеру, «В разговоре речь о передаче денежных средств в обмен на несоставление протокола

об административном правонарушении» или «В разговоре отсутствует информация о передаче денежных средств». Отсутствие прямого ответа на поставленный вопрос, на наш взгляд, свидетельствует либо о низкой квалификации эксперта, либо о его необъективной, предвзятой исследовательской позиции.

Так, по делу о мошенничестве перед экспертом был поставлен вопрос: «Следует ли из разговоров ФИО1, ФИО2 и ФИО3, что между собеседниками речь идет о передаче денежных средств? Если да, то предназначены ли данные денежные средства ФИО1 и ФИО3?». Опустив не вполне корректную формулировку (вопрос все же должен стоять о наличии определенной информации, а не о следствиях, поскольку они могут быть как обязательными, так и факультативными, субъективными, вариативными и т. д.) и ряд недопустимых исследовательских презумпций, процитируем вывод по вопросу: «Из содержания разговоров ФИО1, ФИО2 и ФИО3 следует, что между собеседниками речь идет о передаче денежных средств в размере *** тысяч рублей. Денежные средства передаются от ФИО2 к ФИО1, который проявляет личную заинтересованность в получении данных денежных средств». Как видно, эксперт не дает прямого ответа на вторую часть вопроса, заменяя информацию о предназначении и получателях денежных средств информацией о некоей личной заинтересованности. При полном анализе как заключения эксперта, так и исследованных разговоров было установлено, что в разговорах отсутствовала информация о предназначении денежных средств, а в части сведений о получателях они характеризовались вариативностью интерпретаций. Соответственно, корректным выводом был бы, к примеру, следующей: «В разговорах ФИО1, ФИО2 и ФИО3 речь идет о передаче денежных средств в размере *** тысяч рублей. Установить, предназначены ли данные денежные средства ФИО1 и ФИО3, не представляется возможным». Подменяя ответ на вопрос посторонней информацией, эксперт демонстрирует предвзятую (обвинительную) позицию, поскольку, объективно не имея возможности назвать ФИО1 получателем денежных средств, тем не менее пытается неким образом охарактеризовать его к ним причастность. Очевидно также, что подобная подмена не является реализацией права эксперта «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования» (ст. 57 УПК РФ).

3.2. Несоответствие выводов их видам.

Согласно существующей классификации выводов [7: 39], принятой в том числе в лингвистической экспертизе [8: 274–276], выводы

по вопросам могут быть положительными и отрицательными, категорическими и вероятными; допустим также вывод о невозможности ответить на поставленный вопрос. Разграничение категорических и вероятных выводов важно в том числе потому, что вероятный вывод, как и всякое сомнение, исходя из презумпции невиновности, толкуется в пользу обвиняемого (ст. 14 УПК РФ).

Несоответствие выводов этой классификации усложняет как восприятие выявленной экспертом информации, так и использование заключения в принятии правовых решений.

Так, в одном из заключений эксперт в выводе по вопросу «Содержится ли в представленных на исследование материалах информация о том, что ФИО является фактическим руководителем хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в сфере добычи ***?» вместо ответа «Содержится / не содержится» пишет следующее: «В представленных на исследование материалах имеются прямые и косвенные признаки, определяющие социальный статус ФИО как руководителя. В высказываниях идет речь о двух компаниях: в речи собеседника 1 — об «А***», в речи собеседника 2 — об «А***» и «Б***».

Формально являясь категорическим (слово «вероятно» не используется), данный вывод не позволяет установить, является ли ФИО руководителем установленных компаний и руководителем каких-либо хозяйствующих субъектов вообще, т. е. содержательно он либо вероятный, либо свидетельствует о невозможности решения поставленного вопроса. Сомнительна ценность такого вывода для инициатора экспертизы.

Лингвистическая экспертиза не равна исследованию текста методами лингвистической науки, это особое применение специальных познаний в области лингвистики для решения конкретных правовых задач. Не всякий лингвист является (или может являться) экспертом-лингвистом. Именно поэтому, на наш взгляд, обсуждение и фиксация экспертных ошибок из ряда перечисленных, — значимый шаг не только к тому, чтобы предотвратить их, но и к тому, чтобы повысить доказательный статус лингвистической экспертизы. Надеемся также, что некоторые из высказанных суждений найдут отражение в новых редакциях действующих методик лингвистической экспертизы. В особенности это касается тезиса о необходимости производства фоноскопической экспертизы устных текстов и установления их дословного содержания до назначения лингвистической экспертизы. Отказ от использования стенограмм и протоколов следственных действий, как мы считаем, значительно повысит объективность и качество лингвистической экспертизы устных текстов.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.09.2024).
2. Брагина А. Г. Применение результатов судебной лингвистической экспертизы при выявлении и расследовании преступлений: учебно-методическое пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2011. 60 с.
3. Власов О. О., Кузнецов В. О., Свирава Т. Н., Шавыкина С. Б. Установление дословного содержания разговоров на фонограммах как задача криминалистической экспертизы звукозаписей // Теория и практика судебной экспертизы, 2022. Т. 17. № 1. С. 6–15.
4. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2023. 424 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.09.2024).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.09.2024).
7. Корухов Ю. Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: СУДЕКС, 2009. 119 с.
8. Лингвистическая экспертиза. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.
9. Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Громова А. В., Манянин П. А., Ростовская А. В. Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 86 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.09.2024).

N. V. Vyazigina

Violation of the connection of research with the subject of proof as a frequent error in the appointment and production of linguistic examinations

Abstract: the article presents an overview with a classification of the frequency errors of linguistic examinations associated with a violation of the connection between the conclusion and the subject of proof. Specific examples from expert practice are given, and ways to prevent such errors are proposed.

Keywords: secondary text, proof, linguistic expertise, relevance, forensic examination, expert error.

Е. С. Демина

*студент Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
ekaterinad-02@mail.ru*

П. А. Катышев

*доктор филологических наук, профессор
Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
pakatyshev@pushkin.institute*

Манипулятивные тактики в фейковых новостях как способ речевого убеждения

Аннотация: фейковая информация имеет деструктивный характер в силу ее негативного воздействия на психику и возможности вводить в заблуждение аудиторию, в связи с чем современному обществу необходимо научиться отличать фальсифицированные факты от истинных. Авторы фейковых новостей, как правило, применяют в текстах манипулятивные тактики, повышающие лояльность аудитории к ложным медиафактам и способствующие убеждению в достоверности информации. В статье рассматриваются наиболее распространенные манипуляции и способы введения имплицированных интенций в фейковых новостях, наличие которых обуславливает необходимость проверки массмедийных текстов на достоверность.

Ключевые слова: фейк, фейковые новости, речевые манипуляции, манипулятивные тактики.

И. Мудрая подробно рассматривает феномен фейка в работе «Понятие “фейк” и его виды в СМИ». Она пишет, что «фейк — это специально созданная новость, событие или журналистский материал, содержащий ложную или искаженную информацию, которая дискриминирует определенного человека или группу лиц в глазах аудитории» [4: 185]. В данном определении фейк рассматривается как инструмент информационной войны. Он способствует появлению агрессии у аудитории, дезинформирует ее, порождает панику; у публики активизируется интерес к новостной повестке — все это происходит путем воздействия на сознание людей вымышленной и недостоверной информацией [4: 185]. Лаконичным определением «фейковой новости» является также дефиниция А. П. Суходолова: «сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично» [9: 95].

В настоящей статье подробно рассмотрены тактики речевого манипулирования в фейковых новостях, поскольку именно в фейках адресанты используют наиболее разнообразные тактики убеждения аудитории и воздействия на сознание человека. Манипуляция — это «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата. Цель речевой манипуляции — склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [11: 19]. Показательной в приведенном определении понятия «манипуляция» является цель манипулятивных речевых тактик, следовательно, здесь уместно сказать о том, что большинство фейковых новостей и рассылок содержат в тексте большое число имплицированных манипуляций. «Как известно, манипулирование тогда осуществляется, когда реципиент не в состоянии увидеть за сказанным сознательно завуалированные интенции отправителя сообщения», — пишет И. В. Беляева [1: 12–13].

Тема и заголовок фейковых новостей. Тему рассылки/новостной зачатки отражает заголовок, который чаще всего является кликбейтным (в фейках) [5]. Такие заголовки имеют ряд особенностей. «Кликбейт (от англ. *click* — нажатие клавиши, *bait* — приманка) — намеренно недобросовестный, «обманный» заголовок, анонс, иллюстрация или превью, предназначенные для привлечения внимания. Привлекая внимание аудитории, он провоцирует читателя на переход к основному материалу. Этим материалом может оказаться рекламное сообщение, вредоносное программное обеспечение, текст, ставящий задачу выманить у аудитории деньги и т. п.» [8: 7–8]. Кликбейтный заголовок обязательно интригует читателя, но ни в коем случае не раскрывает суть статьи. Признаками таких заголовков можно считать наличие следующих маркеров: обращение к читателю на *ты*; противоречивость текста, вызывающая недоумение; указательные местоимения *этот, эта, эти*, как бы способствующие интимизации, ведь автор наблюдает то же самое, что и читатель; провокационные речевые обороты типа *Ты не поверишь! Ты ни за что не угадаешь!* и т. п.; привлекающий внимание фото- и видеоконтент; чрезмерная экспрессивность текста, усиленная многоточиями и обилием вопросительных/восклицательных знаков; прецедентные тексты и популярные фразеологизмы; неполные предложения; наличие глаголов повелительного наклонения; навязывание выгоды — большой скидки/бесплатного товара/секретной информации и др. [3].

Как правило, адресанты фейковых сообщений обращаются в текстах к острой и актуальной социальной проблематике (например, аудиосообщения в мессенджерах о внезапном росте числа заболевших инфекцией Covid-19 или распространение ложной информации об источниках возникновения данного заболевания). Чаще всего темы обозначаются в негативном ключе: гибель людей, развод знаменитой пары, политические диаспоры, ЧП, скандальные новости и мистика. Благодаря острой проблематике просмотры новости растут, аудитория активно распространяет ее в кругу своих знакомых. Подобные рассылки порождают в людях рост негативных эмоций, таких как злость, агрессия, паника, несогласие и испуг.

Косвенная эвиденциальность текста. В фейковых новостях отсутствует компетентная доказательная база новости. Чаще всего такие тексты содержат следующие показатели косвенной засвидетельствованности: *стало известно, что; из конфиденциального источника; считают, что; источник утверждает*. Из текста новости не выявляются конкретные персонажи, например, должностные лица, информаторы; отсутствуют данные о свидетелях информационного повода, ссылки на экспертную оценку ситуации, компетентная персонажная система.

Нередко встречаются в аудиосообщениях в мессенджерах ссылки на *знакомых* либо *родственников* автора сообщения. Такой прием используется с целью установления доверительных отношений с широкой аудиторией слушателей. Ведь каждый из нас скорее поверит в ту информацию, которую нам предоставят наши знакомые или знакомые наших друзей, чем прочтает новости в официальных СМИ.

В некоторых случаях упоминание источника информации все же присутствует. Например, ссылка на *федеральный источник* указывает на то, что информатор имеет непосредственное отношение к федеральным структурам и власти; *источник в силовых ведомствах* формирует убеждение аудитории в том, что информатор напрямую связан с силовыми ведомствами, военными структурами и подразделениями. Однако в приведенных примерах ссылок источник информации по-прежнему остается анонимным и косвенным.

Адресанты фейков также используют цитацию, поскольку она имеет фактоустанавливающий потенциал. Чаще всего ложные высказывания представлены в виде цитаты со слов третьих лиц, ссылка на которых также отсутствует (не указывается ни должность автора цитаты, ни его компетенции, ни личные данные, такие как ФИО). Данная речевая манипуляция реализуется фразами типа *российские эксперты сообщили, по словам британских ученых*. В сочетании с цитацией в фейковых рассылках можно встретить парцелляцию. Она способствует повышению

косвенной эвиденциальности текста, особенно в заголовках и лидах. Например, *Подмосковные власти: свалка у Жуковского не могла привлечь птиц*. На первый план выходит пропозиция о подмосковных властях, что указывает на «авторитетность» источника и способствует снятию ответственности с автора сообщения.

Еще один распространенный прием привлечения «официального» источника — публикация фейковой новости в контексте упоминания какого-либо публичного, вызывающего доверие лица. С. Н. Ильченко приводит примеры таких публикаций и называет их «каноническим примером создания фальшивой новости»: «к известному широкой аудитории имени “приклеивается” “новость” с неким событийным намеком» [5: 68].

Недостоверная дата публикации. Во многих фейках встречается упоминание дней недели, времени суток, однако не указывается точная дата. Вероятнее всего, адресанты подобных рассылок намеренно не вводят точный хронотоп с целью сделать сообщение универсальным и актуальным в любое время.

Привлечение внимания адресатов. Привлечь внимание аудитории к рассылке адресант может несколькими способами. Например, с помощью чрезмерного использования знаков препинания, поскольку зрительное восприятие человека чувствительно к фокусу на знаках. В фейковых рассылках, как правило, знаки препинания в конце предложений дублируются. Однако в некоторых случаях большое количество восклицательных знаков, многоточий и множество риторических вопросов с удвоенными или даже утроенными вопросительными знаками, а также умолчание повышает напряженность текста и дефокусирует внимание адресата (дефокусировка также применяется адресантом намеренно). Подобные эффекты имеет и использование эмодзи в тексте (причем нередко восклицательные знаки обозначаются именно с их помощью).

В фейковых рассылках распространены также многочисленные языковые манипуляции, фокусирующие внимание адресатов на выгодных автору деталях и дефокусирующие с невыгодных: метонимические переносы, метафоричность, эвфемизация и пр. В связи с использованием понятий, имеющих широкую семантику, можно говорить о двусмысленности текста, который потенциально вызовет повышенный интерес аудитории; наблюдается также появление нескольких пропозиций в одном предложении, которые могут взаимно дефокусировать внимание адресатов.

Фейкам свойственны речевые обороты, усиливающие значение меры и количества (например, лексические повторы, гиперболизация чисел (числительные в целом способствуют смещению фокуса внимания адресата [6]) и данных по статистике, срокам и пр.). Адресанты часто создают контраст между формальным и прагматическим пространством текста,

выражающийся в гиперболе, сарказме, эффекте обманутого ожидания, а также нагнетании стереотипа.

Фокусировка внимания аудитории на конкретных деталях также достигается «выдвижением» конкретных пропозиций в тексте. И. В. Арнольд в рамках концепции о целенаправленном выделении удобного для адресанта смысла в сообщении подразумевает под выдвижением «способы формальной организации текста, фокусирующее внимание читателя на определенных элементах сообщения, выдвигающих на первый план особенно важные части сообщения» (цит. по [11: 33]). Выдвижение, таким образом, способствует декодированию информации адресатом; в первую очередь, оно является экспрессивным и эмоционально или логически усиливает отдельные смысловые части текста.

Например, в сообщении адресант может «выдвигать» на передний для восприятия план позитивные смыслы с помощью следующих языковых единиц: *патриотизм, прогресс, борьба за свободу; уникальный, новый, качественный, эффективный, удобный, лучший*. Авторы оценочных высказываний также используют относительные местоимения, типа *самый*, наречия *очень, весьма* и др.; семантически гиперболизируют позитивную и негативную оценки, интенсифицируя признаки предмета/явления (например, сочетания эпитетов с наречиями): *подлинно народный, сверхмощный, сказочно низкие (цены), максимально возможная (прибыль)* и др. Гиперболизации оценки способствует употребление лексем с калькированным переводом иноязычных слов — *супер-, ультра-, экстра-, мега-*: *суперформула, суперцена, ультрамодный* и т. д. [11: 29–30]. С помощью перечисленных выше приемов авторы сообщения акцентируют внимание адресатов на определенных смысловых частях текста.

Триггеры, ценности и стратегии вовлечения аудитории. Адресанты фальсифицированных рассылок стремятся ввести в заблуждение как можно большее число пользователей Сети, убедить их в достоверности представленных фактов и добиться широкого распространения фейковых новостей. Для этого они используют различные приемы: вводят в текстовое пространство триггеры и ценности, применяют тактики вовлечения аудитории и ее убеждения. Например, авторы фейков часто апеллируют к общечеловеческим ценностям (*семья и друзья; жизнь и ее этапы: детство, юность, молодость, зрелость, старость; добро, помощь* и т. п.). С помощью этого искусственно повышается актуальность фейковой новости и ее значимость для адресатов.

Под триггером в настоящей статье подразумевается следующее: «какой-либо предмет, явление, событие или действие, вызывающее эмоциональный ответ. При этом причина реакции — не сам стимул, а отношение к нему» [10]. Воздействие на адресата с помощью обращения

к общественным триггерам подобно апеллированию к ценностям, однако содержит исключительно отрицательную коннотацию. Например, триггеры *война* или *смерть* вызывают в людях чувство страха и активируют ценность *жизнь* в человеческом сознании.

Эффект нарастающего напряжения достигается с помощью повышения уровня тревожности и страха в сознании адресата. Такой прием подразумевает использование в тексте гиперболы, парцелляции, метафоры и обращения к общечеловеческим ценностям и триггерам.

Существуют также стратегии вовлечения адресатов [2]. Выделяются шесть стратегий успешного воздействия на аудиторию: 1) стратегия контроля за активностью (призывы чрезвычайно внимательно относиться к полученной информации и т. п.); 2) стратегия простоты реакции (действие, к которому призывает адресант, должно быть легким и не занимающим много времени у адресата, например, просьба о *максимальном репосте* или *пересылке десяти контактам*. В голосовых сообщениях часто встречаются подобные фразы: *перешлите смс скорее своим знакомым, не молчите об этой ситуации* и т. д.); 3) стратегия навязывания социальной идентичности (данный фактор важен в политических массмедийных текстах, поскольку вызывает чувство долга и единства с народом, а соответственно побуждает к действию, скорее всего антиправительственному); 4) стратегия интереса (достигается с помощью сообщения, написанного живым и доступным адресату языком, содержащего своевременно предоставленную информацию); 5) стратегия контраста (эмотивное воздействие: например, новость вызывает гнев и сочувствие одновременно); 6) стратегия легитимации — доверие аудитории возрастает к той информации, которая кажется достоверной, убедительной, авторитетной, общепринятой, а поэтому законной [7].

Способы сближения с аудиторией. Нередко в фейковых рассылках адресанты используют манипулятивные приемы для сближения с аудиторией и повышения ее лояльности. С целью убеждения в том, что представленная информация является достоверной, авторы соблюдают речевую структуру официальной новостной заметки, придерживаясь общих требований к медиафакту: наличие принципа перевернутой пирамиды, заголовка, лида, подобие ссылки на первоисточник. Категоричные авторские прогнозы также намеренно вводятся адресантами. Категоричность воспринимается в сознании адресата как маркер легитимности и авторитарности, а значит, создает эффект достоверности.

Знаменитый прием многих политиков — употребление формы первого лица множественного числа местоимения *мы* [1]. Такой речевой оборот — проявление интимизации, поскольку семантика данного местоимения подразумевает наличие хотя бы двух человек соответственно.

В. Е. Чернявская называет этот прием «созданием семантического поля “свои”» [11: 52]. С его помощью адресату «внушается» мнение о том, что адресант сообщения рассуждает о какой-либо ситуации так же, как многие другие члены общества. Включение реципиента в «состав позитивной группы» автора высказывания происходит путем «указания круга потенциальных адресатов». Подобные речевые обороты с большой вероятностью будут иметь положительную оценочность, например: *Для людей с хорошим вкусом / заботящихся о своем здоровье / привыкших к лучшему. Для настоящего мужчины. Ко всем патриотам!* И т. п. [11: 50].

Выделяется несколько риторических эффектов, привлекающих внимание адресатов и вызывающих эмпатию: 1) эффект живого общения (диалогизация — использование личных местоимений при обращении к адресату, обращение по имени к потенциальному слушателю/читателю, обращения-вопросы; риторические вопросы и восклицания; вопросы, имитирующие заинтересованность автора высказывания в положении дел адресата/его мнению; разговорная лексика и наличие вводных слов); 2) эффект сопричастности (ирония; заявление автора, что он знает виновников происходящего события; интимизация — *мы все пострадавшие*); 3) эффекты любопытства и удивления (наличие интриги либо многозначной метафоры типа *бомба* по отношению к новости); 4) эффект догадки (применение риторического вопроса в конце медиатекста) [6]. Помимо этого, часто используется юмор как способ сближения с аудиторией. Когда новостная заметка содержит шутки, либо информацию, вызывающую улыбку и положительные эмоции, человек невольно воспринимает источник информации как достоверный [6].

Скрытые интенции автора. Иногда способ скрыть фальсификацию фактов — уклонение от конкретной информации и приведения наглядных примеров и ссылок, поскольку так читатели будут менее осведомлены о подробностях события, а значит, их проще ввести в заблуждение и вызывать у них негативные эмоции. В связи с этим в манипуляциях распространены подмена понятий, эвфемизация, использование иностранной терминологии, неясной широкому кругу пользователей Интернета (иноязычные слова, не до конца обосновавшиеся в русском языке, вообще не имеют устойчивой синтагматики и парадигматики) и псевдонаучный (по-другому, квазинаучный) язык, усиливающий эффект наукообразности.

Еще одна особенность фейков — краткость высказываний. В коротком тексте легче замаскировать фейковую информацию, поскольку чем больше деталей и уточнений в новости, тем выше скорость разоблачения фейка. Следует обратить внимание на грамматические категории глаголов в тексте. В манипулятивной пропозиции пассивный залог встречается намного чаще, чем активный. Дело здесь в семантике данных

грамматических форм. Активный залог располагает к ясности, четкому донесению информации и ее доказательности, приписывает совершенное действие конкретному лицу; пассивный же помогает скрыть некоторые факты и оказывает эмотивное влияние — субъект действия/речи в пассивных конструкциях не упоминается, все внимание адресата концентрируется именно на действии. Сознательный отказ от использования активных конструкций в высказывании также усиливает эффект массовости и повышает объективность сообщения в сознании аудитории. Одновременно с этим, при употреблении автором глаголов пассивного залога, происходит «снятие персональной ответственности» с адресанта сообщения за распространение ложной информации [11: 60].

Среди синтаксических приемов, способствующих импликации пропозиции, важным считается искусственное удлинение предложений. Данный прием дефокусирует внимание адресатов, наращивает напряжение и ожидание развязки новостной фабулы, замедляя повествование.

Авторы фейков могут навязывать отдельные пресуппозиции. Пресуппозиция, в отличие от пропозиции, намного реже подвергается критике ввиду затруднительного ее распознавания в высказывании. «Вынесение какого-либо смысла в пресуппозицию позволяет представлять его как само собой разумеющееся. Пресуппозиция, таким образом, это скрытый смысл, подразумеваемое, прочитанное между строк, необязательно истинное, но выдаваемое как объективное и истинное суждение» [11: 63]. Например, в высказывании *У подлинно демократической партии ЛДПР высокие шансы победить на выборах* выделяются две смысловые части: 1) *ЛДПР — подлинно демократическая партия* (пресуппозиция; ее наличие не очевидно; анализу она не поддается — воспринимается как факт); 2) *ЛДПР имеет высокие шансы на выборах* («отвлекающая» пропозиция).

Таким образом, в фейковых новостях как способ убеждения аудитории чаще всего используются следующие манипулятивные тактики: острая тема и проблематика новости; кликбейтный заголовок; показатели косвенной эвиденциальности текста; «универсальный» хронотоп; тактики привлечения внимания адресатов; апеллирование к ценностям, использование триггеров и стратегий вовлечения аудитории; применение способов сближения с адресатами; введение скрытых авторских интенций.

Литература

1. *Беляева И. В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2009. 39 с.

2. Жукова А. Г., Катышев П. А. Речевое вовлечение в деятельность радикальной организации на страницах социальной сети // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 134–143.
3. Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить. Ростов-на-Дону: Феникс, 2020. 188 с.
4. Мудрая И. Понятие «фейк» и его виды в СМИ // Теле- и радиожурналистика. 2016. Вып. 15. С. 184–188.
5. Николаева А. В. Языковые особенности фейковых публикаций // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3 (18). С. 55–60.
6. Пром Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... докт. филол. наук. М., 2020. 393 с.
7. Ромашова И. П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория // Речевая коммуникация в современной России: материалы Третьей Международной конференции. В 2 т. Т. 1. Омск: Омский гос. университет им. Ф. М. Достоевского, 2013. С. 390–401.
8. Стернин И. А. Маркеры фейка в медиатекстах / И. А. Стернин, А. М. Шестерина. Воронеж: РИТМ, 2020. 34 с.
9. Суходолов А. П. Феномен «Фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы Международная научно-практическая конференция, Иркутск, 14–15 сент. 2017 г. / под ред. А. П. Суходолова. Иркутск, 2017. С. 93–112.
10. Триггеры в психологии [Электронный ресурс] // АЯ–Психология. URL: <https://limer.ru/aya-psihologiya/triggery-v-psihologii> (дата обращения: 14.03.2023).
11. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

E. S. Demina,
P. A. Katyshev

Manipulative tactics in fake news as a way of verbal persuasion

Abstract: fake information has a destructive character due to its negative impact on the psyche and the ability to mislead the audience, and therefore modern society needs to learn how to distinguish falsified facts from true ones. The authors of fake news, as a rule, use manipulative tactics in texts that increase the loyalty of the audience to false media acts and contribute to the belief in the reliability of information. The article examines the most popular manipulations and methods of introducing implicit intentions in fake news, the presence of which necessitates checking mass media texts for authenticity.

Keywords: fake, fake news, speech manipulation, manipulative tactics.

Я. А. Дударева

*кандидат филологических наук,
доцент Кемеровского государственного университета
Кемерово, Россия
dudareva-yana@yandex.ru*

Контент блогеров: сравнительное исследование сходства и различий

Аннотация: в статье представлено исследование аудиовизуальных материалов блогеров, в ходе которого осуществляется сравнение наименований роликов (по структурно-синтаксическим, графическим и семантическим признакам) и контента (по тематическим, логико-структурным, лексико-грамматическим, орфографическим, пунктуационным, психолингвистическим, визуально-графическим и аудиопризнакам).

Ключевые слова: экспертиза объектов интеллектуальной собственности, автороведческая экспертиза, сходство и различие текстов.

Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности [6: 16] является одним из новых направлений судебной экспертизы. В материалах, опубликованных экспертами ФБУ РФЦСЭ при Минюсте [2], выделяется два значимых аспекта такого исследования: лингвистический и психологический, что свидетельствует о междисциплинарности нового направления, а также о проведении в случае необходимости комплексных экспертиз. Поскольку объекты авторского и смежного права весьма разнообразны, то предлагаемый перечень типовых вопросов для лингвиста тоже делится на группы: первая группа вопросов связана с исследованием произведений (литературно-художественных, публицистических, научных), а вторая группа — с исследованием средств индивидуализации (фирменных наименований, товарных знаков, торговых марок, доменных имен).

Современная жизнь актуализирует в качестве объекта лингвистического исследования контент, создаваемый блогерами. Так, в 2024 году средства массовой информации обратили внимание на то, что «суд впервые вынес штраф за кражу рилса» [3].

Согласно решению Арбитражного суда Московской области от 26 апреля 2024 года по делу № А41–101804/23 «истец <ИП Юмина Ю. И.> является автором и правообладателем аудиовизуального произведения (reels, «рилс») под названием «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки». <...> Ответчик <ИП Булавин С. В.> незаконно использовал результаты интеллектуальной

деятельности Истца: полностью скопировав текстовое произведение, последовательность, структуру и содержание аудиовизуального произведения (а не отдельное словосочетание, слово или юридический алгоритм, статью из закона), а также разместил схожие изображения на фоне текста. Аудиовизуальное произведение Истца отличается оригинальным изложением, авторской последовательностью и структурой, оригинальным авторским содержанием. При этом приведенные Ответчиком доводы о «единственно возможных юридически грамотных действиях» не являются обоснованными на основании следующего. Содержание Произведения Истца не является цитированием нормативного-правового акта, Истец, исходя из своего опыта и профессиональной деятельности, творчески определил шаги, необходимые сделать после погашения ипотеки. Указанные шаги не являются юридическим алгоритмом, закрепленным в законодательстве. Ответчик не привел ссылки на правовые источники, в которых дословно изложено содержание спорного ролика.

Более того, в Аудиовизуальном произведении Истца шестым шагом, имеющим юмористическую окраску, является предложение взять новую ипотеку, что также не может рассматриваться в качестве закрепленного алгоритма» [4]. Также в названном судебном решении содержится информация, что Истец в качестве одного из доказательств незаконного использования видеоролика Ответчиком предоставил сравнительный анализ аудиовизуальных произведений.

Мы привели значимые выдержки из решения суда для того, чтобы на основе доказательств Истца, возражений Ответчика, мотивировки Суда порассуждать о развитии методики лингвистического сравнительно-сопоставительного анализа аудиовизуальных материалов. Экспертами ФБУ РФЦСЭ при Минюсте сформулированы 5 вопросов по анализу произведений, на которые отвечает лингвист. Это вопросы о наличии/отсутствии тождества, сходства (полного, частичного), различии между произведениями; вопросы, направленные на выявление творческой составляющей, оригинальности, самобытности и переработки текста, редактирования, воспроизведения одного произведения в составе другого. Но при этом отмечается, что «методики решения задач по установлению того, является ли текст результатом индивидуального творчества, а также его оригинальности, самобытности, в системе СЭУ Минюста России пока не разработаны» [2].

Как нам представляется, при сравнении аудиовизуальных материалов можно основываться на методологии исследований в области дери-вационной лингвистики, лингвоперсонологии, основываться на методиках, используемых:

— в производстве автороведческих исследований (для сравнения контента) [1];

— в производстве нейминговых исследований по сопоставлению средств индивидуализации (для сравнения наименований материалов) [5].

Исследовательский материал

Поскольку рилс Истца размещен в запрещенной социальной сети, а контент Ответчика в сети Интернет отсутствует, у нас нет возможности провести сравнительный анализ именно тех материалов, которые рассматривались в судебном процессе. В исследовательских целях мы обратимся к тем аудиовизуальным материалам, которые были обнаружены в интернет-пространстве как материалы с синонимичными наименованиями:

№ 1 — аудиовизуальное произведение с названием «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки Юлия Юмина оригинал #рилс #банк #квартира», размещенное по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=bzJZcxE350>;

№ 2 — аудиовизуальное произведение с названием «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки», размещенное по ссылке: <https://rutube.ru/video/4700411af81eac261185c17558bd9e7a/?t=0>.

I. Сравнение наименований аудиовизуальных произведений

1. Структурно-синтаксические признаки

Наименование аудиовизуального произведения «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки Юлия Юмина оригинал #рилс #банк #квартира» состоит из нескольких компонентов, а именно:

— основного компонента в виде наименования темы видеоролика — «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки»;

— дополнительного компонента, включающего наименование лица (блогера) с указанием на оригинальный материал — Юлия Юмина оригинал;

и хештеги — #рилс #банк #квартира.

Наименование аудиовизуального произведения «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки» состоит только из основного компонента, представляющего собой название темы, которой посвящен видеоролик.

Сопоставление указанных наименований аудиовизуальных произведений позволяет отметить, что основной компонент наименования

материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и целое наименование материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки» являются предложениями, имеющими графическое и семантико-синтаксическое сходство.

По целенаправленности анализируемые предложения являются повествовательными, имеют одинаковую модальность — реальную, являются утвердительными предложениями. Основной компонент наименования материала № 1 и целое наименование материала № 2 имеют тождественную синтаксическую структуру, а именно представляют собой сложноподчиненные предложения. Первое предложение в обоих случаях является главным и представляет собой подлежащее — словосочетание: «5 вещей» — «Пять действий». Второе предложение в обоих случаях является подчинительным, определительным придаточным предложением, которое присоединяется к главному с помощью союзного слова «которые».

2. Семантические признаки

Основной компонент наименования материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и наименование материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки» являются синонимическими синтаксическими конструкциями. Подлежащее-словосочетание «5 вещей» контекстуально синонимично словосочетанию «Пять действий». Придаточная часть анализируемых наименований содержит тождественные лексические единицы, а отличие состоит в использовании модальных слов с синонимичным значением «надо» — «нужно».

3. Графические признаки

Между сравниваемыми наименованиями имеется существенное сходство. Оба наименования записаны кириллицей, стандартным шрифтом. Первая часть сравниваемых наименований имеет существенное сходство: цифре 5 из наименования материала № 1 соответствует в материале № 2 буквенное написание этой же самой цифры — «пять». Также сравниваемые материалы содержат тождественные компоненты с синонимией модальных слов «надо» — «нужно», представляющие собой придаточное предложение в структуре наименования: «...которые нужно/надо сделать после погашения ипотеки».

Графическое отличие сравниваемых наименований проявляется в структуре наименований (многокомпонентное наименование материала № 1 и однокомпонентное наименование материала № 2) и в наличии лексических единиц, которые имеют в наименовании № 2 другое

означаемое («Пять действий»; «надо») при семантически тождественном означающем наименования № 1 («5 вещей»; «нужно»).

Вывод

Сопоставление наименования материала № 1 с наименованием материала № 2 выявило:

— по структурно-синтаксическому критерию:

тождество основного компонента наименования материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и наименования материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки» по целенаправленности, по характеру выражаемого в них отношения к действительности, по типу предложений по структуре;

— по семантическому критерию:

существенное сходство основного компонента наименования материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и наименования материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки», возникающее на основе синонимических отношений;

— по графическому критерию:

существенное сходство основного компонента наименования материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и наименования материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки», возникающее на основе использования тождественных лексических единиц, записанных кириллицей стандартным шрифтом строчными буквами, буквенной записи числа «5».

В ходе сопоставления наименований выявлены отличия, обусловленные многокомпонентностью наименования материала № 1: наименование материала № 1 содержит компоненты, к которым относится наименование лица (блогера) с указанием на оригинальный материал — Юлия Юмина оригинал; и хэштеги — #рилс #банк #квартира, отсутствующие в наименовании сравниваемого с ним материала № 2.

С учетом тождественности синтаксической структуры основного компонента наименования материала № 1 «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки» и наименования материала № 2 «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки», семантического сходства, выразившегося в использовании в наименованиях материалов слов-синонимов, а также графического сходства и имеющих различий между наименованиями в части многокомпонентной структуры наименования № 1 и однокомпонентного наименования № 2 мы приходим к выводу о том, что между анализируемыми наименованиями имеется существенное сходство.

II. Сравнение контента аудиовизуальных произведений

Приводим полный текст сравниваемых материалов с учетом раскладки. Орфография, пунктуация, оформление текстов сохранены.

№ 1 — аудиовизуальное произведение с названием «5 вещей, которые нужно сделать после погашения ипотеки Юлия Юмина оригинал #рилс #банк #квартира», размещенное по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=bzJZcexE350>:

ПОСЛЕ ПОГАШЕНИЯ ИПОТЕКИ
ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО СДЕЛАТЬ

ЭТИ 5 ВЕЩЕЙ,
ИНАЧЕ МОГУТ

ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Квартира будет вашей
после выполнения
этой инструкции

Просто внести сумму долга
недостаточно

Поэтому сохраняйте ее себе

1. Правильно совершите
последний
платеж по ипотеке

Спросите у банка точную
сумму последнего платежа,

Чтобы не переплатить и
не остаться должным
пару копеек

2. Закажите в банке справку
об отсутствии задолженности
и выписку подтверждающую,
что на счете нет средств

3. Не забудьте забрать
из банка закладную

Там должно быть написано,
что вы выполнили все
обязательства

И у банка нет к вам претензий

4. Снимите обременение
с квартиры

для этого всего лишь стоит обратиться МФЦ

5. Закажите выписку
в Росреестре,

чтобы обременение снято

6. Надо сразу брать
новую ипотеку

№ 2 — аудиовизуальное произведение с названием «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки», размещенное по ссылке: <https://rutube.ru/video/4700411af81eac261185c17558bd9e7a/?t=0>.

После погашения ипотеки
нужно сделать

Пять этих вещей

Чтобы потом не

возникли проблемы

Квартира будет Вашей

только после выполнения

Этой инструкции

Первое

Правильно совершите

последний платеж по

ипотеке

Спросите у банка точную

сумму последнего платежа

Чтобы не переплатить

и не остаться должным

пару копеек

Второе

Закажите у банка справку

об отсутствии задолженности

И выписку,

подтверждающую

Об отсутствии на счете

средств

Третье

Не забудьте забрать

из банка закладную

Там должно быть написано,

что Вы выполнили все

обязательства

И у банка нет к Вам

претензий

Четвертое
Снимите обременение
с квартиры
Для этого всего лишь
нужно обратиться в МФЦ
Пятое
Закажите выписку в
росреестре, чтобы
убедиться,
Что обременение снято
Ну и шестое
Нужно сразу брать
новую ипотеку
А если у Вас есть долги
свыше 200 000 Р
И Вы хотите их законно
списать
Пишите свой номер
к нам в сообщения
И мы проведем для Вас
бесплатную консультацию

1. Тематические (содержательно-смысловые) признаки

Сравниваемые аудиовизуальные произведения относятся к одной и той же теме, обозначенной в их названии. В материалах представлена инструкция, которой необходимо воспользоваться после погашения ипотеки. С точки зрения тематического критерия материалы обладают существенным сходством.

2. Логико-структурные признаки

Видеоролик № 1 композиционно состоит из двух частей:

— вступительной части (от начала «После погашения ипотеки...» и до слов «Поэтому сохраняйте ее себе»), в которой говорится о важности совершения определенной последовательности действий;

— основной части, представляющей собой последовательное изложение каждого действия («1. Правильно совершите последний платеж...» и до конца «6. Надо сразу брать новую ипотеку😊»).

Видеоролик № 2 композиционно состоит из трех частей:

— вступительной части (от начала «После погашения ипотеки...» и до слов «Квартира будет Вашей только после выполнения Этой инструкции»), в которой говорится о важности совершения определенной последовательности действий;

— основной части, представляющей собой последовательное изложение каждого действия («1. Правильно совершите последний платеж...» и до конца «6. Нужно сразу брать новую ипотеку»);

— заключительной части, в которой содержится информация об услугах для должников («А если у Вас есть долги... И мы проведем для Вас бесплатную консультацию»).

Сопоставление структурных компонентов позволяет увидеть значимое сходство между материалами. Существенное сходство проявляется в синонимичном и в определенных фрагментах полном совпадении вступительной и основной частей материалов, в одинаковой последовательности изложения пунктов инструкции. В названиях, как и во вступительной части сопоставляемых материалов, заявлено о 5 действиях, которые необходимо сделать, но при этом в каждом из материалов содержится информация о шестом действии.

Заключительная часть материала № 2 в содержательном отношении отсылает к иной теме, имеет незначительную временную продолжительность (8 секунд), в связи с чем ее наличие не приводит к существенному отличию между текстами.

3. Лексико-грамматические признаки

Сравним части видеороликов в соответствии с выделенными выше структурными компонентами.

Материал № 1	Материал № 2
(1) ПОСЛЕ ПОГАШЕНИЯ ИПОТЕКИ ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО СДЕЛАТЬ ЭТИ 5 ВЕЩЕЙ, ИНАЧЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ (2) Квартира будет вашей после выполнения этой инструкции (3) Просто внести сумму долга недостаточно Поэтому сохраняйте ее себе	(1) После погашения ипотеки нужно сделать Пять этих вещей Чтобы потом не возникли проблемы (2) Квартира будет Вашей только после выполнения Этой инструкции

Блогеры не используют точки для синтаксического обозначения границ предложений, но для проведения лингвистического анализа мы самостоятельно обозначили фразовые границы. Вступительная часть материала № 1 состоит из трех фраз, материал № 2 содержит две фразы. Начало, т. е. сильная позиция текста, в сравниваемых материалах является тождественным. Далее следуют синтаксические конструкции,

представляющие собой синонимичные варианты: «эти 5 вещей» — «Пять этих вещей». Обратим внимание, что в материале № 2 наблюдается значимое несоответствие между его наименованием «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки» и первой фразой. Замена лексических единиц «Пять действий» — «Пять этих вещей» демонстрирует их авторское контекстуальное синонимичное употребление. Придаточные предложения в (1) фразе также являются синонимичными со сходной семантикой предостережения. Во фразах (1) и (2) присутствуют лексические единицы с усилительным значением — наречие «обязательно» в материале № 1, частица «только» в материале № 2. Несмотря на то что лексические единицы разные, они обе работают на создание одной и той же модальности долженствования в связи с выполнением действий, которые озвучиваются далее в инструкции.

Проанализируем основную часть материалов. Первый пункт инструкций является тождественным:

Материал № 1	Материал № 2
1. Правильно совершите последний платеж по ипотеке Спросите у банка точную сумму последнего платежа, Чтобы не переплатить и не остаться должным пару копеек	Первое Правильно совершите последний платеж по ипотеке Спросите у банка точную сумму последнего платежа Чтобы не переплатить и не остаться должным пару копеек

Второй пункт инструкций имеет существенное сходство:

Материал № 1	Материал № 2
2. Закажите в банке справку об отсутствии задолженности и выписку подтверждающую, что на счете нет средств	Второе Закажите у банка справку об отсутствии задолженности И выписку, подтверждающую Об отсутствии на счете средств

Вторые пункты инструкции почти тождественны между собой, но все же с частичным различием, возникающим за счет синтаксических коррелятов: «...закажите в банке справку» — «закажите у банка справку».

Поскольку лексема «банк» является многозначной, имеющей 1) значение «финансовое учреждение», благодаря чему возникла грамматическая

конструкция со значением места: где заказать справку? — в банке; 2) значение, основанное на метонимическом переносе. На основе значения слова «банк» как сотрудники финансового учреждения возникает грамматическая конструкция со значением «указание на источник получения справки»: у кого заказать справку? — у банка.

Лингвистически значимым является фрагмент с грамматической ошибкой из текста № 2: «...выписку, подтверждающую Об отсутствии на счете средств», которая коррелирует с грамматически правильным оформленным предложением из текста № 1: «...выписку подтверждающую, что на счете нет средств». Такие вкрапления в виде синонимичных грамматических конструкций внутри тождественного текста становятся индикаторами сходства текста. Благодаря допущенным ошибкам мы лингвистически наблюдаем механизм, как с помощью синонимических трансформаций создается копиальный текст.

Третьи пункты инструкций являются тождественными:

Материал № 1	Материал № 2
3. Не забудьте забрать из банка закладную Там должно быть написано, что вы выполнили все обязательства И у банка нет к вам претензий	Третье Не забудьте забрать из банка закладную Там должно быть написано, что Вы выполнили все обязательства И у банка нет к Вам претензий

Четвертые пункты имеют существенное сходство при незначительных отличиях:

Материал № 1	Материал № 2
4. Снимите обременение с квартиры для этого всего лишь стоит обра- титься МФЦ	Четвертое Снимите обременение с квартиры Для этого всего лишь нужно обратиться в МФЦ

Незначительные отличия заключаются в использовании синонимичных модальных конструкций: «всего лишь стоит обратиться...» — «всего лишь нужно обратиться...».

В текстовом оформлении материала № 1, размещенном на видео, отсчитывает предлог «в», в звуковом сопровождении ролика предлог есть.

Пятые пункты также сходны между собой:

Материал № 1	Материал № 2
5. Закажите выписку в Росреестре, чтобы обременение снято	Пятое Закажите выписку в росреестре, чтобы убедиться, Что обременение снято

При наличии тождества имеются значимые отличия, которые провоцируют на лингвистические размышления о «следах» текстов, их переработке. Построение предложения с союзом «чтобы» из материала № 1 является грамматически неверным, однако в звучащем материале на его месте используется союз «что», в связи с чем можем предполагать опечатку. Материал № 2 содержит придаточное предложение с союзом «чтобы», в результате чего исправляется грамматическая ошибка из первого текста.

Шестые пункты также являются существенно сходными, имеющими лишь незначительные отличия, заключающиеся в синонимии модальных слов «надо брать» — «нужно брать», добавлении модально-волевой частицы «ну»:

Материал № 1	Материал № 2
6. Надо сразу брать новую ипотеку 😊	Ну и шестое Нужно сразу брать новую ипотеку

Материал № 2 содержит заключительный фрагмент, отсылающий к теме долга и оказания консультационных услуг в связи с этим. Подобный тематический фрагмент в материале № 1 отсутствует:

Видеоматериал № 1	Видеоматериал № 2
—	А если у Вас есть долги свыше 200 000 Р И Вы хотите их законно списать Пишите свой номер к нам в сообщения И мы проведем для Вас бесплатную консультацию

Поскольку данный фрагмент содержательно относится к иной теме и является непродолжительным по времени, его наличие в материале № 2 не имеет существенного значения при рассмотрении вопроса о сходстве текстов.

Итак, на основании лексико-грамматического критерия между сопоставляемыми материалами обнаружено тождество ряда фрагментов, а также существенное сходство пунктов инструкции из основной части материала. Поскольку сходство материалов основывается на синонимии лексических единиц и грамматических конструкций, в том числе на явлении абсолютной синонимии, то с учетом языковой природы этого лексико-семантического явления между текстами возникает существенное смысловое сходство и даже смысловое тождество при наличии формально разных языковых единиц.

4. Орфографические языковые признаки

С точки зрения орфографии сравниваемые тексты имеют сходство, проявляющееся в целом орфографически грамотном написании. При этом имеются отличия, связанные с написанием слов с заглавной буквы. К орфографическим отличиям относится написание местоимения «Вы» и его падежных форм. В материале № 1 названное личное местоимение всегда написано со строчной буквы, а в материале № 2 — всегда с заглавной буквы. Возможно, что различие в написании соотносится с авторским видением адресованности материала — широкому кругу лиц или персонально каждому.

Лексическая единица «Росреестр» имеет разное написание. В материале № 1 слово написано с заглавной буквы, что соответствует норме, а в материале № 2 — со строчной буквы, что является нарушением правил русского языка.

5. Пунктуационные языковые признаки

В пунктуационном оформлении текстов имеется сходство, проявляющееся в отсутствии точек как показателей границ предложений. Каждая фраза подается покадрово. Отличия связаны с тем, что в материале № 2 номер каждого пункта инструкции оформлен с использованием парцелляции, в материале № 1 пункты представляют собой часть целой фразы.

В материале № 1 имеется пунктуационная ошибка, связанная с постановкой запятой в предложении с причастным оборотом («и выписку подтверждающую, что на счете нет средств»). В материале № 2 имеются пунктуационные ошибки по постановке знаков препинания во всех сложноподчиненных предложениях («После погашения ипотеки нужно сделать Пять этих вещей Чтобы потом не возникли проблемы»; «Спросите у банка точную сумму последнего платежа Чтобы не переплатить и не остаться должным пару копеек»; «А если у Вас есть долги свыше 200 000 Р И Вы хотите их законно списать Пишите свой номер»).

В предложении с причастным оборотом запятая по выделению оборота поставлена верно, но допущена грамматическая ошибка («И выписку, подтверждающую Об отсутствию на счете средств»).

Сравнение текстов по пунктуационному оформлению выявило заметное отличие между ними. В материале № 2 допущено значительное количество ошибок.

6. Психолингвистические признаки

В текстовом оформлении материала № 1, размещенном на видео, шестой пункт инструкции сопровождается улыбающимся смайликом. Материал № 2 содержит текстовую часть, существенно сходную с материалом № 1, но без эмодзи:

Материал № 1	Материал № 2
6. Надо сразу брать новую ипотеку 😊	Ну и шестое Нужно сразу брать новую ипотеку

7. Визуально-графические признаки

Визуальное оформление материалов имеет сходство, что обусловлено их одинаковой тематикой. В связи с этим в обоих видеороликах имеются кадры чтения и подписания документов и т. п. В обоих видеоматериалах заголовков о пяти вещах сопровождается одинаковым жестом — ладонь, демонстрирующая 5 пальцев, направлена в камеру.

Имеются также и визуальные отличия. Материал № 1 сопровождается анимационными дополнениями, в частности иконкой «файл с ручкой», использующейся как знак сохранения инструкции. Материал № 2 анимационных дополнений не содержит.

Вступительная часть материала № 1 оформлена заглавными буквами, слова «ПОСЛЕ ПОГАШЕНИЯ ИПОТЕКИ», с которых начинается текст, написаны желтым цветом. Текст в материале № 2 полностью написан буквами белого цвета, первое слово в каждом кадре начинается с заглавной буквы.

В материале № 1 каждое действие из инструкции сопровождается арабскими цифрами с постановкой точки. В звучащем тексте цифры озвучиваются как порядковые имена числительные. В материале № 2 цифры написаны как порядковые имена числительные, в звучащем материале они интонационно логически выделяются.

Таким образом, тематическое, логико-структурное, лексико-стилистическое сходство обусловило и существенное визуально-графическое сходство сравниваемых материалов.

8. Аудиопризнаки

Аудиооформление материала № 1 представляет собой текст, который произносит женщина. Имеются незначительные расхождения между звучащим материалом и текстом, написанным на видео:

Звучащий текст	Написанный текст	Характеристика изменения
Нужно обязательно сделать...	ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО СДЕЛАТЬ	Изменение порядка слов
Правильно совершите	1. Правильно совершите	В звучащем тексте отсутствует слово, обозначающее цифру «1»
...для этого всего лишь стоит обратиться в МФЦ	для этого всего лишь стоит обратиться МФЦ	В письменном тексте отсутствует предлог «в»
...что обременение снято	5. Закажите выписку в Росреестре, чтобы обременение снято	Замена союза

Интонационное оформление материала № 1 соответствует смысловому членению текста и его графической записи на видео.

Аудиооформление материала № 2 представляет собой аудиотекст, который произносит мужчина. Расхождения между звучащим материалом и текстом, написанным на видео, отсутствуют. Интонационное оформление соответствует смысловому членению текста и его графической записи на видео.

Структурное и содержательное сходство анализируемых текстов обуславливает и их сходное звуковое воплощение, заключающееся в совпадении как вступительной, так и основной части материалов.

Различия имеют несущественный характер. Синтаксическое различие, связанное с парцелляцией текста № 2, отражается в различии в графической записи текста и интонационном выделении логически значимых слов. Женщина произносит пункты инструкции, не отделяя их интонационно от содержания, мужчина нумерацию каждого пункта произносит с интонационным выделением и паузой.

Видеоролик № 2 содержит заключительный фрагмент об услуге по списанию долгов, который отсутствует в видеоролике № 1.

Вывод

Сопоставление контента по тематическим, логико-структурным, лексико-грамматическим, орфографическим, пунктуационным,

психолингвистическим, визуально-графическим, аудиопризнакам позволяет сделать вывод о тождестве фрагментов и существенном сходстве во вступительной и основной частях сопоставляемого контента.

В совокупности с существенным сходством наименований мы можем рассматривать материалы блогеров как тексты, находящиеся между собой в отношениях варьирования.

В завершении публикации отметим, что в интернет-пространстве имеются и иные материалы, имеющие названия, которые подобны проанализированным в настоящей статье: «Пять действий, которые надо сделать после погашения ипотеки»; «5 вещей, которые необходимо сделать после закрытия ипотеки, а то могут быть...»; «Пять важных шагов после погашения ипотеки»; «5 шагов после погашения ипотеки». Обнаруженные наименования имеют между собой существенные сходства, и это означает, что весь контент с синонимическими наименованиями нуждается в более глубокой, содержательной проверке. С одной стороны, контент на одинаковую тематику объективно может иметь сходные наименования. С другой стороны, синонимичные наименования могут оказаться одним из индикаторов копиальности, т. е. создания текста-варианта по принципу фамильного сходства.

Литература

1. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
2. Крюк Е. К., Кузнецов В. О., Секераж Т. Н. Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности: лингвистический и психологический аспекты [Электронный ресурс]. URL: http://www.sudexpert.ru/img/rudn2019_posters/Poster_5-1.pdf (дата обращения: 14.08.2024).
3. Ларина А. Суд впервые вынес штраф за кражу рилса [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6680173> (дата обращения: 14.08.2024).
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 26 апреля 2024 года по делу № А41—101804/23.
5. Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_rospatent.pdf (дата обращения: 14.08.2024).
6. Смирнова С. А., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности — новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 2. С. 16–26.

Ya.A. Dudareva

Bloggers content: a comparative study of similarities and differences

Abstract: The article presents a study of bloggers' audiovisual materials, during which a comparison is made of the titles of the videos (based on structural-syntactic, graphic and semantic features) and content (based on thematic, logical-structural, lexical-grammatical, spelling, punctuation, psycholinguistic, visual-graphic and audio features).

Keywords: examination of intellectual property objects, authorship examination, similarities and differences of texts.

А. А. Еркин

*заместитель декана
по цифровому развитию
и дополнительному образованию
юридического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
a_erkin@law.msu.ru*

Н. В. Дьякова

*кандидат психологических наук,
координатор программ
дополнительного образования
по направлению «Судебная
экспертиза», старший научный
сотрудник лаборатории политологии
юридического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
n_dyakova@law.msu.ru*

Проблемы и пути решения подготовки судебных экспертов-психологов

Аннотация: в данной статье рассматривается актуальный вопрос подготовки экспертов гуманитарных специальностей, в частности психологов, для участия в судебных экспертизах. Особое внимание уделяется положительному опыту юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в области дополнительного образования по направлению «Судебно-психологические экспертизы».

Ключевые слова: судебные экспертизы гуманитарного профиля, психологические и комплексные с ними экспертизы, дополнительное профессиональное образование.

Судебные экспертизы с участием психологов, в равной мере как и политологов, религиоведов, историков, этиковедов, философов и, конечно, лингвистов, относятся к группе судебных экспертиз гуманитарного профиля. В настоящее время подготовка таких специалистов стала особенно актуальной из-за изменившихся условий социальной жизни, особенно в контексте напряженной политической обстановки в мире.

Однако ни один российский вуз не предлагает программы бакалавриата, магистратуры или специалитета, которые готовили бы профессиональных экспертов для участия в психологических, политологических, этиковедческих, религиоведческих и других экспертизах гуманитарного профиля. Что касается судебной лингвистики, то здесь существует проблема единого подхода к проведению судебных лингвистических экспертиз.

Подготовка экспертов-психологов для участия в судебно-психологических и комплексных с ними экспертизах, как и других экспертов гуманитарных специальностей, — задача сложная и многогранная.

Она требует комплексного подхода, объединения усилий профильных вузов и сотрудничества с экспертным сообществом.

Психологи участвуют в комплексных и однородных судебных экспертизах уже много десятилетий. Однако, как отмечает Ф. С. Сафуанов, в настоящее время проблема подготовки квалифицированных профессиональных кадров для судебно-психологической экспертизы остается мало разработанной, а система подготовки судебных психологов-экспертов в нашей стране функционирует неудовлетворительно [4].

До недавнего времени специализированная подготовка психологов для участия в психолого-психиатрических экспертизах проводилась в основном в ГНЦ ССП имени В. П. Сербского Минздрава России в рамках программы повышения квалификации «Медицинская и судебная психология». Объем курса постепенно увеличился с 72 до 144 академических часов. Стоит отметить, что Центр им. В. П. Сербского продолжает оставаться методическим центром, разрабатывающим теоретические, методологические и организационно-правовые решения проблем комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном и гражданском процессах.

Однако в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии (НМИЦ ПН) имени В. П. Сербского Минздрава России программы профессиональной переподготовки для психологов по специальности «Судебно-психологическая экспертиза» не существует. Медицинские (клинические) психологи, работающие в экспертных учреждениях системы Минздрава России и привлекаемые к участию в судебных психолого-психиатрических экспертизах, к сожалению, до сих пор не имеют статуса экспертов, в отличие от своих коллег-психиатров. Тем не менее психологи наравне с судебными психиатрами решают экспертные вопросы, поставленные перед ними следствием и судом.

Пройти обучение по программе повышения квалификации в ГНЦ ССП имени В. П. Сербского могут лишь действующие сотрудники медицинских учреждений. Аналогичная ситуация наблюдается и в других ведомственных организациях, где мастерству психологической экспертизы обучают исключительно представителей своего ведомства.

Организация обучения психологов навыкам проведения судебно-психологической экспертизы осложняется и тем, что такая экспертиза как отдельный род судебной экспертизы относится к юридическим наукам. Поэтому указанную экспертную специальность можно получить либо в специализированном вузе, либо на юридических факультетах вузов.

Значительным шагом вперед в области подготовки психологов-экспертов стало открытие программ дополнительного образования по направлению «Судебная экспертиза» на юридическом факультете

МГУ имени М. В. Ломоносова [1]. С 2018 года на факультете реализуются программы, предназначенные для специалистов, чья деятельность связана с психологической экспертизой. К настоящему времени более 500 слушателей успешно завершили обучение.

Одной из первых стала программа повышения квалификации «Медицинская психология в судебной экспертизе» (2018 год, 144 академических часа), которая впоследствии была усовершенствована и преобразована в программу повышения квалификации «Судебно-психологическая экспертиза» (2020 год, 144 академических часа).

С 2021 года на юридическом факультете МГУ успешно реализуются программы не только повышения квалификации, но и профессиональной переподготовки, одна из которых создана специально для иностранных слушателей («Психологическая экспертная деятельность», 670 академических часов).

В 2024 году в МГУ открыто уже более 10 программ дополнительного образования по направлению «Судебная экспертиза». Большой популярностью пользуется программа профессиональной переподготовки «Судебная экспертиза. Психологические экспертизы» (700 академических часов). Востребованными среди специалистов являются программы повышения квалификации «Судебно-психологическая экспертиза», «Экспертиза информационных материалов», «Экспертное сопровождение семейных споров в суде», «Профайлинг в правоприменительной практике» (по 144 академических часа). Вызвала большой интерес новая программа повышения квалификации «Экспертиза информационных материалов по делам экстремистской направленности» (72 академических часа).

Завоевывают популярность три дистанционные программы повышения квалификации для адвокатов, интересующихся судебной экспертизой в уголовном, гражданском процессах, по делам о семейных спорах, решаемых в судебном порядке (по 72 академических часа).

Высокой популярностью среди слушателей пользуются программы стажировки в экспертных организациях на базе психиатрических клиник.

Все указанные программы имеют обязательную базовую часть, включающую дисциплины по юридическим наукам, теории судебной экспертизы, юридической, клинической и социальной психологии, а также вариативную часть, учебные дисциплины которой соответствуют тематике конкретной программы.

Программа профессиональной переподготовки по специальности «Судебная экспертиза» специализации «Психологические экспертизы», как и все программы повышения квалификации, реализуемые

на юридическом факультете МГУ, созданы в соответствии с ФГОС ВПО по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза». Структура программ включает три блока: дисциплины, практику и итоговую аттестацию.

Слушатели изучают такие юридические дисциплины, как «Основы криминалистики» и «Основы экспертологии», содержащие комплекс юридических и общих экспертных знаний. В программе содержатся разделы, в которых представлены базовые сведения по судебной психиатрии, клинической психологии и лингвистике.

Программа профессиональной переподготовки помимо обширной теоретической части содержит сто часов практики. Кроме текущих практических занятий в период обучения, предусмотрены посещения отделения судебно-психиатрических экспертиз одного из государственных учреждений Минздрава России в рамках договора о сотрудничестве с юридическим факультетом МГУ; участие в мастер-классах клинического психолога по психологической диагностике больного, имеющего психическое расстройство; разборы конкретных случаев прошлых лет по уголовным, гражданским делам, семейным спорам, исследование информационных материалов с последующим оформлением заключений.

Обучение проходит в вечернее время в смешанном формате — в виде очных занятий на факультете с возможностью дистанционного подключения к онлайн-трансляции. В дополнение к этому слушателям предоставляется возможность в течение двух недель после каждой лекции просматривать ее в записи.

Практические занятия проводятся в дневное и вечернее время на юридическом факультете МГУ, а также в рабочие часы организаций, где слушатели знакомятся с реальными психолого-психиатрическими экспертизами.

Для контроля знаний слушателей после каждой темы предусмотрен зачет или экзамен. В конце программы переподготовки проходит итоговый междисциплинарный экзамен в письменной форме, включающий вопросы по всему учебному курсу и дипломную работу в форме реферата.

В конце изучения больших разделов организуются тематические круглые столы, на которых участники выступают с короткими докладами, делятся опытом, приводя примеры из собственной практики, предлагают для коллективного обсуждения те или иные проблемы по тематике экспертизы.

На юридическом факультете МГУ в рамках просветительской деятельности регулярно проходят круглые столы с приглашенными лекторами — известными экспертами и учеными, специалистами в области судебно-экспертной деятельности. Подобные мероприятия

способствуют поддержанию контактов с выпускниками наших программ — они охотно посещают такие встречи, участвуют в них в качестве лекторов.

О преподавателях, ведущих на юридическом факультете МГУ программы дополнительного образования по тематике судебно-экспертной деятельности, стоит сказать особо. Темы по криминалистике и теории судебной экспертизы освещают преподаватели юридического факультета МГУ. А дисциплины, связанные с практикой судебной экспертизы, ведут без отрыва от непосредственной экспертной деятельности сотрудники различных государственных и частных экспертных организаций.

Весьма важно, что цифровые технологии, активно применяющиеся на юридическом факультете МГУ, позволяют приглашать преподавателей из других известных вузов и экспертных организаций со всей России.

В заключении следует сказать, юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова занимает особое место в подготовке специалистов по судебно-психологической экспертизе. Это обусловлено тем, что здесь обучают по самым актуальным направлениям экспертизы, включая исследование информационных материалов, экспертизы по семейным спорам о воспитании детей и профайлинг в правоприменительной практике.

Классическая программа повышения квалификации «Судебно-психологическая экспертиза» содержит темы, отражающие современные потребности экспертов в повышении уровня своей подготовки. Среди них: исследование экстремизма и личности террориста; психологические приемы манипулирования; использование психологических знаний для предотвращения преступлений. Обучение по этим программам проводится на высоком профессиональном уровне и включает в себя практику проведения реальных экспертиз.

Для участия в программе профессиональной переподготовки по специальности «Судебная экспертиза» со специализацией «Психологические экспертизы» не требуется быть сотрудником государственного профильного учреждения.

Выпускники наших программ имеют возможность продолжать обучение и совершенствовать свои знания в рамках круглых столов, которые регулярно проводятся на юридическом факультете МГУ. Кроме того, они могут поддерживать связь с преподавателями, которые являются экспертами-профессионалами и всегда готовы оказать консультационную поддержку в их самостоятельной профессиональной деятельности.

МГУ имени М. В. Ломоносова, являясь центром передовой мировой науки и образования, создал прекрасную базу для подготовки

психологов-экспертов. Авторы программы и педагоги открыты для сотрудничества как с экспертными организациями, так и с отдельными специалистами, как российскими, так и зарубежными.

Литература

1. Еркин А. А., Дьякова Н. В. Государственная судебно-экспертная деятельность: перспективы развития и проблемы подготовки кадров // *Законодательство*. 2022. № 11. С. 4.
2. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М., 2010.
3. Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1999.
4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 “Судебная экспертиза” (уровень специалиста)».
5. Сафуанов Ф. С. Вопросы подготовки и повышения квалификации медицинских психологов судебно-психиатрических экспертных учреждений // *Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (к 85-летию Юрия Федоровича Полякова)* / под общ. ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рошиной. М., 2013.
6. Сафуанов Ф. С., Секераж Т. Н. Судебные экспертизы с участием психолога в Российской Федерации: формы, виды, перспективы межведомственного взаимодействия // *Юридическая психология*. № 1. 2006.
7. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М., 2017.

A. A. Yerkin,
N. V. Dyakova

Problems and solutions of preparation forensic psychological experts

Abstract: this article deals with the actual issue of training experts of humanitarian specialties, in particular, psychologists, to participate in forensic examinations. Special attention is paid to the positive experience of the Faculty of Law of Moscow State University. Lomonosov University in the field of additional education in the direction of forensic psychological examinations.

Keywords: forensic examinations of the humanitarian profile, psychological and complex examinations with it, additional professional education.

И. В. Жарков

*начальник научно-методического
отдела РОО «Гильдия лингвистов-
экспертов по документационным
и информационным спорам»
Санкт-Петербург, Россия
linguexpert@protonmail.com*

Е. А. Колтунова

*доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Института филологии
и журналистики ФГАОУ
ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»,
член правления РОО «Гильдия
лингвистов-экспертов
по документационным
и информационным спорам»
Нижний Новгород, Россия
koltunova52@yandex.ru*

Ошибки в лингвистической экспертизе как объекты критического анализа

Аннотация: в статье произведена попытка частичного осмысления, систематизации и обобщения накопленного авторами опыта рецензирования заключений экспертов. Рассматриваются актуальные проблемы проведения судебных лингвистических экспертиз, приводятся примеры типичных методических и научных (лингвистических) ошибок, связанных с незнанием экспертами основ законодательства. Анализ проводится с учетом норм законодательства (главным образом ФЗ № 73 и УПК РФ).

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, рецензирование заключения эксперта, ошибка эксперта, методы лингвистической экспертизы, экспертное подразделение вуза.

Проблема объективности судебных лингвистических экспертиз на протяжении последних двух десятилетий не только не теряет своей актуальности, но и становится все острее, отражаясь как в научных публикациях [2; 6–9], так и в СМИ и на различных интернет-платформах. Можно сделать вывод, что эта проблема имеет не только важную научно-методическую составляющую, но и общественную значимость.

Известно, что системообразующим законным актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации, является Федеральный закон от 31.04.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который в ст. 2 формулирует задачи экспертной деятельности — «...оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию

по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла».

Как уже было отмечено, исследование в судебно-экспертной сфере — это научное изучение фактов, находящихся в распоряжении эксперта. Установленное значение подтверждается также содержанием ст. 8 № 73-ФЗ: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...». Таким образом, очевидно, что ход судебно-экспертного исследования не может не опираться на методическую базу, которая состоит из ряда специальных методик, методов и приемов. О важности использования современных методов в экспертной деятельности говорится и в Постановлении Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», где в п. 1. сказано: *«Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию»*, — а в п. 15: *«Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования»* [4].

Таким образом, в основном нормативном акте, на основании которого должны работать и государственные, и негосударственные эксперты, требований к проведению экспертизы не так уж много, и все они вполне выполнимы. Однако, к сожалению, на практике исполняются далеко не всегда, поэтому верификация заключения, предусмотренная ст. 8 ФЗ № 73, во многих делах является насущной необходимостью. И здесь возникает вопрос, кто именно может верифицировать заключение, являющееся порой одним из важнейших доказательств в судебном процессе. Опыт проведения различных исследований в рамках судопроизводства показывает, что у самих участников процесса нет возможности глубоко и адекватно оценивать современные заключения экспертов-лингвистов, выполняемые с опорой на разнообразные научные методики и термины теории речевых актов, психолингвистики, когнитивной и прагмалингвистики. Объем профессиональных познаний позволяет им оценить только наличие формальных признаков и соблюдение формальных требований (наличие и адекватность подписки эксперта, указания на место и время проведения, соответствие специальности и др.) Однако как методика, так и ход проведения исследования могут быть объективно оценены только специалистами-лингвистами, знакомыми с экспертными методиками исследования речевых материалов и способными разобратся в конкретной методике, описанной непосредственно в заключении. Возникает серьезное противоречие, так как верификация (процесс

проверки и подтверждения достоверности чего-либо с использованием различных методов) всегда связана с оценкой, а оценка, согласно ст. 88 УПК РФ, дается судом, прокурором, следователем, дознавателем. При верификации заключения эксперта требуется, в частности, установить объективность представленных в нем суждений. Но основной критерий объективности, принятый в науке, — это получение тождественных или близких результатов иным исследователем при применении тех же методов исследования к тому же объекту.

Однако эксперт не является лицом, имеющим право давать правовую оценку заключению, мнению специалиста, и наоборот. То же говорится в Определении КС РФ от 31.01.2023 по жалобе Шевцова об ограничении рецензирования *«Согласно же Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном этим Кодексом, в том числе его статьями 58, 164, 168 и 270, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, этот Кодекс не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу»*.

Распространенной является трактовка этой позиции Конституционного Суда, в соответствии с которой профессионально, с позиций лингвистической специальности, верифицировать имеющиеся в деле заключения экспертов и специалистов представляется практически невозможным. Между тем эта трактовка представляется небесспорной, и дело не только и не столько в том, что она основана на гиперболе *«Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по <...> проведению схожих с экспертизой исследований, этот Кодекс не предусматривает»*, где под «этим кодексом» понимается УПК РФ (ср., например, формулировку п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ: «С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе <...> не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении...»), сколько в том, что ошибки в лингвистических заключениях — средства доказывания неизбежны: иногда они связаны

с невнимательностью экспертов, иногда с недостаточной лингвистической подготовкой и отсутствием знаний экспертной методики, а порою и с откровенным манипулированием фактами.

Кроме того, если *«специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается <...> для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию»*, причем вопросы эти являются значимыми для разрешения дела (иное означало бы явное злоупотребление правом со стороны лиц, привлечших специалиста), то мы сталкиваемся с ситуацией, когда специалист так или иначе оказывается в положении лица, использующего свои специальные знания для содействия суду в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по делу, а следовательно, по целеустановке его деятельность оказывается тождественной задаче судебно-экспертной деятельности, как она определена в ст. 2 закона № 73-ФЗ. В этом смысле **отрицать полную содержательную однородность деятельности эксперта и специалиста невозможно и вредно.**

Интерпретация указанного определения Конституционного Суда как абсолютного запрета на процессуальное использование заключений специалистов, имеющих форму научно-методических рецензий на заключения иных специалистов или экспертов, представляется в корне неверной. Безусловно, специалист не вправе давать доказательствам, в том числе и специальным заключениям иных лиц, правовые оценки, в частности он не должен выражать суждения об их допустимости или относимости, но на возможность корректного процессуального использования специальных суждений рецензентов по вопросам, связанным с оценкой заключений коллег и имеющим специальную природу, недвусмысленно указывается в другом определении КС РФ, о чем прямо сказано в рассматриваемом определении: «Кроме того, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 26 октября 2021 года № 2177-О, сторона защиты не лишена возможности с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы».

Приведем несколько примеров распространенных ошибок, встречающихся в экспертных заключениях, выявление и устранение которых представляется невозможным без привлечения специальных лингвистических знаний.

1. Авторы статьи не раз обращали внимание на отсутствие единообразия в методах исследования потенциально криминальных

текстов, несмотря на доступность известнейшей монографии под ред. С. А. Смирновой, в которой рекомендуется использовать семантический анализ и конкретные методы, включая метод семантической декомпозиции, контекстуальный, референциальный, а также семантико-прагматический, стилистический, текстовый анализ речевого акта и др. Об этом сказано и в методических источниках Минюста 2011, 2014 и 2022 годов, в работах О. В. Кукушкиной, в Типовой методике 2019 года [10, 11, 12, 13, 18]. Однако методы все множатся, и порой даже лингвист с многолетним стажем встает в тупик, читая о примененных коллегами методах, таких как **«анализ коммуникативных единиц (суждений, утверждений, доводов) с выделением пропозиций фактов, мнений, оценок, волеизъявлений и определением функционально-понятийной структуры единиц содержания текста»**, **«метод социально-культурной обусловленности»**, **«анализ с точки зрения эмического уровня системы номинаций»**.

Встречаясь с подобными декларациями применяемых в экспертизе методов, невольно задаешься вопросом, чем экспертов не устраивают классические лингвистические методы, тем более что методика выявления «противоправных» лингвистических признаков вполне неплохо разработана. Да, она пока не идеальна, нуждается в совершенствовании, но не с помощью надуманных методов и подходов, позволяющих анализировать текст субъективно. *«Заключение... оценивается как **научно обоснованное**, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны... Допустимость... состоит также в том, что методы и средства, используемые экспертом, должны быть надлежаще апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов должны быть достоверно установлены...»* [5: 72]. Об этом же говорится, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам, где в п. 1 сказано: *«Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию»*, — а в п. 15: *«Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые МЕТОДЫ и МЕТОДИКИ экспертного исследования»* [4]. Нелишне будет напомнить также, что закон № 73-ФЗ требует: *«Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»*

(ст. 7). К сожалению, большинство перечисленных выше методов к категории общепринятых в лингвистической судебной экспертизе никак не могут быть отнесены.

Таким образом, налицо проблема недостаточного понимания некоторыми экспертами методологических основ проведения экспертизы — и это серьезная проблема научной достоверности текста заключения и научной квалификации лингвиста-эксперта.

2. Вопрос жанровой квалификации и формы выражения спорных речевых материалов также порой является «камнем преткновения» для лингвистов. Так, один из экспертов лозунг *«Нет войне!»* квалифицирует как статью (что это — непонимание или артефакт иного заключения?), другой эксперт, анализируя аудиозапись, декларирует, что *«каждый языковой элемент (структурный или содержательный) должен рассматриваться в контексте, который включает в себя не только вербальную (словесную) информацию, но и невербальную, передаваемую “неязыковыми знаками”*» (какими же?), третий, выделив в качестве объекта исследования деловую переписку в виде совокупности текстов электронных писем и сообщений в мессенджерах, почему-то квалифицирует затем этот объект как «тексты комментариев». Эксперт рассуждает о разнообразных средствах выразительности, о стратегии *воздействующего эффекта*, о том, что этот эффект может усиливаться *«неязыковыми знаками»* — *«(графическим/видеоизображением, цветом, шрифтом, музыкальным сопровождением, мимикой, жестами, телодвижениями говорящего и т. д.)»*. Интересно, каким образом указанная информация пригодилась эксперту при анализе аудиофайла и его расшифровки, в которой ни слова не сказано о том, как именно вел себя субъект речи? Более того, перечисляя проведенные при исследовании спорного материала «операции», эксперт вновь повторяет, что анализ речевого материала производился с учетом его взаимодействия *«с неязыковыми знаками»*, однако не уточняет, какие именно «знаки» имеются в виду, и, кстати, оставляет без анализа интонационный рисунок спорных высказываний.

3. Общим местом в экспертных исследованиях стало пренебрежительное отношение к эксплицитной информации, выраженное в **отсутствии семантического и стилистического анализа** ключевых для ответа на вопросы, поставленные судом (следствием), лексем; типичным явлением стало **простое подчеркивание** некоторых контекстуальных слов и выражений при цитировании исследуемого текста. Однако в таких работах обычно усилены попытки выявления информации имплицитной, причем содержащейся в таких глубинах текста, а иногда и в сознании автора спорного текста, что выявить ее может только данный конкретный субъект экспертизы, и верификации такая информация не поддается.

Так, в одном из заключений речевой материал «Нет войне!» и «9 WAR» был признан оправданием нацизма. Причем эксперт, рассуждая о «многослоиности» текста — об эксплицитно и имплицитно выраженной информации, «забывает» указать, что любая информация (и эксплицитная, и имплицитная) должна быть вербализована: «... анализируемые в экспертизе текста «скрытые», или имплицитные, утверждения должны быть обязательной и вербализуемой частью имплицитной части плана содержания языкового выражения» [2: 46–47], остальные виды имплицитной информации не могут быть основанием для выводов эксперта. Впрочем, иногда ни скрытая, ни пресуппозитивная информация экспертом не выявляется и не описывается, а весь доступный для наблюдения анализ в тексте заключения сводится только и исключительно к цитированию соответствующего фрагмента спорного текста с подчеркиванием, за которым следует суждение вида «Таким образом, в тексте содержится...» — и дается готовая «творческая» интерпретация процитированного фрагмента.

Еще одним типичным недостатком является **подмена лексико-семантического анализа простым цитированием словарных статей** из нескольких лексикографических источников, причем описываются этими данными системы значений многозначных слов, а никаких суждений эксперта о том, какое из этих значений является актуальным для исследуемого контекста, в тексте заключения не имеется. Видимо, правоприменителю, выступающему адресатом текста заключения, предлагается произвести эту часть анализа самостоятельно.

4. Часть экспертов ДО проведения лингвистического исследования делает вывод о наличии в спорном контексте призывов к *враждебным (в т. ч. деструктивным) действиям*. Такой подход к исследованию текста, нарушающий общепринятую методику, может свидетельствовать об ангажированности эксперта.

5. Выход за пределы компетенции лингвиста является одной из самых типичных и часто встречающихся ошибок. Так, эксперт-лингвист Х., декларируя, что субъект речи «*выражает националистические идеи*», по какой-то причине не принимает в расчет известные методические постулаты о том, что «*лингвисты, проводя анализ общественно-политических взглядов, идей, стереотипов, установок, формируемых у адресата, неминуемо выходят за пределы своей компетенции, из области речевых конфликтов в область конфликтов социальных*» [11: 16]. Выходом за пределы компетенции лингвиста следует признать также вывод эксперта о том, что в высказываниях субъекта речи в процессе полилога делового характера, посвященного обсуждению в районной администрации «бытового конфликта» (с его типичными речевыми перебивками паузами, изменениями

интонационного рисунка) «реализуются **мотивы** борьбы за власть», хотя общеизвестно, что квалификация мотивов входит в компетенцию суда, а «...эксперты устанавливают только выраженную в материале цель автора (речевую, коммуникативную), не устанавливая реальные цели и мотивы деятельности субъектов деяния» [12: 33].

6. Выявляются и **собственно лингвистические ошибки**, которые приводят экспертов к неточным и неполным выводам, сформированным на основе исключительно субъективного восприятия высказываний и субъективной компоновки контекстов. Таковы выводы относительно наличия/отсутствия побудительных речевых актов, при получении которых эксперты относят к побуждениям и утверждения, и оценочные суждения, которые в принципе НЕ ИМЕЮТ лингвистических маркеров выраженного побуждения. В результате контекст «*Их вообще убивать надо было за это дело... Ладно этого еще не произошло*» квалифицируется как призыв к насильственным действиям. Однако данная конструкция представляет собой генерализующее высказывание с гиперболизацией, в котором предикат выражен формой прошедшего времени, а наречие «вообще», реализует значение «*в общем, в целом, говоря обобщенно*». Известно, что конструкция, построенная по образцу генерализующего высказывания, часто становится вместилищем неточного, не соответствующего реальности содержания. А в контексте спорных высказываний она выражает значение, близкое к фразеологизму «*убить тебя мало*» (разг. экспресс.), то есть «*выражает негодование, возмущение чьим-либо поступком, поведением*». Указанное значение поддерживается второй частью высказывания «*Ладно этого еще не произошло*», где разговорная частица «ладно» эксплицирует семантику «хорошо», выражая значение положительной оценки того, что убийства не произошло [значения — см. 17: 91, 310].

7. Значительная часть ошибок связана с отсутствием знаний экспертных методик, которые заменяются набором **околонаучных сентенций**. Так, в одном из уголовных дел судом на разрешение экспертов были поставлены вопросы, требующие определения понятия *коммуникативное намерение* (вопрос 1) и выявления экспертных признаков *оправдания* (вопрос 2), однако лингвистические (в том числе экспертные) дефиниции, стоящие за этими важнейшими терминами, в заключении экспертов сформулированы не были. Отсюда — значительное количество общих положений, таких как: «...коммуникативный эмоционально-оценочный замысел прослеживается уже в заглавии представленных на экспертизу материалов», — причем даже без попытки расшифровать содержательный компонент «замысла». Далее в исследовании указывается, что автор спорных материалов «*напоминает*» о взрыве, «*оценивает*» взрыв,

*«высказывает свое мнение — заглавная коммуникативная установка» — о причинах взрыва, «акцентирует внимание» на отсутствии в России условий для политического активизма, «объясняет» причины проведенной акции и др., а затем следует абсолютно бессодержательный вывод о том, что «Такая [какая же именно? — И. Ж., Е. К.] коммуникативная установка влечет за собой формирование сложного коммуникативно-прагматического целого [интересно, что же под этим целым имеется в виду? — И. Ж., Е. К.], в котором журналист наделяет государство негативными инвективными коннотациями... негативно характеризует работу силовых ведомств...». В заключение этого сверхкраткого (менее трех страниц!) лингвистического «исследования», представляющего собой набор вырванных из текста цитат, делается странный вывод, далекий от вопросов, поставленных судом перед экспертами: «Языковое выражение эмоций через функции **оценочности и обобщения** являются в представленных материалах осмысленными, по основному языковому каркасу кодифицированными, то есть поднятыми до понятийного уровня сознания, а следовательно, языковые (лингвистические) средства используются автором преднамеренно в соответствии с коммуникативным замыслом». Напомним, что перед экспертами не ставился вопрос ни о «преднамеренном» использовании речевых средств, ни о «коммуникативном замысле». Перед экспертами были поставлены четко сформулированные вопросы о «коммуникативном намерении оправдания терроризма» и о «лингвистических признаках оправдания терроризма». Однако в рассматриваемом заключении эксперты «подменили» конкретный анализ общими рассуждениями. В связи со сказанным выше хотелось бы актуализировать мысль о том, что эксперты обязаны думать о насущных потребностях тех лиц, которым предстоит использовать заключение в качестве средства доказывания, «излагать ход и результаты исследования доступным литературным языком, указывая на выявленные в ходе исследования свойства и признаки объекта (факта, явления), мотивированно объясняя их... и подробно объясняя специальные методические положения, новые малоизвестные методы и средства исследования со ссылкой на литературные источники» [1: 470].*

Удивляет непрофессиональное толкование экспертами понятия «оправдание». Лингвисты зачастую используют слово «оправдание» в общезыковом значении, не затруднив себя даже выделением контекстной семантики, а просто перечислив вместо этого 4 словарных значения этого слова как общеупотребительного слова современного русского языка, игнорируя научный лингвистический подход к речевому акту «оправдание», экспертный диагностический комплекс ДКЗ «Оправдание действий/деятельности, взглядов» [12: 73–74], а также обязательное к применению определение *оправдания* в тексте ст. 205.2 УК РФ, в которой

публичное оправдание терроризма дефинируется как *«публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»*.

Отмеченные просчеты приводят экспертов к недоказанным выводам о том, что в представленном материале *«содержатся высказывания, которым имплицитно присуще преднамеренное коммуникативное намерение оправдания терроризму (так!), то есть подтекстовая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации...»*. Но, во-первых, имплицитное (то есть скрытое, неявное) содержание высказываний экспертами не исследовалось, так же как не исследовались и средства, выражающие подтекстовую информацию (тропы, нарушение стандартного функционирования языковых средств и др.). Во-вторых, любой вывод эксперта нуждается в лингвистической доказательной базе, которая отсутствует в данном экспертном заключении. К ошибкам такого рода привлекается внимание во многих методических работах. Так, на с. 21 пособия Кукушкиной О. В., Сафоновой Ю. А., Секераж Т. Н. [12] сказано: *«недопустимо приписывать автору то или иное значение, если не найдены средства его выражения»*.

8. В последние годы **судебно-экспертные подразделения** были сформированы в структуре ряда российских **вузов**. Заметим, что эти подразделения не следует путать с государственными судебно-экспертными учреждениями. Несмотря на то, что сами вузы, о которых идет речь, безусловно, государственными учреждениями являются, а при назначении экспертизы выступают в конкретных делах в процессуальном статусе экспертных учреждений, это еще не делает их по смыслу определений, введенных ст. 11 закона № 73-ФЗ, ни государственными судебно-экспертными учреждениями (вузы не являются «специализированными учреждениями... созданными для организации и производства судебной экспертизы», они созданы для осуществления образовательной деятельности), ни «экспертными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации». К сожалению, этого часто не учитывают ни должностные лица правоохранительных органов при назначении экспертизы, ни сотрудники таких экспертных подразделений при ее производстве. В результате неправомерно применяются процедуры, установленные действующим законодательством для случаев назначения и производства экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях, что приводит к серьезным процессуальным последствиям.

Деятельность самих вузов по организации производства судебной экспертизы в этих случаях нередко не выдерживает никакой критики.

Так, известны случаи, когда эксперты разных специальностей, участвующие в производстве комплексной экспертизы, в рамках которой часть поставленных на их разрешение вопросов относилась к их совместной компетенции, не имеют возможности взаимодействовать друг с другом напрямую, коммуницируя исключительно с руководителем соответствующего «центра экспертиз».

Более того, экспертные подразделения вузов нередко внедряют в практику своей работы и иные правила, не только не имеющие ничего общего с действующим законодательством о судебно-экспертной деятельности, но и прямо ему противоречащие.

Так, в одном из таких вузовских центров экспертиз в текст всех без исключения заключений внедряется стандартный раздел, озаглавленный «Общие положения», который оформляется как неотъемлемая часть заключения, подписываемого экспертами, за содержание которой эксперты тем самым несут ответственность. Этот раздел состоит из:

- введения **условного наименования исходные материалы** для обозначения представленных на экспертизу материалов уголовного дела;
- **декларации**, возлагающей ответственность за подготовку представленных на экспертизу материалов уголовного дела на должностное лицо, назначившее экспертизу, то есть в большинстве случаев на следователя. Декларация очевидно юридически ничтожная, столь же очевидно бесполезная и определенно не относится к компетенции экспертов;
- **декларации** о том, что эксперт отвечает за «выражение профессионального мнения по поставленным перед ним вопросам в соответствии с законодательством Российской Федерации». Как и в предыдущем случае, эта декларация очевидно юридически ничтожна, столь же очевидно бесполезна и определенно не относится к компетенции экспертов;
- обобщенной характеристики содержания выполненных экспертами исследований, включающей в себя **четыре неясных формулировки**:
 - «а) изучение доказательств, подтверждающих значение и раскрытие информации в предоставленных исходных материалах». (Неясным в данной формулировке является **буквальный смысл, выражаемый словосочетанием значение информации**; неясным является также, **о каком именно раскрытии и какой именно информации** здесь идет речь, **кто ее раскрывает и перед кем**, что именно эксперты полагают **доказательствами, подтверждающими успешное раскрытие**, каковы применяемые экспертами **критерии оценки этих доказательств**);

- «б) оценка принципов и методов создания исходных материалов». Неясным в этой формулировке является практически все: непонятно, что понимается под *принципами создания представленных на экспертизу материалов уголовного дела* (например, постановления следователя о назначении экспертизы) и зачем эти принципы нужно оценивать. Практическая целесообразность идеи *оценить методы создания представленных на экспертизу материалов уголовного дела* столь же сомнительна. Обращение к исследовательской части заключения предсказуемо не устраняет этих неясностей: **никаких оценочных суждений**, которые относились бы **к принципам, а равно к методам создания материалов уголовного дела**, там, разумеется, не обнаруживается;
- «в) определение главных оценочных значений, представленных в исходных материалах». Представленные на экспертизу материалы уголовного дела (как минимум часть этих материалов) представляют собой тексты, и в них действительно используются **языковые средства с оценочными компонентами значений**, но **каковы критерии** выделения среди них именно значений **главных**, совершенно **неочевидно**. Цель подобной экспертной деятельности также неясна. Обращение к исследовательской части заключения, разумеется, не устраняет этих неясностей: суждений о том, почему то или иное оценочное значение следует отнести к категории «главных», там не обнаруживается;
- «г) оценка общего представления об исходных материалах». Что именно эксперты называют здесь *общим представлением о представленных на экспертизу материалах уголовного дела*, кто является тем субъектом, **в чьем сознании это представление сложилось**, и **по каким критериям** это представление подлежит оценке, остается столь же **неясным**;
- сведений о вынесенной в шапку заключения дате составления заключения как дате завершения экспертного исследования;
- **декларации** о снятии с себя экспертной организацией некой ответственности за «изменения состава и содержания исходных материалов, которые могут иметь место после окончания экспертного исследования». **Неясно, о каких именно возможных изменениях в представленных на экспертизу материалах уголовного дела** здесь идет речь и **кто мыслится субъектом этих изменений**. Представленные на экспертизу материалы обычно являются лишь копиями материалов уголовного дела, и их уничтожение или повреждение в ходе судебной экспертизы не требует получения на эти действия разрешения лица, экспертизу назначившего. С другой

стороны, данная формулировка может означать и те изменения, которые будут внесены в представленные на экспертизу материалы без участия экспертов. В последнем случае, вероятно, данная декларация должна трактоваться как снятие экспертным учреждением с себя ответственности за возможную фальсификацию доказательств по уголовному делу следствием, в чьем распоряжении находятся оригиналы материалов дела. Декларация очевидно юридически ничтожна, столь же очевидно бесполезна и определенно не относится к компетенции экспертов.

Изложенное позволяет охарактеризовать содержание описанного раздела как **научообразный набор слов**, соединенных между собой с **множественными нарушениями норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации**, решительно **препятствующими установлению буквального смысла** составляющих этот раздел словесных конструкций.

Литература

1. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории М.: Норма, 2009.
2. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГ У. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
3. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2007. 591 с.
4. Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 2.
5. *Галяшина Е. И.* Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. М., 2006.
6. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза. Учебник. М.: Проспект, 2021. 419 с.
7. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки / Вестник Московского университета МВД России. № 4. 2018. С. 31–36.
8. *Жарков И. В., Колтунова Е. А.* К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 301–320.
9. *Колтунова Е. А.* Оценка лингвистической экспертизы: проблема относимости, допустимости и достоверности результатов // Международная научно-практическая конференция «Инновации в государстве и праве России». Н. Новгород, 2019.
10. *Кукушкина О. В.* Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.

11. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
12. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022.
13. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
14. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Лингвистические методы в экспертной деятельности лингвиста: проблемы адекватности формулировок // Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Краков, 2015. С. 83–86.
15. Россинская Е. Р., Галышина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010.
16. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / под ред. С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2018.
17. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.
18. Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ, 2019. 12 с.

I.V. Zharkov,
E.A. Koltunova

Errors in linguistic expertise as objects of critical analysis

Abstract: the article attempts to partially comprehend, systematize and generalize the experience gained by the authors of reviewing expert opinions. The current problems of conducting forensic linguistic examinations are considered, examples of typical methodological and scientific (linguistic) errors related to experts' ignorance of the basics of legislation are given. The analysis is carried out taking into account the norms of legislation (mainly Federal Law No. 73 and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation).

Keywords: forensic linguistic expertise, peer review of expert opinion, expert error, methods of linguistic expertise, university expert department.

Е. А. Жигadlo

*магистрант Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
zhighadlo2013@mail.ru*

Тактики речевого воздействия на примере рекламных текстов отечественных косметических средств

Аннотация: в статье проанализированы тактики речевого воздействия, используемые в рекламных текстах отечественных косметических средств. Рассмотрены изменения в потребительских предпочтениях в связи с изменением основных каналов продвижения косметических средств.

Ключевые слова: речевое воздействие, речевые тактики, рекламный текст, косметические средства, речевые маркеры.

Современное общество характеризуется повышенным вниманием к эстетической составляющей жизни, стремлением к красоте, гармонии и самовыражению, а внешний облик становится одним из важных социальных аспектов [6: 39]. В этих условиях забота о молодости и сохранении привлекательности охватывает почти все слои общества, формируя стремление соответствовать идеалам. Такое положение вещей стимулирует не только рост спроса на косметические средства, но и развитие рекламных стратегий, где речевое воздействие во многом определяет отношение аудитории к бренду и убеждение потребителей в необходимости выпускаемой продукции.

Сегодня реклама косметических средств стала не только средством продвижения продукта, но и инструментом создания культа красоты. Однако в современном мире реклама претерпела значительные изменения, что обусловлено развитием цифровых технологий, изменением потребительских предпочтений и усилением конкуренции: если ранее основным каналом продвижения косметики были телевизионные ролики и печатные издания, то сегодня акцент смещается на цифровую среду (социальные сети, персонализированная таргетированная реклама, взаимодействие с инфлюенсерами [блогерами] и пр.). Это привело к необходимости адаптации текстов к новым форматам коммуникации, использованию речевых тактик для воздействия на потребителей.

В данной статье для понимания дефиниции «речевая тактика» следуем подходу О. Я. Гойхмана и Т. М. Надеиной, которые определяют их как речевые приемы, которые направлены на достижение поставленных целей в конкретной коммуникативной ситуации, соответствующий типу передаваемой информации и отражающий определенную авторскую интенцию [1: 114–115]. Иными словами, речевые тактики рассматриваются как устойчивые речевые модели, которые выделяются на основе их многократного, частотного повторения и закрепления в языке в виде узнаваемых конструкций [2: 69]. В контексте рекламы речевые тактики служат инструментами целенаправленного речевого воздействия на аудиторию. Они направлены на формирование у потребителей желания приобрести рекламируемый продукт, что определяет интерес к их изучению. Кроме того, необходимо учитывать, что современные потребители стали более избирательными: они ждут не просто информации о продукте, а доказательств его эффективности, прозрачности состава и социальной ответственности бренда. Речевые тактики, как составляющие речевого взаимодействия определяют направленность текста и на достижение конкретной речевой цели (убеждение, создание конкурентного преимущества и др.). Анализ подобных приемов позволяет в том числе судебным экспертам установить, каким образом текст воздействует на адресата и соответствует ли он фактической информации. Эти выводы служат основой для дальнейшей правовой оценки.

В связи с вышесказанным мы сфокусировались на анализе речевых тактик, используемых в рекламных текстах отечественных косметических средств, в частности уходовой косметики, поскольку именно этот сегмент рынка демонстрирует наибольший рост и устойчивый интерес со стороны потребителей. Кроме того, потребителями являются как женщины, так и мужчины, в связи с чем гендерные различия не акцентируются, и тексты направлены на более широкую аудиторию. Вместе с тем «эмоциональное воздействие в рекламе помогает создать убеждающую силу по отношению к потребителю» [3: 23] и тем самым подтолкнуть его к приобретению продукта. В данном случае мы согласны с Р. М. Маннаповой, которая отмечает, что «использование различных приемов и средств на уровне фонетики, лексики, синтаксиса служат той тенденцией рекламы, которая составляет главную ее специфику и которая наиболее ярко проявляется в ее современном состоянии — тенденцию к манипулированию человеческим сознанием. Основная функция рекламного текста состоит в убеждении потенциального покупателя (не на рациональном, а на эмоциональном уровне) и привлечение его внимания» [5: 46].

Для данной статьи было проанализировано около 300 публикаций, 35 телеграм-каналов отечественных косметических брендов, таких как «Mixit.RU» (бренд MIXIT), «don't touch my face» (бренд don't touch face), «Крис печатает» (бренд Openface), «Geltek за стеклом» (бренд Geltek), «ICON SKIN» (бренд ICON SKIN), «Levrana Family» (бренд Levvana), «Natura Siberica» (концерн брендов «Рецепты бабушки Агафьи», Natura Siberica и Organic Kitchen), «The Act» (бренд THE ACT), «Только то, что нужно твоей коже» (бренд LIBREDERM), «Art&Fact» (бренд Art&Fact) и др.

Так, на основе проведенного анализа рекламных текстов косметических средств можно выделить несколько наиболее частотных тактик речевого воздействия.

1. Тактика акцентуации уникальности является одной из наиболее распространенных речевых тактик в косметической отрасли. Она нацелена на создание впечатления исключительности продукта и его превосходства над конкурентами. Для достижения этой цели активно используются гиперболизированные эпитеты, гиперболы и сравнительные конструкции. Например: *Единственная в своем роде, наша уникальная разработка — сыворотка Acne Free Solution, которая помогает быстро и эффективно справиться с воспалениями на теле (Icon Skin); Уникальные формулы нашей сыворотки, учитывают естественные процессы, происходящие в организме в течение дня и ночи, обеспечивая максимальный результат (Art&Fact).*

Лексика, используемая в рекламе косметических средств, также отличается положительными коннотациями и семантикой — все слова несут в себе значение роста, улучшения, обновления, жизнеспособности: *Комплекс инновационных пептидов пробуждает волосяные фолликулы и активируют рост новых волос — сыворотка Balance The Act (The ACT).*

2. Тактика натурализации и экологизации также занимает центральное место в рекламе косметики, особенно в условиях тренда на экологическую осознанность. Для реализации этой тактики используются слова и выражения из тематического поля природы, здоровья и экологии («натуральные компоненты», «без вредных добавок» и пр). Например: *В составе солнцезащитного крема Bronzeada Librederm натуральные ухаживающие компоненты, которые питают и усиливают защитные функции кожи (LIBREDERM); Натуральные компоненты нежно ухаживают за кожей, не нарушая естественный баланс кожи (The Act); Делимся красотой нашей фермы в Хакасии, где выращиваются экологически чистые продукты косметики Natura Siberica (Natura Siberica).*

3. Аппелляция к авторитетному источнику, используемая для создания эффекта «экспертности». Данная тактика направлена на формирование

доверия через обращение к научным данным. В рекламных текстах активно используются профессиональные термины, приводятся данные клинических исследований и ссылки на научные источники. Например: *Мы усилили состав комплекса и протестировали клинически, доказав, что волосы начинают расти в 2 раза быстрее, то есть за год вы отрастите около 25 см волос, вместо 12 см (Mixit); В линейке Seracin от Librederm эти компоненты усилены инновациями: азелаиновая кислота, запатентованный компонент на основе сахаридов и пребиотический комплекс (LIBREDERM).*

4. Тактика личного влияния. В основе лежит имплицитный призыв следовать за «героем» рекламного текста как за лидером мнений или экспертом в отрасли. Такие рекламные тексты часто содержат утверждения и персонализированные рекомендации. Например, *Катя — технолог производства и новый герой нашей рубрики, в которой мы рассказываем о тех, кто создает The Act. Благодаря работе Кати вы можете наслаждаться качеством наших продуктов. Какие продукты The Act — твои фавориты? Увлажняющая сыворотка и Полирующий скраб для лица (THE ACT); Добрый вечер, дорогие! В эфире рубрика «Люблю его за то, что...». Сегодня о своих любимых банках расскажет менеджер по работе с блогерами Полина: «Я экспериментатор и постоянно тестирую очень много косметики. Только благодаря работе в Levrana, тестируя и изучая, поняла, что натуральная косметика творит волшебство, как например Cleanser Fluid АНА/ВНА, Флюид для умывания (Levrana).*

5. Экспертная оценка — данная тактика состоит в детализированном описании свойств продукта и является одной из ключевых речевых тактик в рекламе косметических средств. Она направлена на подробное и всестороннее описание всех преимуществ и эффектов, которые предоставляет тот или иной косметический продукт. Например: *Вышла долгожданная новинка дезодорант антиперспирант с АНА-кислотами Sweet Not Sweat. С одной стороны, классический антиперспирант, который блокирует потоотделение с помощью солей алюминия (пока это лучшее, что справляется с защитой от пота. И это не вредно). С другой, продукт содержит миндальную и лимонную кислоты, которые отшелушивают омертвевшие клетки и снижают рН кожи в зоне подмышек, предотвращая появление неприятного запаха (OPENFACE); Наша новая маска с кератином направлена на тотальное восстановление ваших волос. А еще, маска станет настоящей палочкой-выручалочкой в период ХолоДоВ: Кератин восстанавливает, повышает эластичность и блеск; Липиды защищают от секущихся кончиков; Масла арганы и кокоса придают шелковистость и сияние; Витамины Е и В защищают и питают (Mixit).*

6. Аппеляция к культурным и национальным маркерам — суть данной тактики заключается в актуализации элементов национальной идентичности через обращение к традициям и фольклорным образам, что позволяет использовать национальные культурные ценности. Подобные рекламные тексты содержат лексику, связанную с национальной идентичностью (*русский, сибирский, восточный* и пр.), аппеляцию к локальным природным ресурсам (*алтайский* и пр.). Например: *Рецепты бабушки Агафьи — заботимся о красоте, сохраняя дух традиций* (Natura Siberica); *При разработке линейки Shaman Secrets наша команда вдохновлялись древними традициями, легендами и рецептами красоты коренных народов Сибири и Дальнего Востока, а также изучали сакральные обряды тувинских шаманов* (Natura Siberica).

Речевые тактики в рекламных текстах отечественных косметических средств динамично развиваются и требуют дальнейшего изучения. Выявленные тактики демонстрируют, как современные рекламные тексты адаптируются к изменяющимся условиям и предпочтениям потребителей, что также связано с быстрым развитием рынка отечественной косметики, всеобщей глобализации и цифровизации. Речевые тактики актуализируют внимание аудитории, обладают мощным убеждающим эффектом для потребителей.

Литература

1. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник / под ред. проф. О. Я. Гойхмана, 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 272 с.
2. Гончарова Л. М., Лю Шимэн. Речевые тактики рекламного текста (на материале русскоязычной коммерческой рекламы) // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Светлогорск, 03–05 июня 2021 года. 2021. С. 68–75.
3. Даулань М. Языковая особенность рекламы медицины и косметики в русском языке // Роль и место русского языка в современном мире: Сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции, Белгород, 18 апреля 2024 года. Белгород: Эпицентр, 2024. С. 22–28.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Маннапова Р. М. Манипулятивные стратегии в англоязычной рекламе косметики // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91–6. С. 43–47.
6. Михалюк В. И., Колосова С. В. Новые технологии в области разработок социального маркетинга // Практический маркетинг. 2022. № 2 (299). С. 38–44.

E. A. Zhigadlo

Tactics of speech influence based on the example of advertising texts for domestic cosmetic products

Abstract: the article analyzes the tactics of speech influence used in advertising texts for domestic cosmetic products. Changes in consumer preferences are examined in relation to shifts in the main channels for promoting cosmetic products.

Keywords: speech influence, speech tactics, advertising text, cosmetic products, speech markers.

П. К. Иванов

*старший преподаватель
Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

pkivanov@pushkin.institute

П. А. Катышев

*доктор филологических наук, профессор,
профессор Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

pakatyshhev@pushkin.institute

Методы судебной лингвистической экспертизы: обзорное исследование

Аннотация: статья посвящена обзору литературы, в которой описаны методы экспертизы текста. Проведенное исследование позволяет авторам сделать вывод о достаточности методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы и предложить новый путь к достижению соответствия экспертного исследования требованию воспроизводимости: как можно более полное представление методологической основы непосредственно в заключении эксперта.

Ключевые слова: метод, методы, методика, методология, судебная лингвистическая экспертиза, судебная лингвистика, экспертиза.

Проблема формирования и совершенствования методологии судебной лингвистической экспертизы остается актуальной. Критика (часто обоюдная) методов и методик, использующихся при проведении исследования, почти наверняка звучит при встрече двух экспертов как в научной дискуссии, так и в ходе судебного состязания. Данное обстоятельство вынуждает вновь повторить вывод: современное состояние лингвоэкспертологии не позволяет декларировать полное соответствие деятельности экспертов-лингвистов, даже высококвалифицированных, требованиям законодательства, а именно ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе **общепринятых** научных и практических данных).

В связи с этим одной из потребностей лингвоэкспертологии представляется регулярное синтезирующее осмысление научно-практического опыта в этой сфере, в которой позиция исследователя не была бы связана с выбором той или иной экспертной школы, приверженностью той или иной теоретической позиции, а, напротив, направлялась бы на поиск созвучий в полифонии теоретической дискуссии. Одну из попыток такого осмысления авторы осуществили в настоящем исследовании.

Задача судебной экспертной деятельности, сформулированная в ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла), определяет структуру этой деятельности. Исходя из этого можно представить сущность этой деятельности следующим описанием: **эксперт** проводит исследование **объекта** с целью установить те или иные обстоятельства (**предмет**), применяя те или иные **методы**. Стоит подчеркнуть, что не только методы, но и другие элементы этой структуры в должной степени не осмыслены в современной науке в применении к особенностям лингвистической экспертизы: не существует единой целостной классификации объектов, не определены границы предмета экспертного лингвистического исследования (какие задачи способен вообще решить эксперт) и, что, может быть, наиболее важно, не установлен статус лингвиста-эксперта как субъекта познавательной деятельности — каковы возможности и ограничения этой процессуально регулируемой деятельности, когда речь идет об анализе семиотических феноменов для целей судопроизводства? Методологическая проблематика в свете этого должна быть помещена в более широкий контекст и рассмотрена в связи с остальными концептуальными компонентами судебно-экспертной деятельности, столь же значимыми, что и метод.

Моделирование методологии при этом остается самостоятельной, достаточно сложной задачей. Основные проблемы здесь следующие: 1) проблема поиска универсального подхода к исследованию коммуникации для целей судебной лингвистики; 2) проблема адаптации частнонаучных методов лингвистики к сфере судебной экспертизы и разработки методик, содержащих алгоритм применения того или иного метода или группы методов.

1. Проблема поиска универсального подхода к исследованию коммуникации для целей судебной лингвистики

В существующих учебных и методических пособиях классификация методов часто производится по модели «от общего к частному», в которой высшее иерархическое положение занимает всеобщий диалектический метод [20; 21; 40; 41]. Представление всеобщего диалектического метода как совокупности «наиболее фундаментальных принципов и приемов, регулирующих всякую познавательную и практическую деятельность», в которой «фундаментальную роль играют положения диалектики о способности материи к отражению, о взаимосвязи и взаимообусловленности

явлений, о соотношении единичного, особенного и общего» [40: 76–77], очевидно, является наследием криминалистического «прошлого» судебной экспертизы.

Действительно, теория отражения, основывающаяся на принципах диалектического материализма, занимает центральное положение в отечественной криминалистике [4: 49; 24: 61–69], из которой, согласно общему мнению, выросла современная экспертология. При этом совершенно не очевидным представляется ее статус в современной лингвистике, философско-методологические презумпции которой проистекают из немарксистских научно-философских школ (в первую очередь из идей В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, а также их учеников и многочисленных последователей).

В свете этого закономерно, что в ряде трудов по судебной лингвистике всеобщий диалектический метод представляется несколько в ином виде. Так, если в учебнике под редакцией Е. Р. Россинской всеобщий диалектический метод заявлен и как основа для моделирования свойств и отношений объекта исследования, и как фундамент познавательной деятельности судебного эксперта [40: 76–78], то в монографии В. О. Кузнецова он рассматривается только применительно к процедурам и закономерностям мышления [21: 136–137]. Характерно, что образовавшаяся лакуна — принципы моделирования предмета исследования — не заполняется какой-либо иной концепцией.

Указанные обстоятельства демонстрируют, что в современной лингвоэкспертологии осмысление философско-методологических принципов экспертного исследования речи еще не завершено. В связи с этим обратим внимание на работы, посвященные этой проблематике.

Поскольку эксперты-лингвисты привлекаются чаще всего для исследования так называемых речевых правонарушений, т. е. ситуаций, в которых само создание и распространение высказываний определенного рода расценивается правоприменителем как правонарушение, в качестве одного из наиболее широко распространенных подходов к анализу речи в лингвистической экспертизе используется теория речевых актов. В качестве одной из причин ее популярности следует указать на прямую корреляцию ряда терминов ТРА и правовых понятий (хрестоматийные примеры: речевые акты призыва и оскорбления), которая, впрочем, в настоящее время чаще рассматривается как мнимая, поскольку признаки речевого действия, позволяющие осуществить его юридическую квалификацию, конечно, не могут вполне соответствовать признакам, принятым в науке о языке и речи (классический образец такого несоответствия — правовой феномен оправдания, который в лингвистическом смысле представляет собой один из специфических оценочных

речевых актов). Однако гораздо более важным представляется то, что теория речевых актов, опирающаяся на деятельностное представление о языке и речи, позволяет изучать высказывания с точки зрения выполняемых ими социальных функций — а именно это (социальный смысл и социальная значимость деяния) в конечном счете является основанием юридической квалификации.

Таким образом, теория речевых актов и, шире, прагматическая теория значения, восходящая к идеям Л. Витгенштейна (ср. известное выражение: «значение слова — это его употребление в языке» [10: 250]), по-видимому, предлагает один из вариантов концептуального осмысления предмета судебной лингвистической экспертизы. Различные аспекты этой концепции отражены как в классических работах А. Н. Баранова, К. И. Бринева [2; 6; 7], так и в более поздних публикациях А. Н. Баранова [1], Г. В. Кусова [23], В. С. Ли и Р. Д. Карымсаковой [26], Т. Б. Радбиля и В. А. Юматова [37; 38], Т. В. Чернышовой [44; 45].

Более широкий круг подходов к экспертному исследованию, прежде всего опирающихся на теорию дискурса, предлагается в трудах [29; 9; 39]. Так, Е. Михалева предлагает метод коммуникативно-прагматического анализа в качестве основы для исследования диалогической коммуникации. В ходе такого исследования предметом описания эксперта-лингвиста, по указанию автора, должны выступать цели и задачи участников коммуникации, стратегии и тактики их речи, их коммуникативные роли, тематика диалога, ее характер с точки зрения статуса собеседников и стилистика их переговоров. Кроме того, подчеркивается, что разрешим в рамках лингвистической экспертизы и вопрос о знакомстве коммуникантов друг с другом, а также степени их погружения в обсуждаемую тематику [29: 66]. В том же духе выдержана и статья Т. А. Распоповой, в которой, кроме того, содержится указание на ряд лингвистических маркеров, обращение к которым позволяет установить данные факты и обстоятельства [39]. Безусловно, многие из предлагаемых направлений исследования требуют дополнительной теоретической разработки (например, в существующей научной литературе не имеется общепринятой классификации коммуникативных ролей, исчерпывающего описания речевых стратегий и тактик), тем не менее нельзя не согласиться с тем, что инструментарий современных социально-гуманитарных наук действительно позволяет с высокой степенью достоверности судить обо всех этих аспектах коммуникации и должен в полной мере использоваться в судебной лингвистической экспертизе.

Ю. Н. Варзонин указывает на то, что семантико-прагматический подход, ставший во второй половине XX века классикой лингвистических

исследований, в настоящее время трансформировался в когнитивно-дискурсивную парадигму, которая, учитывая семиотические, социо- и психолингвистические факторы, позволяет выносить более детализированные суждения о коммуникативных событиях. В то же время автор обращает внимание на разрыв между современным научным взглядом на коммуникацию и непрофессиональными представлениями о языке и речи, которыми обладают люди после школьного курса русского языка (в том числе адресаты лингвистической экспертизы), что, по его мнению, затрудняет восприятие современной судебной лингвистики профессиональным юридическим сообществом [9: 138].

Примечательной видится статья А. В. Бастрикова, Е. М. Бастриковой и Е. С. Палехи, в которой поднимается вопрос о границах и возможностях познавательной деятельности эксперта-лингвиста и утверждается, что, несмотря на индивидуальность восприятия текста, этот субъективизм может рассматриваться как часть авторской программы моделирования смыслов, и в этом отношении экспертная интерпретация, опирающаяся на методологию современных гуманитарных наук, отвечает требованиям доказательности и объективности [3: 1366].

Краткий обзор данных публикаций позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в вопросе определения статуса предмета экспертного исследования и выбора обобщающей методологии познавательной деятельности эксперта-лингвиста уже заметны значительные успехи. Дальнейшее развитие в этой сфере видится в создании целостной концепции, синтезирующей когнитивно-деятельностный подход к исследованию коммуникации и включающий все исследовательские ресурсы, представленные в таких современных лингвистических парадигмах, как функциональная грамматика, функциональная стилистика, жанроведение, логический анализ языка, психолингвистика, теория речевой коммуникации, теория речевых актов [30].

2. Проблема адаптации частнонаучных методов лингвистики к сфере судебной экспертизы и разработки методик, содержащих алгоритм применения того или иного метода или группы методов

Частнонаучные методы лингвистического исследования многообразны; не раз отмечалось, что даже перечислить все методы, применяемые лингвистами, вряд ли осуществимая задача. В связи с этим актуален вопрос: какие из них соответствуют критериям, предъявляемым к судебной экспертизе, и допустимо ли их использование для целей судопроизводства в неизменном виде?

Обычно в этой связи говорят о двух группах экспертов: представителях так называемой «чистой лингвистики», трактующих экспертизу как раздел прикладного языкознания, и специалистах

экспертно-криминалистического направления, отдающих методологический приоритет общей теории судебной экспертизы [33: 156]. Если первая группа в большей степени концентрируется на знании закономерностей функционирования языка и речи и их актуализации применительно к конкретным задачам лингвистической экспертизы, то вторая склонна опираться на смысл типовых экспертных задач и вырабатывать законченные, универсальные подходы к решению каждой из них. Дискуссия между представителями этих двух лагерей разворачивается и в настоящее время [1; 8; 12; 14; 15; 22; 47].

Междисциплинарность судебной лингвистической экспертизы, при которой во взаимодействие вступают две мало пересекающиеся предметные области (теория судебной экспертизы и филология), обуславливает не только то, что практическую деятельность в этой сфере могут вести специалисты с совершенно различным базовым образованием (45.03.01 «Филология», 45.03.02 «Лингвистика», 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика», 40.05.03 «Судебная экспертиза»), но и то, что понимание «общепринятых научных и практических данных» у них может быть совершенно различным. С учетом того, что обоснованность выводов эксперта в конечном счете оценивает правоприменитель, которому значительно труднее проследить логику экспертного анализа, требование паспортизации всех методов, предъявляемое современным научным сообществом [33], видится небезосновательным. Очевидно, что работа в этом направлении далека от завершения.

Одной из актуальных трудностей в методическом обеспечении лингвистической экспертизы видится описание методов и их классификация. Так, в обширном перечне, содержащемся в типовой методике ЭКЦ МВД России, сущность части сформулированных методов заметно отличается от представлений о них, принятых в лингвистике, ср. следующие формулировки: «выявление и оценка имеющихся в тексте признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, фонетического), характеризующих различные компоненты текста (денотативный, оценочный, иллокутивный, экстралингвистический)... следующими методами: <...> «методом концептуального анализа (для интерпретации смысла текста) — определение вербальных представителей ключевого понятия»; «методом контент-анализа — количественная оценка содержания коммуникативных единиц (при мягком варианте контент-анализа учитываются имплицитные вхождения коммуникативных единиц и их оценочная составляющая: положительная, отрицательная и нейтральная)» [27: 244–245]. Очевидно при этом, что концептуальный анализ в лингвистике понимается совершенно

иным образом (как один из лингвоперсонологических, а не текстолингвистических методов), а вопрос об относимости и допустимости количественных методик контент-анализа по отношению к задачам судебной экспертизы вызывает сомнения, по крайней мере на данном этапе развития науки. Эта проблема решалась бы подробным представлением алгоритма применения того или иного метода, однако, при всех неоспоримых достоинствах указанного методического издания [31], таковых алгоритмов в нем не содержится.

Более полными в этом отношении воспринимаются публикации экспертов, представляющих экспертные подразделения при Министерстве юстиции Российской Федерации, в которых содержится как полная классификация используемых ими методов [20; 21], так и попытка адаптировать их к экспертологическим требованиям [22]; кроме того, в монографических и методических изданиях описывается порядок действий эксперта, связанных с использованием того или иного конкретного метода [36; 41], в частности семантической декомпозиции, синонимического перефразирования, дефиниционного, контекстологического, семантико-прагматического, стилистического, корпусного методов. Обращение к этим источникам позволяет практикующим экспертам, в частности, восполнить методологические пробелы, имеющиеся в применяемой сейчас методике комплексной психолого-лингвистической экспертизы информационных материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [43].

Отдельно стоит обратить внимание на метод синонимических преобразований (синонимического перефразирования). Несмотря на критику, поступающую от ряда специалистов [13], данный метод крайне ценен с технологической точки зрения, поскольку именно он неизбежно используется в исследовательской части заключения эксперта. В самом деле, как можно объяснить значение тех или иных речевых единиц, не прибегнув к синонимическим средствам языка? Вряд ли тавтологичные суждения внесут ясность в ход судебного разбирательства, как и сугубо метаязыковая квалификация спорного текста. Ответ на вопрос о том, происходит ли в случае использования метода синонимических преобразований изменение свойств исследуемого объекта, все же должен быть отрицательным, если принять во внимание разницу между онтологической и гносеологической составляющими судебно-экспертной деятельности. Свойства объекта, подлежащие исследованию, т. е. узальное значение речевых единиц, конечно, не могут поменяться от того, что какой-то из экспертов использует слово или выражение, контекстуально эквивалентные тем, что употреблены автором спорного текста, а если эта замена произведена с учетом принципов упрощения и экспликации

информации, выраженной в объекте, по правилам современной лингвистической семантики, то, пожалуй, это обоснованный шаг на пути к полному, объективному и всестороннему исследованию и к успешности заключения эксперта как документа, предполагающего разъяснение неспециалистам спорных вопросов значения языковых единиц. При этом, по-видимому, этот метод нужно отличать от множества остальных по основанию предметности/операциональности: если большинство других методов направлено на установление свойств объектов исследования, то метод синонимических преобразований (синонимического перефразирования) направлен на ясное и последовательное представление установленных свойств разбираемого объекта в заключении эксперта, создание которого является отдельным сложным процессом, требующим особых знаний, умений и навыков [38].

Крайне ценными видятся публикации лингвистов, стремящихся расширить круг методов, привычных для государственных судебно-экспертных учреждений и обычно содержащихся на страницах сертифицированных методических изданий. К таким можно отнести работу М. Б. Ворошиловой, посвященную опыту интенционального анализа текста [11], статью К. А. Гандау, в которой представлено обобщение доступных эксперту-лингвисту методов филологии [17], публикации Т. И. Матвеевой и Т. В. Чернышовой, связанные с определением жанровых и стилистических параметров текста в судебной экспертизе [28; 46], труд С. М. Оленникова, предложившего коммуникативно-риторический подход как основу экспертного исследования в контексте экстремистской проблематики [34], исследования М. А. Осадчего и П. А. Катышева, позволяющие представить коммуникативные феномены как структурно-смысловые единства, поддающиеся непротиворечивой параметризации в целях судебной экспертизы [35; 19].

Приведенный здесь краткий обзор позволяет сделать следующие основные выводы. Несовершенство методического обеспечения остается актуальной проблемой современной судебной лингвистики, что обуславливает регулярное появление критических публикаций, содержащих обоснованные претензии к качеству проводимых экспертных исследований [5; 12; 16; 18; 25; 32]. В то же время синтезирующий взгляд показывает, что многие аспекты методологии этой сферы разработаны достаточно подробно, однако еще не получили окончательного целостного осмысления в каких-либо универсальных научных или методических изданиях.

В свете этого, учитывая уже упомянутые нами требования законодательства, единственным разумным предложением для экспертов, позволяющим в полной мере соблюсти эти требования, видится как можно

более полная и подробная характеристика методологической основы исследования, а также эксплицитное представление ее в исследовательской части заключения эксперта. Именно такой подход способен сделать заключение обоснованным, достоверным и проверяемым даже при использовании методов, не признаваемых частью экспертного сообщества, а также методов, недостаточно полно или неоднозначно описанных в современной лингвоэкспертологической литературе.

Литература

1. *Баранов А. Н.* Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27.
2. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. 6-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2018. 591 с.
3. *Бастриков А. В., Бастрикова Е. М., Палеха Е. С.* Верифицируемые виды анализа спорного текста: допустимые методы лингвистической экспертизы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 5. С. 1358–1368.
4. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. 237 с.
5. *Бондаренко Е. Н.* Методы в лингвистической экспертизе: «ожидание vs реальность» // Говор: альманах. 2023. № 5. С. 21–23.
6. *Бринев К. И.* Проблема метода лингвистической экспертизы // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2008. № 8–2. С. 50–55.
7. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
8. *Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б.* Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. 201 с.
9. *Варзонин Ю. Н.* Когнитивно-дискурсивные методы в лингвистической судебной экспертизе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 135–139.
10. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с нем. Козловой М. С. // Языки как образ мира / сост. К. Королев. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220–546.
11. *Ворошилова М. Б.* «Читай» Абу Юсуф: метод интенционального анализа текста в практике судебной лингвистической экспертизы // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 года / гл. ред. И. В. Култышева. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 35–41.

12. *Галяшина Е. И.* Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 34–36.
13. *Галяшина Е. И.* Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 33–39.
14. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31–36.
15. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2023. 424 с.
16. *Галяшина Е. И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 25–41.
17. *Гандау К. А.* К вопросу о филологических методах в лингвистической экспертизе // Челябинский гуманитарий. 2016. № 4 (37). С. 15–21.
18. *Жарков И. В., Колтунова Е. А.* К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 301–320.
19. *Катышев П. А., Осадчий М. А.* Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 24–34.
20. *Кузнецов В. О.* Методы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 4. С. 6–17.
21. *Кузнецов В. О.* Судебная лингвистическая экспертиза: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 352 с.
22. *Кукушкина О. В.* Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.
23. *Кусов Г. В.* Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
24. *Лалин Е. С.* Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. 201 с.
25. *Лебедева А. К.* К вопросу о допустимости отдельных методов в судебной лингвистической экспертизе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 129–136.
26. *Ли В. С., Карымсакова Р. Д.* Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод судебной лингвистической экспертизы (из лингвоэкспертной практики) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3 (67). С. 155–159.

27. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков, А. В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Часть I / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.
28. *Матвеева Т. И.* К проблеме методологии юрислингвистической экспертизы: атрибуция стилистической принадлежности и жанровой разновидности как помощь при выборе методов исследования конфликтного текста // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5 (73). С. 158–164.
29. *Михалева Е.* Использование метода коммуникативно-прагматического анализа текста в практике судебной лингвистической экспертизы // Polish Journal of Science. 2020. № 25–3 (25). С. 66–68.
30. *Мишланов В. А., Салимовский В. А.* К теоретическим основаниям судебной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 214–222.
31. *Новожилова Е.* Классификация типичных задач судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2023. № 29 (40). С. 73–77.
32. *Новожилова Е. В.* К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 485–488.
33. *Новожилова Е. В., Донскова Ю. В.* Требования к научным методам судебной лингвистической экспертизы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 156–162.
34. *Оленников С. М.* Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 431–439.
35. *Осадчий М. А.* Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012. 370 с.
36. *Плотникова А. М.* Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург — М.: ТХТ, 2018. 197 с.
37. *Радбиль Т. Б., Юматов В. А.* Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1–1. С. 286–290.
38. *Радбиль Т. Б., Юматов В. А.* Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. А. Ю. Арефьева. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
39. *Распопова Т. А., Рожковская Ю. И.* Опыт дискурс-анализа в судебной лингвистической экспертизе // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 18–21 мая 2021 года. Брянск: Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, 2021. С. 295–301.
40. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 382 с.

41. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.]; под ред. С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2018. 136 с.
42. Судебная лингвистика / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина [и др.]; под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
43. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации; подг. О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой, Т. Н. Секераж. М.: ЭКОМ Паблшерз, 2011. 326 с.
44. *Чернышова Т. В.* Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2016. Т. 12. № 3. С. 335–350.
45. *Чернышова Т. В.* Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 1. № 15. С. 217–238.
46. *Чернышова Т. В.* Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // *Юрислингвистика*. 2000. № 2. С. 207–214.
47. *Чубина Е. А.* К вопросу о методе в судебной лингвистической экспертизе: анализ дискуссионных положений // *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики*. 2017. № 3. С. 76–78.

P. K. Ivanov,
P. A. Katyshev

Forensic linguistic examination methods: a review study

Abstract: The article is devoted to the literature review, which describes the methods of text examination. The conducted research allows the authors to conclude that the methodological support of forensic linguistic examination is sufficient and to propose a new way to achieve compliance of the expert study with the requirement of reproducibility: the fullest possible presentation of the methodological framework directly in the expert's report.

Keywords: method, methods, techniques, methodology, forensic linguistic examination, forensic linguistics, expertise.

И. А. Измestьева

доктор филологических наук, профессор
Тольяттинского государственного университета
Тольятти, Россия
iz-irina@mail.ru

Семантика «неуважения» в русской языковой культуре

Аннотация: понятие неуважения в обыденном, художественном, публицистическом контекстах достаточно объемное, с ним лишь частично совпадает понятие *неуважение*, которое является юридическим термином. Семантический объем этого понятия в юридическом языке включает в себя ненормативные и нормативные языковые средства, имеющие цель выразить неуважение, оскорбить участников судебного разбирательства.

Ключевые слова: неуважение, языковая картина мира, неуважение в историко-культурном контексте, неуважение к суду, бытовое неуважение.

Уголовный кодекс РФ в ст. 297 указывает, что неуважение к суду выражается в оскорблении судьи и других участников судебного разбирательства [31]. В правоприменительном и научном осмыслении вопрос неуважения к суду, определение семантического объема данного понятия продолжают привлекать внимание ученых. Так, Н. Б. Гулиева, Т. Г. Черненко поднимают проблему квалификации неуважения к суду и приходят к выводу, что «неуважение, проявленное к суду, во время судебного заседания по уголовным делам, — это отрицательная оценка личностных или профессиональных качеств обладателей специального статуса, высказанная в неприличной форме во время рассмотрения судом уголовных дел или материалов, <...> во время рассмотрения гражданских, арбитражных, административных дел, а также во время рассмотрения обращений в рамках конституционного производства» [8: 148]. И. А. Петрова, Е. А. Майорова указывают на некоторые нерешенные проблемы при квалификации неуважения к суду, в частности, использование оценочных понятий типа *неприличная форма*. Хотя понятие *неприличная форма* соотносится с нецензурной бранью, в его семантический объем могут входить нормативные слова русского языка, которые в соответствующем контексте являются оскорблением, «разные эксперты и судьи оценивают разные слова и выражения по-разному, и вследствие этого единства судебной практики не усматривается», также отмечены трудности назначения и производства лингвистических экспертиз, подчеркивается и «невысокий уровень правовой грамотности

граждан» [16: 2850, 2852]. Н. Г. Иванов и Л. А. Букалорова [13] поддерживают мнение, что неуважение может быть выражено без использования оскорбительных слов и выражений. А. Н. Александров считает, что «только неприличная форма оскорбления имеет степень общественной опасности» [3: 81]. В Постановлении Верховного Суда РФ (13.06.2017 № 21) «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» неуважение к суду определяется как «использование в тексте поданного в суд процессуального документа неприличных выражений» [17]. Е. И. Галяшина учитывает различные подходы к этому понятию: «С экспертно-лингвистической точки зрения коммуникативная цель оскорбления проявляется в выражении посредством неприличной формы негативной оценки, направленной на унижения предмета речи. Тогда как цель речевого акта демонстрация «неуважения к...» — сообщение третьим лицам, что предмет речи не заслуживает почтения. Уважения, сопровождаемое выражением негативно-оценочного отношения адресанта к адресату. В лингвистическом смысле проявление неуважения — это коммуникативный акт, имеющий коммуникативную цель и описываемый с точки зрения соответствия/несоответствия речевому этикету и коммуникативным нормам речевого поведения» [6: 54].

Представляется интересным рассмотреть объем понятия *неуважение* в лингвокультурном аспекте, обратившись к истории русского языка и документам русского права, также привлечь материал Национального корпуса русского языка [14].

Лексикографическое описание лексемы *неуважение* дает возможность выявить содержание понятия в русской языковой картине мира. В XVIII веке под *неуважением* понималось «Отсутствие уважения; непочтительность, пренебрежение к кому-, чему-л.» [21]; в XIX веке находим комментарий наречия *неуважительно* — «без уважения, оскорбительно» [23: 453]; В. И. Далем отмечено прилагательное *неуважительный* со значением «не уважающий других, непочтительный» [29]. Значение *непочтительный* входит в последующие толковые словари русского языка XX—XXI вв. с усилительно-выделительным указанием *надлежащего* или *должного уважения*: «Отсутствие *надлежащего* уважения, непочтительность, пренебрежение» [30]; «Отсутствие *должного* уважения, непочтительность» [15], «Отсутствие *должного* уважения к кому-, чему-л.; непочтительность» [5]; «Отсутствие *должного* уважения к кому-либо или к чему-либо; непочтительность» [11] и др. Словари синонимов уточняют значение *неуважения*: *дерзкий, грубый, резкий, вызывающий, оскорбительный* [22: 280]. В словарях обозначены субъект и объект

неуважения, бытовое понимание *неуважения* глубоко раскрывается в публицистическом, художественном, разговорном и других контекстах.

Например, в семантический объем *неуважения к отдельной личности и людям* входит *неуважение к старшим*, которое может проявляться в вольнодумстве: «Непочтительность. *Неуважение к старшим! Вольнодумство!*» [Н. А. Лейкин. Счастье привалило (1902)]. Первоначально в XVIII веке термин *вольнодумство* обозначал отрицательное или скептическое отношение к христианскому учению, в XIX веке «его сущность стал выражать термин *свободомыслие*» [25: 679–680]. *Неуважение к возрасту* на вербальном уровне связано с использованием ненормативной лексики: «Заткнись! — оборвал он его, намеренно выказывая *неуважение* к его возрасту». [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)]. В примере «публика *ропщет-с.....* это *неуважение* к ней» [А. А. Нильский. Закулистная хроника (1893–1897)] в поле *неуважения* включены значения «ворчать, брюзжать, корить, изъяслять неудовольствие на что-либо, принимать за обиду, обижаться чем» [29].

Неуважение связывается с *пренебрежением*: «Так что решать надо твердо, смело, но — чтобы не было *неуважения к людям, пренебрежения к ним*» [А. С. Черняев. Дневник (1987)]; «*неуважение к таланту* как следствие пронизывающего сталинский режим *полного пренебрежения к человеческой личности*» [Л. И. Лазарев. «Для будущих историков нашего времени» (последняя работа Константина Симонова) (1989)]. Пренебрежение осмыслено как «отсутствие внимания к кому-чему-нибудь, надлежащей заботливости о ком-чем-нибудь» [30].

Неуважение определено *невниманием к человеку*: «Я проявил бы *неуважение к Вам*, если бы не указал Вам на явные *недостатки* Вашего перевода» [Самуил Маршак. Письма (1950–1964)]; «*плохая организация труда, низкая зарплата, отсутствие механизации* — словом, *неуважение к человеку*» (В. Басков. Приключения иностранцев в России // «Горизонт», 1989). *Неуважение к женщине* может проявляться в равнодушии к ней и даже игнорировании: «Все же если ему *наплевать на все Ваши желания*, то это ж банальное *неуважение*» [Женщина+мужчина: Секс (форум) (2004)]. Пренебрежение и невнимание по отношению к человеку оказываются взаимозаменяемы.

Неуважение выступает *результатом нарушения личных границ*: «...законодательная палата затронула в своем запросе *интимную сторону* жизни царской семьи и этим невольно заронила в сердцах некоторых кругов России *тьнь недоверия, неуважения к монарху*» [В. Ф. Джунковский. Глава 8. 1912 год (1912)].

Неуважение понимается как *отсутствие любви*, например: «Но детей-то, которых Шмидту не надо, которых мать, очевидно, *не любит*,

ибо приносит в жертву своему другу, ... зачем селить в них *неуважение*, может быть, *презрение* к своему бессильному отцу» [Ф. Н. Плевако. Речь в защиту Грузинского (1883)]; «Отсюда рождается *неуважение к мужу*, а вместо чувства любви, которое проявляется иногда каким-то придаточным обстоятельством, начинаются те неприятные столкновения, которые весьма естественны в семье, где вместо любви и верности, вместо желания долго жить-поживать, — длинный ряд *неудовольствий, обманов, измен и оскорблений*» [Ф. Н. Плевако. Речь в защиту Лукашевича (1890)].

Анализ контекстов показывает, что в объем *неуважения к личности* входят *непочтительность, пренебрежение, невнимание, нелюбовь*, которые проявляются вербальными средствами в виде бранных слов и выражений, ворчания, укоров, неудовольствия, брюзжания и др.

Семантика *бытового неуважения* связана с действиями, которые нарушают правила поведения: «*Непунктуальность* — это также способ выразить *неуважение к мероприятию или людям*, с которыми вы встречаетесь» (С. Мартьянов. Комментарий психолога // «Даша», 2003); «ФИДЕ не только *не выполнила большую часть взятых на себя обязательств*, но также неоднократно демонстрировала *неуважение к правам шахматистов*» («64 — Шахматное обозрение, 15.11.2004); с действиями, которые обращают на себя внимание своей дерзостью или наглостью: «Рядом презрительно *грохотал посудой* Петр: подчеркивая *неуважение*» [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)]; с действиями, которые нарушают правила этикета: «пренебрегая *общественными нормами* поведения, выражая явное *неуважение к обществу*» [В. Плахотя. Речь защиты адвоката Плахотя В. В. (2005)]. Особенно неуважительно для русских отказаться от выпивки: «Закон беседы для всех один: старики и молодые, крепкие и слабые, осушай до дна круговую чашу. Отговорки, жеманство — *оскорбление* хозяину, *неуважение* собеседникам. Или совсем не приходи на пир, или, пришедши, пей, пока вино не отнимет ног, рук, памяти» [А. О. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть) (1832)].

В объем понятия входит *неуважение к внешнему виду*: «*Неряшливость в одежде* — это прежде всего *неуважение к окружающим вас людям*, да и *неуважение к самому себе*» [Д. С. Лихачев. Письма о добром и прекрасном (1985)]; «...*образ*, который был расценен как оскорбляющий морально-этические нормы и человеческое достоинство, а кроме того — как *неуважение к личности и вызов общественному мнению*» [События (2004) // «Бизнес-журнал», 13.02.2004].

Неуважение к быту проявляется в нарушении чистоты и порядка: «Стол был *неопрятен*, как бывает только в деревнях, — откуда это *неуважение к месту трапезы?* — завален горами рыбных костей, мослами,

корками хлеба, огуречной мякотью и еще какой-то непонятной слизлой дрянью» [Ю. М. Нагибин. Дневник (1965)].

Неуважение к трудовой деятельности, например: «демонстрирует *неуважение* к уровню квалификации работников..., насильственно *ограничивает их профессиональный уровень* в применении современных статистических методов и оправдывает фактически лишь некомпетентность разработчиков таких методик» («Вопросы статистики», 24.06.2004); «Мне она программы не показывала. Это просто *неуважение к моему труду...*» [В. А. Швец. Дневник (1943)].

Объектом неуважения выступает государство и его история, также язык, религия, культура, традиции, место проживания и др. Например, *неуважение к истории* государства понимается как *забвение* прошлого: «История России — история великая, отказываться от нее, объявлять несостоятельной — есть *неуважение к отеческим гробам*, к памяти великих людей России, к самому себе» [М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)]; «В начале 90-х гг. XX в. возникший в высших кремлевских кругах острый дефицит элементарных познаний об истории Кавказа, наряду с другими причинами, привел к чеченской трагедии. Прошлое отомстило за *неуважение* к нему. И — не исключено — будет мстить и дальше» (Владимир Дегоев. Два века войны и мира на Кавказе // «Звезда», 2003).

Неуважение традиций связано не только с нелюбовью и незнанием своей истории, оно осмыслено как дикость и безнравственность: «моя мать была горожанка, ... *неуважение к простонародному быту*, — по всем этим причинам вместе, моя мать *не понимала и не любила* ни хороводов, ни свадебных и подблюдных песен, ни святочных игрищ, даже *не знала* их хорошенько» [С. Т. Аксаков. Воспоминания» (1856)]; «[Заметьте] что *неуважение* к предкам есть первый признак *дикости* [и] *безнравственности*» [А. С. Пушкин. Гости съезжались на дачу... (1830)].

Неуважение к культуре и религии выражается в оскорблении, пренебрежении и подчеркнутом безразличии: «прегрешения против евреев — *презрение, враждебность и умолчание*; — *неуважение* к иным культурам и религиям; — *прегрешения* против женщин, против отдельных рас и народностей, против человеческого достоинства в целом» [А. Б. Гребнев. Дневник (1999)].

Национальный корпус русского языка дает обширный иллюстративный материал бытового неуважения. Использование данной лексемы в различных сферах коммуникации раскрывает обыденное понимание и юридический аспект функционирования данной лексемы. На этот аспект указал И. А. Стернин: «неприличная языковая форма и оскорбление с точки зрения бытового сознания и с юридической точки

зрения — разные понятия, что необходимо разъяснять истцам и ответчикам по делам об оскорблении, о защите чести и достоинства, и учитывать при подготовке лингвистических экспертиз» [26].

А. Н. Александров рассмотрел исторические памятники и современные документы, в которых определяется норма ответственности за *неуважение* к суду и подчеркнул, что законодательные нормы, которые предусматривают уголовную ответственность за неуважение к суду, явились результатом развития отечественного законодательства и не были заимствованием из какого-либо зарубежного источника права [2]. Эти документы представляют интерес для лингвиста тем, что позволяют выявить семантический объем понятия *неуважение* в юридическом аспекте.

Так, в Двинской уставной грамоте (1398 г. или 1398 г.) в ст. 2 впервые вводится в состав преступления словесное и телесное оскорбление: «А кто кого *излает* боярина, или до крови *ударит*...» [10]. Лексема *лаяти* имеет значение «бранить, оскорблять, поносить кого-л., что-л.» [19: 392].

И. А. Абдулаева и В. Е. Лоба отмечают: «двинская уставная грамота, придавая существенное значение сословной принадлежности потерпевшего (“по его отечеству безчестие”), закрепила наказуемость за оскорбление различных групп феодалов-земледельцев Двинской земли» [1: 22].

В Судебнике 1497 г. в ст. 68 описаны действия, которые нарушают правила судебного разбирательства, и сформулировано наказание в виде удаления посторонних лиц («отслати прочь») или штрафа в виде суммы иска и пошлины [27], «Фактически формируется понятие нового преступления — против судебной власти» [2: 68]. В этом документе лексика *неуважения* не указана, но определены действия, которые нарушают правила уважительного отношения к суду. В Судебнике 1550 г. в ст. 26 появляются лексемы *бесчестье* и *увече* [28], обозначающие семантику вербального и невербального неуважения к суду: «*Бесчестие, дурная слава, позор*» и «*Нечестивое поведение, дурной поступок*» [18: 152]. Словарь русского языка XVIII века дает аналогичное толкование: «БЕЗЧЕСТИЕ (*бес-, беще-, -ье*), я и ◀ БЕЗЧЕСТВО, а, ср. *Поругание чести, позор*» и комментирует значение лексемы контекстами, в которых раскрывается семантика при помощи лексем *брань*; *клевета*; *не был безопасен в своей жене, отец в дочери* ‘надругательство над целомудрием женщины’; поставить в положение *хуже холопа*; *стыд* и *срам* [20].

В Соборном Уложении 1649 г., первом печатном памятнике русского права, в гл. 10, ст. 105 семантика *уважения* и *неуважения* к суду обозначена следующим образом: «отвечати вежливо и смирно и не шумно, и перед судьями никаких *невежливых слов не говорити* и меж себя *не браниться*»; *невежливые слова* обозначены как *непригожие*, могущие *обесчестить* [24].

В Артикуле (34) воинском 1715 г. лексема *неуважение* вводится в статьи закона; Петром I устанавливается ответственность за неуважение к суду в виде *брани* и воспрепятствию правосудию [4]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе 2 «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности» в ст. 309 определяется мера ответственности за то, кто «осмелится *неприличными словами* или каким-либо действием оказать явное к сему месту *неуважение*, или же в поданной в оное бумаге поместить с намерением выражения, прямо для онаго *оскорбительныя...*»; в ст. 310, 313–316 семантика неуважения/оскорбления определена как использование *поносительных, оскорбительных, неприличных, ругательных* слов [32: 123]. С. Е. Десницким подчеркивается особая значимость этого документа: «Законы гражданские и совершаемый по оным суд свято почитать во всей России узаконил Великий Петр, угрожая на суде присутствующим и предстоящим проклятием и строгим истязанием за *неуважение* судебных мест и законов» [9].

В статьях закона СССР от 2 ноября 1989 г. «Об ответственности за неуважение к суду» невербальные действия определены как *уклонение, неподчинение, нарушение* и др. действия, которые свидетельствуют «о явном пренебрежении к суду или установленному в суде правилам»; вербальное неуважение обозначено как «Оскорбление судьи или народного заседателя» [11]. В настоящее время в Уголовном кодексе РФ от 13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) в статье 297 «Неуважение к суду» неуважение понимается как *оскорбление* участников судебного разбирательства [31]. Е. И. Галяшина в работе «Феномен “Неуважение к власти” в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях» рассмотрела соотношения понятия «оскорбление» и категорию «неуважение к власти» «в связи с введением административной ответственности за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации» [6]. Было обращено внимание на тот факт, что «понятие информации, выражающей в неприличной форме *неуважение*, шире речевого действия “оскорбление”» [6: 54], в объем *неуважения* входят нормативные и ненормативные языковые средства, также образные средства и речевые действия («Ибо намек в (якобы) приличной форме, содержащийся в ней [внутренней форме],

не менее болезнен, чем прямое выражение в канонической неприличной форме» [7: 16]), которые имеют цель оскорбить, дискредитировать, унижить честь и достоинство участников судебного разбирательства.

Таким образом, семантический объем бытового *неуважения* в русском языке обусловлен нарушением этических норм и культурных традиций, которые сложились на основе морально-нравственных ориентиров.

Исторический взгляд на формулировки статей закона показал, что семантический объем *неуважения* в юридическом контексте был определен *поносительными, оскорбительными, неприличными, ругательными, невежливыми, непригожими словами*. С XVIII в. лексема *бесчестие* уступила место понятию *оскорбление*. В настоящее время в объем *неуважения* входят как неприличные высказывания (лексика и фразеологизмы нарушает нормы литературного языка), так и нормативные языковые средства, которые используются в некорректных, неучтивых, невежливых формах речевого поведения (насмешки, язвительные замечания, пренебрежительный стиль изложения и под.), также образные средства с целью выразить неуважение к предмету речи.

Итак, как подчеркивает Е. И. Галашина, юридический контекст функционирования лексемы *неуважение* требует как от следователей, так и от лингвистов-экспертов, точности формулировок.

Литература

1. Абдулаева И. А., Лоба В. Е. Оскорбление по знатности в двинской уставной грамоте // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 18–24.
2. Александров А. Н. Взгляд на проблему. Уголовная ответственность за неуважение к суду // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. С. 78–82.
3. Александров А. Н. Исторические аспекты возникновения и установления института уголовной ответственности за неуважение к суду // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 68–71.
4. Артикул воинский 26 апреля 1715 г. / Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. // Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/> (дата обращения: 02.06.2024).
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1534 с. URL: https://vk.com/wall-104168412_372 (дата обращения: 23.03.2024).
6. Галяшина Е. И. Феномен «неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 45–55.

7. *Голев Н. Д.* Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика II: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 8–41.
8. *Гулиева Н. Б., Черненко Т. Г.* Некоторые проблемы квалификации неуважения к суду // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 147–150.
9. Двинская уставная грамота // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. III. М., 1964. № 7. С. 21–22.
10. *Десницкий С. Е.* Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются... говоренное... апреля 22 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том I. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.03.2024).
11. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com> (дата обращения: 23.03.2024).
12. Закон СССР от 02.11.1989 «Об ответственности за неуважение к суду» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик/ URL: https://libussr.ru/doc_ussr/usr_16002.htm (дата обращения: 02.06.2024).
13. *Иванов Н. Г., Букалерева Л. А., Сургай С. А.* Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи. М.: Юрлитинформ, 2009. 212 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.03.2024).
15. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / М.: Азъ, 1994. 907 с. URL: https://vk.com/wall-201029586_39308 (дата обращения: 25.03.2024).
16. *Петрова И. А., Майорова Е. А.* Недостатки в правовом регулировании института ответственности за неуважение к суду и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49), декабрь. С. 2847–2853.
17. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации. № 21, г. Москва 13 июня 2017 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/16071/> (дата обращения: 23.03.2024).
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4 (изживати — моление) / АН СССР. Ин-т рус. яз. Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1991. 559 с.
19. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. I (а — възаконатиса) / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. 526 с.

20. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 2 (Безпристрастный — Вейэр) [Электронный ресурс]. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1985. 247 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 02.06.2024).
21. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 15. (Непочатый — Обломатся) [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, 2005. 264 с. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/search?s= неуважение> (дата обращения: 02.06.2024).
22. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель: АСТ, 2003. 681 с.
23. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1847. Т. 2: 3-Н. 473 с.
24. Соборное уложение 1649 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/#0_11 (дата обращения: 02.06.2024).
25. Советская историческая энциклопедия. Т. 3 (Вашингтон — Вячко) [Электронный ресурс] / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1963. 600 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10462/#page/358/mode/1up> (дата обращения: 02.06.2024).
26. *Стернин И. А.* О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. № 1 (79). 2010. С. 16—21.
27. Судебник 1497 (текст и комментарий) [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/2043231/page:2/> (дата обращения: 02.06.2024).
28. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. URL: https://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 23.06.2024).
29. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/282582?ysclid=lyd17gidqa896624575/> (дата обращения: 23.03.2024).
30. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/885078> (дата обращения: 23.03.2024).
31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c13afd1b18c7621c9249b32f7ec6b8279348e316/ (дата обращения: 23.06.2024).
32. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 922 с.

I. A. Izmestyeva

The semantics of “disrespect” in russian language culture

Abstract: the concept of disrespect in everyday, artistic, and journalistic contexts is quite voluminous, and the concept of disrespect, which is a legal term, only partially coincides with it. The semantic scope of this concept in the legal language includes non-normative and normative linguistic means aimed at expressing disrespect and offending participants in court proceedings.

Keywords: disrespect, linguistic picture of the world, disrespect in a historical and cultural context, contempt of court, domestic disrespect.

Н. Д. Голев

*доктор филологических наук,
профессор Кемеровского
государственного университета
Кемерово, Россия
ngolevd@mail.ru*

А. В. Иркова

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель Кемеровского
государственного университета
Кемерово, Россия
a.irkova@mail.ru*

Смысловая неопределенность как предмет судебной лингвистической и антикоррупционной экспертиз

Аннотация: в статье рассмотрена смысловая неопределенность в аспекте судебной лингвистической и антикоррупционной экспертиз. Показаны возможности использования для их проведения компьютерных программ: обратного машинного перевода (ОМП) и программ сопоставления текстов на схожесть. Установлена эффективность и перспективность применения комплексной методологии анализа смысловой юридико-лингвистической неопределенности текста.

Ключевые слова: смысловая неопределенность, судебная лингвистическая экспертиза, антикоррупционная экспертиза, обратный машинный перевод, сравнение текстов по схожести, русский язык.

В настоящее время проблематика смысловой неопределенности становится все актуальнее в связи с тем, что правовые документы изобилуют сложными формулировками и многозначными терминами. Эта неопределенность способна породить неоднозначные толкования, искажение смысла, что в некоторых случаях может привести к злоупотреблениям, коррупции и другим негативным последствиям. Именно поэтому области *судебной лингвистики* и *антикоррупционной экспертизы* испытывают острую потребность в разработке эффективного инструментария для анализа смысловой неопределенности в текстах.

В последние годы существенное развитие получили методы анализа текстов при помощи компьютерных программ. В контексте борьбы с неопределенностью в правовых документах особую роль играют: 1) обратный машинный перевод (ОМП), поскольку данная технология позволяет переводить текст с одного языка на другой, а затем обратно на исходный язык. В результате такого «двойного» перевода в тексте могут как появиться новые слова, фразы, грамматические конструкции, так и, наоборот, могут исчезнуть некоторые элементы; 2) сравнение исходного текста с результатом ОМП. Программы сопоставления текстов на схожесть

предоставляют возможность установить совпадения и различия двух текстов. Их использование помогает обнаружить случаи плагиата, а также определить скрытые связи между документами.

Важно понимать, что компьютерные программы не являются панацеей. Их применение должно быть частью комплексного подхода к анализу смысловой неопределенности в правовых текстах.

В современном мире, где язык играет ключевую роль в общении, установлении, реализации правовых норм, лингвистическая экспертиза становится все более востребованной в различных судебных разбирательствах [5; 7; 15]. В рамках изучения текстов, аудиозаписей, видеоматериалов лингвисты-эксперты могут прояснить ситуации, в которых языковые элементы способны выступать в качестве инструментов преступления, обмана, неправильного толкования правовых норм [22]. Непреходящей остается актуальность вопросов, касающихся разработки единых методов и подходов к исследованию текстов с целью обеспечения объективности, научности экспертной оценки [12; 13]. В настоящее время, как отмечено [27], судебными лингвистами проводится весьма широкий спектр работы, который предполагает рассмотрение следующих ключевых аспектов.

1. Изучение языка письменных юридических текстов.
2. Исследование разговорного языка судебного процесса.
3. Рассмотрение возможностей смешения конкурирующих товарных знаков.
4. Установление авторства текстовых сообщений.
5. Выявление плагиата (определение плагиата в переводе; установление плагиата при составлении словарей и др.).

Список можно легко расширить, включив в него многие другие лингвистические вопросы, инновационные методы исследований и прочее.

Судебная лингвистическая экспертиза считается сложной многоступенчатой процедурой, которая требует глубоких знаний как в лингвистике, так и в юриспруденции [2; 8]. Эксперты изучают тексты с учетом контекста, используемых языковых средств, стиля и жанра речи. Современные лингвоюридические экспертные исследования [6] отличаются от традиционных подходов рядом особенностей: 1) широкое применение компьютерных технологий (специальные программы помогают анализировать тексты, определять авторство, выявлять плагиат и фальсификации); 2) интеграция с другими дисциплинами (в экспертизу включаются элементы психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, антропологии, что позволяет учитывать социальные и культурные факторы, влияющие на речь); 3) разработка новых

методов анализа текста в целом (эксперты используют методы дискурс-анализа, прагматического анализа, лингвистической экспертизы документов и др.).

Сферы применения лингвоюридических экспертных исследований весьма широки [18; 26]: 1) эксперты анализируют речевые выражения, чтобы определить их намерение, контекст и влияние на восприятие информации; 2) лингвистическая экспертиза может быть использована в случаях плагиата или неправомерного использования авторских прав; 3) экспертиза помогает разобраться в формулировках, уточнить смысл, установить наличие двусмысленности в правовых документах и многое другое [18].

В настоящее время функционирование русского языка в условиях правовой регламентации речи, судебной экспертизы текста приобретает особую актуальность, которая связана с двумя факторами. Во-первых, большинство экспертиз так или иначе касается вопросов смысловой неоднозначности текстов. Как отмечает В. Н. Базылев: «Одна из проблем, с которой до сегодняшнего дня сталкивается любой эксперт, которому поручено проведение судебной лингвистической экспертизы, безусловно, связана с самим языком. Вне зависимости от того, считать его феноменом, системой, структурой. Речь идет о проблеме неопределенности» [4: 16]. Во-вторых, в новых реалиях цифровые технологии накладывают свой отпечаток на экспертную деятельность, предоставляя экспертам широкий спектр возможностей обработки большого количества языковых данных.

Представители *кемеровской юрислингвистической школы и сибирской научной школы «Социально-когнитивное функционирование языка»* (руководитель — доктор филологических наук, профессор Н. Д. Голев) в последние годы активно разрабатывают методики компьютерного выявления и измерения смысловой неопределенности текста на его лексическом уровне [3; 14; 16; 17]. В настоящей статье мы рассматриваем смысловую неопределенность как предмет судебной и антикоррупционной экспертиз.

Востребованность лингвистической экспертизы по обнаружению в текстах смысловой неопределенности обусловлена общей тенденцией изучения сложных объектов исследования (продуктов речевой деятельности): 1) устных текстов; 2) письменных текстов (в том числе документов, расписок, электронной почты, смс, мессенджеров, записок и прочее). Ср.: «...объективно необходимо было перевести данную экспертизу с уровня искусства на уровень отработанного технологического процесса, осуществляемого по единым, научно-обоснованным методикам и воспроизводимым лингвистическим технологиям» [9;

10; 11]. На официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации опубликованы результаты проведения антикоррупционной экспертизы. Отмечено: «В первом полугодии 2021 года прокуратуры, реализуя полномочия, предоставленные федеральными законами “О прокуратуре Российской Федерации”, “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”, охватили антикоррупционной экспертизой почти 500 тысяч нормативных правовых актов. Было выявлено 36 тыс. нормативных правовых актов, содержащих свыше 33 тыс. коррупциогенных факторов...» [20]. Например, в 2022 году «правовым управлением Администрации Правительства Кузбасса проведена правовая экспертиза 1 504 проектов нормативных правовых актов. На постоянной основе управлением, органами государственной власти Кемеровской области — Кузбасса проводится мониторинг антикоррупционного законодательства» [19]. Такие объемы текстовой обработки законопроектов создают необходимость автоматических методик проведения подобного рода экспертиз. Ср.: «Методических рекомендаций проведения именно юридико-лингвистической экспертизы текста документа в рамках антикоррупционной экспертизы в настоящее время не разработано. Параметры, релевантные для выявления юридико-лингвистической неопределенности элемента языковой структуры текста на всех его уровнях, не детерминированы. Методы проведения лингвистического исследования текста на предмет выявления признаков его коррупциогенности не систематизированы» [9: 149]. Важно сразу отметить, что мы считаем, что компьютерные технологии экспертиз не отменяют «ручной» работы эксперта, но являются вспомогательным средством экспертизы текстов.

Целью данного исследования является апробация результатов компьютерного анализа смысловой неопределенности как предмета судебной и антикоррупционной экспертиз при помощи цифровых технологий.

Для рассмотрения смысловой неопределенности нормативных документов мы обратились к следующим материалам.

1. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» [25].

2. Постановление Правительства Новосибирской области от 21 августа 2014 года № 336-п «Об утверждении Положения о режиме особо охраняемой природной территории регионального значения Новосибирской области — памятника природы областного значения “Дендрологический парк”» [21].

Применяются методы обратного машинного перевода, сравнения текстов по сходству (две компьютерные программы) [23]. При машинном

переводе языком-посредником служит английский язык. Переведено с помощью Deep L.com.

Результаты представлены в таблицах и рисунках № 1, № 2.

Выводы компьютерной программы: тексты разные. В текстах присутствуют различающиеся фрагменты. Их всего: 62. Несовпадающие лексемы: «населяющих-обитающих», «в рамках-в пределах» и прочее.

Таблица 1

**Обратный машинный перевод (ОМП) правового текста
(федеральный уровень)**

Исходный фрагмент текста	Обратный машинный перевод (ОМП)
«Животный мир является достоянием народов Российской Федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации. Статья 1. Основные понятия В целях настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия: животный мир — совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации; объект животного мира — организм животного происхождения (дикое животное); биологическое разнообразие животного мира — разнообразие объектов животного мира в рамках одного вида, между видами и в экологических системах;	Животный мир — достояние народов Российской Федерации, неотъемлемый элемент природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляемый природный ресурс, важный регулирующий и стабилизирующий компонент биосферы, всемерно охраняемый и рационально используемый для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации. Статья 1. Основные понятия Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия: животный мир — совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно обитающих на территории Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации; объект животного мира — организм животного происхождения (дикое животное); биологическое разнообразие животного мира — разнообразие объектов животного мира в пределах одного вида, между видами и в экологических системах;

Окончание табл. 1

Исходный фрагмент текста	Обратный машинный перевод (ОМП)
генетические ресурсы животного мира — часть биологических ресурсов, включающая генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности...» [25].	генетические ресурсы животного мира — часть биологических ресурсов, включающая генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности.

Тексты схожи на 73,66%.

Результат сравнения:

Экспортировать в Word

животный мир является достоянием народов российской федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия земли, возобновляемым природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан российской федерации.

статья 1. основные понятия

целями настоящего федерального закона применяются следующие основные понятия:

животный мир - совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих и обитающих на территории российской федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны российской федерации;

объект животного мира - организмы животного происхождения (дикие животные);

биологическое разнообразие животного мира - разнообразие объектов животного мира в рамках границах одного вида, между видами и в экологических системах;

Рис. 1. Сопоставление оригинального текста и обратного машинного перевода (ОМП)

Таблица 2

Обратный машинный перевод (ОМП) законодательного текста (региональный уровень)

Исходный фрагмент текста	Обратный машинный перевод (ОМП)
«1. Настоящее Положение о режиме особо охраняемой природной территории регионального значения Новосибирской области — памятника природы областного значения «Дендрологический парк» разработано в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральным от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», Новосибирской области от 26.09.2005 № 325-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области», Лесным кодексом	1. Настоящее Положение о режиме особо охраняемой природной территории регионального значения Новосибирской области — памятника природы регионального значения «Дендрологический парк» разработано в соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральным от 14. 03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», Новосибирской области от 26.09.2005 № 325-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области», Лесным кодексом

Окончание табл. 2

Исходный фрагмент текста	Обратный машинный перевод (ОМП)
Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации. 2. Памятник природы областного значения «Дендрологический парк» образован решением Новосибирского областного Совета депутатов от 24.04.1997 «Об образовании памятника природы областного значения»» [21].	Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации. 2. Памятник природы регионального значения «Дендрологический парк» образован решением Новосибирского областного Совета депутатов от 24.04.1997 «Об образовании памятника природы регионального значения».

Тексты схожи на 86,89%.

Результат
сравнения:

Экспортировать в Word

1. настоящее положение о режиме особо охраняемой природной территории регионального значения новосибирской области - памятника природы **областного значения** «Дендрологический парк» разработано в соответствии с федеральным законом от 10.01.2002 п 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», федеральным от 14.03.1995 в 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», новосибирской области от 26.09.2005 п 325-оз «Об особо охраняемых природных территориях в новосибирской области», лесным кодексом российской федерации, земельным кодексом российской федерации.
2. памятник природы **областного значения** «Дендрологический парк» образован решением новосибирского областного совета депутатов от 24.04.1997 «Об образовании памятника природы **областного значения**».
3. описание границ особо охраняемой природной территории регионального значения новосибирской области - памятника природы **областного значения** «Дендрологический парк» (далее - особо охраняемая природная территория регионального значения) утверждено постановлением правительства новосибирской области от 17.07.2013 п 310-п «Об изменении границ особо охраняемой природной территории регионального значения новосибирской области - памятника природы **областного значения** «Дендрологический парк».
4. организация особо охраняемой природной территории регионального значения не влечет за собой изъятия занимаемых ею земельных участков у землепользователей, землевладельцев и собственников этих участков.
5. особо охраняемая природная территория регионального значения находится в ведении министерства природных ресурсов и экологии новосибирской области (пункт в редакции, введенной **в действие** постановлением правительства области от 05.06.2018 п 233-п, - см. предыдущую редакцию)
6. территория особо охраняемой природной территории регионального значения учитывается при разработке планов и перспектив экономического и социального развития, схем землеустройства и **территориального зонирования** **областного значения** «Дендрологический парк» схемы охраны природы новосибирской области.
7. **особо охраняемая природная территория** регионального значения **включает** природные комплексы и объекты, имеющие **научное, лесоводственное, природоохранное, эстетическое и эколого-просветительское значение** (интродуцированные виды флоры, высокопродуктивные лесные насаждения, коллекционные и научно-экспериментальные участки, высокодекоративные **ландшафты**, **ландшафты** **ландшафта**, питомники **выращивания** **посадочного материала**).

Рис. 2. Сравнение оригинального текста и обратного машинного перевода (ОМП)

Выводы компьютерной программы: тексты разные. В текстах присутствуют различающиеся фрагменты. Их всего: 93. Несовпадающие лексемы: «*областное значение — региональное значение*», «*городская планировка — градостроительство*», «*большое — важное*», «*входят — включает*», «*по выращиванию посадочного материала — для выращивания посадочного материала*» и прочее.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующий вывод: обратный машинный перевод и сравнение текстов по сходству служат достаточно эффективными методами для определения наличия и (или) отсутствия юридикто-лингвистической неопределенности текста. ОМП и программы сопоставления текстов на схожесть дополняют лингвистическую экспертизу, предоставляя данные для анализа и выявления скрытых смыслов, неопределенностей.

Перспективы применения комплексной методологии анализа семантической диффузии в правовых текстах открывают новые горизонты для судебной лингвистики и антикоррупционной экспертизы, в том числе 1) комплексный анализ позволяет более точно определить объективные факты, скрытые намерения сторон, предотвратить манипуляции с информацией; 2) понимание и анализ смысловой неопределенности способствуют совершенствованию правовой терминологии, помогают в работе с правовыми актами, делая их в некоторой степени более доступными для всех участников правовых отношений.

Внедрение комплексной методологии анализа семантической диффузии в правовых текстах является важным «шагом» на пути к повышению прозрачности правовой системы. Компьютерные программы играют в этом процессе значительную роль. При этом их использование должно быть неотъемлемой частью системного подхода, который вбирает в себя профессиональные *лингвистические* и *юридические* экспертизы.

Литература

1. Web-инструмент. Сравнение схожести текстов [Электронный ресурс]. URL: <https://ciox.ru> (дата обращения: 05.05.2024).
2. *Абрамкина Е. Е.* Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 151–158. DOI: 10.26170/pl20-02-16.
3. *Антонов В. Е., Башкатова Ю. А.* Разработка формально-количественных алгоритмов на основе ОМП // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин: сб. ст. / под ред. Ю. В. Подковырина. Кемерово: КГУ, 2021. С. 85–88.
4. *Базылев В. Н.* Проблема неопределенности в практике судебной лингвистической экспертизы (реферативный обзор) // Вестник Академии права и управления. 2020. № 1 (58). С. 16–23.
5. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
6. *Брадецкая И. Г.* Инновации в области лингвоюридических экспертных исследований в сфере плагиата [Электронный ресурс] // Научный аспект № 6–2024. Право. URL: <https://na-journal.ru/6-2024-pravo/13296-innovacii-v-oblasti-lingvoyuridicheskikh-ekspertnyh-issledovaniy-v-sfere-plagiata> (дата обращения: 11.05.2024).
7. *Бринев К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль современной прикладной лингвистики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 4. С. 1–6.

8. *Бринев К. И.* Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 300 с.
9. *Галяшина Е. И.* Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 149–150. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10100.
10. *Галяшина Е. И.* Основы судебного речеведения. М.: Стенси, 2003. 236 с.
11. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. URL: https://isemgua.ru/info/ling_ex/ (дата обращения: 11.05.2024).
12. *Голев Н. Д.* Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2002. № 3. С. 15–30.
13. *Голев Н. Д.* Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Алтайский университет, 1999. С. 11–58.
14. *Голев Н. Д., Иркова А. В.* Семантическая диффузия юридических и околоюридических терминов как практическая и исследовательская проблема // Юрислингвистика. 2023. № 27 (38). С. 44–48. DOI: 10.14258/leglin(2023)2708.
15. *Жукова Н. А., Ярошук И. А.* Актуальные вопросы лингвистической экспертизы // Проблемы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 198–201.
16. *Мельникова В. С.* Измерение степени сложности текста закона с помощью компьютерных программ: к постановке проблемы // Филология, иностранные языки и медиакommunikation: сб. ст. / под ред. Ю. В. Подковырина. Кемерово: КГУ, 2021. С. 31–33.
17. *Напреенко Г. В., Эртель К. В.* Интернет как источник и метод оценки текста в аспекте однозначности его понимания (на материале выступления президента России) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. № 3 (7). С. 131–137. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-131-137.
18. *Огорелков И. В.* Перспективы развития судебной автороведческой экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 495–498.
19. Официальный сайт Администрации Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ako.ru/deyatelnost/protivodeystvie-korrupsii/doklady-i-otchety.php> (дата обращения: 11.05.2024).
20. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise/result?item=64206018> (дата обращения: 11.05.2024).
21. Постановление Правительства Новосибирской области от 21 августа 2014 г. № 336-п «Об утверждении Положения о режиме особо охраняемой природной территории регионального значения Новосибирской области — памятника природы областного значения “Дендрологический парк”» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465706298> (дата обращения: 11.05.2024).
22. *Сироткина Т. А., Бреусова Е. И.* Некоторые проблемы лингвистической экспертизы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 132–138.

23. Сравнение схожести текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://text.num2word.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
24. *Сыпченко С. В.* Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (О проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики) // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 149–156.
25. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (дата обращения: 11.05.2024).
26. *Шагиева Г. Р.* К вопросу о лингвистической экспертизе // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 124–129.
27. Coulthard M. Forensic Linguistics: the application of language description in legal contexts // *Langage et société*. 2010. № 132. P. 15–33. DOI: 10.3917/ls.132.0015.

A. V. Irkova,
N. D. Golev

Semantic uncertainty as a subject of forensic linguistic and anti-corruption examinations

Abstract: the article examines semantic uncertainty in the aspect of forensic linguistic and anti-corruption examinations and the possibility of using computer programs for their implementation: reverse machine translation and programs for comparing texts for similarity. The effectiveness of using a comprehensive methodology for analyzing the semantic legal and linguistic uncertainty of a text has been established.

Keywords: semantic uncertainty, forensic linguistic examination, anti-corruption examination, reverse machine translation, comparison of texts by similarity, Russian language.

А.Э. Кемерова

*государственный судебный эксперт
Кемеровской лаборатории судебной
экспертизы
Кемерово, Россия
a.kemerova@mail.ru*

Л.Г. Ким

*доктор филологических наук,
доцент Кемеровского
государственного университета
Кемерово, Россия
kimli09@mail.ru*

Иноязычная лексика в рекламных текстах как конфликтогенный фактор

Аннотация: в статье обсуждается проблема конфликтогенного функционирования рекламного дискурса и факторы, детерминирующие реализацию его конфликтогенного потенциала. Обосновывается фактор иноязычной лексики на конфликтогенное функционирование рекламного дискурса. Исследование выполнено в русле лингвоконфликтологии.

Ключевые слова: реклама, лингвистический конфликт, иноязычные заимствования, интерпретация.

Предлагаемое исследование посвящено описанию рекламного дискурса в русле антропоцентрической и текстоцентрической парадигм. Объектом исследования современной лингвистики являются различные тексты, особый интерес их изучения представляет дискурсивный аспект, который позволяет изучать тексты в контексте социокультурного значения и роли в обществе. И именно рекламные тексты сейчас составляют неотъемлемую часть нашей повседневной жизни, с которыми мы сталкиваемся каждый день.

«Рекламный текст — это реализация определенного типа речевого сообщения, функционирующего в системе массовой информации и имеющего целью передать как можно большему количеству адресатов выгодные отправителю сообщения (рекламодателю) представления о каком-либо объекте внешнего мира (объекте рекламы) для того, чтобы побудить адресатов к определенным действиям» [4: 43].

Рекламный текст имеет свой особый язык — язык рекламы, с помощью которого передается содержание рекламного текста, который соответствует следующим требованиям: ясность, логичность, простота, оригинальность [9: 2], так как реклама рассчитана на быстрое восприятие. Именно поэтому, например, для синтаксиса характерно использование номинативных, неполных предложений, обращений, побудительных конструкций, однородных, а также вопросительных и восклицательных предложений; для морфологии — употребление существительных, так как реклама требует наименования предметов и явлений [6: 918]. Одно

из требований, которое в современном медиапространстве мы считаем важным, — это запрет на использование в рекламе иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации [7].

Иностранные слова в русском языке появлялись на протяжении всей его истории: из древнегреческого и латинского языков, из западноевропейских языков после Петровских реформ [1: 207].

На рубеже тысячелетий стало особо заметным распространение иноязычных заимствований во всех типах массовой коммуникации, а реклама стала служить одним из основных источников иностранных слов в русском языке. Однако большое количество таких слов стало вызывать негативную реакцию части населения, которые не владели другим языком [5: 196–197]. Использование иностранных слов стало вызывать «<...> непонимание, недопонимание, не-так-понимание, амбивалентное понимание и т. п.» [8: 141].

Как следствие, возникает конфликт «<...> в рамках противоречивого взаимодействия продуцента и реципиента речи: первый склонен к свободному, без ограничений выражению своих мыслей и эмоций со стороны языковых и других норм, второй предпочитает, чтобы выражение находилось в пределах общепринятых норм и, следовательно, в пределах его адекватного понимания» [8: 141].

При выполнении исследования рекламного текста мы исходим из необходимости учета фактора адресата. Общение — это не одностороннее воздействие говорящего на слушающего, а коммуникативное взаимодействие двух субъектов. Поэтому текст, интерпретируемый читателем, предстает в виде множества смысловых вариантов как результат рецептивно-интерпретационной деятельности, одно и то же речевое произведение «прочитывается» по-разному, то есть не всегда так, как задумывал автор [2: 144, 147].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о конфликте, находящем отражение в языке, который является ключевым в нашей работе. Лингвистическая природа конфликта, как было замечено ранее, заключается в адекватности/неадекватности взаимопонимания коммуникантов, знанием/незнанием норм языка, уровнем восприятия и декодирования конфликтогенных факторов в общении [3: 7].

Задачей данной статьи является установление конфликтогенного потенциала рекламного текста, включающего иноязычную лексику посредством лингвистического анализа и эксперимента. Решение данной задачи осуществляется на материале двух рекламных текстов. Испытуемым, пользователям сети Интернет, предлагались два рекламных текста с целью выявления понимания иноязычной лексики. При проведении эксперимента верифицировалась следующая гипотеза:

использование иностранных слов в рекламном тексте провоцирует языковой конфликт.

1. Реклама торгово-развлекательного комплекса Plaza

Иллокутивной целью автора рекламного текста является привлечение внимания адресата к детскому конкурсу, для чего используется преимущественно эмоциональная стратегия: яркие цвета, различные параграфемные средства (шрифт, размер), экономическая выгода (*главный приз 100 000 р.*).

Данный рекламный текст содержит фразу «Start-up» (стартап) на английском языке. Для определения значения был проведен корпусный анализ с использованием Национального корпуса русского языка и поисковых систем, который показал, что в переводе на русский язык данное выражение используется в значении *временный проект или компания для поиска новой бизнес-идеи*; имеется также несколько буквальных переводов: *запускать, стартующий* и другие.

В результате такого анализа мы можем утверждать, что фраза не закреплена в словарях русского языка и имеет малое количество примеров употребления, следовательно, слово еще недостаточно активно используется в русском языке и его включение в текст может вызвать недопонимание.

В результате эксперимента было получено 20 ответов, которые содержат в себе интерпретацию иностранных слов в рекламном тексте. Ответы позволяют разделить их на четыре группы: 1) «Да, я понимаю значение этой фразы»; 2) «Да, я понимаю значение буквально»; 3) «Нет, я не понимаю значение этой фразы»; 4) «Я не согласен с применением данной фразы в этом контексте».

1) «Да, я понимаю значение этой фразы» (16 ответов, 80%): *Какое-то дело, которое поможет в будущем; Начало; Вперед; Платформа (набор условий и ресурсов), позволяющая начать осваивать какую-то сферу или*

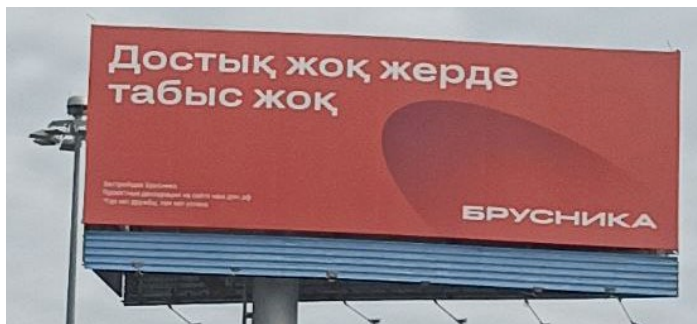
область в бизнесе и запустить свой проект; Проект с нуля, подготовленный заранее, для будущей версии себя; Путь; Молодая компания, планирующая быстрое развитие; Бизнес с нуля для своего будущего; Первый шаг в будущее; Перспективное начало; Сделай шаг в будущее; Начало; Новый финансовый проект за счет сторонних инвестиций; Старт вверх; Идея для бизнеса; Вложение в свое дело;

2) «Нет, я не понимаю значение этой фразы» (2 ответа, 10%): *Не знаю; Непонятно;*

3) «Я не согласен с применением данной фразы в этом контексте» (2 ответа, 10%): *На мой взгляд, немного криво применили, возможно, имели ввиду, что работают с проектами с большим потенциалом либо помогают начать развиваться; Ну вообще старт ап — это же какое-то начинание с минимальными вложениями, что-то такое, но в контексте этой рекламы, мне кажется, сомнительным выражение, не совсем понятно, как это... «стартап в будущее» — как-то странно, может, какое-то вложение в будущее.*

Результаты эксперимента показали, что 80% участников понимают значение фразы, но в различных интерпретациях, предлагают как свое, так и буквальное понимание фразы, 10% не понимают значение фразы. Также выявлено, что часть реципиентов (10%) не согласны с ее использованием в рекламном тексте. Так, мы можем сделать вывод, что данное выражение, ввиду разного понимания иностранного слова, может частично провоцировать лингвистический конфликт непонимания и уровня восприятия.

2. Застройщик «Брусника»

Иллокутивной целью автора рекламного текста является привлечение клиентов. Для этого используется преимущественно рациональная стратегия: лаконичный стиль, краткий текст.

Данный рекламный текст содержит фразу «Достық жоқ жерде табыс жоқ» на казахском языке. Для определения значения был проведен корпусный анализ с использованием интернет-ресурсов, который показал,

что фраза является устойчивой пословицей и в переводе означает *где нет дружбы, там нет успеха*.

Результат анализа показал, что у пословицы аналога в русском языке, также она имеет малое количество примеров употребления, следовательно, мы делаем вывод, что она недостаточно известна носителям русского языка, следовательно, ее использование может вызвать недопонимание.

В результате эксперимента было получено 20 ответов, которые содержат в себе интерпретацию иностранных слов в рекламном тексте. Ответы позволяют разделить их на три группы: 1) «Да, я понимаю значение этой фразы»; 2) «Нет, я не понимаю значение этой фразы»; 3) «Я не до конца понимаю значение этой фразы».

1. «Да, я понимаю значение этой фразы» (2 ответа, 10%): *Без дружбы нет благополучия*.

2. «Я понимаю значение не полностью» (3 ответа, 15%): *Что-то про друзей и что их нет, типа, если нет друзей, то чего-то тоже нет, раз это брусника, значит, наверное, про уют, гостей, что-то такое; Чего-то на земле нет, похоже на пословицу; Доставка*.

3. «Нет, я не понимаю значение этой фразы» (15 ответов, 75%): *Я не знаю; Не понимаю; Не знаю; Нет; Не знаю; Такого языка не знаю; Понятия не имею; Не знаю; ? ?; Что за язык ?; Не знаю; Не знаю; —; Не знаю; Нет*.

Результаты эксперимента показали, что 75% не понимают значение поговорки, 10% понимают значение фразы, а также 15% понимают не полностью. Преобладание отрицательного ответа позволяет сделать вывод, что данная фраза является фактором лингвистического конфликта непонимания.

Таким образом, экспериментальное исследование подтвердило теоретический анализ и показало, что в рекламных текстах существует потенциальный конфликт непонимания в связи с использованием иноязычной лексики.

Исследование рекламного дискурса в аспекте взаимодействия участников коммуникативного процесса позволяет сделать следующий вывод: человека, создающего рекламный текст, включая иноязычную лексику и адресата рекламного дискурса, позволяет рассмотреть иностранную лексику в различных интерпретациях и верифицировать гипотезу, что каждый рекламный текст может провоцировать конфликт, непонимание.

Литература

1. Зуева Д. М. Иностранные заимствования в современном русском языке: вызовы и перспективы // Научно-исследовательский центр «Вектор развития». 2024. № 21. С. 206–210.

2. *Ким Л. Г., Голев Н. Д.* Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма [Электронный ресурс] // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otnosheniyah-adresata-avtora-i-teksta-v-paradigme-lingvisticheskogo-interpretatsionizma> (дата обращения: 01.08.2024).
3. *Непешкуева Т. С.* Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен: фтореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 51 с.
4. *Пьянкова В. С.* Фрейм рекламного текста // Вестник молодых ученых: Гуманитарные науки. 1998. № 1. С. 42–47.
5. *Черемисина Т. И., Бондаренко А. В.* Иноязычная лексика в рекламе как средство маркетинговой коммуникации (на примере европейских языков) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-leksika-v-reklame-kak-sredstvo-marketingovoy-kommunikatsii-na-primere-evropeyskih-yazykov> (дата обращения: 12.07.2024).
6. *Шевченко П. Е., Деньгина Т. В.* Язык рекламы [Электронный ресурс] // Теория и практика современной науки. 2017. № 5 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-reklamy-1> (дата обращения: 01.08.2024).
7. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ, п. 5 ст. 5.
8. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрлингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Алтайский институт, 2008. С. 136–155.
9. Язык рекламы [Электронный ресурс] / В. А. Каплан, В. С. Никитина, А. С. Сахно [и др.]. — Текст: непосредственный // Юный ученый. 2020. № 5 (35). С. 1–3. URL: <https://moluch.ru/young/archive/35/2036/> (дата обращения: 01.08.2024).

A. E. Kemerova,

L. G. Kim

Foreign language vocabulary as a consequence of conflict in advertising texts

Abstract: the article discusses the problem of conflictogenic functioning of advertising discourse and the factors determining the realization of its conflictogenic potential. The factor of foreign language vocabulary on the conflictogenic functioning of advertising discourse is substantiated. The study was carried out in the context of linguistic conflict.

Keywords: advertising, linguistic conflict, foreign language borrowings, interpretation.

И. В. Кичева

*доктор педагогических наук, кандидат филологических наук,
профессор Пятигорского государственного университета
Пятигорск, Россия
kitcheva@mail.ru*

Диагностика речевой провокации как средства создания этноконфессионального конфликта

Аннотация: в статье с позиции лингвистической экспертизы рассматривается проблема выявления лингвистических признаков речевой провокации в текстах экстремистского характера. Выделяются особенности содержательно-смысловой направленности речевой провокации с вектором возбуждения ненависти и вражды. В исследовании отмечаются основные диагностические признаки провокативного речевого поведения.

Ключевые слова: речевая провокация, манипуляция, побуждение, лингвистическая экспертиза, речевые тактики, троллинг.

В последнее время в лингвистической экспертизе все чаще возникает необходимость определения коммуникативных намерений автора текста, которые свидетельствуют о его провокативном речевом поведении в отношении собеседников, о речевой провокации, влекущей за собой появление высказываний экстремистской направленности. Очевидно, что в условиях нарастания в интернете массива антироссийских провокаций на национальной, религиозной и социокультурной почве, охватывающих широкую аудиторию граждан, для теории и практики судебной лингвистической экспертизы необходимо расширение дескриптивно-диагностического обеспечения анализа спорных текстов на предмет возможного содержания признаков призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждения ненависти и вражды (ст. 282 УК РФ).

Вопрос о выявлении и анализе в потенциально экстремистском дискурсе вербализованных маркеров провокативной манипуляции решается в лингвистической экспертиологии неоднозначно, что объясняется недостаточной разработанностью проблемы речевой провокации экстремизма [14; 16]. Е. И. Галяшина справедливо отмечает сложность этой экспертной задачи — «по лингвистическому описанию речевого следа — реконструировать коммуникативное событие и определить его существенные свойства» [5: 7]. Речевые провокации, в том числе в виде

имплицитных побудительных высказываний, в монологических формах экстремистского текста разного жанра достаточно успешно диагностируется с опорой на известные действующие методики [см. 14]. Однако спорные тексты, являющиеся фрагментами полилога в соцсетях, переписки в чатах, возникшие как высказывания-реакции на исходную информацию любого вида (фотоизображение, рисунок, пост, комментариев пользователя к посту, видеозапись, подпись к видео и др.), появившиеся в ответ на реплики других собеседников, требуют учета ряда дополнительных характеристик ввиду влияния всего контекста полилога на мотивацию автора спорных высказываний. Беседа, обсуждение, обмен в чате репликами небольшого объема (в основном от 2 до 5 предложений), как правило, представляют собой ситуативно обусловленный спор, в котором собеседники, отстаивая свою точку зрения, поддаются общему настрою, погруженности в бурный полилог и потому становятся уязвимыми для манипуляции со стороны провокатора. Собеседник, откликающийся на провокации, объективирует, вербализует свою точку зрения и убеждения, в том числе, возможно, радикальные.

При этом важно учесть, что спорное высказывание (потенциально экстремистской направленности), возникшее в процессе общения с провокатором, могло быть детерминировано, а могло и не быть связано с настоящими убеждениями спровоцированного человека. Спровоцированный человек, вполне вероятно, не сказал бы ничего противозаконного (даже при условии наличия у индивида мировоззрения, потенциально близкого к экстремистскому), если бы его к этому не подтолкнули, не оказали на него давление. В дальнейшем судебном разбирательстве наличие в спорном речевом произведении компонента речевой провокации к совершению противоправного деяния дает основания стороне защиты для версий уклонения от выдвинутых обвинений [8].

В юридическом аспекте под провокацией понимается умышленное подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий лица, не имевшего преступных намерений; однако при этом не дифференцируется физическое действие или речевое действие [7; 8]. Лингвисты (А. Вандышева, Т. В. Варлакова и др.) высказывают мнение о том, что провокация является юридико-лингвистической категорией и др. [3; 6]. Понятие «провокация», как правило, рассматривается в лингвоэкспертологии по отношению к материалам дел коррупционной направленности («провокация взятки») [4; 5; 15]. Речевая провокация как феномен коммуникации в векторе потенциально экстремистской направленности описывается в специальной литературе недостаточно полно, несмотря

на исследовательский интерес лингвистов и психологов в целом к провокативному речевому поведению [1; 4; 5; 9; 10; 13]. В настоящее время в методологии лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы не существует единых методик выявления речевой провокации в экстремистском дискурсе. На наш взгляд, определение лингвистических признаков речевой провокации может способствовать получению результатов для выводов в юридическом аспекте о наличии у автора умысла на возбуждение ненависти и вражды и о разжигании общественно опасного конфликта [2: 8].

«Провокация» (от латинского *provocatio* — вызов) — «1. Предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия.

2. Агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт» [12]. Речевая провокация трактуется как побуждение одним коммуникантом (инициатором) другого коммуниканта к совершению определенных действий. Отметим, что для речевой провокации существенен такой семантический признак, как «вызов», состязание. Коммуникативный вызов побуждает реципиента реагировать: запуск механизма строится на высказываниях-стимулах, затрагивающих некие уязвимые точки (этническая или религиозная идентичность и т. п.) в сознании и восприятии реципиента, их цель — возбуждение аффекта, в ответ на который далее следуют высказывания-реакции. Прагматика провокации заключается в реализации иллокутивной цели говорящего — подтолкнуть, побудить адресата сделать что-либо противозаконное, в том числе осуществить речевое действие — и достижении соответствующего перлокутивного эффекта, свидетельствующего об успешности манипуляции провокатора. Поскольку имеется в виду именно провокация, то уместно подчеркнуть, что говорящий осознает противоправность действий, к которым он подталкивает адресата-собеседника.

Если речь идет о коррупционном дискурсе, то исследователи справедливо отмечают, что коммуниканты имеют представление о действиях, к которым их подталкивает инициатор (передача денежных средств, предложение взятки и т. п.), А. А. Штеба [15]. Коммуниканты, по сути, подготовлены к вероятному развитию действий и речевых действий собеседника. Однако в иных условиях коммуниканты далеко не всегда распознают провокацию и ее цели.

Так, когда речь идет о коммуникации в векторе экстремистской направленности, то провоцирующий подталкивает собеседника по меньшей мере к высказыванию информации экстремистского характера, что в случае успешности провокации и позволяет провокатору решать свои задачи: он добивается возможности дискредитировать собеседника,

шантажировать его, вовлечь в дальнейшую экстремистскую деятельность, а также манифестировать разрыв между группами, стимулировать агрессию и враждебность, создать этноконфессиональный конфликт.

Рассматривая признаки речевой провокации в экстремистском векторе коммуникации, отметим, что провокация предстает как вид речевой деятельности, который в первую очередь нацелен на изменение эмоционального состояния собеседника и формирование у него намерения реагировать на посыл провокатора. При этом многими исследователями отмечается, что речевая провокация, в отличие от простого, прямого побуждения, представляет сложное явление, связанное с речевым воздействием, предполагает манипуляцию, суггестивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций [13; 14]. О. С. Иссерс справедливо определяет провокацию как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния. Оба вида провокации нередко осуществляются комплексно — через сознательный выбор речевых и языковых средств разных уровней» [9: 92].

Мотивированность провокативного речевого поведения, его контролируемость со стороны провокатора детерминирует выбор тактик, такого «языкового кода, который неприемлем для собеседника, употребление нежелательных для собеседника коннотаций в лексических единицах» [9: 92]. Проиллюстрируем признаки провокативного поведения на примере коммуникации в одной из групп соцсетей (примеры представляют собой комментарии к видеозаписи о ситуативном конфликте между представителями народов Северного Кавказа).

Среди тактических особенностей отметим, что речевая провокация, нацеленная на придание обсуждению экстремистского вектора, возбуждение вражды, сопровождается инициативой провоцирующего как в поддержании этой темы, так и в ее развитии, возвращении к ней, даже при наличии высказываний, предотвращающих рост эмоциональной напряженности и манипулятивности. В процессе развертывания диалога провокатор своими речевыми действиями «выводит» коммуникантов на проблему межэтнических и межконфессиональных отношений. Тактика в основном выражается посредством побудительно-вопросительных предложений (цитируются с сохранением орфографии источника): *[Лее, толпой на одного напали!]/... — Кто то из наших там был? Собрались в ответку, да?... — [Это не здесь было]/... — Че он извинился? — [Читай брат внимательно, его заставили]/... [не надо раздувать] — не раздуваю я, но он так то прав, скажешь нет?*

[в исламе нельзя превозносить одну нацию над другой] — это когда им надо то мы братья. —братья так себя не ведут. Лучше сиротой быть, чем таких братьев иметь.

Также используется тактика упрека, косвенного обвинения. Говорящий упрекает всех членов группы в неправильном поведении, в несоблюдении канонов: *Разницы нет где произошло, задели нашего земляка, толпой причем. И вы все тихо смотрите и говорите: это не здесь, это их дела.*

И че братья —... так называемый сплоченный народ — вы реально вот так оставите эту несправедливость и позор?

Показательно, что в провокационных речевых действиях актуализируется тактика самоуничтожения группы «своих», что позволяет провокатору манипулировать собеседником, скрывая свои намерения. Провокатор самоидентифицируется с группой «своих» и приписывает группе негативные характеристики (нерешительность, излишнюю терпеливость, неспособность отстаивать интересы, слабость и т. п.), подстрекая тем самым собеседников на выражение несогласия. Консолидация со «своими» обычно вербализуется в прецедентных приветствиях, обращениях, устойчивых для этноконфессиональной группы возгласах («братья»), в употреблении местоимения «мы».

Провоцирование может отражать открытую демонстрацию идейной и эмоционально-психологической общности собеседников, которая способствует психологическому «заражению» собеседника имитируемыми «переживаниями» провокатора и выводу собеседника на более высокий уровень эмоционального состояния: *[Они не виноваты. Молодые же... сами разберутся Всегда мы все дрались] — Вот мы всегда так терпим, ждем когда кто-то придет и все решит Тогда что удивляться, что с нами никто не считается*

Речевая тактика иронизирования над собеседником вербализуется как выражение сомнения в соответствующей (этнической, культурной или конфессиональной) идентичности собеседника: *Я не понимаю, у вас уже нет мужчин? Все кнопочные герои!*

Скажи еще, что туристы виноваты, что мы забыли свои корни! И это лицо ваше?!?!

Не переживайте, «брата» кучканули и он уже извинился)) А так-то да, мы здесь все братья))

Урус не вмешивайся, «братья» между собой всегда договорятся. это ж братская помощь, уму-разуму поучили брата ...младшего, да?))

Немаловажную роль в снижении критичности восприятия коммуникативной ситуации провоцируемым играет широкий социокультурный контекст. Так, провокатор апеллирует к фоновым знаниям и хорошо

известным участникам группы случаям, формируя таким способом базис достоверности своих слов:

Вспомни как они наехали ... и все замяли же. Их не трогают потому что кому надо занесут и позвонят

[это вахи замутили] — они всегда мутят как с Тамаевым как потом с нашими

В содержание фоновых знаний входят представления о давних претензиях одной этнической группы к другой, тянувшихся территориальных спорах, межконфессиональных проблемах, имевших место в недавнем прошлом неурегулированных конфликтах и др.

Экспрессивность и эмоциональность в оценках обсуждаемых событий, ситуации, описании возможных последствий характерны для провокации. Этот признак зачастую переходит в формат явных оскорбительных оценок в адрес собеседника: *Ты конченный очкошник, свали да — Херои диванные! Только и можете здесь рассуждать.*

Реакция собеседников на провокацию может иметь вид игнорирования провокации или подчинения манипуляциям и воздействиям провокатора. В реальной практике приведенные примеры речевой провокации вызвали ответные реакции собеседников в спектре от оскорблений в адрес провокатора, свидетельствующих о сопротивлении интенциям провокатора, до полноценных утверждений экстремистского характера. Однако следует отметить, что результативность речевой провокации в рамках обсуждения проблемы этноконфессионального характера, может иметь негативный пролонгированный эффект, что выражается в появлении у спровоцированного собеседника мотивации к дальнейшему общению и погружению в экстремистскую коммуникацию (...*напиши в личку. Хочу узнать кое-что*).

В процессе анализа контента отмечено, что в массовой сетевой коммуникации среди пользователей ресурса может проявляться как целенаправленная речевая провокация в векторе экстремизма (ее осуществляют подготовленные провокаторы), как спонтанная провокация (такие действия ситуативны, характерны для стихийных провокаторов внутри группы-сообщества), а также как типичный троллинг. Троллинг понимается в рамках исследования как манипулятивное деструктивное речевое поведение, формирующее открытый конфликт; формами троллинга как вербальной агрессии может быть оскорбление, издевка, насмешка, домогательство, травля и др. У типичных троллей отсутствует идеологическая мотивация: троллинг нацелен на скандал и привлечение внимания к данному ресурсу, троллингу присуща активность и мнимая осведомленность по любому вопросу (*«Властью, данной мне интернетом, объявляю себя экспертом во всех областях»*). Для троллинга характерны полиидентичность

тролля (тролль готов играть роль представителя любой группы), множественность и непоследовательность идейно-смысловых позиций в споре, переключение на диалоги с разными собеседниками, развитие второстепенных тем обсуждения. Тролли, как правило, не стремятся скрывать агрессии, желая вывести виртуального собеседника из состояния равновесия, что и является целью и результатом троллинга.

Описанные особенности диагностики речевой провокации в векторе дискурса потенциально экстремистской направленности показывают актуальность разработки проблемы для развития теории и практики лингвистической экспертизы.

Литература

1. *Баранов А. Н.* Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог». (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). С. 43–52.
2. *Вагин О. А.* Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.). СПб.: Петрополис, 2012. С. 7–68.
3. *Варлакова Т. В.* Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33–36.
4. *Вязигина Н. В.* Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции / Функционирование русского языка как государственного в современных условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.). М.: РПА Минюста России, 2013. С. 60–64.
5. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 7–11.
6. *Дзялошинский И. М., Жолудь Р. В.* Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 62–81.
7. *Дубоносов Е. С.* Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Лекция. М.: Книжный мир, 2002. 35 с.
8. *Иванов В. Д., Черепашин В. А.* Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29–32.
9. *Иссерс О. С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
10. *Кичева И. В., Правикова Л. В.* Когнитивно-семиотические свойства дискурса вербального экстремизма // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 4. С. 123–128.

11. Кузнецов В. О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИНФОТЕХ, 2011. 1162 с.
13. Степанов В. Н. Провокативные речевые жанры как инструменты не прямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.
14. Хазимуллина Е. Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием // Юрислингвистика. 2013. С. 77–91.
15. Штеба А. А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. № 1. С. 120–128.
16. Kicheva I. V., Klassovskaia O. A., Ayrapetova E. G., Vatulina D. A. Identification of Implicit Speech Influence in an Extremist Text // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference. Vol. 198. Cham: Springer Nature, 2021. P. 680–689.

I. V. Kicheva

Diagnosis of speech provocation

Abstract: the article considers the problem of identifying linguistic signs of speech provocation in extremist texts from the perspective of linguistic expertise. The features of the content and semantic orientation of speech provocation with the vector of arousing hatred and enmity are highlighted. The study highlights the main signs of provocative speech behavior that are essential for diagnostic complexes.

Keywords: speech provocation, manipulation, motivation, linguistic expertise, speech tactics, provocative speech behavior, trolling.

Ю. Р. Леднева

*магистрант ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
Нижний Новгород, Россия
LKYULEDNEVA@yandex.ru*

Жанр комментария в социальных сетях: лингвоправовой аспект

Аннотация: статья посвящена проблеме размещения негативной информации в социальных сетях. Рассматривается проблематика выявления лингвистических признаков негативной информации. Цель статьи – продемонстрировать, какие экспертные признаки могут идентифицировать статью как потенциально противоправную.

Ключевые слова: комментарий, негативная информация, утверждение о фактах, оценочное суждение и мнение, лексические средства, экспликация, импликация.

Комментарии в социальных сетях представляют собой эмоциональный отзыв или экспрессивную реакцию на какую-либо информацию. Они связаны с многообразием тем и поводов — это общественно-политические, социальные и культурные события в стране и мире, также это может быть поведение медийных и немедийных лиц, а также комментарии, связанные с бытовой сферой жизни. К существенным жанрообразующим признакам этого жанра, как правило, относят особенности субъекта речи (его индивидуальности) в связи с пользователями (адресатами) комментария, содержательные особенности текста, своеобразие участников описанных действий или событий, а также индивидуализация речевых особенностей текста.

Кроме того, интернет-комментарий присуща синхронная или квази-синхронная коммуникация, что в значительной степени обусловлено появлением так называемой «письменно-разговорной» речи, для которой характерны экспрессивность, эмоциональность, лакунарность, а также отражение на письме фонетических особенностей устной речи. Правда, при этом сохраняется письменная форма самого текста и дистантность между коммуникантами. Все изложенное выше позволяет определить своеобразные критерии, характеризующие жанр комментария в сетевом пространстве. Это, во-первых, учет так называемых медийных характеристик, то есть функциональных возможностей разных интернет-платформ (электронная почта, новостная группа и т. д.) или отдельных программ, связанных с экспликацией конкретных интернет-жанров

(веб-блог, форум, поисковая система и др.). Во-вторых, это возможность трансформации интернет-комментария, который может изменять свои жанровые параметры, превращаясь в иной жанр или принимая своеобразные гибридные формы. В-третьих, жанру комментария просто необходимо, чтоб ему предшествовал какой-то триггер — прецедентный текст; это может быть пост (репост), статья, резонансное событие (новость) или комментарий другого пользователя. Это также может быть комментарий, триггером для которого послужил новостной пост, но автор, отталкиваясь от новости, предпочитает комментировать нечто иное. Таким образом, интернет-комментарий обладает гибкой жанровой структурой.

Исследование этого интернет-жанра позволило лингвистам выделить его типичные признаки: отсутствие строгого нормирования, простота синтаксических структур, которым свойственна многозначность, использование значительного количества языковых единиц (на лексическом, словообразовательном, грамматическом уровнях), обладающих повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, использование значительного количества разговорно-просторечной лексики и, может быть, самый важный признак — это краткость комментария. Кроме этого, интернет-комментарий обладает высокой интерактивностью, равноправием коммуникантов, а также значительной степенью реализации воздействующей функции.

К особенностям интернет-коммуникации следует также отнести анонимность, подразумевающую снижение психологического и социального риска, что обуславливает стремление к ненормативному общению, связанному со снижением социального контроля. Интернет-технологии делают коммуникацию трансграничной, то есть в интернете общение не привязано к одному месту. Общение в интернете подразумевает наличие «обратной связи», то есть отклика субъекта общения на информационное воздействие.

С каждым годом количество правонарушений, связанных с речевой деятельностью в социальных сетях, увеличивается. Согласно судебной статистике РФ, в 2018 году по ст. 5.61 КоАП «Оскорбление» к ответственности привлечены 13 962 граждан. В то время как в 2023 году за эту же статью было привлечено к ответственности 17 640 граждан. В подобных судебных разбирательствах зачастую привлекаются эксперты-лингвисты для проведения экспертизы с целью выяснить, есть ли признаки негативной информации в тексте.

Известно, что негативная информация — это сведения, которые содержат отрицательную характеристику лица — юридического или физического — с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может

понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Те или иные выраженные в языковой форме сведения квалифицируются как негативные, если установлено наличие в семантике анализируемых единиц неодобрительного компонента значения, либо неодобрительная оценка выражена в анализируемом высказывании контекстуально, реализована контекстуальными средствами [20: 34].

Негативная информация в тексте может быть выражена в следующих формах: утверждение о факте, оценка — мнение, оценочное суждение [13: 4].

Понятие «негативная информация» фигурирует в судебных лингвистических экспертизах в подавляющем количестве судебных лингвистических экспертиз. Однако для каждой статьи есть определенные экспертные признаки.

Исследуем некоторые комментарии на наличие экспертных признаков противоправности. Материалами для исследования послужили комментарии в социальной сети ВКонтакте, следовательно, каждый из приведенных примеров является публичным высказыванием.

I. В социальной сети ВКонтакте в 2024 году к посту, который содержит информацию об избиении женщины своим супругом, был оставлен комментарий:

«по-любому она изменяла ему.»

Предметом речи, о котором содержится негативная информация в высказывании, является пострадавшая женщина, о которой говорится в посте. Негативная информация в этом комментарии дана в форме утверждения о факте. Комментарий представляет собой повествовательное высказывание, не сопровождаемое маркерами мнения.

Автор использует вводную конструкцию, обозначающую уверенность говорящего в собственном высказывании, использует глаголы — сказуемые прошедшего времени в изъявительном наклонении.

Негативная информация в данном высказывании выражена с помощью стилистически нейтральной лексики.

ИЗМЕНИТЬ², *-меня́ю, -ме́нишь; сов., кому-чему (несов. изменять³)*. Нарушить супружескую верность или верность в любви [7].

Вышеуказанная лексема не имеет стилистических помет *разг., простореч.* и т. д. Однако указанное выше высказывание содержит в себе эксплицитно выраженную негативную информацию о предмете речи, поскольку автор комментария в форме утверждения говорит о социально неодобряемых поступках предмета речи в личной жизни.

Важно обратить внимание на коммуникативную направленность указанного высказывания. Может быть, автор комментария не преследовал

цель оскорбить, оклеветать или унижить честь и достоинство пострадавшей женщины. Об этом свидетельствует отсутствие стилистически маркированных лексем. Можно предполагать, что автор данного высказывания намеревался оправдать и обосновать ситуацию, описанную в посте.

В тексте комментария не выявлена негативная информация, выраженная в неприличной форме. Автор комментария не говорит о нарушении правовых или моральных норм. В этом высказывании нет признаков оскорбления и унижения чести.

Обратимся к следующему комментарию.

II. В социальной сети ВКонтакте в 2024 под постом об аресте известной блогерши за неуплату налогов был оставлен комментарий:

«Ура!!!! Наконец-то шарлатанка заплатилась!!!!»

Предметом речи, о котором содержится негативная информация в высказывании, является женщина, о которой говорится в посте. Негативная информация выражена в форме утверждения. Комментарий представляет собой повествовательное высказывание, не сопровождаемое маркерами мнения. Автор использует лексические средства для выражения негативной информации:

ШАРЛАТА́НКА, -и, *род. мн.-нок, дат. -нкам, ж. Женск. к шарлатан. Невежда, выдающий себя за знатока, специалиста; обманщик, плут* [7].

Данная лексема имеет негативную коннотацию и отрицательно воспринимается в обществе.

Автор также использует синтаксические речевые средства. Восклицательные знаки добавляют эмоциональность комментарию.

Указанное выше высказывание содержит в себе эксплицитно выраженную негативную информацию о предмете речи, поскольку автор комментария в форме утверждения высказывается об осужденной как о человеке, чья деятельность негативно воспринимается в обществе.

Исходя из ситуации, описанной в посте, следует обратить внимание на коммуникативную цель, преследуемую автором комментария. Арестованная блогерша изначально воспринимается автором как человек, нарушающий законы РФ. Можно предполагать, что автор не преследует цель распространить недостоверную порочащую информацию, оскорбить, унижить деловую репутацию блогерши и воспринимает свое высказывание как факт, соответствующий действительности.

В тексте комментария отсутствует негативная информация, выраженная в неприличной форме. Также в высказывании отсутствует информация о совершении предметом речи какого-либо действия, осуждаемого как правонарушение или аморальный поступок. Соответственно, в указанном высказывании нет признаков оскорбления или умаления деловой репутации.

Исследуем комментарий, содержащий в себе негативную информацию, выраженную с помощью негативно окрашенной лексики.

III. В социальной сети ВКонтакте в 2024 году к посту, который содержит фотографию участников СВО России на Украину, оставлен комментарий: *«Рашистское отродье вернется в пакетах»*.

Исходя из контекста поста и комментария к нему, под предметом речи, о котором содержится негативная информация в высказывании, следует понимать российских солдат, участвующих в боевых действиях. Негативная оценка в данном контексте выражена с помощью различных речевых средств.

Существительное «отродье» в современном русском языке имеет следующее значение: *какое, чье*. Бранно. О человеке как порождении злого начала. Антихристово отродье. Иудино отродье. (о предателе). // *Разг., пренебр.* Потомок, отпрыск. *И в кого такое отродье уродилось?* [7].

Соответственно, участники боевых сражений подразумеваются как люди с негативными помыслами.

Также в анализируемом спорном комментарии присутствует экспрессивный словообразовательный неологизм «рашистское», который является производным от окказионализма «рашизм» (или русизм, или Russism, или Rushism). Слово искусственно образовано путем объединения английской лексемы Russia (то есть Россия, произносится как «раша») и междunarодного слова «фашизм». Таким образом, «рашизм» — это разновидность фашизма, адаптированная для условий России XXI века. Лексемы «рашизм», «рашисты», «рашистский» безусловно, относится к инвективам, сопровождается экспрессией неодобрения, презрения.

Негативная информация в этом высказывании эксплицитно выражается с помощью лексических и словообразовательных средств.

Проанализируем данный комментарий. В посте присутствуют представители ВС России. В комментарии автор использует производное слово от лексемы «рашизм». Это слово является идеологическим и политическим клише, уничижительным термином, употребляемым для обозначения идеологии России. Используя данную лексику, автор убеждает в негативном характере действий российских военных. Указанное высказывание содержит в себе потенциально противоправную негативную информацию.

Рассмотренные выше комментарии содержат негативную информацию, выраженную эксплицитно, следующий комментарий содержит негативную информацию, выраженную имплицитно.

IV. В социальной сети ВКонтакте к посту о незавершенном капитальном ремонте школы был оставлен комментарий:

«по-моему, при прежнем школьном руководстве было гораздо лучше».

Предметом речи, о котором содержится негативная информация в высказывании, является руководство школы, при котором возникла ситуация, описанная в посте.

Для выражения негативного отношения автор не использует оскорбительную лексику или лексику с негативной коннотацией. Автор указывает, что «при прежнем школьном руководстве было гораздо лучше». Это высказывание имплицитно выражает информацию о том, что нынешнее руководство школы не выполняет свою работу так же эффективно, как и предыдущее руководство.

Негативная информация выражена в форме оценки — мнения. Присутствует вводная конструкция «по-моему», указывающая на выражение мнения, а не на утверждение фактов.

В тексте комментария нет информации о совершении руководством какого-либо действия, осуждаемого как правонарушение или аморальный поступок, соответственно, в данном высказывании нет признаков умаления деловой репутации.

Таким образом, предпринятый анализ продемонстрировал, что речевые средства русского языка могут маркировать как потенциально противоправные вербальные деяния разной квалификации (в рамках гражданского и уголовного кодексов, а также кодекса об административных правонарушениях), так и деяния, не входящие в правовую сферу.

Следует заметить, что негативная информация может выражаться лексическими единицами и конструкциями не только с отрицательной, но и с нейтральной семантикой, и в этих случаях необходимость обоснования негативности данных сведений значительно вырастает.

Важно обратить внимание на то, что негативная информация в судебной лингвистической экспертизе всегда осложняется специальными экспертными признаками, такими как форма высказывания (утверждение о факте), инвективность/обсценность семантики, призыв к насильственным действиям, информация о поступках, нарушающих нормы законодательства или этики и т. д.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
2. Белинская Е. П. Психология интернет-коммуникации. М.; Воронеж: МПСУ МОДЭК, 2013.
3. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

4. *Вознесенская И. М., Колесова Д. В., Попова Т. И.* и др. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя. СПб., 2012.
5. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
6. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005.
7. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.
8. *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
9. КоАП РФ Статья 5.61. Оскорбление.
10. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2008.
11. Объяснительный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М., 2002.
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М., 2007.
13. *Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
14. *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2009.
15. *Трофимова Г. Н.* Язык и стиль СМИ. М.: Российский университет дружбы народов, 2014.
16. *Фомина Ю. А.* Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челябинского гос. университета, 2007. № 20. С. 154–161.
17. Лингвистическая экспертиза: учебное пособие / И. А. Ярошук, Н. А. Жукова, Н. И. Долженко. Белгород: БелГУ, 2020. 96 с.

Y. R. Ledneva

The genre of social media commentary: the linguistic and legal aspect

Abstract: the article is devoted to the problem of posting negative information on social networks. The problem of identifying linguistic signs of negative information is considered. The purpose of the article is to demonstrate which expert signs can identify an article as potentially illegal.

Keywords: comment, negative information, statement of facts, value judgment and opinion, lexical means, explication, implication.

А. В. Лямаев

*студент Государственного
института русского языка
им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
22liamaev@mail.ru*

П. К. Иванов

*старший преподаватель
Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
pkivanov@pushkin.institute*

Категория побудительности в высказываниях с предикатами необходимости

Аннотация: статья посвящена структуре коммуникативной категории побудительности и способам ее выражения в русском языке. На фоне сравнения различных подходов к моделированию побудительности (таких, как теория речевых актов, функциональная грамматика и пр.) выявлены основные способы ее реализации в публичной политической сетевой коммуникации. Предложен подход к решению экспертной задачи, связанной с установлением лингвистических признаков побуждения к совершению действий, применительно к объектам, не содержащим императивных конструкций.

Ключевые слова: побудительность, призыв, предикат.

Побудительность является одной из ключевых коммуникативных категорий, на выявление которых направлена экспертиза информационных материалов. Существуют различные подходы к моделированию побудительности (например, теория речевых актов, функциональная грамматика и пр.), на которые, руководствуясь своими специальными знаниями, опираются лингвисты-эксперты при классификации высказываний как содержащих или не содержащих побуждение. Такая вариативность (по-видимому, типичная для социально-гуманитарных наук), безусловно, недопустима. Во-первых, она противоречит основной задаче экспертной деятельности — содействовать правоприменителю в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также принципам объективности и опоры на общепринятые научные и практические данные, заявленным в ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Во-вторых, она, по-видимому, приводит к упущению из внимания таких высказываний, которые составляют периферию побудительного потенциала речи, в частности высказываний без вербального императива.

Этим и обусловлена актуальность настоящего исследования. Цель его — рассмотреть коммуникативную составляющую категории побудительности, сравнить между собой различные подходы к ее моделированию в языке, проанализировать их использование в экспертных материалах и предложить подход к решению экспертной задачи, связанной с установлением лингвистических признаков побуждения к совершению действий, применительно к объектам, не содержащим императивных конструкций.

При определении коммуникативной задачи побуждение часто рассматривается наряду с понятием призыва, которое представлено в законодательной норме и поэтому используется в материалах по судебно-лингвистической экспертизе.

Побуждение — это общее понятие, которое может рассматриваться с точки зрения различных дисциплин (таких, как лингвистика, психология, юриспруденция). Лингвистическая точка зрения на побуждение охватывает три области.

1. В прагматике — высказывания, где содержится волеизъявление говорящего к адресату с целью: а) начать, продолжить и интенсифицировать его действия; б) прекратить, уменьшить интенсивность его действия [1: 203].
2. В грамматике — выбор формы, наиболее приемлемой в конкретной языковой ситуации: эксплицитного/имплицитного, ядерного/периферийного выражения побудительности [Там же].
3. В семантике это физические, ментальные, речевые действия, состояния адресата, которые иницируются при помощи речевых действий говорящего разной интенсивности и модальности [Там же].

Призыв же в узко лингвистическом смысле — речевой акт, одна из форм побуждения, наряду с рекомендацией, советом, приказом и т. д., как правило, применительно к политической коммуникации.

Но деятельность эксперта тесно связана с правовой сферой, где понятие призыва в контексте статьи 280 УК РФ (например, призыва к совершению экстремистской деятельности) обширнее и включает в себя не только призыв как речевой акт, но и другие формы побуждения, применительно к уголовной квалификации. Это объясняется постановлением Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором прописано, что под призывом понимается не только отдельный речевой акт, а побуждение в целом: «Под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)

обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности».

Таким образом, следует иметь в виду, что авторы материалов по судебно-лингвистической экспертизе (такие, как А. Н. Баранов, К. И. Бринев), употребляя термин «призыв», опираются на правовые документы и расширяют это понятие.

Перейдем непосредственно к рассмотрению побудительности как лингвистической категории.

Побуждение, в первую очередь, является модальностью. Е. В. Падучева в работе «Эгоцентрические единицы языка» выделяет 3 типа модальных значений русского языка: объективную, иллокутивную и субъективную модальность [11: 86].

Объективная модальность противопоставляется по признаку «реальность — ирреальность» и выражается грамматической категорией наклонения, где реальная объективная модальность соотносится с изъявительным наклонением «*Он купил шкаф*», а ирреальная — сослагательным «*Он бы купил шкаф*».

Иллокутивная модальность имеет отношение к теории речевых актов Джона Остина, которую мы рассмотрим позднее. Она противопоставляется по цели высказывания — утвердительные, вопросительные, побудительные. Эти типы высказываний, как можно заметить, соотносятся с грамматическими типами предложений.

Наконец, субъективная модальность выражает отношение говорящего к тому, что он сообщает — это могут быть значения желательности (оптативная субъективная модальность), необходимости, возможности, сомнения и т. д. Этот ряд значений не имеет фиксированного списка и может быть продолжен; также могут возникать случаи, где конкретное значение выделить сложно. Субъективно-модальные значения выражаются сослагательным наклонением в оптативном значении, вводными словами и словосочетаниями, специальными конструкциями, частицами и междометиями, порядком слов и интонацией:

Я бы хотел купить этот синтезатор — субъективное-модальное значение желательности;

Может быть, я куплю этот синтезатор — субъективное-модальное значение возможности;

Нужно купить этот синтезатор — субъективное-модальное значение необходимости.

В настоящем исследовании нас интересуют иллокутивная и субъективная модальности: побуждение в лингвистическом смысле выражается одной из трех иллокутивных модальностей, при этом некоторые значения субъективной модальности при определенных условиях (их мы

рассмотрим позднее) позволяют квалифицировать высказывания утвердительной иллокутивной модальности (которые не содержат вербального императива) как побудительные.

Одним из подходов к моделированию побудительной модальности является концепт «императивной ситуации» в системе функциональной грамматики. Императивные ситуации трактуются как реализующиеся в речи типовые содержательные структуры, основными элементами которых являются:

- а) субъект волеизъявления;
- б) субъект-исполнитель;
- в) предикат, заключающий в себе содержание волеизъявления, исходящего от субъекта волеизъявления к субъекту-исполнителю [5: 217].

Случаи использования императива или эквивалентных ему форм относятся к «центру» функционально-семантического поля побудительности. В них признаки данной разновидности модальной семантики выражены наиболее полно и четко: *Выйди, пожалуйста, из комнаты!* и т. п.

В императивных ситуациях отражается особый вариант речевого поведения, специфика которого заключается в самом акте волеизъявления, исходящего от говорящего, который берет на себя роль субъекта волеизъявления и обращенного к слушателю, на которого возлагается роль субъекта-исполнителя.

В грамматической форме предиката (императиве) находит выражение отношение к адресату речи, выступающему в качестве исполнителя. Императивная форма предиката 2-го лица несет в себе указание на субъекта-исполнителя, а тем самым и на субъекта волеизъявления [5: 218].

На основе компонентов, формирующих побудительную семантику высказывания и представленных в модели императивных ситуаций, в специальной судебно-лингвистической литературе, применительно к массовой коммуникации, строится параметрическая модель побудительного высказывания. Эту модель используют при характеристике т. н. прямых призывов [8: 47].

Параметрическую модель побудительного высказывания составляют лингвистические признаки, реализация которых в высказывании формирует побудительную семантику. Это наличие вербального императива; образа способа совершения действия; образа объекта действия; образа адресата.

Вербальный императив является элементом речи с побудительным значением. Он соответствует предикату в императивной ситуации. Вербальный императив может быть выражен императивной формой глагола (Разрушь!) или семантически эквивалентными формами:

- инклюзивный волитив;
- формы прошедшего времени в составе восклицательных высказываний;
- формы инфинитива в составе восклицательных высказываний;
- формы инфинитива в сочетании с частицами давай, пусть неглагольные формы со значением побуждения в составе восклицательных высказываний [8: 41].

Существуют иные формы, приведенный ряд лексико-грамматических форм регулярного выражения побуждения является списком только ядерных репрезентант [3: 434].

Образ способа совершения действия и образ объекта действия в модели императивных ситуаций отсутствуют, в ней сам предикат (который в специальной литературе соответствует вербальному императиву) несет содержание волеизъявления, но для правовой классификации высказывания в качестве призыва представляемое им содержание чаще всего является недостаточным.

Образ способа совершения действия может иметь широкий диапазон конкретности — от нулевой до максимальной. Максимальная конкретность образа способа совершения действия достигается при использовании глаголов с конкретным значением. Нулевой образ имеет место при призывных конструкциях, содержащих «чистое» побуждение (*Русский, решайся!*). В промежуточных случаях проявления образа способа совершения действия большую роль играет контекст: при наличии невербальных стимулов, детерминирующих ассоциативную деятельность адресата (изображений, фоновых событий), образ может конкретизироваться.

Образ объекта действия, как и образ способа совершения действия, может иметь разную степень проявления — от нулевой до максимальной. Нулевая степень проявления образа объекта действия содержится в высказываниях типа *Русский, решайся! Все на борьбу!* В такого рода случаях отсутствует лексический репрезентант предмета, существа или явления действия, на который может быть направлено действие. Однако нулевой образ объекта действия может содержаться и в высказывании с лексическим репрезентантом действия при нулевом контексте и абстрактности лексемы. Например: *Долби систему!* Примерами высказываний, содержащих конкретный образ действия, могут служить *Выслать всех мигрантов! Бей хачей!*

Образ адресата отчасти соответствует роли субъекта-исполнителя в модели императивной ситуации. Так как носитель предикативного признака заключен в глагольной форме предиката, императив

в структуре высказывания подчеркивается нормативным отсутствием дискретного выражения субъекта-подлежащего [5: 218].

Образ адресата в успешном побудительном высказывании всегда равен адресату речи — фактическому или декларированному. При несопадении образа адресата и фактического адресата коммуникативный акт становится неуспешным [8: 43].

Указание на субъекта-исполнителя «может быть уточнено и конкретизировано именной формой» [5: 218]. Эта именная форма является декларированным образом адресата в параметрической модели побудительного высказывания. Если же в высказывании отсутствует конкретизация образа адресата и «в общем виде ... указание содержится в самом предикате» [5: 218], то адресат речи будет считаться фактическим.

Итак, были разобраны теоретические труды А. В. Бондарко и Е. В. Падучевой, посвященные иллокутивной модальности побуждения, а также монография П. А. Катышева и М. А. Осадчего, посвященная побуждению в публичной коммуникации. Следующая работа, которая содержит описание призыва как речевой цели в публичной коммуникации — «Лингвистическая экспертиза текста» А. Н. Баранова.

А. Н. Баранов рассматривает призыв исключительно как речевой акт, определяя его как «особый тип речевого акта (РА), коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежицкой для семантической экспликации императивов, — ‘я хочу, чтобы ты сделал Р’».

А. Н. Баранов выделяет коммуникативные условия успешности призыва:

- условие пропозиционального содержания: описание будущего действия, которое должен совершить адресат, рассматриваемое как часть общественно-значимой деятельности;
- подготовительные условия: 1) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь; 2) действие еще не выполнено; 3) говорящий и адресат являются политическими субъектами; 4) речевой акт является частью общественно-политической коммуникации; 5) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без призыва говорящего;
- условие искренности: говорящий действительно хочет выполнения описываемого действия;
- существенное условие: говорящий, при произнесении высказывания, желает, чтобы адресат совершил в будущем определенное действие, рассматриваемое как часть общественно-значимой деятельности.

А. Н. Баранов замечает, что эти условия не совсем лингвистические: «оценить, в состоянии ли адресат совершить действие, о котором идет речь, можно на основании знаний о мире, а не на основании знаний о языке», далее «оценка подготовительных условий 1, 2 и 5 не вполне в компетенции лингвиста». Но ведь и призыв — понятие комплексное. Эти коммуникативные условия дополняют собственно лингвистические компоненты параметрической модели побудительного высказывания, которые выводятся непосредственно из текста: наличие образов адресата, действия, объекта действия и т. д.

Таким образом, А. Н. Баранов опускает собственно лингвистические параметры призыва и сосредотачивается на внеязыковых условиях, которые позволяют выявить призыв и отличить его от иных форм побуждения.

И, наконец, рассмотрим комплексный подход к выявлению признаков побуждения, изложенный в Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [9].

Призыв в Методике определяется не только как один из речевых актов, но и как «убеждение в необходимости совершить определенные действия» [9: 89]. Убеждение же — тоже речевая цель, в отличие от побуждения, направленная на то, чтобы изменить «ментальное состояние» адресата: «сформировать определенное понимание, знание или мнение» [Там же].

Одним из компонентов призыва является побуждение, поэтому для него также характерны две стороны: показ истинности тезиса и создание эмоционального отношения к нему, когда человек верит в правильность сказанного и воспринимает его как руководство к действию, причем такое отношение возможно только применительно к ценностным суждениям, связанным с нравственными ориентирами, эстетическими идеалами и т. п.

Для того, чтобы в высказывании была выражена речевая цель «призыв», автор должен эксплицитно или имплицитно выразить значения:

- убеждение аудитории в необходимости для нее совершения описываемого действия (считаю, что тебе/нам необходимо совершить это и хочу, чтобы ты согласился с этим) [9: 90];
- побуждение аудитории к совершению этого действия (я говорю тебе, что я хочу, чтобы ты (мы вместе) это (с)делал) [Там же].

Также в пособии отмечается, что побуждение может «не оформляться как речевая цель, т. е. вообще не сообщаться адресату», тем не менее текст оказывать «побудительное воздействие и с большой вероятностью

формировать у аудитории установки к негативным действиям» [Там же]. Это замечание имеет отношение к случаям актуализации воздействующего потенциала репрезентативных высказываний, которые, с учетом контекста и актуальной ситуации могут рассматриваться как побудительные.

Таким образом, были рассмотрены как лингвистические составляющие категории побудительности, так и коммуникативные условия успешности призыва. В настоящем исследовании предлагается определить побудительность как коммуникативную категорию, центром которой является императив или эквивалентные ему формы — их употребления чаще всего уже достаточно, чтобы квалифицировать высказывание как побуждение.

Но в публичной коммуникации, в том числе в рамках, например, экстремистских типов дискурса, побудительная семантика в высказывании может выражаться не только описанными выше способами. В частности, при отсутствии необходимых компонентов параметрической модели побудительного высказывания — вербального императива или эквивалентных ему форм, составляющих ядро императивной ситуации, — параметрическая модель может варьироваться, и функцию императива или эквивалентных ему форм способны нести речевые единицы с субъективно-модальными конституентами. К периферийным случаям относятся высказывания изначально иных модальностей, которые, при наличии в них выраженных компонентов параметрической модели побудительного высказывания, способны рассматриваться как актуализирующие побудительность.

Необходимым условием актуализации категории побудительности, упомянутым ранее, при отсутствии императива является достаточно ясно выраженное указание на субъекта-исполнителя и адресата, т. е. четко выраженная в высказывании категория адресованности.

Категория адресованности — это направленность текста, ориентация его на определенную аудиторию, так называемый фактор адресата [2: 360], включающий в контексте судебно-лингвистической проблематики в первую очередь указание на исполнителя действия. Она может быть выражена эксплицитно — через обращение — или имплицитно — посредством компонентов коммуникативной ситуации в целом [4: 35].

Императив по своей грамматической форме «указывает» на адресата (который, при отсутствии эксплицитного выражения, является фактическим), что является необходимым условием успешной «считываемости» адресатом побуждения как такового. Использование императива наводит адресата на необходимость совершения действия:

Русский, голосуй на выборах!

Голосуй на выборах!

Оба эти примера являются побудительными, независимо от наличия/отсутствия прямого обращения.

Одним из субъективно-модальных значений, способных актуализировать побудительность в изначально утвердительной иллокутивной модальности, является субъективная модальность необходимости.

Значения необходимости выражаются предикатами и вводными словами, такими как: *надо, нужно, необходимо, нельзя, должен, обязан, следует, надлежит, должно быть* и др.

Различаются 3 типа модальной необходимости [11: 65], показателями которых часто являются одни и те же модальные слова с разной семантикой: онтологическая, деонтическая и эпистемическая необходимость.

Онтологическую необходимость можно понимать как логическую необходимость. Ее основным показателям является модальное слово *должен*:

Разве это гитара? Гитара должна быть из массива.

Также к онтологической необходимости близка «практическая» необходимость, которая выражается словами *нужно, надо*. Практическая необходимость связана с понятием цели [11: 353]. Поэтому слово *нужно* имеет три валентности — Субъект цели, Потребность и Цель:

Чтобы разжечь костер <Цель>, мне <Субъект цели> нужны спички <Потребность>.

Слова *нужно, надо* не предполагают обязательно говорящего как Субъекта цели, поэтому практическая необходимость не обязательно является грамматической модальностью.

Деонтическая необходимость — это обязательство. Агенса обязан совершить определенное действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает или если есть моральные принципы или социальные установки, которые он принимает. С деонтической необходимостью связаны такие понятия, как моральный долг, обязательство, законопослушное поведение.

Показатели деонтической необходимости: *должен, обязан, необходимо, обязательно, неизбежно, непременно, требуется, следует*. Например:

А между тем и эти газеты, и вся наша контора вот уже два месяца стараются внушить мне, что я должен ненавидеть немцев.

Страх нарушить правила должен быть органично присущ чиновнику местного самоуправления.

Обычно необходимость проистекает из какого-то Источника или Причины: X нужно, чтобы Y (т. е. Y — Источник того, что необходимо X).

Специфицируя Причину, можно различить разные виды деонтических обязательств.

И, наконец, эпистемическая необходимость — это убеждение говорящего в высокой вероятности ситуации [11: 71].

Искать его бесполезно: он же нацмен, поэтому должен уже быть в солнечном Таджикистане.

Противопоставление эпистемической и деонтической модальности частично выражается падежом субъекта. Так, слово *должен* в первом из примеров, представленных ниже, сочетается с номинативным субъектом, в связи с чем может быть понято и в эпистемическом, и в деонтическом значении, а во втором примере скорее в эпистемическом, что вытекает из принципиальной неагентивности глагола с генитивным субъектом; деонтическое понимание, впрочем, тоже возможно; например, если это распоряжение о выселении неблагонадежного:

1) *Он не должен быть в этот день в Челябинске.*

2) *Его не должно быть в этот день в Челябинске.*

Модальность необходимости может быть также выражена конструкцией с независимым инфинитивом:

1) *Нам не привыкать жить при подобном сценарии* (отсутствие необходимости — онтологической);

2) *В понедельник утреник. Всем прийти нарядными* (необходимость деонтическая, т. е. долженствование).

Среди этих трех типов модальной необходимости нас интересует деонтическая необходимость.

Наконец, рассмотрим алгоритм определения наличия побуждения в высказываниях, в которых место императива или эквивалентных ему форм занимает предикат необходимости.

Итак, перед нами высказывание, содержащее предикат модального значения деонтической необходимости. Для начала следует разобраться, наличествует ли в высказывании образ способа совершения действия:

Нужно решаться.

Нужно выходить на улицы.

В первом случае образ способа совершения действия отсутствует (нулевая конкретика), поэтому успешность призыва находится под сомнением. Во втором же случае автором используется устойчивое выражение «выходить на улицы», под которым подразумевается не только непосредственно выход за пределы дома, но выход с целью протеста против чего-либо.

Далее — наличествует ли в высказывании ярко выраженная категория адресованности. В разобранных ранее высказываниях ее нет — адресат в них фактический, что так же усложняет квалификацию высказывания

в качестве призыва. Эти высказывания можно рассматривать в качестве речевой цели «сообщение», как приглашение к размышлению — с мыслью, выраженной автором, можно согласиться или поспорить. Непосредственно побуждение не предполагает дискуссии: единственная цель побудительного высказывания — призыв к действию.

Теперь рассмотрим то же выражение, но с выраженной категорией адресованности: «*Русские, надо выходить на улицы*». Становится понятно, кому нужно совершать действие и к кому обращается автор — к *русским*. Такое высказывание выходит из сферы абстракции, оно не предполагает дискуссии, соответственно, актуализируется речевая цель призыва.

Таким образом, побудительность является коммуникативной категорией, которая включает в себя побудительную иллюкутивную модальность и речевую цель призыва, но не ограничивается ими.

Литература

1. *Абросимова Г. А.* Побуждение как объект лингвистического исследования // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. Тверской государственный университет, 2014. Вып. 29. С. 201–208.
2. *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
3. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. 592 с.
4. *Бердникова Т. В.* Определение адресованности побуждения в экстремистских материалах (на примерах из интернета) // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019. Т. 14. № 3. С. 34–39. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-34-392>.
5. *Бондарко А. В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
6. *Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А.* и др. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. 1990. 263 с.
7. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. М., 1975. С. 53–87.
8. *Катышев П. А., Осадчий М. А.* Судебная лингвистическая экспертиза: учебное пособие. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. 121 с.
9. *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н.* Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ГУ РПЦСЭ при Минюсте России: ЭКОМ, 2011. 326 с.

10. *Левонтина И. Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: ЯСК, 2006. С. 349–366.
11. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 440 с. (Studia philologica.)

A.V. Liamaev,

P.K. Ivanov

Category of incentiveness in statements with necessity predicates

Abstract: The article is devoted to the structure of the communicative category of incentive and the ways of its expression in the Russian language. Against the background of a comparison of various approaches to modeling incentive (such as speech act theory, functional grammar, etc.), the main ways of its implementation in public political network communication are identified. An approach to solving an expert problem related to establishing linguistic features of incentive to perform actions is proposed, as applied to objects that do not contain imperative constructions.

Keywords: incentive, appeal, predicate.

А. А. Малюка

эксперт-лингвист

АНО «Национальный исследовательский

институт судебной экспертизы»,

соискатель кафедры германистики и лингводидактики

Института иностранных языков

Московского городского педагогического университета

Москва, Россия

anna.m.lingvist@gmail.com

Назначение и проведение лингвистической экспертизы по делам об оскорблении: недостатки и ошибки, возможные пути их решения

Аннотация: в статье рассматриваются типичные ошибки, возникающие в процессе проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении и защите чести, достоинства и деловой репутации. Выделяются два основных типа ошибок: операционные и процессуальные. Особое внимание уделяется смешению видов лингвистических экспертиз при назначении, что может привести к неправильной постановке вопросов перед экспертами. В статье также подчеркивается важность различения экспертиз для установления фактов оскорбления и защиты чести и достоинства, а также роли эксперта-лингвиста в определении негативного характера сведений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, наводящие вопросы, негативные сведения, судебная экспертиза, корректная формулировка вопросов, эксперт-лингвист, гносеологические ошибки, процессуальные ошибки, операционные ошибки.

Лингвистическая экспертиза в контексте дел об оскорблении приобретает особую актуальность в условиях современного общества, где публичный дискурс распространяется преимущественно через Интернет. Важность точности и надежности таких экспертиз неоспорима, поскольку ошибки в их проведении могут серьезно повлиять на исход дела, поставив под сомнение личность эксперта-лингвиста, объективность и всесторонность полученных выводов [3: 12]. Стратегическая предусмотрительность и глубокое понимание потенциальных сложностей, которые могут возникнуть в ходе экспертизы, являются критически важными для предотвращения таких ситуаций.

К традиционным задачам в рамках дел об оскорблении относится проведение анализа высказываний с целью выявления их характера

(негативный/позитивный), установления их формы (неприличная или в рамках нормы) и установления направленности данных высказываний на конкретное лицо [2: 130]. Это служит основой для правовой оценки, согласно ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующей вопросы, связанные с оскорблением.

Однако могут возникать ситуации, когда лицо или орган, назначивший производство лингвистической экспертизы, сформулировали некорректные вопросы. Эксперт должен уметь определять факт неправильной постановки вопроса и знать процедуру, которая позволяет разрешить возникшую проблему. Для этого необходимо знать, что некорректно поставленные вопросы можно разделить на следующие группы:

1. Вопросы, выходящие за рамки компетенции эксперта-лингвиста.

В данной ситуации эксперт должен уведомить лицо, назначившее экспертизу, о том, что подобная формулировка выходит за пределы специальных знаний в области лингвистики. Также необходимо указать, что ответ на этот вопрос не требует применения лингвистических знаний, а подразумевает необходимость обращения к другой научной области (при возможности указав, к какой именно области следует обратиться). В некоторых случаях, когда перед экспертом ставится несколько вопросов, лишь один из них может выходить за рамки его компетенции. В таком случае в тексте заключения необходимо указать факт невозможности ответа на поставленный вопрос ввиду выхода за рамки компетенции эксперта-лингвиста (с указанием, к какой области знаний относится решение данного вопроса).

Например, вопрос *«Как воспринимается текст/отрывок/фрагмент/слово <...> целевой аудиторией/человеком/сознанием?»* является вопросом, выходящим за рамки специальных знаний лингвиста, и относится к специальным знаниям в области психологии.

2. Вопросы, которые предполагают юридическую квалификацию каких-либо фактов, что должно решаться судом или иным лицом, которое ведет производство по делу.

Эксперт-лингвист может совершать действия по двум направлениям:

— в первом случае специалист имеет право в своем заключении информировать о том, что данный вопрос нуждается в юридической квалификации, что в такой форме лингвист не имеет права отвечать на него, и формулирует корректный вопрос, чтобы он соответствовал лингвистической области знаний;

— во втором случае эксперт вправе сообщить лицу, назначившему экспертизу, о том, что вопрос требует юридической квалификации для

решения поставленной задачи, и специальные знания в области лингвистики в данном случае неприменимы.

Например, такие распространенные вопросы, как *«Содержатся ли в тексте/фразе <...> сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица?»* или *«Содержится ли в тексте/фразе/выражении <...> оскорбление конкретного лица?»*, являются некорректными. Это связано с тем, что они предполагают юридическую квалификацию фактов, которые должны устанавливаться судом в процессе судопроизводства. Такие вопросы выходят за рамки компетенции эксперта-лингвиста, поэтому необходимо сообщить лицам, назначившим экспертизу, что по этим категориям дел необходимо ставить другие вопросы, соответствующие лингвистическим специальным знаниям.

3. Наводящие вопросы, в которых в прямом или косвенном виде уже содержатся определенные ответы.

Основным отличием наводящих вопросов является то, что в содержании самого вопроса уже имеется информация или предпосылки, которые указывают на тот ответ, который хочет получить автор вопроса (или заказчик экспертизы), формируя конкретную точку зрения по исследуемому объекту. Постановка подобных вопросов ограничивает эксперта, а также может влиять на объективность экспертного исследования и обоснованность полученных выводов.

Эксперт-лингвист должен напрямую сообщить лицу, назначившему экспертизу, о наличии наводящих вопросов либо указать на это в своем заключении, а также переформулировать такие вопросы на корректные.

Например, в вопросе *«Имеются ли в негативных сведениях <...> об Иванове И. И. признаки оскорбления?»* уже содержится информация о том, что в исследуемом объекте представлены сведения, имеющие негативный характер и относящиеся к конкретному лицу — Иванову И. И. Это некорректно, так как данные сведения должны устанавливаться экспертом в процессе анализа объекта.

4. Вопросы, на которые не представляется возможным ответить ввиду недостаточного объема исследуемого материала или некачественного объекта исследования.

В таком случае эксперту-лингвисту необходимо обратиться к лицу, назначившему экспертизу, и сообщить о невозможности провести исследование ввиду того, что имеющийся объект либо недостаточен (слишком малый объем текста, например, для проведения автороведческого исследования), либо плохого качества (например, носитель исследуемого текста бумажный и текст плохо пропечатан).

Таким образом, в каждой конкретной ситуации эксперт-лингвист должен быть осведомлен о необходимых шагах по устранению проблемы

некорректной формулировки вопросов или о том, как уведомить об этом соответствующие органы, чтобы они могли принять дальнейшие меры по решению данной проблемы.

Классификация ошибок в лингвистической экспертизе, предложенная Е. И. Галяшиной [3: 34], остается актуальной и для анализа текстов, содержащих оскорбления. Ошибки можно разделить на три категории.

— Гносеологические ошибки, возникающие из-за неверного подхода к анализу объекта исследования, его контекста, а также к выбору методологических приемов. Часто такие ошибки ведут к некорректной оценке оскорбительного контента, осуществляемой без учета его контекстуальной обусловленности.

Подробный анализ контекста позволяет эксперту глубже понимать намерения автора, значение используемых лексем и возможные подтексты, что является ключевым в определении истинного смысла сообщаемого. Анализ контекста спорного материала (слова, фразы, отрывка) в совокупности позволяет эксперту-лингвисту устанавливать смысловое значение конкретных лексем или текстовых отрывков, выявлять намерение автора текста, а также возможные имплицитные смыслы текста и интенций автора. Однако часто лица, назначившие лингвистическое исследование, предоставляют объекты, которые отделены от их ситуативного содержания (то есть всего того, что могло делать это слово/фразу/текст оскорбительным), например, являются цитатой из статьи, но представлены отдельно от общего текста. А эксперты-лингвисты в свою очередь исследуют данный объект в представленном виде, как он есть, тем самым совершая ошибку, которая влечет за собой необоснованные выводы. В таких случаях лингвист должен заявлять о необходимости предоставления дополнительных материалов, обосновывая это тем, что корректные выводы возможно получить только при всестороннем изучении объектов экспертизы (например, запрашивать полный текст статьи или полный диалог, а не отдельную фразу из него, и т. д.), то есть исследовать полный контекст спорного материала, включая предшествующую ему коммуникацию, ситуацию, в которой этот материал был создан, и его социокультурный контекст.

— Операционные ошибки (или деятельности) появляются при некорректности проводимых экспертных процедур, неправильном использовании различных средств экспертного исследования или непригодных приборов. Относительно лингвистической экспертизы по делам об оскорблении операционными ошибками является использование некачественного материала исследования (например, плохо видимый текст на бумажном носителе). В таком случае эксперт-лингвист должен уведомить лицо, назначившее экспертизу,

о невозможности провести экспертизу ввиду отсутствия пригодного объекта исследования.

— Процессуальные ошибки являются результатом нарушения процедуры назначения и производства экспертизы, которые регулируются нормами законодательства, то есть фактически это нарушение правовых норм, регламентирующих деятельность судебного эксперта.

В исследовании Е. И. Галяшиной [3: 37] представлен детализированный список ошибок, связанных с экспертной деятельностью. Среди них отмечаются превышение полномочий эксперта, проявление инициативы в формах, не регламентированных законом, несоблюдение правовых норм при оформлении заключения, отсутствие разъяснения эксперту его прав и обязанностей, а также отсутствие подписки о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложного заключения или наличие подписки, оформленной после составления заключения, а также смешение процедур назначения и проведения комиссионных и комплексных экспертиз.

Самой распространенной процессуальной ошибкой при назначении лингвистических исследований по делам об оскорблении является смешение лицами, назначающими экспертизу, двух видов лингвистических экспертиз: лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении и лингвистическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. В практике имеются случаи, когда при рассмотрении дел, связанных с оскорблением, перед экспертом ставятся вопросы, связанные с установлением фактов по делам о защите чести и достоинства, деловой репутации физических и юридических лиц. Важно различать необходимость проведения лингвистического исследования для установления негативных сведений в отношении конкретного физического или юридического лица, выраженных в форме утверждения (ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»), и необходимость проведения лингвистического исследования для установления негативных сведений, выраженных в неприличной форме и направленных на конкретное лицо (ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»).

По делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц одним из обстоятельств, имеющих в силу ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, является порочащий характер сведений об истце. Данный факт (порочащий или не порочащий характер сведений) подлежит выяснению в рамках конкретного производства по делу, устанавливается судьей, следователем или иным компетентным лицом и не входит в компетенцию эксперта-лингвиста. Однако порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином (или юридическим

лицом) действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота.

Из этого следует, что эксперт-лингвист при проведении лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в рамках своей компетенции вправе устанавливать следующие данные:

- наличие в спорных материалах сведений о конкретном физическом или юридическом лице;
- негативный характер этих сведений (нарушение действующего законодательства, совершение нечестного поступка, неправильное, неэтичное поведение в личной, общественной или политической жизни, недобросовестность при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушение деловой этики или обычаев делового оборота);
- форма передачи информации (именно утверждение о фактах, а не мнение, оценка или предположение).

Только при наличии этих трех элементов, которые устанавливает эксперт-лингвист, уполномоченное лицо делает вывод о наличии порочащих сведений.

На основании вышесказанного в практике проведения лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц перед экспертом рекомендовано ставить следующие вопросы:

1. Имеется ли в представленных на исследование материалах информация о (указание на физическое или юридическое лицо)?
2. Если информация имеется, является ли она негативной?
3. Если негативная информация имеется, в какой форме она выражена: утверждение, оценка, мнение или суждение?

Правильная формулировка и конкретная последовательность указанных вопросов, которые необходимо ставить перед экспертом-лингвистом, позволяет избежать лишней работы, направлена на оптимизацию процесса исследования и выявления конкретных данных в представленных на исследование материалах.

При назначении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении лингвисту необходимо знать корректные вопросы, которые необходимо ставить перед специалистом:

1. Относится ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «.....» к конкретному лицу —

(Ф.И.О.)? / Направлена ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «.....» на конкретное лицо — (Ф.И.О.)?

2. Если (наименование объекта или указание конкретной цитаты) относится/направлен на (Ф.И.О.), какой характер она носит — негативный, позитивный или нейтральный, в данном контексте?

3. В какой форме выражена (наименование объекта или указание конкретной цитаты) — неприличной или в рамках языковой нормы? [1: 732]

Таким образом, между лингвистической экспертизой по делам об оскорблении и лингвистической экспертизой по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации имеются ярко выраженные различия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Различия между лингвистической экспертизой
по делам об оскорблении и лингвистической экспертизой по делам о защите
чести, достоинства и деловой репутации**

Основания различий	Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении	Лингвистическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации
Цели	Установление негативных сведений, выраженных в неприличной форме и направленных на конкретное лицо (ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»)	Установления негативных сведений в отношении конкретного физического или юридического лица, выраженных в форме утверждения (ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»)
Вопросы, которые ставятся перед экспертом	1. Относится ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «.....» к конкретному лицу — (Ф.И.О.)? / Направлена ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «.....» на конкретное лицо — (Ф.И.О.)?	1. Имеется ли в представленных на исследование материалах информация о (указание на физическое или юридическое лицо)? 2. Если информация имеется, является ли она негативной? 3. Если негативная информация имеется, в какой форме она выражена: утверждение, оценка, мнение или суждение?

Окончание табл. 1

Основания различий	Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении	Лингвистическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации
	2. Если (наименование объекта или указание конкретной цитаты) относится/направлен на (Ф.И.О.), какой характер она носит — негативный, позитивный или нейтральный, в данном контексте? 3. В какой форме выражена (наименование объекта или указание конкретной цитаты) — неприличной или в рамках языковой нормы?	
Данные, которые устанавливает эксперт	• установление направленного на адресата речевого воздействия (направлено на конкретное лицо), • установление характера этого речевого воздействия (негативный/позитивный); • установление формы высказывания (неприличная/ в рамках нормы)	• установление сведений о конкретном физическом или юридическом лице; • установление негативного характера этих сведений (нарушение действующего законодательства, совершение нечестного поступка, неправомерное, неэтичное поведение в личной, общественной или политической жизни, недобросовестность при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушение деловой этики или обычаев делового оборота); • установление формы передачи информации (именно утверждение о фактах, а не мнение, оценка или предположение)

Эксперт-лингвист должен осознавать полный перечень задач, которые могут возникнуть в ходе его работы, особенно в контексте лингвистических экспертиз по делам об оскорблении. Он обязан адекватно реагировать на возможные проблемы и неточности в процессе назначения таких экспертиз. Для минимизации ошибок и недочетов в проведении

подобных экспертиз необходимо применять комплексный подход, который включает четкую формулировку вопросов и заданий для эксперта, а также глубокий анализ спорных материалов с учетом их контекста. Ключевым аспектом является объективность и профессионализм эксперта, а также использование апробированных методик исследования, которые обеспечивают надежность выводов. Игнорирование этих принципов в процессе назначения и проведения лингвистических исследований может привести к неправомерным и необоснованным заключениям, что в свою очередь может привести к вынесению несправедливого решения по рассматриваемому делу.

Литература

1. *Малюка А. А.* Существенные аспекты постановки вопросов при назначении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Медиалингвистика. Выпуск 10. Язык в координатах массмедиа: материалы VII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня — 1 июля 2023 г. СПб.: Медиапепир, 2023. С. 731–734.
2. *Малюка А. А.* Особенности производства лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: сборник материалов VII Международной научной конференции (к 80-летию профессора Г. Н. Тараносовой), Тольятти, 17–19 апреля 2023 г.: в 2 ч. / под ред. И. А. Измestьевой. Ч. II. Тольятти: ТГУ, 2023. 1 оптический диск. С. 129–134.
3. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.

A. A. Malyuka

Appointment and conduct of linguistic expertise in defamation cases: deficiencies and errors, possible solutions

Abstract: the article examines typical errors that arise in the process of conducting linguistic expertise in cases of defamation and protection of honor, dignity, and business reputation. Two main types of errors are identified: operational and procedural. Special attention is given to the mixing of types of linguistic expertise during appointment, which can lead to incorrect formulation of questions for experts. The article also emphasizes the importance of distinguishing between expertise for establishing facts of defamation and protection of honor and dignity, as well as the role of the linguistic expert in determining the negative nature of information.

Keywords: linguistic expertise, defamation, leading questions, negative information, forensic examination, correct formulation of questions, linguistic expert, epistemological errors, procedural errors, operational errors.

А. О. Манькова

*кандидат филологических наук,
сертифицированный эксперт в области
судебной лингвистики и фоноскопии
Калининград, Россия*

a.o.mankova@gmail.com

Субъект как ведущий компонент экспертной ситуации при производстве лингвистических экспертиз

Аннотация: в статье предложена структура экспертной ситуации, состоящая из следующих компонентов: субъект ситуации, объект исследования, экспертное задание, научно-методическое обеспечение, процессуальный порядок и техническое оснащение. Описанная парадигма опирается на устоявшуюся в теории криминалистической ситуалогии структуру следственной ситуации и отражает специфические особенности, присущие экспертной деятельности. Сделан вывод о том, что ведущим компонентом экспертной ситуации является субъект ситуации, от профессиональных качеств которого зависит успешное применение методик, эффективное использование технического оснащения и соблюдение процессуальных требований.

Ключевые слова: экспертная ситуация, лингвистическая экспертиза, структура экспертной ситуации, криминалистическая ситуалогия, ситуационный подход.

Теория экспертных ситуаций проистекает из положений криминалистической ситуалогии. Частично пересекаясь со структурой следственной ситуации, содержание экспертной ситуации имеет ряд особенностей, требующих более внимательного рассмотрения. Так, в структуре следственной ситуации, предложенной Р. С. Белкиным [1: 631] и разработанной далее Т. С. Волчецкой [2: 24], выделяются следующие компоненты: информационный, процессуально-тактический, психологический и организационно-технический. Коротко опишем каждый из этих компонентов с целью дальнейшего выделения специфических черт экспертной ситуации.

Информационный компонент следственной ситуации включает наличие у следователя и других участвующих в деле лиц сведений об обстоятельствах преступления, имеющихся доказательствах и возможностях их получения. *Процессуально-тактический* компонент следственной ситуации характеризуется состоянием производства по делу, возможности

избрания меры пресечения, проведения следственного действия, оценкой тактических приемов, которые окажутся наиболее эффективными в конкретный момент расследования. *Психологический* компонент следственной ситуации формируется в результате противостояния между следователем и лицами, проходящими по делу, и реализуется через проявление психологических свойств каждого из участников. Кроме того, он отражает их интеллектуальные особенности и моральные качества. *Организационно-технический* компонент следственной ситуации характеризуется наличием коммуникации между дежурной частью и следственно-оперативной группой, возможностью мобильного перемещения и оперативного управления, количеством уголовных дел, находящихся в производстве.

При попытке переложить эти компоненты на модель экспертной ситуации обнаруживаются некоторые аспекты, которые отсутствуют в парадигме следственной ситуации. Для более детального рассмотрения этого вопроса обратимся к понятиям следственной и экспертной ситуации.

Наиболее емкие определения этих понятий предложила профессор Т. С. Волчецкая. *Следственная ситуация*, по мнению ученого, — это «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [2: 24] Под *экспертной ситуацией* профессор Т. С. Волчецкая понимает «ситуацию, которая возникает в ходе производства экспертизы и решение которой лежит, как правило, на эксперте» [2: 22].

Несмотря на то, что каждая из частей следственной ситуации связана с непосредственными действиями следователя, ученый не выделяет отдельным компонентом субъект ситуации. Вероятно, это обусловлено тем, что действия следователя строго регламентированы положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что в некоторой степени нивелирует первостепенность его опыта и профессиональной подготовки. В свою очередь, несмотря на то, что деятельность эксперта также законодательно регулируется, он обладает большими возможностями в части выбора научно-методической литературы, методов исследования, а также умения их применять.

Рассуждая о структуре экспертной ситуации при производстве лингвистической экспертизы, попробуем опереться на само понятие этого вида исследования. Наиболее содержательное определение судебной лингвистической экспертизы, на наш взгляд, предложено профессором Е. И. Галяшиной. Под судебной лингвистической экспертизой ученый

понимает «процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств» [3: 16].

В рассматриваемом определении заложен потенциал для раскрытия структуры экспертной ситуации. Прежде всего, в нем выражен субъект, который является носителем специальных лингвистических знаний и дает письменное заключение (эксперт). Во-вторых, в определении зафиксирован объект исследования (текст). В-третьих, выделено экспертное задание (вопросы, поставленные на исследование для установления фактов, имеющих доказательственное значение). В-четвертых, в дефиниции отражено и косвенное указание на научно-методическое обеспечение как источник специальных знаний. Кроме того, указано на необходимость соответствия производства экспертизы процессуальному порядку (экспертиза как процессуальное действие). За рамками определения осталось техническое оснащение, которое наряду с субъектом ситуации, объектом исследования, экспертным заданием, научно-методическим обеспечением и процессуальными обстоятельствами целесообразно рассматривать в качестве компонентов экспертной ситуации.

Выделяя **субъекта** в качестве ведущего компонента экспертной ситуации, определим его основные характеристики. Необходимый минимум состоит в профессиональных и квалификационных требованиях и изложен в ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее — ГСЭД) — наличие высшего и дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности. Еще одним важным элементом является стаж экспертной работы и профессиональный опыт эксперта. В законе отсутствует требование к минимальному стажу эксперта, главное — отразить его в заключении эксперта. Уровень квалификации определяется экспертно-квалификационной комиссией и пересматривается каждые пять лет.

Перечень регалий эксперта может быть существенно расширен за счет прохождения добровольной сертификации, членства в профессиональном сообществе, получения ученой степени и ученого звания. Такой способ подтверждения квалификации нередко наблюдается в среде негосударственных экспертов, где роль аттестационных комиссий государственных экспертных учреждений выполняют иные профильные организации. Наличие этих регалий не носит обязательного характера, но дает конкурентное преимущество при выборе эксперта в процессе назначения экспертизы.

Немаловажным элементом являются и личные качества эксперта. Например, коммуникабельность позволяет результативно взаимодействовать на этапе предварительного консультирования с лицом, назначающим экспертизу. Стрессоустойчивость помогает работать в сжатые сроки и эффективно защищать свои заключения в ходе допроса. Умение логически рассуждать способствует последовательному ходу исследования и обоснованному изложению результатов экспертизы.

Следующим компонентом экспертной ситуации является **объект исследования**. В качестве объектов лингвистического исследования в методике, применяемой в Экспертно-криминалистическом центре МВД РФ, приведены письменные и устные тексты, зафиксированные на бумажных, фото-, видео- или аудионосителях [4: 243]. К письменным текстам относятся публикации в средствах массовой информации, книги, листовки, татуировки; к устным текстам — интервью, голосовые сообщения, записи выступления на митинге, телефонные переговоры.

В методике, разработанной в Минюсте России, в дополнение к устным и письменным текстам, к числу объектов исследования отнесены креолизованные (поликодовые) и электронные тексты [8: 8]. Под креолизованными понимаются тексты, которые содержат вербальный и невербальный компоненты. Примером такого вида объекта исследования может быть видеоролик, состоящий из визуального ряда, закадрового голоса и музыкального сопровождения. Специфической чертой электронных текстов при том, что они могут быть соотнесены с одним из описанных выше видов объекта исследования, являются условия коммуникации. Примером электронного текста является пост в социальной сети, комментарий к публикации или переписка в мессенджере.

К числу объектов исследования законодатель также относит материалы дела, по которому производится судебная экспертиза (ст. 10 ГСЭД). В свою очередь, эксперт наделен правом ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения (ст. 57 УПК РФ). Таким образом, перед экспертом стоит ряд специфических задач, связанных с объектом исследования. К их числу относится определение качества объекта исследования, признание его пригодным для проведения дальнейшего анализа, а также оценка необходимости предоставления дополнительных материалов. Некоторые из этих задач эксперту необходимо решить прежде, чем он приступит к ходу исследования. Своевременность принятия таких решений способствует эффективности проведения лингвистической экспертизы и дальнейшего использования ее результатов.

Еще один выделенный компонент в структуре экспертной ситуации — **экспертное задание**. Во многом оно определяется видом экспертизы.

В ситуациях, предполагающих шаблонное решение, как правило, вопросы, которые ставятся на исследование, совпадают с вопросами, изложенными в экспертных методиках. В нестандартных случаях требуется поиск нетипового решения: от лица, назначающего экспертизу, — корректная формулировка вопроса, а от эксперта — подбор соответствующей литературы и выстраивание хода исследования таким образом, чтобы установить факты и обстоятельства, имеющие значение доказательств.

Следует также помнить, что формулировка экспертного задания должна не только способствовать эффективному проведению исследования, но и соответствовать нормативно-правовым требованиям. Так, Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» закреплено, что постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, не допускается [5, п. 4]. Следуя этому положению, эксперт-лингвист не может, например, устанавливать соответствие фактов действительности или признавать содержание текста экстремистским.

Другим компонентом в структуре экспертной ситуации является **научно-методическое обеспечение** как источник специальных знаний. Закон не ограничивает эксперта в выборе методов и методик при проведении исследования — существует только требование на их указание (ст. 25 ГСЭД, ст. 204 УПК РФ). Методика судебно-экспертного исследования определяется в науке как «система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности или в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств для решения экспертной задачи» [3: 206]. Иными словами, в методике приводится перечень методов и описывается последовательность действий эксперта по применению этих методов применительно к конкретному виду экспертизы. Вместе с тем разные ведомства и научно-исследовательские институты предлагают собственные методики, которые нередко плохо согласуются друг с другом, поэтому «результаты судебных экспертиз, выполненных на основании этих методик в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств, могут быть противоречивы» [7: 52].

Поскольку объектом лингвистической экспертизы является текст, эксперт имеет дело с письменной или устной речью. Язык является живой динамичной системой, которая фиксирует трансформации, происходящие в обществе. Он отражает социальные и политические изменения и перерабатывает появление новых слов, связанных с такими изменениями (заимствований или сленга). Все это становится предметом

изучения ученых-лингвистов. Одновременно с этим в область их научного интереса попадает исследование речевых стратегий, анализ коммуникативного уровня языка, семантические изыскания. В результате публикуются научные статьи и монографии, которые отражают современное состояние языка и должны учитываться при производстве лингвистической экспертизы.

В отличие от научной литературы, экспертные методики имеют более статичный характер. Опираясь при производстве экспертизы только на методику, эксперт сокращает собственные исследовательские возможности. Именно поэтому ему важно не только знать и уметь применять методику, но также ориентироваться в новостной повестке, иметь навык работы в научных базах данных, поиска специальной литературы и в целом уметь соотносить экспертное задание и объект исследования с теоретическими и практическими разработками в области лингвистики.

Процессуальный порядок является еще одним важным компонентом экспертной ситуации при производстве экспертизы. Прежде всего, он функционирует на уровне определенных в ГСЭД и УПК РФ требований, которые предъявляются к содержанию заключения эксперта, к понятию объекта исследования, к квалификации судебного эксперта, к основаниям производства экспертизы и т. д. ГСЭД регламентирует также, что эксперт должен давать заключение в соответствии со своими специальными знаниями и в пределах соответствующей специальности (ст. 7, 8 ГСЭД). Следуя этому положению, эксперт-лингвист не может отвечать на вопросы, связанные, например, с тем, как воспринимается содержание текста аудиторией, поскольку такая формулировка задания соотносится не с лингвистической, а с психологической областью знаний.

Во многом процессуальный компонент связан с реализацией экспертной инициативы. Такое право закреплено в статье 57 УПК РФ и позволяет эксперту запрашивать из уголовного дела дополнительные материалы, имеющие отношение к предмету исследования (протоколы допроса, другие заключения эксперта). Кроме того, эксперт при необходимости вправе ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов (ст. 17 ГСЭД) для проведения комплексной или комиссионной экспертизы. Важным условием является необходимость подробного описания в заключении всех принятых шагов, начиная от ходатайства эксперта предоставить в его распоряжение дополнительные материалы до указания, на каком этапе и как именно они были использованы при проведении исследования. Насколько активно эксперт способен пользоваться предоставленными ему правами, настолько более эффективным может быть процесс

производства экспертизы и — в случае необходимости — дальнейших пояснений в ходе допроса.

Еще одним элементом структуры экспертной ситуации является **техническое оснащение**, которое подразумевает, во-первых, соответствие помещения лаборатории установленным нормативам, во-вторых, комплектацию непосредственного рабочего места эксперта. Закономерность выделения этого элемента экспертной ситуации базируется на вопросе о наличии у эксперта, обладающего специальными знаниями, возможности практического применения методики.

Рекомендации по оборудованию экспертных лабораторий закреплены, например, в Приказе МВД России от 27.09.2021 № 37/25—16332 «Рекомендации по обустройству лабораторий для производства судебных экспертиз и проведения исследований в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России». Документ содержит общие нормы, применяемые ко всем лабораториям, а также специальные нормы для лабораторий, в которых проводится конкретный вид исследования. Так, общими положениями учитывается площадь на одного сотрудника, наличие систем кондиционирования, отопления и вентиляции; естественное и искусственное освещение; электроснабжение с заземлением; защита от вибраций, шума и электромагнитных полей [6, Общие положения].

К рекомендациям, направленным на оснащение лабораторий для производства речеведческих экспертиз, относится, прежде всего, наличие автоматизированного рабочего места. В его состав входит компьютер, устройство для ввода/вывода звуковых сигналов, активный двухполосный студийный монитор, головные профессиональные стереофоны, специализированное программное обеспечение для производства лингвистических экспертиз, лазерный принтер, выход в интернет для доступа к научно-методическим и справочным материалам [6, п. 2.10].

Вместе с тем современное оснащение экспертной лаборатории не всегда является гарантом проведения всестороннего исследования. Во многом качество экспертизы определяется подготовкой эксперта и его умением использовать технические возможности программного обеспечения. Например, при работе со звукозаписью эксперту целесообразно оценить не только ее пригодность, но и необходимость провести шумоочистку. Эта процедура осуществляется при помощи специального аппаратного комплекса и способствует более эффективному проведению лингвистической экспертизы.

В заключение отметим, что каждый из выделенных компонентов экспертной ситуации находится в непосредственной связи с другими, взаимообусловлен ими. Так, формулировки вопросов, которые

эксперт решает в ходе исследования, должны соответствовать его экспертной специальности и не нарушать границы его профессиональной компетенции (пример взаимосвязи экспертного задания с процессуальным порядком). Знание методик и умение ориентироваться в современных научных разработках демонстрируют профессионализм и квалификацию эксперта (пример взаимосвязи субъекта ситуации с научно-методическим обеспечением). Работа с объектом исследования свидетельствует о том, насколько хорошо эксперт умеет применять методику (пример взаимосвязи субъекта ситуации с объектом исследования). Современная оборудованная лаборатория позволяет применять методики и выполнять экспертное задание (пример взаимосвязи технического оснащения с экспертным заданием и научно-методическим обеспечением).

Вместе с тем именно от эксперта и его профессиональных и личных качеств зависит, насколько успешно он применит методику и воспользуется техническим оборудованием; насколько разумно он сумеет определить границы собственной компетенции и вычленил вопросы, выходящие за ее пределы; насколько своевременно он определит пригодность объекта исследования, необходимость запроса дополнительных материалов или привлечения эксперта другой специальности. Подобное рассмотрение эксперта как субъекта ситуации во взаимосвязи с другими частями предложенной структуры позволяет выделить его как ведущий компонент экспертной ситуации.

Литература

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд. доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. 837 с.
2. *Волчецкая Т. С.* Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве: Учебно-методическое пособие / Т. С. Волчецкая, Е. В. Осипова. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2020. 126 с.
3. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза: Учебник. М.: Проспект, 2022. 424 с.
4. *Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В.* Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. 568 с.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 08.09.2024).

6. Приказ МВД России от 27.09.2021 № 37/25–16332 «Рекомендации по обустройству лабораторий для производства судебных экспертиз и проведения исследований в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/407495909/> (дата обращения: 06.09.2024).
7. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах. Монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 475 с.
8. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой; Министерство юстиции РФ, ФБУ РФЦСЭ. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

A. O. Mankova

Subject as a leading component of the expert situation in the production of linguistic forensic expertise

Abstract: the article proposes the structure of an expert situation consisting of the following components: subject of the situation, object of research, expert task, scientific and methodological support, procedural order and technical equipment. The described paradigm is based on the structure of the investigative situation established in the theory of criminalistic situationology and reflects the specific features inherent in expert activity. It is concluded that the leading component of the expert situation is the subject of the situation, whose professional qualities determine the successful application of techniques, effective use of technical equipment and compliance with procedural requirements.

Keywords: expert situation, linguistic expertise, structure of expert situation, criminalistic situationology, situational approach.

Е. В. Махаева

*магистрант Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
makhaeva.eliza.00@inbox.ru*

Социально-сетевые боты как участники конфликтной веб-коммуникации: юрислингвистический аспект

Аннотация: сегодня нередким является «столкновение» пользователя со специальной программой – ботом, способным имитировать человеческое речевое поведение. Целью данной статьи выступает описание особенностей ботированных систем, их признаки, а также перспективы правового регулирования их использования.

Ключевые слова: социальные сети, боты, социально-сетевые боты, языковые средства, правовое регулирование.

Ключевой особенностью процесса создания интернет-контента еще в недавнем прошлом была его приближенность к ситуации реальной человеческой коммуникации, в которой доминирующую коммуникативную роль занимает субъект, обладающий какой-либо значимой информацией, — т. е. коммуникатор. В качестве них выступали модераторы веб-сайтов, редакторы, политики, журналисты, создающие контент, а рядовые пользователи, посещая соответствующий веб-сайт, становились пассивными потребителями публикуемого. Иными словами, человеческий фактор интернет-коммуникации был неоспорим, т. к. каждую коммуникативную роль выполнял человек.

Теперь же все чаще возникает закономерный вопрос: нет ли в числе коммуникантов тех, кто был лишь создан человеком, но им не является? Речь идет о так называемых ботах, уже прочно вошедших в интернет-пространство как, хотя и не весьма самостоятельные, но определенно автономные участники коммуникации. Одними из таковых являются так называемые «социальные боты» или боты, действующие в социальных сетях, — феномен, в настоящее время находящийся в стадии активной научной разработки.

На наш взгляд, корректировки, в особенности для российской научной школы, требует сам термин, определяющий данное явление. Наиболее устоявшимся среди российских исследователей в настоящее время является термин «социальные боты» [2: 154], фактически

переведенный методом транслитерации с английского «social bot» на русский язык. Указанный метод естественным образом привел к некоторым смысловым неточностям. В первую очередь стоит отметить производный характер термина «social bot» от родового «social media» (социальные сети), благодаря которому носитель английского языка мгновенно определяет для себя генерализирующий признак данной бот-системы. Однако для русскоговорящего адресата подобная формулировка, напротив, не образует однозначных ассоциаций, вероятно, даже рождая ряд ложных. Дело в том, что лексема «социальный» в русском языковом сознании связывается преимущественно с социальной сферой жизни общества, услугами социального обеспечения и т. д., тем самым реципиент-носитель русского языка при обработке термина «социальный бот», вероятнее всего, не свяжет его происхождение с явлением социальных сетей. В связи с этим, предлагается сузить план выражения термина, обозначив его, например, как «социально-сетевой бот», «бот в социальной сети».

Социально-сетевой бот представляет собой автоматизированное программное обеспечение, связанное с платформой, через которую боты взаимодействуют с реальными пользователями [14: 15]. В сущности, боты выполняют идентичный реальному интернет-коммуниканту функционал, включающий отправку сообщений и ответы на них, а также активное размещение и комментирование контента.

При этом бот не является аккаунтом — это программа управления аккаунтом (хотя традиционно под ботом обычно понимают именно аккаунты, управляемые этими программами) [11]. Такие программы создали миллионы аккаунтов, маскирующихся под реальных людей в социальных сетях Facebook¹, X, Instagram, «ВКонтакте» и др.

Среди разработанных к настоящему времени классификаций социально-сетевых ботов наиболее распространенной является подразделение ботов на полезных (доброкачественных) и злонамеренных (вредоносных) [Там же]. В качестве основания для представленной классификации является характер последствий деятельности ботов.

С. Штиглиц, Ф. Брахтен, Б. Росс и А.-К. Юнг, приняв во внимание данное обстоятельство, разработали объединенную «перекрестную» типологию социально-сетевых ботов, включив в нее такие типы, как вредоносные, нейтральные и доброкачественные типы с высокой и низкой степенью имитации человеческого поведения [15]. Резюмируя массив научных исследований по данной проблематике, авторы пришли

¹ Facebook и Instagram относятся к компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации (*прим. ред.*).

к выводу о преобладании злонамеренных социально-сетевых ботов с высоким уровнем имитации человеческого коммуникативного поведения над остальными типами.

Лингвистические и технические признаки ботированной коммуникации в социальных сетях

Разработанные к настоящему моменту методы выявления ботов, в частности метод частотного анализа сообщений [10], методы машинного обучения [9: 11], автоматизированного обнаружения ботов («Botometer») [13], а также ряд других требуют владения специальными навыками проведения анализа технических средств и их использования. Само собой, указанные обстоятельства значительно сужают круг пользователей, способных декодировать ботированную коммуникацию.

Тем самым «столкновение» реального пользователя с социально-сетевым ботом зачастую не декодируется «живым» коммуникантом. При этом ботированный участник коммуникации, в особенности относящийся к типу злонамеренных, использует обширный комплекс языковых средств, направленных на вовлечение реальных коммуникантов в конфликтную ситуацию.

Качественный анализ более 250 уникальных публикаций и комментариев к ним, размещенных в новостных сообществах таких интернет-ресурсов, как социальная сеть «ВКонтакте» и мессенджер Telegram, показал наличие типовых языковых средств, используемых исследуемым типом ботов. Выявленный комплекс включает в себя языковые средства и приемы, реализующиеся на разных уровнях языка, что позволило представить речевой портрет социально-сетевого бота как участника конфликтной веб-коммуникации:

- Текстовый уровень языка:

— отсылка на прецедентный текст (высказывания официальных лиц, патриотические лозунги, шаблонные конструкции и т. д.): *Главное что взятие Киева за 3 дня это не провал. Правда же? Правда?; Значит скоро будет мобилизация бегите глупцы; Нас рать.*

- Синтаксический уровень языка:

— риторический вопрос: *Они уже инвалидов возвращают в мясорубку, а что дальше будет?; Севастополь это Украина, а Развозжаев что там вообще делает?; Школа и детский сад — это что, военные объекты? Или украинские террористы намеренно стреляют по детям?;*

— побудительные конструкции: *Помню, как власти наших в Афгане, в Чечне служивших хвалили. Говорили, вечно помнить будем. А на деле? Инвалиды на колясках, с копейками на карте. Не верьте им, нынешних ветеранов забудут и обманут точно также!;*

— футуральная семантика высказываний («предсказания»): *Совсем скоро ждите повестки словно на госуслугах; Значит скоро будет мобилизация бегите глупцы.*

- Лексический уровень языка:

— неологизмы, тематически соответствующие актуальной общественно-политической ситуации: *Ватники, запомните: вашему престарелому, безумному бункерному деду Пупкину скоро физически придет конец-возраст подходит. И тогда вся созданная им про-Кремлевская, Z-ватная империя пропаганды и лжи, вместе с ее прихлебателями будет развалена, как картонный домик, а adeпты Z-преданы военному трибуналу;*

— метафора как средство выражения экспрессивности: *Плешивая бункерная моль; Сколько тут мяса сидит и лижет деда бункерного хаха, положили куча народу в Украину, стоят на месте уже три месяца и все мечтают о какой то “победе”;*

— пейоративная экспрессивная лексика (в том числе устойчивого употребления): *Вот вы уроды; Путин — чудовище. Нет мерзости, на которую он не был бы готов; Бункерный фюрер;*

— языковая игра: *Нас рать.*

- Морфологический уровень языка:

— нарушение норм согласования и управления: *Походу украли с херсонского зоопарка потому что такой медведь у России не было раньше; Каждый месяц вы об этом пишите, а союзники в это время только у Путин заканчиваются;*

- Графический уровень языка:

— эмотиконы, тематически соответствующие актуальной общественно-политической ситуации: *слава России!*   ;

— нарушение технической конфигурации текста: *Чекаю ответку на ра ш ку; Где же отве тка по центрам принятия решений;*

— фонографические эвфемизмы: *Не знаю, какую то керню нам показывают. Рестораны везде полные, на улицах там народу полно, ходят поезда электички автобусы, море людей, никого не трогают и не забирают, а нам тут преподносят какую то керню, может этот типил у военкома бабу увел, кто знает;*

— избыточность эмоционально-экспрессивных пунктуационных знаков: *Владимир Владимирович. Единство народа??? Общество давно раздельно!!!!!!!!!!!!!!*

Как видно, речевые сообщения социально-сетевых ботов представлены обширным количеством языковых маркеров, реализующихся на всех уровнях языка. При этом ряд маркеров носят комплексный характер и реализуются сразу на нескольких из них. Однако это все же не значит, что типовой ботированный участник коммуникации будет использовать большинство из выявленных нами языковых средств.

Зачастую социально-сетевые боты распространяют малые объемы речевых сообщений, включающие крайне ограниченное число признаков речевого портрета бота, в связи с чем целесообразно сформулировать также перечень технических признаков, присущих аккаунту социально- сетевого бота:

1. *Отсутствие медиаконтента на странице пользователя (аудио- и видеозаписи, прикрепленные файлы).* Автономное программное обеспечение, запускающее создание бот-аккаунтов, функционирует по принципу создания как можно большего их количества в максимально сжатые сроки, наполнение ботированного профиля дополнительной файловой информацией влечет временные затраты и требует усовершенствования возможностей программы.

2. *Отсутствие или аномально малое количество друзей и подписчиков.* Основная идея создания концепта социальных сетей состояла именно в упрощении коммуникации между людьми, тем самым возможность каждого пользователя «закрепляться» за иным пользователем и тем самым приобретать статус «друга» или подписчика является ключевой функциональной особенностью социальных сетей. Поскольку социально-сетевые боты не способны к осуществлению диалогического общения, а программное обеспечение не имеет своей целью поддержание коммуникации с реальными пользователями, бот-аккаунты характеризуются отсутствием или крайне малым количеством друзей или подписчиков (до 20 пользователей).

3. *Отсутствие уникальных публикаций пользователя, в том числе в форме простых текстовых сообщений, а также публикаций и комментариев иных пользователей на странице.* Большинство социальных сетей предполагают возможность публикации и републикации различных материалов на, так называемой, «стене» — свободном пространстве на персональной странице пользователя, использующееся им по своему усмотрению. «Стена» как отображение «виртуальной личности» индивида обычно содержит какой-либо медиаконтент: уникальные (собственноручно созданные) публикации, републикации со страниц иных пользователей и сообществ и др. Профиль же социально-сетевого бота создается, как ранее было сказано, в иных целях и потому визуально представлен следующим образом (см. рис. 1):

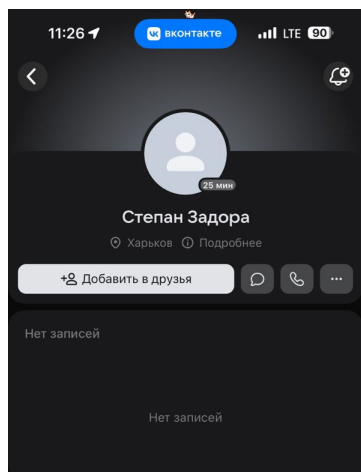

Рис. 1. Профиль социально-сетевого бота в социальной сети «ВКонтакте»

Тем самым проведенное экспериментальное исследование и последующий анализ выборки речевых сообщений, распространяемых социально-сетевыми ботами, позволяют констатировать высокий уровень имитации человеческого речевого поведения ботами, реализующейся на всех уровнях языка с использованием обширного количества языковых средств. При этом рядовому пользователю социальных сетей при «столкновении» с ботом необходимо обращать внимание также на технические характеристики аккаунта, от имени которого распространяется деструктивный контент. Именно комплексный подход позволит повысить возможности детекции социально-сетевых ботов и предотвратить оказание возможного негативного воздействия на целевую аудиторию.

4. Отсутствие аватара пользователя. Аватары пользователей социальных сетей — изображения, являющиеся, наряду с никами, основными элементами «паспорта» интернет-пользователя, средствами самопрезентации [1: 15]. Поскольку основной задачей социально-сетевого бота является массовое распространение заранее сгенерированной информации необходимости презентовать себя как члена виртуального сообщества у него, само собой, нет. При этом в целях маскировки бота в качестве реального пользователя социальной сети создатели указанного программного обеспечения используют в качестве аватаров бот-пользователей изображения животных, природного ландшафта и т. д. (см. рис. 2).

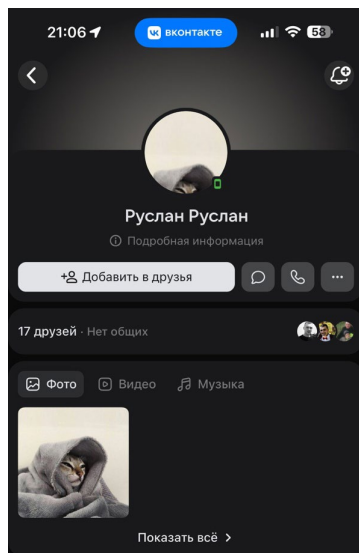

Рис. 2. Пример бот-профиля с аватаром пользователя в виде изображения животного в социальной сети «ВКонтакте»

Правовое регулирование использования социально-сетевых ботов

На наш взгляд, анализ примеров речевого поведения социально-сетевых ботов не оставляет сомнений в том, что содержание распространяемых ими речевых сообщений целесообразно могут быть подвергнуты оценке со стороны как этического, так и нормативного подходов.

Так, с позиции этики негативный эффект систематического распространения информации, главным образом, зловредными социально-сетевыми ботами состоит в манипулировании общественным сознанием, о чем свидетельствует сам факт использования ботами ложной человеческой идентичности [7: 70] и, как следствие, введение в заблуждение целевого адресата сообщений.

В то же время с точки зрения нормативного подхода содержание речевых сообщений, распространяемых социально-сетевыми ботами, зачастую характеризуется наличием признаков составов ряда преступлений (в частности: ст. 205.2 УК РФ, ст. 207.1 УК РФ, ст. 207.3 УК РФ, ст. 280 УК РФ, ст. 280.3 УК РФ, ст. 282 УК РФ).

При этом, как отмечают А. И. Коробеев и А. И. Чучаев, криминализация того или иного деяния должна быть научно обоснованной и учитывать целый ряд факторов, к которым, прежде всего, относятся уровень его общественной опасности, степень распространенности, неблагоприятная динамика развития и т. д. [5: 25]. В представленном случае проблема возникает еще на этапе научного обоснования необходимости криминализировать деяние, «совершенное» социально-сетевыми ботами или реализованное посредством их применения, именно ввиду отсутствия субъекта деяния, нуждающегося в криминализации.

Так, в число возможных субъектов деяния по распространению криминогенной информации социально-сетевым ботом могут быть включены, соответственно: 1) *социально-сетевой бот-распространитель*; 2) *оператор автоматизированной бот-системы*, курирующей работу конкретного социально сетевого бота-распространителя; 3) *владелец социальной сети*, на платформе которого была распространена информация, как лицо, ответственное за обеспечение информационной безопасности.

Безусловно, признание социально-сетевого бота-распространителя в качестве субъекта преступления крайне несостоятельно в силу отсутствия у него свойства правосубъектности (совокупности прав и обязанностей). Кроме того, отечественное уголовное право базируется на важнейшем принципе вины, в соответствии с которым не допускается уголовное преследование кого-либо в случае, если им не осознавалась общественная опасность своего поведения или не было возможности

его контролировать, руководить им [3: 581]. По вышеуказанным причинам, как справедливо отмечает И. Н. Мосечкин, сегодня в уголовном законодательстве «отсутствуют какие-либо составы преступлений, связанные с совершением общественно опасных деяний посредством использования нейронных сетей, искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом» [6: 463].

Отсутствие нормативной базы вынуждает обратиться к доктринальным источникам. Так, европейскими учеными предложена концепция привлечения к уголовной ответственности оператора бота, который, предполагая опасные последствия, не отказался от его изготовления либо эксплуатации [12].

Большинство российских исследователей придерживаются точки зрения о возможности привлечения к уголовной ответственности традиционных субъектов преступной деятельности, использующих бот-системы в целях реализации преступного умысла, а именно по ст. 272–274.1 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, а также ст. 159.6 — мошенничество в сфере компьютерной информации [4: 385]. Однако в силу того, что речь идет об операторе автоматизированной бот-системы, курирующей работу конкретного бота-распространителя, объективная сторона составов преступлений расходится с объективной стороной, признакам которой отвечает распространяемая посредством применения социально-сетевого бота информация (например, ст. 282 УК РФ), исключая возможность квалификации деяния оператора по данным статьям.

В качестве примера возможно привести преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ, объективная сторона которого включает альтернативные действия, состоящие в создании программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты; распространении таких программ или их использовании. При этом программное обеспечение бота нельзя признать вредоносной программой, предназначенной для осуществления несанкционированного доступа к компьютерной информации, что уже исключает возможность привлечения оператора бот-системы к уголовной ответственности по данной статье. Более того, криминогенным его деяние делает не сам факт ее эксплуатации, а распространение информации, подпадающей под санкции иных статей УК РФ. Тем самым в настоящее время отечественное уголовное законодательство не содержит состава преступления, предусматривающего ответственность для операторов бот-систем, используемых в целях распространения деструктивного контента в сети Интернет.

Говоря о владельце социальной сети, на платформе которой была распространена информация, мы презюмируем, что в представленной ситуации он выступает своего рода квазисубъектом, хотя и не совершающим указанное деяние, но допускающим распространение криминальной информации на широкую аудиторию. Российское законодательство в настоящее время устанавливает специальные обязанности для владельцев социальных сетей в ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Указанные обязанности состоят в недопущении распространения на платформе социальной сети незаконной информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов. Обязанности владельцев социальных сетей, в свою очередь, обеспечиваются административной ответственностью, предусмотренной в ст. 13.41 КоАП РФ за нарушение порядка ограничения доступа к такой информации и (или) порядка ее удаления.

Следовательно, согласно действующему законодательству, владелец социальной сети обязан ограничивать доступ к незаконной информации, в том числе распространяемой посредством использования социально-сетевых ботов, например, путем ее удаления и (или) блокирования бот-аккаунтов.

Тем не менее на сегодняшний день технические возможности мониторинга и модерирования контента не могут гарантировать своевременного реагирования владельцев социальных сетей на размещение стороннего контента, носящего незаконный характер. Кроме того, операторы зловредных бот-систем регулярно модернизируют «инструменты» ухода от ответственности, совершенствуя формулировки деструктивных речевых сообщений, во-первых, используя имплицитные средства выражения информации, а во-вторых, позиционируя ее как высказанную от имени «живого» лица-единомышленника целевой аудитории публикуемого контента. Все это лишь усугубляет проблему манипулирования общественным сознанием.

Ряд исследователей полагают, что одним из путей решения данной проблемы является информирование пользователя о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта [7: 70]. Оно может быть произведено путем маркировки ботированных аккаунтов, что позволит пользователям более критично относиться к распространяемой информации. В настоящее время в России действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта 2021 г., содержащий указание

на необходимость идентификации искусственного интеллекта в общении с человеком: «Акторам ИИ рекомендуется осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с СИИ, когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни, и обеспечивать возможность прекратить такое взаимодействие по желанию пользователя» [8].

Тем самым, учитывая ныне действующий механизм правового регулирования деятельности владельцев социальных сетей, связанной с противодействием распространения деструктивного контента, целесообразным кажется дополнение его на законодательном уровне обязанностью по маркированию ботированных аккаунтов как меры профилактики оказания манипулятивного воздействия посредством использования социально-сетевых ботов.

Заключение

Проведение качественного и количественного анализа сформированной нами выборки информационных материалов позволило сформулировать комплекс лингвистических признаков ботированной коммуникации, представленный обширным перечнем языковых средств, используемых в речевых сообщениях, распространяемых социально-сетевыми ботами. Вместе с тем удалось также выявить устойчивый комплекс технических признаков ботированного аккаунта.

На наш взгляд, при соблюдении комплексного подхода к детектированию социально-сетевых ботов, осуществляемом рядовым пользователем без применения специального технического инструментария, а именно учета как лингвистических, так и технических признаков ботированной коммуникации, успешность процесса детекции значительно повышается. Кроме того, в случае осуществления профилактических мер по информированию пользователей о взаимодействии с системой искусственного интеллекта (ботированным пользователем) посредством маркировки бот-аккаунта владельцами соцсетей риски манипулятивного воздействия деструктивного контента, распространяемого ботами, на общественное сознание также значительно снизятся.

Безусловно, сформулированные нами перечни признаков находятся в прямой зависимости от количества исследуемых информационных материалов, входящих в выборку, и тем самым требуют дальнейшей научной и практической разработки.

Литература

1. Антонова Ю. А., Демина С. А. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 15–20.
2. Василькова В. В., Легостаева Н. И., Радужевский В. Б. Коммуникативные стратегии социальных ботов: модели воздействия на аудиторию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 2. С. 153–163.
3. Волчкова А. А. К вопросу об уголовной ответственности за вред, причиненный роботом // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 580–584.
4. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 3. С. 382–388.
5. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // LEX RUSSICA. 2019. № 2 (147). С. 9–27.
6. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПб. ун-та. Сер.: Право. 2019. № 93. С. 461–476.
7. Санникова Л. В., Соколыщик И. М. Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях // Государство и право. 2023. № 1. С. 68–78.
8. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Bessi A., Ferrara E. Social bots distort the 2016 US Presidential Election online discussion. First Monday. 2016; 21 (11).
10. Bolsover G., Howard P. Chinese computational propaganda: Automation, algorithms and the manipulation of information about Chinese politics on Twitter and Weibo. Information, Communication & Society. Doi: 10.1080/1369118X.2018.1476576.
11. Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A. The rise of social bots. Communications of the ACM. 2016; 59 (7).
12. Gless S., Silverman E., Weigend T. If robots cause harm, who is to blame? Self-driving cars and criminal liability. [Electronic resource]. Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2724592 (date of access: 10.07.2024).
13. Grimme C., Preuss M., Adam L., Trautmann H. Social bots: Human-like by means of human control? Big Data. 2017; 5 (4).
14. Howard P. N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. Journal of Information Technology & Politics. 2018; 15.
15. Stieglitz S., Brachten F., Ross B., Jung A.-K. Do social bots dream of electric sheep? A categorization of social media bot accounts. Australasian Conference on Information Systems. Hobart; 2017.

E. V. Makhaeva

Social network bots as participants in conflict web communication: legal-linguistic aspect

Abstract: today, it is not uncommon for a user to “collide” with a special program – a bot capable of imitating human speech behavior. The purpose of this article is to describe the features of bot systems, their characteristics, as well as the prospects for legal regulation of their use.

Keywords: social networks, bots, language tools, legal regulation.

И. А. Меркулова

*доктор филологических наук,
профессор Воронежского
государственного университета
Воронеж, Россия
igel1@yandex.ru*

О. А. Швецова

*кандидат филологических наук,
доцент Воронежского
государственного университета
Воронеж, Россия
shvetsova@phil.vsu.ru*

О статусе слова *проститутка* в лингвистической экспертизе текста

Аннотация: в статье речь идет об определении статуса лексемы *проститутка* в лингвистической экспертизе текста. Данная лексема анализируется с точки зрения системных языковых связей. Также слово *проститутка* рассматривается как оценка, оскорбление и клевета.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза текста, оценка, оскорбление, клевета, системные языковые связи.

Терминологическая база исследования

Активное использование оценочных номинаций по отношению к действию, событию, человеку в последнее время значительно возросло, поэтому лингвистический анализ подобных явлений не теряет актуальности.

Лингвист-эксперт и специалист, дающий заключение, регулярно решают задачи, связанные с определением и уточнением семантики слова и его стилистической характеристики, так как именно эти показатели играют важную роль при определении степени отрицательного отношения к объекту номинации, степени оскорбления. Любой язык располагает словами, способными обидеть, унижить, задеть. И это могут быть как нецензурные, обценные, грубопросторечные слова, с которыми, как правило не бывает проблем при их интерпретации, так и слова литературного языка, которые вызывают дискуссию, например, слово *проститутка*.

Цель исследования заключалась в рассмотрении функционирования данной лексемы в системе современного русского языка и ее анализ в лингвистических работах.

Прежде чем говорить о статусе лексемы *проститутка*, хотелось бы определиться в толковании следующих понятий: оскорбление, оценочное суждение, обида, унижение.

В толковых словарях русского языка лексема *оскорбление* определяется следующим образом: 1. тяжелая, грубая, незабываемая обида; 2. обидные слова, унижающие чью-н. честь, достоинство [10; 17].

В «Словаре русской ментальности» *оскорбление* определяется как «намеренное нарушение душевного равновесия другого человека путем физического (оскорбление действием) или нравственного (оскорбление словом) ущемления его чести и достоинства (оскорбление личности). В отличие от *обиды*, которая рождается из ощущения притеснения (обидчивый), ограничения свободы воли, оскорбление выводит из состояния покоя (скорбь), целиком захватывая ум и душу (оскорбить), приводя в печаль и причиняя душевные страдания» [8: 570].

Как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, понимают *оскорбление* М. А. Грачев и К. И. Бринев [6: 24; 3: 88]. К. И. Бринев проводит разграничение между формулами оскорбления в языке лингвистики (*Это оскорбление, потому что X обладает такими-то и не обладает такими-то свойствами*) и в языке юриспруденции (*Это оскорбление, оно обладает следующими признаками, относительно конкретной нормы такой-то признак несущественен, а потому должна применяться эта, а не другая норма или санкция*) [3: 92].

«Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления, описать саму ситуацию использования речевого акта <...>, и нет никаких оснований помимо собственно лингвистических, которые связаны с отсутствием описания оскорбления, исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления. Юрист оценивает при этом не термин *оскорбление*, а то, что произошло», — пишет К. И. Бринев [3: 95].

Е. И. Галяшина дает описание целому криминалистическому диагностическому комплексу «Оскорбление»: 1. Предмет речи: личность адресата и/или его личные качества; 2. Отношение: негативное, неуважительно-враждебное отношение к предмету речи, выражение превосходства над ним; 3. Речевая цель: информирование о негативном, неуважительно-презрительном, враждебном отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения [5: 291].

Для лингвистической экспертизы по делам об оскорблении необходимо также разграничивать правовое понятие *оскорбление* и психологическое понятие *обида*. Это разграничение обусловлено, по мнению А. М. Плотниковой, двумя прагматическими факторами: *оскорбление* одновременно связано с иллокутивной целью высказывания и его перлокутивным эффектом, в то время как *обида* представляет собой лишь перлокутивный эффект, <...> *обида* носит субъективный характер, зависит

от личности адресата, его психологических и социальных установок и поэтому не подлежит формализации [13: 100].

А. М. Плотникова, определяя понятия *унижение*, *оскорбление*, *обида*, рассматривает значение унижительной оценки лица в системе оценочных значений. Она подчеркивает, что существенным при рассмотрении дел об оскорблении является то, что, произнося оскорбительные высказывания, говорящий не только сообщает негативную информацию о лице, но и выражает оценочное отношение к лицу. Таким образом, в оскорблении уже есть оценка. Говорящий указывает на то, что адресат речи (прямой или косвенный) не соответствует нормам. Тем самым адресант стремится понизить самооценку адресата речи, вызвав своими словами и действиями неприятные чувства у адресата, сделав так, чтобы адресат почувствовал себя оскорбленным.

Совокупность этих признаков (негативная информация об адресате речи; оценка, основанная на понижении статуса адресата речи и выражении враждебного отношения к нему) позволяет выделить особый тип оценочного значения, для которого используется понятие *унижительная оценка лица* [13: 103].

В. И. Даль так определяет лексему *унижение*: 1. понижать, опускать или делать ниже, убавлять высоты; 2. что, кого, бесславить, поругать, лишать достоинства, порицать и осуждать уважаемое другими; 3. унижаться перед кем, выказывать рабскую покорность, подличать, льстить, пролазничать; излишне смиряться, низкопоклонничать, унижаться [7].

«Словарь русской ментальности» дает такое определение: «*унижение* — действие, направленное на уменьшение социальной значимости человека и связанное с представлением об определенном уровне его общественной и личностной ценности (честь и достоинство). Насильственное понижение этой нормы другим, совершаемое действием или словом (обида, оскорбление), приводит к состоянию униженности, которая проявляется в физической боли и нравственном страдании и сливается в безграничную муку» [8: 429].

Принято считать, что оскорбление задевает не честь потерпевшего, а именно его репутацию. Понятие *репутация*, в свою очередь, включает в себя сему общественного мнения о лице, но не предполагает ни утверждения о качествах этого лица, ни отражения общественного мнения в самосознании. *Деловая репутация* — это частный случай или сторона репутации. По существу, частным случаем или стороной репутации является и моральный престиж, касающийся преимущественно социального статуса лица в общественном сознании (мнении). Понятие *доброе имени* синонимично понятию *репутация* [5: 254].

В статье 5.61. КоАП РФ оскорбление определяется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (в ред. ФЗ от 30.12.2020 № 513-ФЗ) [5: 276].

Естественно, что лингвистов будет интересовать вербальная форма выражения значения. Какая словесная форма может как противоречить нормам морали и нравственности, так и унизить честь и достоинство человека?

Человек так устроен, что любое критическое замечание в свой адрес склонен воспринимать остро, следовательно, необходимо исходить из общепринятых моральных норм, общепризнанных правил поведения людей в обществе, а не из его восприятия самим потерпевшим. Поэтому оскорбительной формой могут обладать не только обценные, но и литературные языковые единицы, выражающие отрицательную оценку в презрительной модальности.

Выражение презрения в норме не выступает как самостоятельная речевая цель. Оно проявляет себя как демонстративное выражение речевого неуважения к предмету речи. Именно демонстрацию неуважения можно рассматривать как особую речевую цель: *Я говорю так о нем (о тебе), чтобы все знали, что я его (тебя) не уважаю.*

Для выражения презрения говорящий часто использует пейоративы, т. е. слова, словосочетания и устойчивые обороты, оценочные высказывания, содержащие негативную характеристику личности, личных качеств, поведения адресата. К пейоративным номинациям лиц среди прочих семантических типов относятся и номинации по поступкам и поведению: *прохвост, вертихвостка, хулиган*, в т. ч. криминальному поведению: *вор, проститутка* [5: 279].

Лексема *проститутка* в толковых словарях и в Национальном корпусе русского языка

При выполнении экспрессивно-оценочного анализа лексемы *проститутка* нами были использованы словарные толкования и сопровождающий их иллюстративный материал; эмоционально-оценочные и стилевые пометы; лексические, словообразовательные и грамматические, а в отдельных случаях интонационные особенности высказывания [2: 542].

Лексикографическая фиксация этого слова представляется интересной. В исторических словарях, например, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 года) [18] и «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского

(1893 года) [19] оно не представлено, что естественно, так как данная лексема заимствована. Есть наименование «блудница» — преданная блуду, любодейка, непотребная женщина и «блядь» — прелюбодейка (см. рис. 1). При этом чередующиеся корни близки, но не тождественны. *-Блуд-* — ошибка, заблуждение, *-бляд-* — пустословие, болтовство, вздор, невоздержанность. «В древнерусском языке слово “б...” могло реализовывать комбинированное лексическое значение — “заблудшая женщина, обманщица” и “распутная, развратная женщина”», — считает Т. А. Распопова и Т. С. Кочукова [16: 82].

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (2-е изд. 1880–1882 гг.) *проститутка* также отсутствует [7].

Согласно Национальному корпусу русского языка, первая письменная фиксация этого слова относится к 1869 году. Следовательно, В. И. Даль не мог его не знать. Оно встречается в публицистических заметках Н. С. Лескова: *Кассир театра? — но он часто и не видит того, для кого у него покупают ложу? Положим, он требует имя и записывает его, но имя совершенно звук пустой, потому что у нас пока еще нет адрес-календаря кокоткам, по которому кассиры могли бы о них справляться. Капельдинер — что ли — может не впускать даму, если она на его лакейский взгляд камелеобразна? Но тогда в театральных коридорах повторяются все безобразия сцен, случавшихся у входа в пассаж гр. Штейнбока, когда в прошлом году правление пассажа вздумало было не впускать туда проститутки. Честных женщин, не выдерживавших лакейской критики, без всякой церемонии оскорбляли самым наглым выводом, возникали ссоры, судбища, и, наконец, пришли к убеждению, что дело это не годится и что его надо бросить. Потом: ярусы, определенные для камелий, будут ли позорною выставкою продажной красоты? Очевидно — да* [Н. С. Лесков. Русские общественные заметки (1869)] [11].

БЛАДЬ — *fallax*, обманщик: — Молваца* же людскѣ на Юванна и гл҃оущиѣ тако блядь есть. *Прох. Жит. Ио. Богоа. XIII.*
— безумный, *insanus*, *ῥωτος*: — Умри, бляди, умри. *Жит. Андр. Юр. VI. 30.*
— прелюбодейка, *meretrici*: — Аще кто зоветь чужую жену блядью великихъ божаръ за срагъ еи ѿ гринети золота. *Церк. Уст. Яросл.*
БЛАДЬНИКЪ — *пустослѣ*, *суетослѣ*, *пудакъ*, *φλύζος*: — Обладнѣ акы блядинкѣ и глаголихъ. *Ио. Леств. XIII в. 50.*
БЛАДНО — *вздорно*: — Веселы дѣла посмѣшны гл҃оущи блядно. *Златостр. 45.*
БЛАДЬНИЦА — *вздорный*, *пудакъ*: — Ни шмѣча гл҃а ни блядина приимше (*οὐτε εὐτρεπέα ἐδέχθησαν, οὐτε εὐτρεπέαυ ἐδέχουτο: aut facetas admiserit*). *Пат. Сим. XI в. 272.* Оуставила кси блядыгѣ глагола. *Стихир. XII в.*
БЛЯДЫ — *прелюбодейниѣ*, *lenocini*: — Оутрѣваннѣ блядено (одно изъ дѣлъ церковнаго суда). *Церк. Уст. Блад. до 1011 г.* Дѣвица погубляетъ красоту свою блядено а мужъ мужество свое татьбою. *Св. Дан. Зат. Дотолѣ не слышати было блядне се. Слов. гр. 1229 г. 2-й ст.*
— Горѣ твои бляди (*ρεῦ τῆς σῆς λυροδείας; pudeat te pudicitatis tuae*). *Жит. Андр. Юр. XVII. 79.*
БЛЯДСТВО — *невоздержанность*, *ἀκολασία*, *intemperantia*: — Соустыжна словеса и гл҃и блядствовати оустражишася. *Жит. Феод. Ст. 39.*
— *лѣрос*, *пудакъ*: — На прѣлѣстнокъ блядство пригласити народъ. *Ефр. Крм. Тура. 61.* Лѣжоу ихъ (иконоборцевъ) в блядствоу простѣртинѣ вблѣчающе. *Жит. Феод. Ст. 85.*
БЛАСИ, БЛАДЬ — *заблуждаться*, *εἰσαγε*: — Молвать ...

Рис. 1. Скриншот страницы словаря И. И. Срезневского

Обратим внимание, что данный контекст содержит сразу три синонимических наименования: *кокотка*, *камелиобразная (камелия)*, *проститутка*.

В толковых словарях советского периода, начиная со словаря под ред. Д. Н. Ушакова, лексема *проститутка* последовательно представлена в двух значениях с указанием латинского происхождения (лат. *prostituere* — выставять на продажу) [19].

Самое полное определение рассматриваемой нами лексемы дается в «Большом универсальном словаре русского языка». Здесь же приводится сочетаемость и синонимы: ПРОСТИТУТК|А, -и, *род. мн.* прости-туток, *ж., од.*, III в. 1.0. Женщина, к-рая вступает в половые отношения за деньги, к-рая торговлю своим телом сделала источником дохода, а ткж. *расширительно* о женщине, к-рая легко вступает в непродолжительные случайные половые отношения с мужчинами. **Син.** <представительница древнейшей профессии *книжн.*, женщина легкого поведения, путана *часто ирон.*, ночная бабочка, девочка (девица) по вызову, интердевочка, потаскуха *груб.*, шлюха *груб.*, сука *груб.*, блядь *груб.*, гулящая>, девочка. Юная (опытная, выдававшая виды *разг.*, раскрашенная *разг.*, накрашенная, дешевая, грязная, жалкая, столичная, ресторанная, уличная ...) **проститутка**. Жизнь (доходы, профессия, клиент, склонности, поведение, взгляд ...) **проститутки**; место сбора ... **проституток**. Позвать (подцепить *разг.*, искать *несов.*, найти, прислать к кому-л., заказать ...) **проститутку**; регистрировать ... **проституток**. Быть *несов.* (стать, сделаться, сделать кого-л., оказаться ...) **проституткой**. Ходить *несов.* (пойти *сов.* ...) **к проституткам**. Вести *несов.* себя (быть *несов.* одетой, выглядеть *несов.*, накрадаться ...) **как проститутка**. Заразиться чем-л. ... **от проститутки**. Развлекаться (проводить время, уехать ...) **с проститутками**. [Какая-л.] **проститутка** стоит *несов.* сколько-л. (берет сколько-л. *о деньгах*, работает *несов.* где-л., пристает к кому-л., зазывает кого-л., попала кому-л., попала в полицию. • Вечером в этом месте полно проститутки. • 2.0. *перен., презр.* О продажном, крайне беспринципном человеке. *Он говорит, что этот журналист оказался типичной политической проституткой.* || **Морф.** проститу=т=к-а. **Дер.** От суц. **prostituция ж.** — **Этим.** ← лат. *prostitu* << *prostituere* — ‘выставять для разврата; позорить, бесчестить’ [10].

Мы видим, что первое значение этого слова никаких стилистических помет не содержит, хотя имеет четкую гендерную привязку (речь идет о женщине) и выводит объект номинации за пределы «древней профессии». Этим словом можно назвать женщину, легко вступающую в случайные половые связи, что само по себе безнравственно и осуждается обществом. Второе имеет помету «презр.» — презрительное, что означает

чувство крайнего неуважения к кому-либо. В этом значении слово может характеризовать и мужчину.

Данная лексема имеет богатый синонимический ряд (186 лексем!). Сайт словарей и энциклопедий «Академик» предлагает выделять следующие синонимы: *абелереса, алюра, амара, армида, бабочка, банжиха, бановая, баядера, бедка, безотказка, бикса, бланкетка, блудница, блудня, блядва, блядово, блядеха, блядина, блядища, блядунья, блядуха, блядушка, блядь, блядюга, блядюра, бэ, валютница, вечерняя бабочка, вислена, вислуха, вислушка, висляйка, вокзальная, втыкуха, выпь, выходит на панель, гейша, гетера, гиеродула, грелка, гулящая, гулящая девка, давалка, даваха, дальнобойщица, дама полусвета, девица вольного поведения, девица легкого поведения, девка, девочка, девочка по вызову, демимонденка, дешевка, дрючка, душпайка, женищина вольного поведения, женищина легкого поведения, жертва общественного темперамента, живет по желтому билету, жлудовка, жрица любви, жрица наемной любви, зайка ушастая, интердевочка, камелия, кисэн, кокотка, королева полутьмы, красючка, курва, куртизана, куртизанка, лакшовка, лахудра, легкая кавалерия, лоретка, лоханка, лярва, магдалина, мамзель, мара, марамойка, многостаночница, мозги на передке, мокрощелка, непотребная девка, ночная бабочка, общая, общественная, общественная давалка, ойран, олюра, оторва, охотная баба, падла, падшая женищина, панельная девица, передним местом думает, платная давалка, плечевая, поблядушка, повалюшка, погибшее, но милое создание, подзаборница, подстилка, потаскунья, потаскуха, потаскушка, потерянная женищина, представительница древнейшей профессии, проблядушка, проблядь, продажная, продажная девка, продажная женищина, простибула, простилома, профура, проимандовка, публичная девка, публичная женищина, путана, путанка, работница коммерческого секса, работница половой сферы, работница сферы сексуальных услуг, развратница, раскладушка с бульвара, сиповка, слаба на передок, спидоноска, стелька, стерва, стервоза, суфлера, тетешка, трепушка, труженица койки, труженица коммерческого секса, труженица панели, труженица сердца, труженица сферы сексуальных услуг, тына, уличная девка, уличная женищина, халява, хаслер, хастлер, хипесница, хистунья, хистуха, хорек, хостис, цеплялка, цзи, чабанка, чайка, чеканка, чернобурка, чертовка, честная давалка, чува, чувиха, шабалда, шаблонка, шаблынь, шаболда, шалабайка, шалава, шалашовка, шамотра, шармута, шваба, шеша, шкетка, шкирла, шкица, шкура, шленда, шлындра, шлюпка, шлюха, шлюшка, шмара, шмонька, шмоха [9].*

Среди перечисленных синонимов встречаются литературно-книжные, обиходно-бытовые, жаргонные, грубо-просторечные; устаревшие на сегодняшний момент слова и обороты (*живет по желтому билету*) и новые сочетания. Например, эвфемизм *женищина низкой*

отвечают на вопрос «Имеется ли в высказываниях “проститутка, шалава, блядь, сука” отрицательная оценка личности N., подрывающая престиж ее в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самой себе?» следующим образом: «Если женщину называют *проституткой, шалавой, блядью, сукой, тварью* и под. — это может быть эмоциональная негативная оценка ее говорящим, выражение его личного эмоционального отношения к данному лицу, основанного на личной неприязни. Это чисто субъективная оценка. <...> В этом ряду и слово *проститутка* актуализируется в чисто бранном значении — о презируемой женщине, не в значении «женщина, занимающаяся проституцией». Если же женщину называют *воровка, мошенница, халавищица, шлюха* и под., и в тексте есть маркеры, подтверждающие употребление этих слов в прямых, основных значениях, оценка ее личности осуществляется с общественных позиций — ей приписываются некоторые осуждаемые общественной моралью и противоречащие закону действия, характеристики, качества — воровство, мошенничество, стремление жить за счет других, распутство. Это уже общественная оценка. В таком случае слова обычно реализуются в своих прямых значениях и несут конкретную информацию о нарушении тех или иных моральных или правовых норм. Правовому регулированию подлежат только публичные общественные оценки, которые могут нанести ущерб престижу личности» [20: 4–5].

Не считает оскорблением лексему проститутка и А. Акинина, негосударственный эксперт-лингвист из Ставрополя. Она также полагает, что ключевым признаком оскорбления в правовом смысле является неприличная форма выражения. Лексема *проститутка* подобной формы не имеет, в русском языке она означает «женщину, занимающуюся проституцией». Следовательно, полагает А. Акинина, оно вполне нормативно и в прямом значении не имеет никаких помет (вроде «вульг.», «бран.», «неценз.», указывающих на стилистическую принадлежность слова). Для переносного значения предусмотрена помета «разг.»: например, для метафорического описания беспринципной личности, которая ради денег или других выгод готова отказываться от убеждений, например, «не журналист, а проститутка», «политическая проститутка» [1].

Мы полагаем, что лексемы *проститутка* и *шлюха*, будучи синонимами, имеют семантический признак «распутная женщина», а следовательно, вряд ли могут различаться характером оценки (субъективная/общественная).

С целью выявления степени оскорбительности высказываний, содержащих пейоративную лексику, Т. А. Распоповой был проведен психолингвистический эксперимент, который показал высокую степень оскорбительности таких контекстов, как *Ты шлюха!* (405 баллов), *Ты б...!*

(400 баллов), *Ты проститутка!* (382 балла). При этом интервал баллов от 140 до 504. Автор отмечает, что негативное восприятие в сознании современного человека соответствующего денотата дает высокий показатель оскорбительности у литературного слова *проститутка*, в то время как другие обозначения антиобщественной деятельности (*вор, бандит*) представляются наименее оскорбительными [15].

Обратим внимание, что при всей литературности этого слова говорящие почему-то часто его избегают, заменяя эвфемизмами, особенно в публичном пространстве, что характерно для табуированных, бранных, вульгарных слов. Например, посмотрим контексты за последние годы: *Ну вообще-то таким стилем поведения, как правило, отличаются женщины с низкой социальной ответственностью. Стоп! А как такая женщина будет заниматься спортом, если ей на все глубоко плевать?* [Михаил Шахназаров, «Бунтари на передержке», 2020 г.]; *Она может приводить к себе в квартиру до нескольких мужчин в месяц, если является женщиной с низкой социальной ответственностью* [Евгения Макарова, «Осторожно, РСП! Или пособие для разведенных женщин», 2021 г.]; *Будет еще какая-то размалеванная прости господи обижать подругу, которая и так мимо чужой беды никогда пройти не могла!* [Инесса Иванова, «Невеста опального принца», 2020]; *И, наверное, была готова, что рано или поздно он спутается с какой-нибудь прости господи* [Юлия Резник, «Все сложно», 2022].

Отметим, что социальная ответственность — это ответственность человека перед обществом, это следование общепризнанным правилам поведения, действующим законам, традициям и ценностям, принятым в том социуме, в котором он находится. Таким образом, человек, обладающий низкой социальной ответственностью, нарушает правила общественного поведения, переступает законы приличия, морали и нравственности.

Возникает вопрос: каким же образом нам квалифицировать высказывания типа *Ты проститутка!; Ты ведешь себя как проститутка!; Ну ты и проститутка!?* Являются ли они оскорбительными?

Как известно, предметом речи в высказываниях оскорбительной направленности является личность адресата, его личные качества. Информация, сообщаемая о них, может быть представлена в виде характеристики личности адресата через описание его качеств, не соответствующих норме или в виде выражения общего негативного отношения к личности без указания на конкретные качества [5: 280–282].

Наличие речевого акта оскорбления, по мнению К. И. Бринева (и мы с ним полностью согласны), предполагает наличие отрицательной оценки поступков, действий человека, а также личности. Поэтому речевой акт оскорбления выглядит следующим образом: а) знаю,

что X способно причинить тебе психологический ущерб; б) хочу, чтобы ты знал, что я говорю X; в) говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб (X— оскорбительное высказывание) [3: 168–169].

Указанные выше контексты полностью соответствуют приведенной схеме. Для доказательства своей точки зрения сравним два примера: *Ну ты и профессор!* и *Ну ты и проститутка!*. Мы видим, что ирония, созданная интонационно, возможная в первом примере, представляется абсолютно неуместной во втором.

Выводы

Таким образом, лексема *проститутка* передает негативную оценку, воспринимаемую адресатом как оскорбительную или даже клеветническую характеристику, содержит резкую отрицательную оценку собеседника в презрительной модальности. Предметом речи в данном случае выступают качества личности, которые осуждаются обществом с морально-нравственной стороны.

Подобные наименования адресата преследуют две цели: 1) продемонстрировать высокую степень неуважения через наименование, не соответствующее его социальному статусу (статусное понижение) и нормам публичной речи; 2) нанести обиду и вызвать у адресата неприятные чувства, так как умаляются нравственные качества адресата.

Эффект корректировки образа объекта атрибуции в номинации *проститутка* за счет статусного понижения данного объекта имеет для оскорбления конститутивное значение.

Литература

1. Акинина А. В. Слово «проститутка» сочли оскорблением. А на самом деле это... [Электронный ресурс] / ЛингЭксперт: лингвистические экспертизы для бизнеса и частных лиц. URL: <https://akinina-lingexpert.ru/slovo-prostitutka-sochli-oskorbleniem-a-na-samom-dele> (дата обращения: 15.09.2024).
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2017. 304 с.
4. Ворошилова М. Б. Лингвистическая экспертиза конфликтного текста. М.: Флинта, 2021. 220 с.
5. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2023. 424 с.

6. *Грачев М. А.* Судебно-лингвистическая экспертиза. М.: Флинта: Наука, 2016. 360 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246> (дата обращения: 15.09.2024).
8. *Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А-О. Т. 2. П-Я. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/142961 (дата обращения: 15.09.2024).
10. *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).
12. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 15.09.2024).
13. *Плотникова А. М.* Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург — М.: ТХТ, 2017. 197 с.
14. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симанова и М. В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медя, 2004.
15. *Распопова Т. А.* К вопросу о факторах оскорбления (в судебных лингвистических экспертизах по делам о защите чести и достоинства личности) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. Брянский гос. университет им. акад. И. Г. Петровского. Вып. 3 (3). 2012, С. 129—133.
16. *Распопова Т. А., Кочукова Т. С.* Роль словарей в производстве лингвистической экспертизы // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. Брянский гос. университет им. акад. И. Г. Петровского. № 1 (11). 2019. С. 80—88.
17. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Электронный ресурс]. М.: Азбуковник, 1998. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 15.09.2024).
18. Словарь церковнославянского и русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/B-001-004-147/dict1847_A-Zhuch/ (дата обращения: 15.09.2024).
19. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л-П. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1902.
20. *Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
21. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

I. A. Merkulova,
O. A. Shvetsova

The position of the word “prostitute” in the linguistic examination of the text

Abstract: the article deals with the determination of the status of the lexeme prostitute in the linguistic examination of the text. This lexeme is analyzed from the point of view of systemic linguistic connections. Also, the word prostitute is considered as an assessment, insult and slander.

Keywords: linguistic examination of the text, evaluation, insult, slander, systemic linguistic connections.

В. И. Мозговой

*кандидат филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Донецкого государственного университета
Донецк, Россия
mowi48@mail.ru*

Прозрачность номинаций как стартовый критерий экспертизы государственно-правовых актов¹

Аннотация: в статье рассматривается буква закона как первооснова формирования цивилизации. Подвергаются критике манипуляции со статусом языков, провоцирующие социальные конфликты. Проводится экспертиза непрофессиональных номинаций, демонстрирующих субъективность утвержденных шаблонов. Подчеркивается важность статусной ономастики как условие сохранения ноосферы.

Ключевые слова: буква закона, статус языков, шаблонная ономастика, статусная ономастика.

В сформулированном во времена древнего Рима постулате о единстве «буквы и духа закона» правоведы все чаще отдают предпочтение духовной составляющей, поскольку форма, по их мнению, сама по себе мертва. Как пишет В. В. Сорокин, «...право до тех пор может выступать как фундаментальный способ бытия человека, пока остается явлением духа» [15: 12], на котором якобы и зиждется доверие к праву. Не возражая против ситуативной справедливости этого тезиса, заметим, что о нем можно говорить лишь тогда, когда графика, орфография и логика номинаций не противоречат системе языка, а лексическая оболочка слова адекватно передает внеязыковое содержание понятия. В противном случае доверие к праву подвергается сомнению или утрачивается вообще.

«Буква» как первооснова распространения информации во времени и пространстве не может быть формальной. Если для текущей политики ее использование в качестве давления на сознание

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ регистрации НИОКТР124051400024-1).

кажется нормальным, то с точки зрения социума попытка изменения графического рисунка слова приводит к отторжению информации и провоцирует социальные конфликты. Это наглядно подтверждает ретроспективная экспертиза появившихся после распада СССР неонинаций, вызывающих закономерную тревогу у их пользователей и собственников.

Пришедшие к власти бывшие партийно-советские руководители, ставшие вдруг апологетами буржуазноевропейской идеи и понимающие, что повлиять на мировоззрение советского человека силой приказа невозможно, «изобрели» новый способ изменения сознания при помощи замены системы *созидательных функций языка* (мыслительно-познавательных, коммуникативных, номинативно-профессиональных, культурологических) одной *иллюзативной антифункцией*, связанной с метафорически-субъективными трактовками реальности.

Приемлемые с точки зрения политиков, но проблемные для социума, они становились особо опасными, поскольку имманентно развивающаяся природа языка подвергалась в этом случае скрытому разрушению с целью «...трансформировать естественный мир и человека в этом мире на основе *иллюзаций* (от лат. *illusio*; *illudere* — «играть, обманывать»)» [12: 18].

Иллюзативная «реальность» предлагала уйти от опыта построения государства на началах общинности, православия, межконфессиональной и многонациональной духовности и заменить социальные модели морали и нравственности концепцией свободы буржуазной личности [14]. Волна сопровождающих этот процесс правовых актов захлестнула постсоветское пространство, но была принята социумом взамен за предоставленное ему право жить и работать в «независимом национальном государстве», которое диктовало еще и условия молчаливого согласия с его политикой.

Паритетные отношения социума с властью не могли поэтому длиться долго. Как только манипуляции обострили социальные проблемы, связанные с правом человека на язык, веру и культуру, как только *брокеры, крышевание, майданы, рейдерские атаки, короли и звезды шоу-бизнеса* стали нормой человеческого общежития, молчание приобрело угрожающий характер. Почувствовав это, властные структуры отреагировали на угрозу самым неожиданным образом. Вопреки логике, они усилили политическое давление на социум при помощи «языковой революции», скрытой для непрофессионального глаза, но охватившей постепенно все уровни языка, прежде всего статусный и номинативный, о чем будет далее идти речь в пределах данной статьи.

Проблемы статусного уровня языка

В СССР национальная политика, опирающаяся на идеологию интернационализма, формировалась на основе русского языка как средства межнационального общения, но в обязательном контакте с другими языками. Эта позиция была четко зафиксирована в Конституции 1924 г., где официальными языками общения были названы, кроме русского, украинский, белорусский, грузинский, армянский и тюркско-татарский языки. И даже когда в 1938 г. был издан указ, по которому русский язык стал обязательным для его изучения во всех национальных республиках, он не стал государственным (см. [10]).

Ситуация изменилась коренным образом после 1991 г., когда возникшие после распада СССР новые государства, стремясь подчеркнуть «национальный» курс, объявили государственными исключительно языки «титularyнции», забыв о языках других народов.

Так, на территории РФ государственным был объявлен русский язык [8], связанный тем не менее с неопределенным отношением к другим государственным языкам отдельных субъектов федерации: Адыгеи, Республики Алтай, Башкортостана, Бурятии, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Республики Коми, Республики Крым, Марии Эл, Мордовии, Сахи, Северной Осетии, Татарстана, Тувы, Удмуртии, Хакасии, Чечни и Чувашии.

Еще большая неопределенность сложилась в республиках, вышедших из состава СССР и не вошедших в юридическое поле России:

а) в Белоруссии государственными были объявлены белорусский и русский языки, но с неясными границами функционального применения;

б) в Казахстане и Киргизии, где в статусе государственных языков закреплены соответственно казахский и киргизский языки, русский язык назван официальным, что дает ему неожиданное право использования в делопроизводстве, хотя на практике оно сворачивается;

в) в Таджикистане государственным объявлен таджикский язык, а русский выполняет при этом функцию языка межнационального общения;

г) в Узбекистане и Туркменистане узбекский и туркменский языки являются государственными, а русский язык не статуйрован вообще;

д) в Азербайджане, Армении и Грузии, где государственными языками являются соответственно азербайджанский, армянский и грузинский, статус русского языка не оговорен;

е) в Молдове государственным языком утверджен молдавский язык, идентичный литературному румынскому языку на основе латинской графики, а статус русского языка не обозначен;

ж) в Латвии, Литве и Эстонии латышский, литовский и эстонский языки закреплены как государственные, а русский язык подпадает под статью языка национального меньшинства и считается иностранным.

В калейдоскопе политической двусмысленности стало легко убедить общество, что статус языков — исключительная прерогатива органов власти. Не случайно на вопрос, что такое государственный язык (*что — это что?*), следовал незамедлительный ответ, что это язык, который утвердило государство (*что — это то!*).

Современные органы власти, забыв об объективной природе языка, стали оперировать стандартами. Сегодня «для многих они значат больше, чем здравый смысл и личностное совершенствование» [15: 11]. Парадокс, но позиция невмешательства в принятие политиками решений относительно статуса языков была поддержана в Донбассе и Крыму.

Оказавшись волею судеб втянутыми в противоречивые сюжеты языкового строительства в Украине и став поэтому позже республиками Российской Федерации, они из тисков стереотипных представлений о роли языка так и не вышли. История их языковой политики изобилует массой документальных подтверждений этому тезису:

1. Документы о статусе языков в Украине:

1.1. Конституция Украины, принята 28 июня 1996 года [9].

Статья 10. *Государственным языком в Украине является украинский язык... В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины.*

Противоречие этой статьи заключается в том, что русский язык, несмотря на его массовое распространение, был объявлен «языком национальных меньшинств». В этом его несуществующем статусе «логичными» далее стали казаться решения о закрытии русских школ (*мы же не открываем, например, русинские школы по всей Украине?*), «а затем искоренение русского языка и русской культуры вообще» [13: 236].

1.2. Закон «Об основах государственной языковой политики», принят 8 августа 2012 г., в первой статье которого русский язык по факту объявлен региональным [3].

По мнению инициаторов Закона от Партии регионов, русский язык обрел свое достойное место среди других языков. Однако на самом деле новый статус оказался для него фатальным. Он был с легкостью отвергнут регионами Западной Украины, а затем и националистически настроенной властью, заявившей, что такого языка вообще нет.

2. Документы о статусе языков в ДНР:

2.1. Конституция ДНР, принята 14 мая 2014 г. [5].

Статья 10. *Государственными языками в Донецкой Народной Республике являются русский и украинский.*

Решение оправдано языковой ситуацией, при которой диалог между большинством граждан осуществляется на двух языках.

2.2. Закон Донецкой Народной Республики «О внесении изменения в статью 10 Конституции Донецкой Народной Республики», принят 6 марта 2020 г. по инициативе Главы ДНР Д. В. Пушилина [2].

Статья 10. *Государственным языком в Донецкой Народной Республике является русский язык.*

Поправка сомнительная. Она ограничивает диалог русской и украинской культур.

3. Документы о статусе языков в ЛНР:

3.1. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики, принят 24 сентября 2014 г. [1]:

Статья 10. *Государственными языками в Луганской Народной Республике являются русский и украинский. Официальным языком делопроизводства... является русский язык.*

Решение закононо: на русском и украинском языках ведется взаимопроницающий диалог, а русский выполняет, кроме того, еще и функцию официального делового языка.

3.2. Закон «О государственном языке Луганской Народной Республики», принят 25 декабря 2020 г. [4]:

Статья 1. *В соответствии с Конституцией... государственным языком Луганской Народной Республики является русский язык.*

Закон изменил реальность, в которой функционируют два языка.

4. Документы о статусе языков в Крыму:

4.1. Конституция Автономной Республики Крым, принята 21 октября 1998 г. [6].

Статья 10. *В Автономной Республике Крым наряду с государственным языком обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымско-татарского, а также языков других национальностей.*

При кажущейся толерантности формулировок Конституция лишает права на государственный статус любой из языков, кроме украинского.

4.2. Конституция Автономной Республики Крым, принята 11 апреля 2014 г. [7]:

Статья 10. *Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки.*

Документ выдает желаемое за действительное. Крымско-татарский язык в реальности функционирует как язык национальности. Он не используется в межнациональном диалоге, а его три варианта непонятны для большинства населения и не совсем понятны крымским татарам.

Выводы

1. Статус русского языка на постсоветском пространстве неоднозначен из-за ненаучности применяемой терминологии

В разные времена и в разных ситуациях он объявлялся то языком межнационального общения (Таджикистан), то официальным (ЛНР, Казахстан, Киргизия), то языком национальных меньшинств (Украина, 1996 г.), то региональным (Украина, 2012 г.), то государственным наряду с украинским (ДНР, 2014 г.), то государственным наряду с крымско-татарским и украинским (АРК, 2014 г.), то государственным (ЛНР», 2020 г.; ДНР, 2022 г.).

2. Необъективный статус русского языка провоцирует непредсказуемость политики по отношению к другим языкам

Теория о языке как средстве общения, закреплённая в сознании большинства стереотипным мышлением, типа «государственный язык — это закреплённая законодательством речь»; «языковая группа — это группа, проживающая на Украине и имеющая общий родной язык»; «региональный язык — это язык меньшинства»; «родной язык — это первый язык, которым лицо овладело в раннем детстве» (см.: [3]), должна смениться концепцией языковой общности, без которой общение невозможно. Решающую роль в ней должно сыграть понятие национального языка, вызревшее в недрах «независимой Украины» как противодействие ее националистической концепции развития (см.: [11]).

3. Национальный язык — это тип общенационального мышления, проявление философии и психологии определенного народа, который может материализоваться в разных языковых системах (литературном языке, языках национальностей, диалектах, жаргонах и т. п.) и невербальных формах освоения культурного пространства (живописи, музыке, танцах, архитектуре и т. п.).

Его обязательными спутниками являются понятия государственного языка и языков национальностей.

4. Государственный язык (или государственные языки) — это сформированная культурой общенационального диалога система общения, принятая большинством граждан, независимо от их национальности или территории проживания

Государственный язык не связан с национальностью, акцентирование которой провоцирует межнациональные конфликты. Его нельзя путать и с родным языком, который есть у каждого (он может быть дополненным вторым, третьим родным языком и т. д.). В этом смысле поэтому украинский пропагандистский лозунг «*Рідна мова у нас одна!*» не только бессмыслен, но и вреден.

В России, например, 37 государственных языков; на территории Украины — два (украинский и русский); в Крыму, ДНР и ЛНР — два, но русский и украинский. При этом государственным официальным языком должен быть только один — множественность исказит «букву закона».

Государственный официальный язык — это функциональный вариант государственного языка, представляющий государство и его граждан в межнациональных и международных отношениях.

5. Языки национальностей (а не унижающий достоинство его носителей термин «языки национальных меньшинств») — **это языки граждан определенной национальности, компактно проживающих на ограниченной территории конкретного района одного государства** (это, например, язык приазовских греков, болгарский язык в Приморском районе Запорожской области и т. п.).

6. Вне национального языка могут употребляться языки общения: а) *региональные языки*, используемые населением определенного региона, как правило, пограничного, для практических целей (например, венгерский язык в Закарпатье, китайский — в Приамурье); б) *нетерриториальные языки*, используемые ситуативно (мировые языки или язык «идиш» у евреев).

Особенности номинативного уровня языка

Статусная неопределенность языковых процессов, связанная со стремлением использовать язык для манипуляции общественным сознанием, не могла не отразиться на именах собственных (СИ), судьба которых в России складывалась по-разному противоречиво.

Первично сакральные СИ, появившиеся на Руси после принятия христианства и прошедшие путь социализации в Российской империи, стали подвергаться в СССР массовым репрессиям по идеологическим мотивам. Особым образом они отразились на топонимии, пострадавшей от потери исторических смыслов больше всего: *Гатчина — Троцк — Красногвардейск — Гатчина; Тверь — Калинин — Тверь; Кенигсберг — Калининград* и т. п.

На постсоветском пространстве судьба социально упорядоченной системы именования развивалась уже по другим сценариям. Поскольку власть над номинацией была передана регистраторам имен, нормы языковой презентации СИ стали зависеть от степени их проблемного профессионализма, а еще более от властных амбиций. Природная материя СИ была ими заменена повальной стандартизацией, главным элементом

которой стали кавычки, обрамляющие несклоняемый текст, после которого он превращался в образную метафору.

Так, *Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина* стал **Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением** «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина», а учебный процесс стал после этого проходить не *в институте*, а *в учреждении* «Государственный институт», который им уже не являлся.

Несмотря на это, без ведома и согласия собственников образные клише «по приказу» были массово внедрены в документооборот, породив огромное количество правовых коллизий:

А. *Донецкий государственный технический университет, ДонГТУ* > **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение** «Донецкий национальный технический университет», ФГБОУ ВО «ДОННТУ».

Статус «национальный» (т. е. «исключительный»), подаренный украинским режимом, был противопоставлен *государственному учреждению*, а сокращение *Дон-*, зафиксированное как аббревиатура *ДОН*, уничтожило информацию о местонахождении университета в г. Донецке;

Б. *Лутугинский район* > *Лутугинский муниципальный округ* > **Муниципальное образование** «Лутугинский муниципальный округ ЛНР» (образование — это «округ», а округ — это «район»?);

В. *Горловский машиностроительный завод* > **Частное акционерное общество** «Горловский машиностроительный завод «Универсал» (общество — это «завод», а завод — это «Универсал»?);

Г. *Кафедра теории языка и русского языка Южного федерального университета* (это не собственное имя!) > **Кафедра «Теория языка и русский язык»** (неужели это собственное имя?) и т. п.

Подобные «стандарты» не могли не отразиться на характеристике СИ, в которых главными стали не обладатели имен, а те, кто получил доступ к власти регистратора. Почувствовав себя «творцами» истории, они стали применять право на учреждение «новых по имени» объектов, расширив его до уровня назначения и снятия с должности соответствующих руководителей, опираясь на надзорные органы с «говорящим» корнем «надзор».

Неслучайно в образовательных документах появились странные толкования должностных полномочий: **Министерство образования и науки** — **Учредитель образовательных организаций**; **Министр образования и науки** (прописная буква в знак уважения?!) — **Руководитель учредителя образовательных организаций**; **ректор** — **руководитель образовательной организации**, а далее «**Руководитель**», т. е. «почти Бог»; **студент** — «**обучающееся лицо, осваивающее любую образовательную программу**» (читающий тоже обучающийся?) и т. п.

Трансформированным СИ было отказано в выделительной функции: из них за ненужностью была вычеркнута уникальность личности. Она была заменена на процесс беспрекословного подчинения стандартам и шаблонам — так произошла еще одна, пока не осознанная всеми управленческая революция, целью которой стала коррекция функций социально-правовых структур:

1) целью Министерства образования и науки ДНР — *учреждение образовательных организаций* взамен реальных вузов, школ, лицеев и т. п.;

2) цель министра образования и науки — надзор за *учредителем образовательных организаций*;

3) цель ректора — не организация учебной и научной работы, а выполнение приказов *учредителя образовательной организации*;

4) цель студента — не постижение основ образования и науки, а выполнение спущенных сверху учебно-образовательных программ, за что ему могли выдать диплом об окончании какого-то *учреждения*, подписанный руководителем какой-то *организации*, но если легитимность двусмысленных документов будет в будущем доказана.

Выводы

1. Статусная ономастика как наука о формах и способах номинативного выделения и сохранения уникальных предметов и явлений осмысленного человеком мира, оказавшись в роли статиста, утратила собственное имя. Обслуживая интересы чиновников, она превратилась в *шаблонную ономастику*, принципиально изменившую социальную роль СИ.

2. Для шаблонной ономастики номенклатурные термины (*ученики, студенты, ректоры, заведующие, университеты, заводы*) стали лишними. Она апеллирует сегодня к *учреждениям, организациям, управляющим компаниям и руководителям*.

В противовес шаблонной ономастике статусная ономастика утверждает, что термины должны быть точными, однозначными и лишены каких бы то ни было эмоций: *учреждение* может быть в составе СИ, но только если оно *воспитательное* или *исправительное*, а не *образовательное*; *организация* может получить статус СИ, но если это *Організіція українських націоналістів*, а не *вуз* и т. п.

3. Шаблонная ономастика игнорирует логику, ясность, точность и лапидарность делового стиля. Главным ее приоритетом являются полномочия *учредителя*

Например, в якобы онимном тексте *Государственное казенное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад компенсирующего*

вида для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата № 167 городского округа «Донецк» логика отсутствует напрочь: учреждение — это детский сад, который находится в каком-то городском округе под названием «Донецк».

4. Шаблонная ономастика пренебрегает грамматическими, графическими и орфографическими нормами

Если органы исполнительной власти утверждают в качестве стандарта употребления, типа *из города Москвы*; *из города Донецк*; *к городу* и *к порту Мариуполь*; *в лице Беспалова Светлана Владимировна*; *ГУ МВД РОССИИ ПО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ*; *Южно-Российский гуманитарный университет*; *Донбасс Арена*; *ВУЗ*, значит, они для них правильны и не подлежат обсуждению.

Между тем это прямой путь к «деонимизации» действительности. Правильно: *из города Москва* (город в м. р. ≠ Москва в ж. р., сочетаемость невозможна); *из города Донецка* (м. р. = м. р., сочетаемость естественна); *к городу Мариуполю* (м. р. = м. р. + город первичен, сочетаемость естественна), но *к порту Мариуполь* (м. р. = м. р., но порт — вторичен от названия города, сочетаемость невозможна); *в лице Беспаловой Светланы Владимировны*, ж. р., Р. п. (в И. п. «от Беспалова С. В.» обладателю фамилии изменяют пол); *Главное управление Министерства внутренних дел России по Ростовской области* (СИ должны писаться с прописной буквы, а не прописными буквами); *Южнороссийский гуманитарный университет* на Юге России, а не на Юге и в России; *Донбасс-арена* (один вопрос и один ответ: что? — *Донбасс-арена*); *вуз* (потому что в словах *вузы*, *вузовский учебник* он является корнем, а не аббревиатурой *ВУЗ*).

5. В СИ не может иметь два и более номенклатурных терминов, поскольку они лишены многозначности, метафоричности и эмоциональности

Если в них они появляются, это свидетельствует либо об устранении номенклатурного термина из правовой парадигмы при помощи закавычивания (*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*), либо о появлении вторичных прецедентных СИ (*Донецкий государственный университет* > *троллейбусная остановка «Донецкий государственный университет»*).

Официальные собственные имена как языковые знаки, призванные выделять уникальные единичные предметы созданного, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира, волею политических экспериментаторов утратили свою правовую функцию. Основной задачей лингвистики является поэтому восстановление в правах статусной ономастики, от которой зависит сохранение исторически сложившегося ономофона и его цивилизационной культуры.

Литература

1. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики, принят на первом пленарном заседании Верховного Совета Луганской Народной Республики первого созыва 18 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://lgpu.org/data/docs/1485954732/konstitutsiya-lnr.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).
2. Закон Донецкой Народной Республики № 106-ПНС от 06.03.2020 г. «О внесении изменения в статью 10 Конституции Донецкой Народной Республики».
3. Закон «Об основах государственной языковой политики № 5029-VI». Голос Украины от 10.08.2012, № 146.
4. Закон «О государственном языке Луганской Народной Республики», принят 25 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovayabaza/13282/> (дата обращения: 05.05.2024).
5. Конституция Донецкой Народной Республики, принята 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Конституция Автономной Республики Крым, принята 21 октября 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/krym/show/rb0321002-98> (дата обращения: 05.05.2024).
7. Конституция Республики Крым, принята 11 апреля 2014 г. (в ред. Законов Республики Крым от 20.05.2022 № 287-ЗРК/2022, от 02.07.2024 № 556-ЗРК/2024) [Электронный ресурс]. URL: <http://sp-rc.ru/wp-content/uploads/2022/08//> (дата обращения: 05.05.2024).
8. Конституция Российской Федерации: официальный текст: с учетом поправок, внесенных в 2014 г. М.: Айрис-пресс, 2015. 61 с.
9. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 г. К.: Преса України, 1997. 79 с.
10. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
11. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русские языки и иностранные языки и методика их преподавания». 2010. № 3. С. 163–168.
12. Мозговой В. И. Кризис языка и иллюзативные трансформации современной действительности // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей; под ред. О. С. Фисенко, Л. В. Адониной. М.: Рибэст, 2013. С. 18–24.
13. Мозговой В. И. Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917–2021 гг.) // Неофилология. Научно-теоретический журнал. 2022. Т. 9, № 2. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 2022. С. 228–242.

14. *Мозговой В. И.* Причины и последствия языковых манипуляций с понятием «патриотизм» и критерии его разграничения с национализмом // *Неофилология. Научно-теоретический журнал.* 2024. Т. 10. № 2. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 2024. С. 282–294.
15. *Сорокин В. В.* Дух права и буква закона: характер соотношения // *Правоприменение.* 2021; 5(2):515. [https://doi.org/10.52468/2542–1514.2021.5\(2\). 5–15](https://doi.org/10.52468/2542–1514.2021.5(2). 5–15).

V.I. Mozgovoy

Transparency of nominations as a starting criterion for the examination of state legal acts¹

Abstract: the article considers the letter of the law as the fundamental principle of the formation of civilization. Manipulations with the status of languages that provoke social conflicts are criticized. An examination of non-professional nominations demonstrating the subjectivity of approved templates is being conducted. The importance of status onomastics as a condition for the preservation of the noosphere is emphasized.

Keywords: letter of the law, status of languages, template onomastics, status onomastics.

¹ The study was conducted on the topic of the state assignment “Structural and functional parameters of the existence and development of the Russian language of the 20th–11th centuries in its regional and general linguistic aspects” (registration number NIOKTR124051400024-1).

Е. С. Моштылева

*кандидат филологических наук,
доцент ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»
Ниžний Новгород, Россия
moshtyleva@unn.ru*

Лингвистические исследования по экономическим спорам: экспликация повествовательной структуры в деловом письме

Аннотация: в статье рассмотрен частный случай семантического исследования деловой переписки в деле о недобросовестной конкуренции (картельном сговоре) между хозяйствующими субъектами. Показано, какие вопросы могут быть заданы эксперту или специалисту. Продемонстрированы подлежащие поиску в текстах писем имплицитные содержания для установления или опровержения признаков информации о соперничестве в рамках одного рынка. Применены методы анализа интернет-нарратива для выстраивания аргументированной позиции по наличию или отсутствию в тексте какой-либо информации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, семантические исследования, деловая переписка, нарратив, экономическая экспертиза.

1. Введение. Одной из наиболее распространенных проблем, которые ставятся перед лингвистом в рамках процессуальных или непроцессуальных исследований, является наличие или отсутствие определенного содержания в спорном объекте. Классификационно такие экспертизы относятся к семантическим исследованиям, поэтому практически все типичные случаи можно рассмотреть, используя методику семантико-ориентированных исследований [7].

Традиционный при этом вопрос, который задается лингвисту, обычно имеет следующую формулировку: «Содержится ли в тексте информация X?». Причем этот вопрос будет актуален и в случае с негативной информацией (статья 152 Гражданского кодекса РФ (Федеральный закон Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994), и с речевыми актами угрозы.

Однако периодически судебным лингвистам приходится иметь дело с такими вопросами, которые требуют применения даже не смежных специальных знаний, а знаний из абсолютно другой области (хотя

и фоновых). Так, к примеру, в производстве экспертов оказалось дело, успешное разрешение которого требовало минимального ориентирования в вопросах антимонополии. В одном разбирательстве присутствовали объекты и для экономического, и для лингвистического анализа, поэтому исследования проводились параллельно разными специалистами.

2. Методы исследования. При проведении лингвистического исследования использовались следующие методы:

- а) экспликация содержания (синонимическое перифразирование, смысловая нормализация) [7: 42];
- б) семантическая декомпозиция слова и предложения [7: 46];
- в) контекстуальный анализ [7: 51];
- г) анализ модальной организации предложения [7: 53];
- д) лингвопрагматический анализ [[7: 56];
- е) стилистический анализ [9; 7: 60];
- ж) корпусный анализ [7: 68];
- з) комплексная методика описания интернет-нарративов [5].

3. Исследование деловой переписки. На рассмотрение лингвистам была предоставлена деловая переписка на русском языке, которая содержала коммуникативные акты между сотрудниками семи крупных организаций. Федеральная антимонопольная служба России (далее — ФАС), осуществляя деятельность по выявлению случаев недобросовестной конкуренции, обнаружила признаки картельного сговора во взаимодействии на торгах. По мнению ФАС, переписка доказывала, что организации, участвуя в одних и тех же закупках, впоследствии распределяют между собой объем продукции, который нужно поставить заказчиком. Законодательно такие манипуляции запрещены (подробнее — статья 11 Федерального закона № 135-ФЗ от 26.07.2006 «О защите конкуренции»). Это явление в практике получило неофициальное наименование картельного сговора, и представляет собой неформальное соглашение нескольких хозяйствующих субъектов определенного рынка с целью ограничить или исключить конкуренцию на аукционе. Главная задача картельного соглашения — заключить контракт по максимально высокой цене [10].

Специальные знания, которые могут помочь найти истину по делу в этом случае, справедливо относятся к экономическим. Так, к примеру, эксперту-экономисту могут быть поставлены следующие вопросы: «Действуют ли хозяйствующие субъекты на одном товарном рынке?»; «Является ли поведение участников торгов нормальным?»; «Экономически целесообразно ли снижение участниками закупки цены контракта?».

В деле, в котором предстояло разобраться экспертам, в качестве одного из доказательств, использованного ФАС в своей позиции против хозяйствующих субъектов, были электронные письма, как было указано нами ранее. Каждый из исследуемых коммуникативных актов представлял собой форму письменной официально-деловой речи с элементами устной, что свойственно общению с помощью электронной почты. Высказывания были объединены общей тематикой: обсуждение участия коммуникантов в тендерах. Речь участников коммуникации насыщена элементами профессионального жаргона (*отгрузка, сеть, закрепить (лот), лот, тендер, дебитор* и др.). Хотя у специалиста не было данных о фактической последовательности данных высказываний в полном контексте коммуникации, переписка была признана условно пригодной для исследования. Условность заключается в том, что, по всей вероятности, существовала потенциальная возможность взаимодействия собеседников посредством устных переговоров, личных встреч и использования иных средств интернет-коммуникации.

В рамках отдельного исследования письма были проанализированы и распределены по тематическим группам и в соответствии с отображенной в файле с письмами хронологией. Отметим, что всего было исследовано тринадцать писем. Перед лингвистом стояло пять вопросов: «Содержится ли в представленных текстах электронных писем информация о том, что организации У1, У2, У3, У4, У5, У6, У7 соперничают друг с другом? Если содержится, то какие именно из перечисленных организаций соперничают друг с другом?»; «Содержится ли в представленных текстах электронных писем информация о том, что между У1, У2, У3, У4, У5, У6, У7 имеется взаимная договоренность о влиянии или об отсутствии влияния на формирование цены какой-либо закупки? Если содержится, то между какими именно организациями имеется взаимная договоренность о влиянии или об отсутствии влияния на формирование цены какой-либо закупки?»; «Содержится ли в представленных текстах электронных писем информация о том, что У1, У2, У3, У4, У5, У6, У7 выражают взаимное согласие на выполнение ими каких-либо действий или воздержание от каких-либо действий? Если содержится, то какие именно организации выражают взаимное согласие на выполнение ими каких-либо действий или воздержание от каких-либо действий?»; «Содержится ли в представленных текстах электронных писем информация о том, что У1, У2, У3, У4, У5, У6, У7 выражают волю на достижение соглашения друг с другом? Если содержится, то какие именно организации выражают волю на достижение соглашения друг с другом?»; «Содержатся ли в представленных текстах электронных писем речевые акты побуждения по отношению друг к другу со стороны

представителей компаний U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 принять участие (не принимать участие) в конкретном конкурсе предложений на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг? Если содержится, то какие именно организации побуждают какие именно организации принять участие (не принимать участие) в конкретном конкурсе предложений на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг?».

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы и определить, имеется ли в письмах искомая информация, необходимо было изучить тексты на предмет наличия следующих содержаний (пропозиционально или в пресуппозиции):

1. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 соперничают друг с другом.
2. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 имеют взаимную договоренность о влиянии на формирование цены какой-либо закупки.

- 2.1. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 имеют взаимную договоренность об отсутствии влияния на формирование цены какой-либо закупки.

3. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 выражают взаимное согласие на выполнение ими каких-либо действий.

- 3.1. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 выражают взаимное согласие на воздержание от каких-либо действий.

4. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 выражают волю на достижение какого-либо соглашения друг с другом.

5. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 выражают речевые акты побуждения по отношению друг к другу принять участие в конкретном конкурсе предложений на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг.

- 5.1. Организации U1, U2, U3, U4, U5, U6, U7 выражают речевые акты побуждения по отношению друг к другу не принимать участие в конкретном конкурсе предложений на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг.

Некоторые вопросы предполагали установление лингвистического признака взаимности реплик. Поскольку признак взаимности с точки зрения плана выражения характерен лишь для тех случаев, когда имеют место быть респонсивные речевые акты (адресат отвечает на реплики адресанта, которые, в свою очередь, и предполагают речевые реакции), то исследованию подлежали не все письма, а только те, которые являются частью диалога или полилога (для удобства исследования в заключении была составлена таблица взаимодействия коммуникантов, в результате чего гипотетически признаком взаимности могли обладать только два письма из тринадцати). В статье для материалов конференции будет продемонстрирован анализ по первому вопросу.

При поиске содержания 1 (*Организации У1, У2, У3, У4, У5, У6, У7 соперничают друг с другом*), которое необходимо для решения первого вопроса, мы опирались на то, что на отношения конкуренции, соперничества между организациями могут указывать (1) содержание высказываний, актуализованных коммуникантами, и (или) (2) форма коммуникативного взаимодействия актантов, представляющих указанные организации.

В первом случае проводился анализ текстов электронных писем на наличие ключевых слов и выражений, имеющих отношение к лексико-семантическому полю 'соперничество', а также анализ коннотаций, которыми наделяются указанные в вопросах организации в текстах исследуемых писем. Во втором случае анализировалась речевая коммуникация между указанными организациями, отраженная в текстах электронных писем.

Искомые единицы предположительно должны были содержать указание на особую разновидность отношений между любыми из указанных организаций — отношения противодействия, борьбы за общие для организаций ценностные категории. Установлению, таким образом, подлежало наличие в письмах формул:

$$\begin{aligned} X_1 + X_2 + X_n &= Y \{Z\}, \\ X_1 &\rightarrow Z \\ X_2 &\rightarrow Z \\ X_n &\rightarrow Z \end{aligned}$$

где $X_{1,2,n}$ — организации, Y — противодействие, Z — ценностная категория, к которой стремятся $X_{1,2,n}$, Z достижима для кого-то из $X_{1,2,n}$ в случае Y .

3.1. Анализ содержания высказываний. Исследовались тексты писем, где в специальных полях было указано семнадцать коммуникантов — отправителей или получателей (основные получатели или получатели «в копии»). Далее была составлена двадцать одна пара организаций, которые потенциально могли бы друг с другом соперничать (например, У1 и У2, У1 и У3, У1 и У4 и т. д.). Затем выявлены контексты содержащие ключевые слова и выражения, относящиеся к лексико-семантическому полю 'соперничество, конкуренция' (конкуренция: соперничество в чем-либо или на каком-либо поприще; борьба за достижение лучших результатов (значения лексемы см.: [3; 8]). В статье мы укажем два контекста (с сохранением исходных орфографии и пунктуации), которые связаны с использованием нами при анализе комплекса методов для исследования интернет-нарративов [5: 70].

1. У У1 налажена работа с клиентом, мы его отгружаем, ведем плотную работу с **конкурентами**-партнерами, отработываем каждый лот. В середине 20XX-го провели большую работу по подготовке У2 для участия в лотах Х <...> (отправитель Е. — неуказанному адресату). Контекст содержит информацию в виде пресуппозиции: 'У1 взаимодействует с какими-либо организациями, которые в различных ситуациях могут быть для У1 как партнерами, так и конкурентами'. Контекст актуализован в виде смоделированного нарратива — говорящий рассказывает о положении дел. Кроме того, в данном и следующем случаях был применен анализ условий успешности речевых актов повествования, который доказал их актуализацию в обоих контекстах (подготовительные условия, условие пропозиционального содержания, условие искренности, существенное условие). Конкретная референция отсутствует: говорящий не обозначает кого-либо в качестве конкурента организации, которую представляет (У1). Конкуренты и партнеры здесь — это актанты нарратива, имеющие свои функции (например, функцию плотного взаимодействия с У1 и др.). Делаем вывод, что лингвистическими методами информацию о том, что У1 состоял с У2 в сопернических отношениях, выявить не представляется возможным;

2. *Поставка через партнеров* — это поставка по совместному участию в тендере вместе с **конкурентом**. Например мы специально проигрываем тендер в пользу У3 в конце года, но с У3 договариваемся, что прибыль делим в определенных долях. А эту прибыль мы можем получить только через поставки с У1 на У3 по указанию грузополучателям в рамках уже нашего договора между У1 и У3. Контекст содержит информацию о модели поведения каких-либо организаций, занимающихся деятельностью по поставкам чего-либо. Сведения находятся в модусе ТЕКСТ (в противоположность модусу РЕАЛЬНОСТЬ), поскольку представляют собой не реальное событие, а то, которое смоделировано говорящим субъектом в целях объяснения предыдущей дефиниции *Поставка через партнеров* — это поставка по совместному участию в тендере вместе с **конкурентом**. Это подтверждается следующими признаками:

1) вводное слово *например* (вводн. сл. для примера, в качестве примера (употребляется при перечислении, при пояснении какого-либо слова в предложении), которое вводит в текст модель события, а не фактические сведения о нем;

2) акт говорения происходит в абстрактную дату — конец не указанного года;

3) нельзя подтвердить, что в тексте содержится информация о том, что событие действительно имело место в прошлом, поскольку глаголы, которые употребляет говорящий, характеризуются формой настоящего

времени (*проигрываем, договариваемся, делим*). Такая форма вообще свойственна введению в текстовый модус примеров чего-либо, которые имеют объяснительную функцию;

4) местоимение *мы* не может означать, что в письме идет речь про конкретных субъектов, поскольку говорящим репрезентуется модель ситуации, которая им объясняется для рецепиента (при лингвокогнитивном моделировании в русскоязычных дискурсах наблюдается тенденция к интроспекции и субъективизации, когда попытка донести до адресата сведения в нужном для говорящего виде сопровождается псевдопогружением акторов в речь — это, как правило, упрощает восприятие информации (примеры контекстов см.: Национальный корпус русского языка (основной корпус): **Например, нам** нужно измерить температуру предмета прямоугольной формы размерами 10х20 см. Длина его диагонали составляет 22, 36 см. Соответственно, можно вписать прямоугольник в круг с таким диаметром... [Низкотемпературные пирометры — надежные помощники связистов, энергетиков и специалистов по климатической технике (2019)]; **Например, мы** заготавливаем 14 млн кубометров древесины. [Олег Кувшинников. Настоящее вологодское импортозамещение // «Эксперт Северо-Запад», 2015]; Американцы считали, что существовала доктрина Брежнева. Так они квалифицировали политику Советского Союза по отношению к Восточной Европе и социалистическим странам в других регионах мира. Однако, только закрепив наши цели документально, мы можем перевести лозунг в категорию конкретной стратегии, политики. Ну, **например, мы** говорим, что хотим жить в безопасном окружении, налаживать добрые отношения с нашими партнерами по СНГ. Но для осуществления этого лозунга необходима продуманная стратегия на каждом направлении <...> [С. В. Лавров. Интервью газете «Время новостей» (2004) // «Дипломатический вестник», 29.06.2004].

Лексема *конкурент* вводится в качестве предиката в предложении дефиниционного типа: *Поставка через партнеров — это поставка по совместному участию в тендере вместе с конкурентом*. Предложения-дефиниции характеризуются отсутствием временной прикреплённости: форма настоящего времени глагола-связки придает этим предложениям всевременной, панхронический характер, выражает значение «всегда». Ср.: *Кремль — городская крепость в старых русских городах; Крепить — скрепляя, делать прочным, крепким; Крепление — совокупность устройств для предохранения горных выработок от обвала; Крепостничество — общественный строй, основанный на крепостном праве и эксплуатации крепостных крестьян* [4: 283]. Исходя из вневременного синтаксиса анализируемого предложения, лексема *конкурент* не может быть связана

ни семантически, ни синтаксически, ни логически с каким-либо иным словом в исследуемом контексте.

3.2. Анализ формы коммуникативного взаимодействия. Нами были использованы две теории — теория речевых актов и теория коммуникации (в части принципа кооперации речевого общения).

Противодействие Y в коммуникативных ситуациях предполагает речевой акт говорящего X_1 и ответный речевой акт говорящего X_2 , который для первого не является желательным или благоприятным. Ответные речевые акты, с помощью которых иллюкутивно осуществляется противодействие Y , могут быть как явными (эксплицитными), так и скрытыми (имплицитными) — в виде респонсивного речевого акта несогласия или актов речевой агрессии. Причем, для наступления языкового противодействия первый говорящий коммуникативно должен быть настроен на воздействие на адресата, который, в свою очередь, имеет иную точку зрения на предмет речи и действительно способен ее выразить (в том числе, имплицитно).

Принцип кооперации в рамках теории коммуникации гласит о том, что все участники коммуникации взаимодействуют, «сотрудничают» так, чтобы двигаться к общей цели взаимодействия и чтобы диалог развивался по «модели согласия» [2: 221–222]. Ожидается, что для этого коммуницирующие субъекты будут следовать одному принципу: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Там же: 222]. По этой логике, реципиент должен суметь из передаваемого сообщения извлечь «социальное намерение коммуниканта», а коммуниканту следует соответственно сообщать информацию так, чтобы она была ясна реципиенту [11: 85, 91–92].

В зависимости от целевых установок коммуникантов выделяют кооперативное и некооперативное взаимодействие. Кооперативное общение призвано быть плодотворным, конструктивным, «благожелательным», «позитивно-продуктивным», поскольку взаимодействующие стороны заинтересованы в начале и продолжении общения. Некооперативное (или конфликтное, конфронтационное) общение, наоборот, полно разногласий, являясь деструктивным, «неблагожелательным» [1: 226–232].

Таким образом, на этом этапе исследования выявлению подлежат:

- респонсивные речевые акты несогласия;
- речевые акты агрессии;
- стратегии некооперативного взаимодействия в письмах.

В результате по двадцать одной паре хозяйствующих субъектов были сделаны выводы об отсутствии информации об отношениях соперничества.

Заключение. Семантически ориентированные исследования в судебной экспертизе показывают свою значимость, а также соответствие принципам судебно-экспертной деятельности: объективности, научной обоснованности, полноты, проверяемости, всесторонности. Кроме того, нельзя забывать о том, что объекты лингвистических исследований все чаще подвергаются трансформации — появляются новые жанры, смешиваются уже существующие, а значит, методические основания экспертизы должны совершенствоваться и в практике, и в теории. Полагаем, что развитие и дальнейшее обоснование комплексной методики анализа нарративов и нарративосодержащих текстов принесет пользу судебной лингвистике и практике проведения лингвистических экспертиз, а также сделает ее наиболее доступной при оценке правоприменителем и другими участниками юридического сообщества.

Литература

1. Букин А. С. Проблема некооперативного диалога // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Филология. 2014. № 2. Т. 1. С. 226–232.
2. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. М., 1985. С. 221–222.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Русский язык, 2000. В 2 т. 1209 с.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 283.
5. Моштылева Е. С. Нарративность бытия. Повествовательные модели интернет-дискурса: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2023. 172 с.
6. Новое в зарубежной лингвистике // Выпуск 17. Теория речевых актов: пер. с англ. М., 1986. 422 с.
7. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, ФБО РФЦСЭ. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
8. Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. 1488 с.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
10. Терентьев А. А. Картельные сговоры на торгах: роль экономической экспертизы [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/01/kartelnye_sgovory_na_torgah_rol_ekonomicheskoy_ekspertizy (дата обращения: 13.08.2024).
11. Томаселло М. Истоки человеческого общения: языки славянских культур. М., 2011. С. 85, 91–92.

E. S. Moshtyleva

Linguistic research on economic case: explication narrative structure in a business letter

Abstract: the article examines a particular case of semantic research of business letter in a case of unfair competition (cartel agreement) between business entities. It shows what questions can be asked of an expert or specialist. The implicit contents to be searched in the texts of letters to establish or refute signs of rivalry are demonstrated. The methods of analyzing the Internet narrative are used to build a reasoned position on the presence or absence of any information in the text.

Keywords: linguistic expertise, semantic research, business letter, narrative, economic expertise.

К. М. Мыскина

*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия*

Основы этического воспитания при подготовке экспертов гуманитарных специальностей

Аннотация: автор обосновывает самостоятельный характер профессиональной этики судебного эксперта, а также важность ее изучения при подготовке судебных экспертов. В статье изложены предложения по содержанию курса соответствующей учебной дисциплины.

Ключевые слова: судебный эксперт, судебно-экспертная этика, этические нормы, учебная дисциплина.

Судебно-экспертная этика является не только одним из руководящих начал, определяющих поведение эксперта в процессе производства судебных экспертиз и участия в процессуальных действиях [8: 36], но и важным элементом реализации воспитательной функции судебно-экспертной деятельности.

Универсальные и общепрофессиональные компетенции, которые должны быть усвоены обучающимся по программе специалитета в рамках специализации «речеведческие экспертизы», устанавливаются Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования. Указанный стандарт предусматривает, что выпускник, должен обладать такой общепрофессиональной компетенцией, как способность анализировать мировоззренческие, социальные и личностно-значимые проблемы в целях формирования ценностных, этических основ профессиональной деятельности (ОПК-2) [5].

Данное требование более чем обосновано. Профессиональная этика выделяется учеными как самостоятельная область знания [9: 11], а ее основной задачей является теоретико-методологическое обоснование конкретной специфической системы норм, которые эффективно регулируют взаимоотношения между людьми в определенной сфере деятельности.

Нормы профессиональной этики являются моральным ориентиром и помогают сделать правильный выбор при нравственных коллизиях,

для решения которых недостаточно обычных профессиональных знаний [3: 39]. Они отражают специфику профессии и при возникновении нравственных проблем и спорных ситуаций подсказывают этически верную стратегию поведения, а также предотвращают злоупотребления в сфере профессиональной деятельности.

Чем более социально значима профессия, тем более важную роль играют для нее нормы профессиональной этики. Разумеется, деятельность судебного эксперта, оказывающего содействие правосудию, входит в их число.

Представляется, что будущие эксперты-лингвисты должны осваивать нормы судебно-экспертной этики еще на этапе получения соответствующего образования. К сожалению, несмотря на то, что в учебных планах студентов, получающих образование по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», имеются учебные дисциплины, посвященные профессиональной этике и служебному этикету, они посвящены, главным образом, основам профессиональной этики юриста или сотрудника органов внутренних дел, но не эксперта. Программы переподготовки и повышения квалификации по экспертным специальностям обычно и вовсе не содержат в себе курса, посвященного этике судебного эксперта.

Сложившаяся ситуация не приемлема, поскольку ни общие нормы этики, ни этика юриста не отражают специфику деятельности судебного эксперта. Наличие отношений, характерных только для судебно-экспертной деятельности, порождает специфические этические проблемы, требующие создания соответствующих этических норм (например, взаимоотношения эксперта и субъекта назначения экспертизы, взаимоотношения экспертов при производстве комиссионных и комплексных экспертиз и т. п.) [1: 6–7].

В целях устранения обозначенного пробела мы предлагаем следующий проект программы дисциплины (модуля) «Профессиональная этика судебного эксперта».

В рамках дисциплины планируется изучить следующие темы:

1. Предмет этики и проблема соотношения этики и права. История этических учений.
2. Профессиональная этика и ее виды. Юридическая этика. Этика судебного эксперта.
3. Нравственные основы законодательства о судебно-экспертной деятельности.
4. Основные принципы этики судебного эксперта.
5. Этика проведения экспертного исследования.

6. Этика взаимодействия эксперта с коллегами и руководителем экспертного учреждения.
7. Этика взаимодействия судебного эксперта с субъектом, назначившим экспертизу, и другими участниками процесса.
8. Соблюдение конфиденциальности информации и этика обращения с объектами экспертного исследования.
9. Этикет судебного эксперта [4: 196–197].

Конечно, обучающимися должны быть изучены базовые нормы этики и история их становления, но основой курса являются знания именно о профессиональных нормах этики судебного эксперта и нравственных коллизиях, с которыми эксперт может столкнуться в профессиональной деятельности.

Среди таких знаний в первую очередь необходимо назвать:

- основные принципы судебно-экспертной этики (объективность, независимость, самостоятельность в суждениях, научная добросовестность, компетентность, принципиальность, самокритичность, честность, корректность, конфиденциальность информации) и их содержание;

- этические требования к процессу проведения экспертного исследования, а также потенциальные этические проблемы, которые могут быть связаны с личными эмоциями, симпатиями и переживаниями эксперта, с оказанием внешнего давления на эксперта и иными факторами;

- вопросы, посвященные основным требованиям к общению эксперта с коллегами;

- этические основы производства комиссионных и комплексных экспертиз, поскольку в процессе производства таких экспертиз между экспертами могут возникнуть недоверие и несовместимость при оценке результатов исследований и формулировании выводов [6: 273–274];

- вопросы этики анализа заключений и профессиональной деятельности других экспертов, его допустимые формы и границы, в том числе в рамках проведения повторных экспертиз;

- этические правила взаимодействия эксперта с судом, следователем, сторонами и другими участниками процесса. Отдельному рассмотрению подлежат такие специфические ситуации общения эксперта, как, например, участие в допросе;

- вопросы реализации принципа конфиденциальности информации применительно к судебно-экспертной деятельности.

Заключительной темой курса является «Этикет судебного эксперта». Она посвящена понятию этикета, его историческим формам, функциям в общении, особенностям служебного этикета судебного эксперта,

этическим основам публичных выступлений, в частности выступлений эксперта в суде. Отдельными вопросами являются этикет общения руководителя и подчиненного, отношения с коллегами и этикетные нормы общения эксперта с субъектом назначения экспертизы и другими участниками процесса. Внимание также уделяется культуре оформления заключения эксперта и речевому этикету эксперта, который включает в себя прежде всего такие позиции, как содержательность, логичность, доказательственность, ясность и понятность [2: 31].

Кроме того, описанные вопросы и проблемы должны подробно и системно раскрываться в соответствующих учебных пособиях. Это способствует тому, что нормы судебно-экспертной этики будут в должной мере усвоены еще в процессе обучения, и поможет начинающим экспертам-лингвистам в ходе их профессиональной деятельности принимать этически верные решения.

Помимо подготовки судебных экспертов-лингвистов путем получения высшего судебно-экспертного образования по специальности «Судебная экспертиза», существует возможность получения дополнительного образования и повышения квалификации (курсы, стажировки) лиц, имеющих высшее гуманитарное образование [7: 61]. При таком способе получения экспертной специальности также необходимо изучение основ экспертной этики, пусть и в сокращенном объеме.

Формирование представлений об этике судебного эксперта реализуется также в рамках воспитательной функции судебно-экспертной деятельности. Воспитательное воздействие осуществляется «в процессе общения, через разъяснение вопросов, относящихся к специальным знаниям, демонстрации практических навыков их применения. Эксперт должен демонстрировать личный пример профессионального, честного, высококвалифицированного труда» [6: 274].

То есть учебно-методическая роль судебного эксперта направлена на подготовку начинающих экспертов-стажеров, а также повышение квалификации менее опытных сотрудников экспертного учреждения. В таких случаях эксперт-наставник должен проявлять в отношении младших товарищей уважение, разумную требовательность, инициативность, высокую личную ответственность и нацеленность на профессиональный рост. Кроме того, эксперт-наставник должен стремиться овладевать новыми методами и методиками экспертного исследования и повышать уровень правовой культуры. Такой набор моральных качеств, во-первых, вызовет должное уважение у молодых экспертов, а во-вторых, послужит примером и образцом для их будущей деятельности.

Таким образом, этика является неотъемлемым элементом и обязательной основой образования и воспитания судебного эксперта, причем не имеет значения, каким именно путем идет его подготовка, поскольку соблюдение этических принципов обеспечивает добросовестный подход эксперта к своей работе, уважение законодательства и следование его нормам, объективность проведенного исследования, а также доверие к такому заключению со стороны окружающих.

Литература

1. Жигалов Н. Ю. Морально-этические нормы в судебно-экспертной деятельности // Российский следователь. 2012. № 8. С. 6–7.
2. Майлис Н. П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. № 1 (4). 2017. С. 28–32.
3. Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Российское законодательства: состояние и проблемы. Журнал Российского права. № 4. 2008. С. 39–44.
4. Мыскина К. М. Судебно-экспертная этика: теоретические, правовые и организационные аспекты. Специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2022. 211 с.
5. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 31 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» (с изменениями и дополнениями). Приложение. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362992/ (дата обращения: 30.09.2024).
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник. М.: Норма: ИНФРА М, 2017. 368 с.
7. Россинская Е. Р. Современные проблемы судебно-экспертной дидактики // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 58–67.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. М.: Проспект, 2017. 269 с.
9. Чернавин А. Ю. Профессиональная этика и служебный этикет для юриста. Учебное пособие для специалистов. М.: Проспект, 2019. 328 с.

K. M. Myskina

Basics of ethical education in the training of experts humanitarian specialties

Abstract: the author substantiates the independent nature of professional ethics of a forensic expert, as well as the importance of its study in the training of forensic experts. The article outlines proposals for the content of the course of the relevant academic discipline.

Keywords: forensic expert, forensic ethics, ethical norms, academic discipline.

К. В. Небытов

судебный психолог-эксперт

НП «Центр правовой помощи и независимых экспертиз “Надежда”»

Ставрополь, Россия

ex.of.lunc@gmail.com

Актуальность комплексной судебной психолого-религиоведческой экспертизы по делам об оскорблении религиозных чувств верующих

Аннотация: в настоящей статье рассматривается субъективная сторона деяния, предусмотренного первой и второй частями статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исходя из толкования прямого умысла и его содержания обосновывается необходимость введения комплексной судебной психолого-религиоведческой экспертизы личности подозреваемого (обвиняемого) в совершении данных преступлений.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, прямой умысел, индивидуально-психологические особенности, оскорбление, сакральный смысл.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью общества, а главная обязанность государства — это их защита. Эффективная борьба с преступностью — важнейшая часть этой задачи, которая опирается на соответствующую социальным потребностям законодательную базу. В этой связи в специализированной литературе сформулирован принцип научной обоснованности закона и практики его применения в сфере борьбы с преступностью.

Вместе с тем данный принцип нельзя сводить исключительно к учету достижений правовых наук, хотя такой подход является доминирующим. Поскольку правовое регулирование целенаправленно воздействует на поведение людей, которые на основе индивидуализированного отражения действительности интериоризируют определенную систему ценностей. Поэтому закономерности и механизмы поведения, обусловленные особенностями психической деятельности человека в ситуациях, значимых для правовой оценки, необходимо знать и учитывать законодательным и правоохранительным органам. Таким образом, принцип научной обоснованности правового регулирования включает и обязательность использования данных других наук.

Данный тезис в полной мере распространяется на сферу уголовно-правового регулирования ответственности и наказания за действия (бездействие), рассматриваемые государством и обществом как преступные. Здесь необходимо устанавливать способность субъекта осознавать значение своих действий и руководить ими в ситуации преступления; цели и мотивы инкриминируемых поступков; особенности психического состояния; психологические свойства личности. А осуществление этого подхода невозможно без применения положений наук о человеке, образующих в своей совокупности основы уголовной ответственности и наказания.

В 2013 г. в перечень преступлений были внесены изменения за счет расширения ст. 148 УК РФ, в которую была введена уголовная ответственность за оскорбление чувств верующих. Согласно ч. 1, преступными являются публичные действия, которые выражают явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Частью 2 установлен квалифицирующий признак, а именно: совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Следует сразу отметить, что определение незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций лежит вне поля деятельности экспертов, поскольку, с одной стороны, определение законности является исключительно юридическим вопросом, а с другой — даже законное воспрепятствование может быть воспринято верующими, которые столкнулись с воспрепятствованием, как оскорбительное.

Начать следует с понятия «публичность».

Согласно А. И. Гончаренко, публичность складывается из следующих трех элементов:

- 1) противоправное деяние, оскорбляющее религиозные чувства, должны быть совершены в общественных местах, т. е. там, где могут массово собираться люди, чтобы отдыхать, трудиться и иным образом проводить время. Круг таких мест крайне широк и разнообразен: в него входят очевидные места (улицы, парки, спортивные стадионы, общественный транспорт, торговые центры, вокзалы, аэропорты и т. д.). Главное, чтобы в этих местах было возможно нахождение большого числа человек. Следует отметить, что само по себе наличие такого места еще не говорит о преступности деяния, ведь возможна ситуация, при которой в общественном месте людей нет. Например, парк в ночное время, образовательная организация на период летних каникул и т. п. Следовательно, рассмотренный признак еще недостаточен для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 148 УК РФ;

2) публичность означает, что то или иное действие было совершено тогда, когда его непосредственными свидетелями могли стать посторонние лица. Как правило, для наличия признака публичности требуется два или более человека. Соответственно, о публичности однозначно свидетельствуют те деяния, которые совершены, например, на каких-либо собраниях, митингах либо демонстрациях. Сюда же следует отнести другие массовые мероприятия, среди которых музыкальные концерты, фестивали и, само собой, массовые богослужения и иные религиозные обряды;

3) о публичности говорит и то, что информация, в которой содержится оскорбление, в силу места и людности обстановки становится доступной для других лиц, в том числе массовой аудитории. При этом признак «публичности» может присутствовать и без общественного места и непосредственного присутствия посторонних. Это касается в первую очередь применения технологий, которые позволяют довести информацию до широкого круга лиц. Это, например, телевидение, радио, сеть «Интернет» и другие ИТС. Сюда же следует отнести распространение листовок, плакатов и обращений таким образом, что они станут доступны для всеобщего обозрения. Это же касается размещения соответствующей информации на интернет-сайтах, форумах, социальных сетях, в интернет-рассылке и др.

Применительно к последнему признаку публичности нужно отметить, что если оскорбительная информация размещается публично, то ни число просмотров, ни число человек, которые в итоге ознакомились с соответствующим материалом, на уголовно-правовую оценку содеянного не влияет.

Теперь необходимо остановится на понятии «оскорбление».

В словаре С. И. Ожегова оскорбление — умышленное или по неосторожности унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, т. е. форме, контрастирующей принятым в обществе, в котором производится деяние, нормам. Оскорбление может быть нанесено словесно, письменно, действием, публично, как в присутствии, так и в отсутствие пострадавшего. Оскорбление может проявляться как в непосредственной демонстрации неуважения, к конкретной личности, так и в любом осознанном вмешательстве в чужую правовую сферу, личную или имущественную, вне зависимости от того какие бы цели ни преследовал агрессор. Характерной особенностью оскорбления является открытость, а зачастую и публичность проявления [9].

Согласно ст. 5.61 КоАП РФ с объективной стороны оскорбление есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Квалифицированные виды оскорбления предусмотрены ч. 2 и ч. 3 ст. 5.61 КоАП РФ [4].

По мнению А. Г. Брагиной, оскорбление изначально обладает особенностью, позволяющей установить негативность (отрицательный характер) обращения с конкретным лицом, законодательно закрепленным признаком — унижение потерпевшего.

Противоправное действие, направленное на оскорбление чувств верующих, может проявляться в виде:

- 1) физического воздействия;
- 2) символического оскорбления;
- 3) словесного оскорбления.

Оскорбление в виде физического воздействия (оскорбление действием) представляет собой поведение, выражающееся в физическом воздействии на потерпевшего и унижающее его религиозные чувства. Например, при проведении крестного хода лицо, целенаправленно преследуя цель оскорбить чувства верующих, пытаясь сорвать церемонию, выражая свой протест и недовольство относительно проведения мероприятия, станет закидывать яйцами священника, применять к нему физическое воздействие, нарушать порядок и правила проведения обрядов и т. д.

Символическое оскорбление является одним из самых распространенных видов оскорбления. К такому виду оскорбления можно отнести различные неприличные телодвижения, демонстрацию оскорбительных плакатов, распространение мемов и демотиваторов на религиозные темы. Использование этого способа совершения преступления обусловлено развитостью современных технологий, в частности современной информационно-телекоммуникационной системы, и свободным доступом к сети Интернет.

Оскорбление словом заключается в унижении потерпевшего употреблением в его адрес словесных выражений, оскорбляющих его религиозные чувства.

Исходя из рассмотренных признаков, можно прийти к выводу, что способы совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, крайне разнообразны. В отличие от некоторых зарубежных аналогов оскорбление религиозных чувств верующих возможно как устно, так и письменно; через СМИ, сеть Интернет и др.

Субъектом преступления по рассматриваемой статье является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, независимо от гражданства и принадлежности к какой-либо конкретной вере.

Субъективная сторона рассматриваемого состава выражена в форме прямого умысла. Это значит, что «все обстоятельства, имеющие юридическое значение, т. е. являющиеся признаками состава преступления (основного или квалифицированного), относящиеся к характеристике

объекта и предмета, объективной и субъективной стороны преступления, осознавались виновным. Обязательным элементом умысла является осознание лицом не только фактических обстоятельств совершаемого им деяния (действия или бездействия), но и его общественной опасности, т. е. его способности причинить вред охраняемым законом объектам уголовно-правовой охраны» [5: 62].

Раскрывая субъективную сторону далее необходимо остановиться на понятии «осознание общественной опасности. В самом общем виде оно представляет собой осознание негативного, отрицательного отношения к деянию со стороны других людей, общества и государства. Иными словами, осознание общественной опасности являет собой оценку критичным сознанием социальной значимости, в котором противопоставляет личностный смысл (значение для себя) социальной значимости (значению для других) [5: 67].

Традиционный подход к религиоведческой экспертизе заключается в том, что «задача эксперта в работе с материалами по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств видится, с позиции религиоведов, в установлении цели (направленности) действий субъекта оскорбления, их публичности и радикальности в отношении предметов, наделенных в представлениях верующих сакральным смыслом» [1]. Другими словами, религиоведческая экспертиза в рамках дел об оскорблении религиозных чувств верующих призвана решать следующие задачи.

1. Установление религиозного (конфессионального в узком смысле) значения объектов, в отношении которых совершено оскорбление.

2. Определение направленности на сознательное изменение религиозных репрезентаций в результате их оскорбительного представления.

3. Описание религиозно-культурного контекста и направленности совершенного изменения (иное религиозное учение, художественное произведение, использование гротеска в полемике, нигилизм, вандализм и др.), которое поможет определить ее общественное значение.

Если мы сопоставим позицию экспертов-религиоведов с положениями об умышленной форме вины, то становится очевидным, что лицо, которому инкриминируется деяние, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ должно знать о сакральном смысле предмета в той мере, которая позволяет осознавать упречность совершаемого деяния.

Это значит, что виновный осознает совокупность следующих обстоятельств:

- 1) его действия противоречат нормам и правилам поведения в обществе, выражают явное неуважение к нему;

- 2) его действия — публичны, т. е. совершаются при посторонних лицах (двух и больше) либо будут доступны массовой аудитории;

3) эти действия оскорбят религиозные чувства верующих, на что виновный и рассчитывает. Оскорбление выступает в качестве цели деяния, при которой виновный рассчитывает донести, продемонстрировать представителям религии то, что он относится к ней пренебрежительно, оскорбительно;

4) виновный хочет, чтобы его действия стали непосредственной причиной оскорбления религиозных чувств верующих [6: 264].

Особую актуальность данный вопрос получил в связи с вступлением в действие национального стандарта РФ «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения», где были описаны индивидуально-психологические особенности обвиняемого (ИПО обвиняемого). Последние представляют собой собирательное понятие, включающее особенности темперамента, характера, эмоциональной, волевой и мотивационной сфер, направленность личности, социокультурно обусловленные ценностные ориентации, особенности смыслового восприятия различных ситуаций, познавательной деятельности, стереотипы поведения и эмоционального реагирования [2].

В этом же стандарте разъяснено, что существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на криминальное поведение — это такое влияние, при котором индивидуально-психологические особенности обвиняемого ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков. При этом, ограничение выражается в неспособности в полной мере осознать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний [2].

В уголовно-процессуальной плоскости установление наличия либо отсутствия факта знаний субъекта о «сакральном смысле» предмета по общему правилу осуществляется в рамках анализа обстоятельств, характеризующих в том числе личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Сюда принято относить обстоятельства, касающиеся «социального статуса обвиняемого (его принадлежности к определенной социальной группе), социально-демографической характеристики (пола, возраста, образования, семейного положения и т. д.); социальных функций личности (выполняемых видов деятельности в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина и т. п.); нравственно-психологических характеристик, выражающих ее отношение к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям» [8: 141].

Однако судебный психолог-эксперт не может определить «сакральный смысл» и религиозное значение того или иного предмета в силу

отсутствия специальных познаний в области религиоведения. В силу этого необходимы специальные познания эксперта-религиоведа. При этом эксперт-религиовед не может оценить какое место данные знания занимают в ценностно-смысловой сфере субъекта. В связи с чем данная задача приобретает комплексный характер.

Как отмечали Н. П. Майлис и В. Ф. Орлова «характерной особенностью комплексной экспертизы является решение с ее помощью сложной (интеграционной) задачи, поставленной субъектом доказывания перед экспертом. Эта задача отличается от задачи моноэкспертизы следующими свойствами:

- задача комплексной экспертизы ставится и решается только при условии комплексирования знаний разных специальностей, ее решение невозможно в рамках каждой из них, взятой в отдельности;

- задача комплексной экспертизы носит пограничный характер, ее решение лежит в зоне смежной области знаний, объединяющих комплекслируемые специальности;

- интеграционный характер задачи комплексной экспертизы означает, что она находится на более высоком уровне обобщенного знания в сравнении с задачами комплекслируемых экспертных специальностей» [7: 142].

При рассмотрении сформулированной задачи комплексной судебной психолого-религиоведческой экспертизы личности обвиняемого в сопоставлении с вышеприведенными критериями комплексной экспертизы, становится очевидным, что она соответствует всем перечисленным критериям.

Если переходить к примерному кругу решаемых комплексной судебной психолого-религиоведческой экспертизой вопросов, то он видится следующим.

1. Какие индивидуально-психологические особенности присущи ФИО?

2. Какими знаниями обладает ФИО о религиозном значении предмета, в отношении которого им было совершено инкриминируемое деяние?

3. Какое место занимает данное знание в ценностно-смысловой сфере ФИО?

4. Соответствует ли инкриминируемое ФИО деяние его ценностно-смысловой сфере и направленности личности?

Сформулированные вопросы не претендуют на абсолютную правдивость, а призваны лишь задать вектор возможного развития обозначенного вида экспертизы, в ходе которого они, разумеется, могут измениться.

Литература

1. *Астапов С. Н.* Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 1. С. 98–103.
2. *Дубовиченко С. В.* Умышленная форма вины в уголовном праве: монография. М.: Проспект, 2021. 216 с.
3. ГОСТ Р 57344–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2016 № 2010-ст) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 15.09.2024).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В редакции на 01.02.24 с табл. изм. и указ. суд. практи. М.: Эксмо, 2024. 976 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 1. Общая часть / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2024. 316 с.
6. *Кузнецов А. О.* К вопросу об уголовно-правовой охране свободы совести и свободы вероисповедания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2 (835). С. 259–267.
7. *Майлис Н. П., Орлова В. Ф.* Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1. С. 138–147.
8. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / В. М. Лебедев [и др.]; под общей редакцией В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 851 с.
9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Темп, 2013. 944 с.

K. V. Nebytov

The relevance of a comprehensive forensic psychological and religious studies examination in cases of insulting the religious feelings of believers

Abstract: this article examines the subjective side of the act provided for in the first and second parts of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the interpretation of direct intent and its content, the necessity of introducing a comprehensive forensic psychological and religious studies examination of the personality of the suspect (accused) in the commission of these crimes is justified.

Keywords: the subjective side of the crime, direct intent, individual psychological characteristics, insult, sacred meaning.

М. Е. Новичихина

*доктор филологических наук,
профессор Воронежского государственного университета
Воронеж, Россия
novichihiname@mail.ru*

О смысловом различии в лингвистической экспертизе товарного знака

Аннотация: статья посвящена проблеме экспертизы товарного знака. Обосновываются выводы о том, что: 1) смысловое различие является основным критерием различения сильных и слабых элементов в такой экспертизе; 2) определение элемента с основными смысловыми чертами надо осуществлять в контексте коммуникативной задачи.

Ключевые слова: товарный знак, лингвистическая экспертиза, сходство до степени смешения, составное коммерческое обозначение, сильный элемент, смысловое различие.

В 2011 г. Арбитражный суд Свердловской области решением от 25 мая 2011 года (дело № А60–33062/2010 об обозначениях кремов для рук «Бархатные ручки» и «Бархатная нежность») признал факт, что словесный товарный знак «**БАРХАТНАЯ НЕЖНОСТЬ**» является сходным до степени смешения со словесным товарным знаком «Бархатные ручки». Данный вывод, как сказано в решении, основан на следующих обстоятельствах (дословно): «Сравнительный анализ товарных знаков подтверждает фонетическую и семантическую близость и тождество словесных элементов “**БАРХАТНАЯ**” и “Бархатные”. Указанные элементы являются доминирующими в сравниваемых товарных знаках, пространственно занимают большую часть товарных знаков, расположены в начальной части, с которой начинается восприятие товарного знака и на которую в первую очередь обращают внимание потребители. Данные обстоятельства подтверждают сходство до степени смешения, несмотря на отдельные отличия спорных товарных знаков» [1].

Приведенное решение было неоднозначно воспринято в лингвистическом сообществе: согласно традиционным лингвистическим представлениям объектом сопоставления должны были стать элементы *ручки* и *нежность* как главные элементы соответствующих словосочетаний; при таком подходе решение Арбитражного суда могло стать прямо противоположным.

Предлагаемая статья является, с одной стороны, попыткой осмыслить логику цитируемого решения Арбитражного суда, а с другой стороны — попыткой обосновать правомочность принятого им решения.

Обе сформулированные задачи сводятся к обсуждению феномена так называемого смысловом различии, а также учета смысловом различительной функции в процессе сопоставления составных (т. е. выраженных синтаксической конструкцией) обозначений.

Как известно, смысловом различительная функция является одним из ключевых факторов, обеспечивающих адекватное понимание того или иного словосочетания или текста в целом в соответствии с замыслом их автора. Смысловом различительная функция позволяет выделять наиболее важные детали, акцентировать внимание на нюансах и интерпретировать значение слова в зависимости от ситуации, контекста, практики употребления и т. п. В целом именно благодаря смысловом различительной функции возможна корректная и точная передача информации.

Первопричиной актуализации проблемы смысловом различии в процессе лингвистической экспертизы становится следующее.

В соответствии с ГК РФ не допускается регистрация обозначений, сходных до степени смешения с ранее зарегистрированными в качестве товарных знаков [3].

Методика исследования товарных знаков на предмет сходства до степени смешения хорошо отработана, между тем выявляется целый ряд моментов, провоцирующих субъективность в процессе такого экспертного исследования. Так, например, до сих пор не решен вопрос об алгоритме сопоставления на предмет сходства до степени смешения составных однословных и составных обозначений (или двух составных обозначений).

В соответствии с одной из методик сопоставления таких обозначений, определяется сильный элемент составного обозначения, а затем осуществляется сопоставление однословного обозначения с сильным элементом составного обозначения (каким образом это осуществляется на практике см. более подробно в: [4: 133–141; 5: 292–301]).

Основным критерием разграничения сильных и слабых элементов является их различительная способность. Сильные элементы — это те элементы, которые несут главные различительные черты.

В лингвистике вопрос о различительной способности того или иного элемента в составном обозначении перерастает в вопрос о смысловом различительной способности соответствующих лексем.

Как справедливо пишет А. Н. Баранов, «...сильные и слабые элементы товарных знаков характеризуют способность к смысловом различию, что представляет собой важнейшую характеристику любых знаков в семиотической системе» [2: 21].

В контексте обсуждения словесных товарных знаков следует заметить, что именно благодаря смысловом различительной функции становится

возможной передача адресату речи (потенциальному потребителю) необходимой (желаемой) информации об объекте номинирования.

С нашей точки зрения, именно тот элемент составного обозначения, который несет главные смысловоразличительные черты, и следует трактовать в качестве сильного элемента.

При этом определение элемента, несущего основные смысловоразличительные черты, необходимо осуществлять в контексте ситуации или коммуникативной задачи.

В целом при определении элемента словосочетания, несущего главные смысловоразличительные черты (сильного элемента), с нашей точки зрения, следует руководствоваться следующими соображениями.

- Понятие сильного элемента обозначения и главного слова соответствующего словосочетания есть понятия нетождественные: сильный элемент и главное слово в словосочетании могут в отдельных случаях как совпадать, так и не совпадать. Несовпадение сильного элемента и главного слова в словосочетании имеет место быть в тех случаях, когда зависимое слово в словосочетании коррелирует со значимым концептом в контексте обсуждаемой проблемы, в контексте решения определенной коммуникативной задачи.

Например, в упоминаемых ранее обозначениях-словосочетаниях «Бархатные ручки» и «Бархатная нежность» главными словами словосочетаний являются *ручки* и *нежность* соответственно. Элементы *бархатные* (*бархатная*) — зависимые элементы. Между тем в контексте номинирования крема для рук в качестве сильных элементов следует трактовать элемент(ы) *бархатные* (*бархатная*) как выполняющих основную смысловоразличительную функцию в контексте решения определенной коммуникативной задачи по реализации крема для рук, что было справедливо подтверждено решением Арбитражного суда Свердловской области.

- Методика выявления сильного элемента в словосочетании заметно отличается от методики выявления главного слова в словосочетании.

Так, методика выявления сильного элемента (элемента, несущего главные смысловоразличительные черты) сводится к поиску элемента, замена которого на любой другой элемент искажает информационный замысел адресанта (слабый же элемент можно заменять без существенной потери смысла) (в отдельных же случаях слабый элемент может быть опущен в принципе без существенной потери смысла, чего нельзя сказать о сильном элементе).

- Феномен сильного элемента хорошо коррелирует с лингвистическим представлением о сильной и слабой лексической позиции в тексте.

• Наконец, сильный элемент может располагаться как на первом, так и на втором месте в словосочетании, в том числе товарном знаке или другом коммерческом обозначении.

Например, в упоминаемом ранее обозначении «Бархатная нежность» сильным элементом оказывается элемент *бархатная*, а в обозначении «ВЗРЫВ КУХНИ» в контексте наименования салона кухонной мебели сильным элементом оказывается элемент *кухни*. Иными словами, в первом примере сильный элемент располагается на первом месте в словосочетании, во втором случае — на втором.

Продemonстрируем предложенный подход на примере проведенного нами в 2023 году исследования обозначений «WHITE AURORA» и «AVRORA» (в ходе которого перед экспертом был поставлен вопрос: присутствуют или не присутствуют в обозначениях «WHITE AURORA» — с одной стороны, и «AVRORA» — с другой стороны, зарегистрированных для стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи, факторы, препятствующие возникновению их сходства до степени смешения?).

Для ответа на поставленный вопрос необходимо осуществить анализ представленных на исследование обозначений, одно из которых (а именно «WHITE AURORA») — составное обозначение, а второе («AVRORA») — однословное.

Исследование возможных факторов, препятствующих, или, наоборот, способствующих возникновению сходства до степени смешения этих обозначений сводится, как это уже отмечалось выше, к определению сильного и слабого элементов обозначения «WHITE AURORA».

Определим с опорой на приведенные выше соображения сильный элемент в обозначении «WHITE AURORA».

Итак, какой элемент в сочетании *white aurora* несет основные различительные черты?

Для ответа на этот вопрос предпримем попытку последовательно заменить каждый элемент словосочетания неким другим элементом и оценить степень информативности полученного в каждом случае результата в контексте оказания стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи.

Замена первого элемента словосочетания дает следующие варианты: *white aurora* → *dark aurora* → *red aurora* → *yellow aurora* и т. д.

Замена второго элемента словосочетания дает следующие варианты: *white aurora* → *white dew* → *white snow* → *white step* и т. д.

Совершенно очевидно, что утрата элемента *white* в контексте оказания стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи лишает сочетание *white aurora* информативности и препятствует решению коммуникативной задачи по предложению соответствующего вида услуг.

Утрата же элемента *aurora* изменяет словосочетание, но никак не препятствует реализации коммуникативной задачи по предложению стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи (поскольку неизбежно генерируются ассоциации *белые зубы*, *белый халат врача*, *белый как чистый*, *стерильный* и т. п. в условиях неизменного в данном случае элемента *white*).

Из этого следует, что элемент *white* в сочетании *white aurora* и, соответственно, в обозначении «WHITE AURORA» можно трактовать как сильный элемент.

Элемент же *aurora* как наименее информативный в контексте обсуждения стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи может трактоваться лишь как слабый элемент обозначения.

Заметим, что в анализируемом обозначении-словосочетании в контексте оказания стоматологических услуг и услуг по зубоврачебной помощи элемент *aurora* может быть опущен в принципе без существенной потери информативности и общего смысла, а также без принципиальных ошибок в решении соответствующей коммуникативной задачи (чего нельзя сказать об элементе *white*), что свидетельствует о том, что элемент *white* находится в сильной лексической позиции с соответствующей высокой смысловой насыщенностью, что только подтверждает сформулированный выше вывод.

В целом проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- смысловое различие следует считать основным критерием различения сильных и слабых элементов в лингвистической экспертизе товарных знаков;
- определение элемента, несущего основные смысловые различительные черты, необходимо осуществлять в контексте ситуации или коммуникативной задачи.

Литература

1. Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/716060607> (дата обращения: 06.05.2024).
2. Баранов А. Н., Грунченко О. М. Семантическое сходство как один из аспектов лингвистической экспертизы товарных знаков // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Vol. 15.1. P. 17–41.
3. Гражданский Кодекс РФ, часть четвертая (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. Российская газета, № 289, 22 декабря 2006 г., вст. в силу с 1 января 2008 г.).

4. Новичихина М. Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 133–141.
5. Новичихина М. Е. Еще раз об определении сильного элемента в составном обозначении (по материалам одной лингвистической экспертизы // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48). С. 292–301.

М. Е. Novichihina

Meaning distinction in trademark linguistic examination

Abstract: the work is devoted to the issues of linguistic examination of a trademark. The following conclusions are substantiated: 1) meaning distinction is the main criterion for distinguishing key and non-key elements in such an examination; 2) identification of an element with the main meaning distinction features should be carried out in the context of a communicative task.

Keywords: trademark, linguistic expert examination, confusing.

Е. В. Новожилова

эксперт-лингвист

АНО «Многофункциональный центр экспертиз»

Москва, Россия

elena.v.novozhilova@yandex.ru

Передача знаний эксперта-лингвиста как философская проблема

Аннотация: наше доверие эксперту-лингвисту должно быть на чем-то основано. И в этой связи ключевой проблемой судебной лингвистической экспертизы в России считается проблема передачи специальных знаний — обучения экспертов. Но как правило она обсуждается без дифференциации объекта, субъекта и способа трансляции знаний. В статье три этих аспекта разделены, и область лингвоэкспертного знания сопоставляется с известными моделями эпистемологии: научные парадигмы (Т. Кун), научно-исследовательские программы (И. Лакатос), типы передачи знаний (М.К. Петров). Такое сопоставление дает внешнюю общепhilosophическую картину, которая существенно отличается от представлений экспертов-лингвистов о самих себе. Это дает возможность улучшить как сами знания, так и процедуру обучения им.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, знания, обучение, философия науки, эпистемология, парадигма, научно-исследовательская программа.

1

Важнейшей чертой экспертизы считается ее научный фундамент: с него начинается наше доверие эксперту-лингвисту. Судебная экспертиза научна — таково ее общепринятое понимание, отраженное в профильном законе: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе» [15: 8]. В любом рассуждении, в т. ч. и об обучении экспертов, научность самого знания сомнению не подвергается — может быть, только в модусе недобросовестности отдельных персон и исправления отдельных ошибок, то есть как исключение из правил; в целом же должное и действительное тут будто бы совпадают, и научность лингвоэкспертного знания представляется всем априорной.

В отличие от нее передача знания мыслится как остроактуальная дискуссионная тема. В российской теории и практике судебной лингвистики большинство согласно, что здесь есть много нерешенных проблем. Проблемы обычно обсуждаются в комплексе — без дифференциации

объекта, субъекта и способа трансляции знаний. (Или же обсуждается пара субъект-способ: кого можно и нужно учить, какой режим преподавания целесообразнее, как контролировать усвоение знаний и последующее их применение на протяжении всей карьеры эксперта-лингвиста.) Но эту статью мы начнем с тезиса, что передачу знания невозможно обсуждать без обсуждения его научности. Для этого всю тему стоит разделить — и обратиться сначала к объекту, то есть к самому передаваемому знанию.

Что же передается на самом деле? Каково в действительности лингво-экспертное знание, научно ли оно? Или это «попытка навязать природе те концептуальные рамки, которые дало профессиональное образование» [8: 28]?

Во всяком случае оно не чуждо науке — а значит, о нем возможно рассуждать с позиций философии науки, с позиций эпистемологии. Для оценки его качеств сопоставим его с известными в эпистемологии моделями существования знания.

2

В модели Т. Куна научная парадигма — понимаемая в широком смысле матрица мышления и поведения (теории, практики, академические стандарты, мировоззрение и пр.). По Куну, парадигмальное знание развивается циклами. На первой стадии — нормальной науки — каждое новое открытие поддается объяснению с позиции принятой теории, область познанного расширяется и уточняется, а задачи решаются имеющимися средствами более или менее стандартно («головоломки»). На стадии экстраординарной науки учащаются аномалии — необъяснимые факты и отношения, множатся альтернативные теории, усиливается противоборство научных школ, ученые недовольны и могут обращаться за помощью вовне (например, к философии). И, наконец, на стадии научной революции формируется новая парадигма взамен старой.

Современное состояние судебной лингвистики — это обилие противоречий и аномалий. Рассмотрим как пример категорию объекта лингвистической экспертизы.

Объекты класса судебного речеведения — это «зафиксированные на любом материальном носителе продукты речевой деятельности, используемые в судопроизводстве в качестве источников доказательств» [4: 14]. Для устной речи продуктом является ее аудио- или видеозапись на материальном носителе, например на диске, флеш-накопителе, карте памяти и пр. Следовательно, существует продуктивная речевая деятельность (с записью) и непродуктивная (без записи). А сама процедура записи и последующей обработки речи, как неотъемлемая

часть создания продукта, тоже входит в речевую деятельность, хотя зачастую говорящий и записывающий — это разные люди, никак не связанные друг с другом.

Письменная речь, в отличие от устной, не деятельность, а сразу ее продукт. Эта диспропорция в частной теории судебной лингвистической экспертизы не объясняется. Кроме того, продуктом речевой деятельности считается и собственноручно написанный текст, и наравне с ним репост, хотя при репосте выполняется лишь одно действие — нажатие кнопки; здесь может не быть даже рецептивного речевого действия (чтения). Таким образом, нажатие кнопки является речевой деятельностью. И это не самое удивительное: в случае вербально-визуальных продуктов вся работа по их созданию может проходить в графической компьютерной программе — но считаться речевой деятельностью.

Второй термин для обозначения объектов — текст, «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [5: 1]. Разница между текстом и продуктом речевой деятельности не осмыслена, и два понятия употребляются взаимозаменяемо, как полные синонимы, хотя одно из них описывает материальный объект, а второе — нематериальный.

«Текст» и «знак» принято понимать максимально широко, но даже и тогда находятся объекты, не удовлетворяющие определению текста. Это вербально-визуальные произведения с основой — статическими изображениями, где совокупность знаков не образует последовательности: карикатуры, коллажи, мемы и т. п. Такие произведения не являются текстами — а «нетекст не может выступать объектом судебной лингвистической экспертизы» [3: 98]. Так считает теория, хотя практика движется в противоположном направлении.

Ключевые признаки текста как объекта — связность и цельность. Однако «Цельность текста не определима лингвистически» [3: 98]. Получается, что эксперт-лингвист не в состоянии ответить на самый первый вопрос своего исследования — его объект находится перед ним или нет.

Подобные противоречия есть в каждом аспекте лингвоэкспертной теории — это плоды ситуации, когда долгое время путаница прирастала быстрее достоверности, а «корректировка расхождения в одном месте влекла за собой появление расхождения в другом» [8: 102]. По Куну, это яркий признак экстраординарной стадии. Он безоценочный (само по себе обилие аномалий — не хорошо и не плохо), но говорит о возможном скором упразднении данной научной парадигмы и о близости революции.

Другой признак экстраординарной стадии — недовольство и активное обсуждение формализованных правил: «равнодушие к ним должно

исчезать всякий раз, когда утрачивается уверенность в парадигмах или моделях» [8: 78]. К таким правилам относятся и регламент обучения и аттестации экспертов-лингвистов, и контроль за их работой. И если знать философскую подоплеку дискуссии, то в ней стоит задавать вопросы не «как учить» и «кого учить», и не «надо ли учить аномалиям» (всегда надо, ведь аномалии в той или иной мере свойственны любому знанию), а «как преподавать сплошь аномальное знание» и «точно ли надо учить тому, что скоро будет отброшено».

Еще один признак близкого кризиса — противоборство научных мнений. Его удобнее объяснить в рамках другой эпистемологической модели — научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

3

В этой модели любая исследовательская программа состоит из ядра (аксиом и достаточно подтвержденного знания) и защитного пояса *ad hoc* гипотез. Ее движение обеспечивают положительная и отрицательная эвристики — два набора методологических правил, «указывающие, каких путей исследования нужно избегать» и «указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти» [9: 359]. Отрицательная эвристика запрещает применять рассуждение от противного к утверждениям, включенным в ядро, — чтобы было невозможно сразу фальсифицировать программу и отбросить ее целиком. Вместо этого в защитном поясе появляется новая *ad hoc* гипотеза. А положительная эвристика обеспечивает регулярность и предсказуемость исследования, предвосхищает и опровергает аномалии; она играет ключевую роль в научном прогрессе.

В связи с лингвистической экспертизой можно выделить, с некоторой долей условности, несколько научно-исследовательских программ.

1. «Чистая лингвистика» — в ее ядре представление о лингвистической экспертизе как отрасли прикладной лингвистической науки. Заключение эксперта «требует адаптации проведенного научного исследования таким образом, чтобы аргументация лингвиста-эксперта была понятна окружающим, а ссылки на литературу не пугали неофитов, коими по большей части и являются участники судебного процесса» [1: 21].

2. Экспертно-криминалистическая программа, в ядре которой представление о лингвистической экспертизе как роде судебных экспертиз. Здесь, как и в общей теории судебной экспертизы, процедура экспертного исследования — не научное, а практическое действие на научной основе.

Промежуточное положение занимают лингвисты РФЦСЭ (Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России): они разделяют позицию экспертно-криминалистической программы, но допускают свободу обращения с объектами, приближенную

к научной, и возможность воздействия на объект (метод синонимических преобразований [13: 42]).

Две другие платформы — внешние по отношению к судебной экспертизе, то есть это или исследовательские программы иных отраслей, или общеразделяемые мнения. Однако они могут прямо или косвенно влиять на экспертизу.

3. Процессуалистская программа, которая рассматривает любую экспертизу в ряду элементов судебного процесса. Это программа одной из юридических наук — процессуального права. В ее ядре — тезис о различии эксперта и специалиста [11: 75–97]. Идея различия появилась в результате гипостазирования, опредмечивания процессуального статуса эксперта и специалиста, она ведет к разделению судебной лингвистики надвое.

4. «Нигилистское» представление о том, что судебная лингвистика избыточна, излишня и часто выступает как «доказательство очевидного» [12: 4], ведь русским языком владеют все участники судопроизводства, а если не все — то нужно звать переводчика.

В нормальной науке плодотворное существование программ — это работа (а иногда взаимодействие или конкуренция) их положительных эвристик. А успешность программы определяется ее способностью объяснять факты и предсказательной силой.

Положительная эвристика «чистых лингвистов» совпадает с академической лингвистикой. При этом она ожидаемо противоречит основным запретам судебной экспертизы — на самостоятельную постановку проблемы, на самостоятельный поиск материала, на выбор и изменение исследовательского коллектива, на произвольный выбор методов, на изменение объекта, на научную новизну как ненадежность, на интерпретацию и т. д. Мало что может пройти столь мощный фильтр и попасть в методический оборот и общую экспертную практику. Поэтому положительная эвристика этой программы крайне ограничена.

Второй ограничивающий фактор следует из идеи, что лингвистическая экспертиза — это научное исследование, решающее каждый раз новую проблему, и потому невозможно типизировать задачи и нет сугубой нужды в проработке воспроизводимости результатов. (Именно поэтому в «чистой лингвистике» акцент смещен на познающего: считается, что эксперту должны быть по плечу сложные и нетипичные задачи, что он прежде всего должен иметь подтвержденный опыт научных побед над неизвестным — ученую степень.) То есть ядром этой программы не предусмотрены экспертные методики. Также не предусмотрены (не существуют в ядре) важнейшие общеэкспертные концепции — совместимость методов и достаточность признаков. Вследствие этого научная мысль

продуцирует только *ad hoc*. Плоды положительной эвристики здесь существуют в виде научных статей и — в лучшем случае — методических рекомендаций, они разрознены и малосовместимы друг с другом, изобилуют неснятыми противоречиями. Использование этих публикаций вместо методик приводит к противоречиям в выводе экспертизы — поэтому с таким использованием борется движение за унификацию методик.

Положительная эвристика экспертно-криминалистической программы направляется потребностями и запросами правоприменительной практики: это вечный двигатель всех судебных экспертиз. Однако в ядре программы нет основных теоретических категорий, от которых производны все остальные, — объекта, задачи и признака. Представления об объекте лингвистической экспертизы, как показано выше, аномальны и принадлежат к защитному поясу *ad hoc* гипотез. Представления об экспертной задаче, с одной стороны, базируются на правовой классификации задач — это выход за пределы экспертной компетенции в сферу права уже в самой теории, то есть несомненная аномалия. С другой стороны, диагностическая лингвоэкспертная задача как отнесение диагностируемого объекта к классу объектов как диагностирующему объекту противоречит теории криминалистической диагностики — старшей и более широкой научной области, следовательно, это тоже аномалия. То есть существенная часть знания о лингвоэкспертной задаче также находится в области *ad hoc*. Что же касается лингвистического признака — подобной категории в программе вообще нет, и само его отсутствие создает противоречие со всем массивом криминалистического и судебно-экспертного знания, предписывающего на всех уровнях оперировать именно признаками. Такое противоречие будет уводить любые потенциальные субституты признака в область защитного пояса. (Субститутами, например, являются ДК — диагностические комплексы, которые по общей теории судебной экспертизы должны быть наборами лингвистических признаков, но в реальности могут не содержать ни одного.) Таким образом, любые новые знания в пределах этой программы будут приводить только к увеличению защитного пояса (отрицательная эвристика). Ядро программы пока не сформировано в достаточной степени, и положительная эвристика вряд ли возможна.

Интересно, что ядро обеих программ содержит мысль о языкознании как приоритетном или даже единственном источнике лингвоэкспертного знания: «Судебная лингвистическая экспертиза всегда представляет собой лингвистическое исследование текста» [3: 18], ее «следует рассматривать в ряду дисциплин прикладной лингвистики», в ней «так или иначе затребованы почти все разделы теории языка» [2: 11, 18], хотя основной все же — «семантический вектор развития» [13: 7].

Это порождает затруднения и *ad hoc* построения, если требуется применить знания из областей теоретической поэтики и текстологии, например, определить количество речевых объектов, их структуру или жанр.

Таким образом, обе программы работают почти исключительно на накопление противоречий и аномалий. В этой модели лингвоэкспертное знание не просто аномально, но и слабо способно к развитию: положительные эвристики ослаблены.

Впрочем, накопление противоречий есть тоже путь развития знания (прогрессивный сдвиг, по Лакатосу) — если в дальнейшем эти противоречия можно будет разрешить, снять. И здесь выходит на первый план концепция, предложенная В. О. Кузнецовым (РФЦСЭ) и равно доступная для обеих программ, — концепция экспертных понятий. Экспертное понятие как терминоведческая единица занимает в ней «промежуточное положение между лингвистическими феноменами и юридическими терминами» [6: 20]. Но это не просто работа с терминологией. Если ранее утверждалось, что язык судебной экспертизы выступает «средством реализации научного и практического мышления, обусловленного методологией судебной экспертизы» [14: 651], то есть язык это производное от методологии, которая в свою очередь производна от основных категорий экспертизы (объекта, задачи и признака), — то теперь предлагается противоположное. Процедура создания экспертных понятий начинается с толкования норм права, а до конечной станции — до лингвистических феноменов с соответствующими признаками — не доходит. «В случае формулировки правовой нормы в лингвистических понятиях эти нормы в результате экспертологического анализа непосредственно трансформируются в экспертные понятия», «В случае формулировки нормы без использования лингвистического понятия <...> на первом этапе анализа необходимо уяснение того, что понимает под этим правовым понятием законодатель, правоприменитель, т. е. определение правового содержания речевого действия. Такая информация может содержаться в диспозиции нормы, Постановлениях Пленума, а также определениях Верховного Суда Российской Федерации и др. Далее выявленная информация о правовом содержании речевого действия соотносится с имеющимися в базовой науке лингвистическими понятиями, после чего выводится судебно-лингвистическое экспертное понятие» [7: 96, 98–99]. Оно становится новым предметом экспертизы — то есть основной ее категорией — и подменяет собой экспертную задачу. Предлагается новое основание для классификации — «характер экспертных вопросов и юридическое значение заключения эксперта. По этому основанию возможно выделение так называемых предметных видов экспертизы, связанных с тем или иными экспертными понятиями, составляющими

частные предметы конкретных видов данного рода экспертизы. Исходя из представленных в УК РФ норм, отображающих речевые преступления, можно выделить, например, следующие предметные виды судебной лингвистической экспертизы в уголовном процессе: экспертиза по делам об оскорблении, экспертиза по делам о клевете, экспертиза по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, экспертиза по делам об оскорблении религиозных чувств верующих, экспертиза по делам об угрозе, экспертиза по делам о вымогательстве, экспертиза по делам, связанным с противодействием коррупции, экспертиза по делам о реабилитации нацизма <...>» [6: 22]. На схеме, иллюстрирующей концепцию, экспертное понятие принадлежит к объективной стороне преступления [7: 96]. Это не только максимально широкая экспансия права в экспертизу. В эпистемологическом отношении важнее, что такое создание в экспертной области коррелятов для каждого юридического понятия и мозаичное заполнение ими теории и практики экспертизы — это работа *ad hoc* (отрицательная эвристика). Принцип *ad hoc* предлагается здесь в качестве главного методологического принципа судебной лингвистики. По Лакатосу, это кратчайший путь к насыщению защитного пояса программы аномалиями и к отказу от всей программы. А значит, и «чистая лингвистика», и экспертно-криминалистическая программа, приняв эту концепцию, обеспечат себе скорый регресс.

4

Если модели Т. Куна и И. Лакатоса преимущественно посвящены самому знанию, то модель М. К. Петрова интегрирует и знание, и его субъектов (учителя и ученика), и механизм передачи. В этой модели есть три типа кодирования и передачи знаний:

А. Лично-именной тип. Знание состоит из личных умений, интуиции, отдельных суждений о мире, из алгоритмов поведения в типизированных ситуациях коллективного действия (добывание пищи, социальные ритуалы). Структурно оно концентрируется вокруг особых знаков — *имен*, имя — это своеобразная ячейка матрицы и «знак, включающий индивида в социальность» [10: 97]. Для хранения и трансляции знания используется коллективная память (память старцев), оно связано воедино мифом и повторяющимися коллективными действиями, а «переписать» его можно лишь особым ритуалом. Понятно, что вместимость такого резервуара очень ограничена, сохранить в нем можно лишь то, что прямо и постоянно применяется в повседневной жизни социума. Социум небольшой и закрытый, учителями выступают все его старшие члены, учениками все младшие, главный акт передачи знания — ритуал посвящения ученика.

Б. Профессионально-именной тип. Здесь каждое имя, информационная ячейка, может вместить большое количество людей («массовое программирование индивидов в одно имя» [10: 105]) и становится именем для группы коллег, объединяя и направляя ее усилия. Характер такого знания — специализированные навыки, рецепты, мануалы, некоторая его часть оформлена в виде комплекса текстов (хотя коллективная память тоже задействуется). Оно равно доступно каждому в ячейке и образует «единый для общности профессионалов текст типизированных ситуаций и способов их социально значимого решения силами индивида» [10: 106]. Ячейка живет за счет использования эмпирических знаний. Для правильной их передачи необходим тщательный отбор учеников-преемников и длительный контакт их с учителем в закрытой и изолированной среде (чтобы исключить бесконтрольное распространение информации и обучение неподходящих людей). Знание такого типа высоко ценится и передается следующим поколениям внутри семьи, цеха, гильдии — то, что называется наследственным профессионализмом.

В. Универсально-понятийный тип. Знание объективировано, его содержание выражается формулой *всеобщее + частное*: универсальные навыки, т. н. навыки всеобщего распределения, и нестандартные ситуации, не поддающиеся полной типизации и выработке алгоритма решения (то, что нельзя описать как навык). Предмет знания может быть абстрактным и передаваться универсалиями. Объем информации почти безграничен — задействованы все технические возможности общества. Субъект познания не регламентируется, потенциально информация доступна для всех, и освоить ее могут те, кто способен мыслить, вести познавательную деятельность. Роли и учителя, и ученика в некоторой степени безличны. Но передача знаний предполагает весьма сложные субъект-субъектные отношения: в социуме постоянно действуют информационные каналы, которые используются и для трансляции знания, и для его преобразования в процессе передачи; кроме того, действуют отдельный механизм введения знаний в практику и отдельный же механизм социального контроля за функционированием знаний («дисциплины “второго поколения”» [10: 155]).

Современные взгляды на проблему обучения экспертов-лингвистов обобщенно таковы: следует усиливать специализацию, регулировать отбор учеников, ужесточать требования к ним и к процедурам обучения и аттестации, ограничивать оборот методической литературы. Это поразительно напоминает профессионально-именной тип передачи знаний по Петрову. Однако так передавалось донаучное, дотеоретическое знание в культурах Античности и Древнего Востока. Возникновение научного знания потребовало иного типа передачи.

5

Итак, оценка научных качеств лингвоэкспертного знания дала неожиданные результаты:

- это знание аномально и, возможно, скоро будет упразднено;
- способность его к развитию слабая;
- предпочитаемая модель передачи знания более всего соответствует донаучной.

Такие результаты проблематизируют саму возможность трансляции лингвоэкспертного знания как научного. В академических областях в подобных ситуациях, когда решение не просматривается даже на горизонте, обычно заявляют отказ от проблемы: она «снабжается соответствующим ярлыком и оставляется в стороне в наследство будущему поколению в надежде на ее решение с помощью более совершенных методов» [8: 121].

Проекция философии науки на лингвистическую экспертизу полезна как объективный взгляд сверху, из метапозиции. Объективность здесь обеспечивается привлечением эпистемологии; если же рассуждения автора субъективны, то допустимо и желательно делать любые поправки и дополнения по фактам, что, возможно, изменит общую картину. Конечно, вслед за Гегелем и Лакатосом следует добавить — «рациональность работает гораздо медленнее, чем принято думать, и к тому же может заблуждаться. Сова Минервы вылетает лишь в полночь» [9: 435]. Но важно в принципе не забывать о философском аспекте любой науки — и лингвистической экспертизы в том числе. Такая проекция важна для адекватного и критичного понимания общих перспектив, которые могут быть у лингвоэкспертного знания. Из них можно делать в качестве частных любые методические и практические выводы, чтобы затем выбирать приоритеты, постепенно улучшать и само знание, и обучение ему, и повседневную работу эксперта.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГ У. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. 592 с.
3. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.
4. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма: Инфра-М., 2022. 320 с.
5. ГОСТ Р 70003–2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. М.: Российский институт стандартизации, 2022. IV, 7 с.

6. *Кузнецов В. О.* Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: автореф. ... дис. канд. юр. наук. М., 2021. 26 с.
7. *Кузнецов В. О.* Судебная лингвистическая экспертиза: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 352 с.
8. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
9. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект: Трикта, 2008. 475 с.
10. *Петров М. К.* Язык, знак, культура. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
11. *Расулова Н. С., Россинский С. Б.* Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 176 с.
12. *Резник Г. М.* Предисловие юриста // Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 3–5.
13. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и др.; под ред. С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
14. *Толстухина Т. В., Светличный А. А., Панарина Д. В.* Терминологические проблемы языка межотраслевого института судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 647–652.
15. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

E. V. Novozhilova

Transfer of forensic linguistic knowledge as a philosophical problem

Abstract: we need to have a basis for our trust in an expert linguist. In this regard, the main problem of forensic linguistics in Russia is considered to be the transfer of skills and professional knowledge. But as a rule, it is discussed without differentiating the object, the subject, and the method of transmitting knowledge. In the article, the author separates these three aspects and compares the field of forensic linguistics with well-known epistemology models: scientific paradigms (T. Kuhn), research programs (I. Lakatos), and types of knowledge transfer (M. K. Petrov). Such a comparison gives an external general philosophical view, significantly different from the ideas of linguistic experts about themselves. This view makes it possible to improve the knowledge and the teaching procedure.

Keywords: forensic linguistics, knowledge, teaching, philosophy of science, epistemology, scientific paradigm, research program.

Т. Б. Радбиль

*доктор филологических наук,
профессор ФГАОУ ВО «Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»
Нижний Новгород, Россия
timur@radbil.ru*

С. И. Красса

*кандидат филологических наук,
эксперт Ассоциации «Центр
независимых экспертиз»
Ставрополь, Россия
skrassa@mail.ru*

Моделирование диалога с ChatGPT в лингвоэкспертном исследовании словесных обозначений товарных знаков

Аннотация: в работе рассматриваются возможности и границы применения искусственного интеллекта в лингвоэкспертном анализе словесных обозначений товарных знаков на предмет их тождества или сходства до степени смешения посредством эксперимента по моделированию диалога эксперта с ChatGPT с использованием реальных вопросов к эксперту.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, диалог с ChatGPT, лингвистическая экспертиза, словесные наименования, товарные знаки.

В настоящее время в лингвоэкспертологии активно обсуждается проблема возможностей использования искусственного интеллекта в разных аспектах экспертной практики лингвиста. В ряде работ речь идет даже о формировании новой частной теории экспертологии — теории цифровизации судебно-экспертной деятельности» [8: 23], включающей два направления: использования ИТ-технологий в экспертных исследованиях и анализ объектов, связанных с компьютеризацией (файлов, электронных документов, изображений и т. п. и их носителей) [7]. Возможно, в наше время говорить о целостной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности несколько преждевременно, учитывая общенаучные требования к построению теории и метода, изложенные, в частности, в работах П. Б. Паршина [5: 25]. Однако не вызывает сомнения, что присутствие постоянно совершенствующихся моделей нейросетей в самых разных областях социальной действительности, науки и культуры формирует новые вызовы и очерчивает инновационные проблемные области и в работе эксперта-лингвиста.

Рассматривая применение искусственного интеллекта в судебной экспертологии, Е. В. Чеснокова и соавторы полагают, что перспективы

развития технологий искусственного интеллекта в судебной экспертизе связаны с обработкой больших данных, их достоверностью, оценкой пригодности применяемой методологии обучения, анализом результатов работы технологии искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности. Справедливо отмечается, что одной из перспективных является технология генерирования и распознавания текстов [9].

С другой стороны, Е. И. Галяшина выражает опасения, что с помощью искусственного интеллекта можно производить замещение продуктов речемыслительной деятельности человека искусственно созданными семиотическими продуктами. В связи с этим в речеведческих экспертизах на первый план выступает задача — определить, не содержит ли представленный на экспертизу речевой объект синтезированную устную речь или искусственно генерированный письменный текст. Для решения этой задачи необходимы инструменты детектирования искусственно созданного семиотического продукта независимо от языка, тематики и жанрово-стилистической принадлежности [2].

В целом необходимо отметить, что в любом случае использование искусственного интеллекта в судебной лингвоэкспертологии должно опираться на общепринятые принципы оценки валидности заключения эксперта посредством таких его свойств, как относимость, допустимость, достаточность, достоверность и проверяемость, рассматриваемых в правовом и специальном (лингвистическом) аспектах, как это отражено в нашей работе [3]. При этом, на наш взгляд, применению моделей внедрения искусственного интеллекта в экспертную практику лингвиста как специальной методики исследования должна предшествовать экспериментальная работа с решением реальных лингвоэкспертных задач, опыт обобщения которой может способствовать определению возможностей и границ использования искусственного интеллекта в лингвоэкспертной практике.

Исходя из вышеприведенных методологических соображений, в настоящей работе мы представляем одно из возможных направлений в применении искусственного интеллекта в лингвоэкспертной практике, а именно — эксперимент по моделированию диалога с ChatGPT в лингвоэкспертном исследовании словесных обозначений товарных знаков. Задача предлагаемого экспериментального исследования — оценить возможности искусственного интеллекта в формировании экспертных выводов о наличии или отсутствии тождества или сходства до степени смешения для сопоставляемых словесных обозначений, а именно — насколько они сходятся или расходятся с выводами экспертов, полученными путем применения стандартных методик оценки тождества или сходства до степени смешения, а также инновационных методик.

В проведении эксперимента по использованию искусственного интеллекта в лингвоэкспертном исследовании мы опираемся на работу [1], в которой авторы описывают проведенные ими эксперименты по применению ChatGPT в области экономики. Авторы проводят анализ преимуществ и ограничений, связанных с ChatGPT, дают рекомендации для его использования в научной (и лингвоэкспертной, добавим мы) работе.

Для нашего эксперимента используется ChatGPT — чат-бот с генеративным искусственным интеллектом, разработанный компанией OpenAI и способный работать в диалоговом режиме. Он поддерживает запросы на естественных языках, способен отвечать на вопросы, генерировать тексты на разных языках, включая русский, по различным предметным областям. Как известно, ChatGPT — большая языковая модель, для тренировки которой использовались методы обучения с учителем и обучения с подкреплением. В эксперименте была задействована следующая версия чат-бота: ChatGPT НА РУССКОМ: <https://trychatgpt.ru>.

Суть предлагаемого нами эксперимента — моделирование диалога с искусственным интеллектом посредством постановки перед ним реальных вопросов, поставленных перед лингвистом-экспертом в реальном лингвоэкспертном исследовании на предмет установления возможного тождества или сходства до степени смешения двух реально существующих словесных обозначений товарных знаков.

Так, был сделан запрос по поводу лингвистического экспертного исследования словесного обозначения «**Геофлакс**», поданного на регистрацию в РФ в качестве товарного знака, на предмет его возможного тождества или сходства до степени смешения со словесным обозначением «**GEOFLEX**», ранее зарегистрированным в качестве товарного знака.

В рамках данного лингвоэкспертного исследования сначала были сформулированы промежуточные вопросы, направленные на анализ наличия или отсутствия сходства сопоставляемых словесных обозначений по различным уровням языковой системы, в соответствии с «Правилами составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания», согласно которым при определении тождества или сходства обозначений до степени смешения исследуются: звуковое (фонетические), графическое (визуальное), ассоциативное и смысловое (семантическое) сходство обозначений, а также исследуется значимость положения, занимаемого тождественным или сходным элементом в заявленном обозначении. Далее по ходу экспериментального исследования вопросы уточнялись и конкретизировались в зависимости от хода диалога эксперта с ChatGPT.

В соответствии с этим, в моделировании диалога с искусственным интеллектом в лингвоэкспертном исследовании словесных обозначений товарных знаков были выделены следующие этапы.

І этап

Чат-боту задаются стандартные вопросы по методике исследования наименования товарного знака. Вопросы имеют отношение к реальному анализу словесных наименований (ответы чат-бота выделены курсивом).

Вопрос 1. Являются ли сходными в фонетическом отношении наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX**? Если да, то в какой мере? Возможно ли выразить сходство в числовом отношении?

Наименования Геофлакс и GEOFLEX в фонетическом отношении довольно сходны, поскольку оба имеют общую основу и звучат похоже. Однако, различия в написании (буквы “ф” и “х”) могут делать эти слова звучащими немного по-разному.

Комментарий 1.1. Чат-бот демонстрирует фактическую неточность: во-первых, общность основ приводит к фонетическому сходству в той или иной мере, однако это имеет отношение к анализу объектов в морфемно-словообразовательном, а не фонетическом аспектах. Кроме того, искусственный интеллект подвержен эффекту «возвышения» письма над устной формой речи, в принципе, довольно частом заблуждении и в среде представителей «естественного» интеллекта, от которого искусственный интеллект, наверное, перенял это заблуждение. Тем более, что буквы «ха» в наименованиях нет, есть буква «экс».

Выразить точное числовое сходство в данном случае сложно, так как фонетический анализ обычно проводится субъективно на основе субъективных восприятий. Однако можно сказать, что данные наименования могут быть оценены на сходство примерно на 70–80%.

Комментарий 1.2. Числовое различие, по подсчетам искусственного интеллекта и по данным эксперта, соответственно, 70–80% и 40,55%, практически в 2 раза. По мнению искусственного интеллекта, «фонетический анализ обычно проводится субъективно на основе субъективных восприятий». Это довольно странный посыл, по этому поводу искусственному интеллекту будет задан вопрос на втором этапе.

Вопрос 2. Являются ли сходными в графическом отношении наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX**? Если да, то в какой мере? Возможно ли выразить сходство в числовом отношении?

Наименования Геофлакс и GEOFLEX в графическом отношении являются очень сходными, так как различаются только в расстановке заглавных и строчных букв, но имеют одинаковые буквенные составы.

Оба слова выглядят почти идентично при первом взгляде. Можно сказать, что графическое сходство этих наименований составляет около 90–95%. Они отличаются лишь в написании букв.

Комментарий 2. Чат-бот, очевидно, транслитерировал **GEOFLEX** и далее сопоставлял наименования **Геофлакс** и **Геофлекс**, иначе нельзя объяснить его выводы. Однако при таком подходе остаются за рамками регистры, алфавиты, число букв и их значение, учет которых позволил эксперту сделать вывод о несовпадении объектов в аспекте графики.

Вопрос 3. Являются ли сходными в семантическом отношении наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX**? Если да, то в какой мере? Возможно ли выразить сходство в числовом отношении?

Наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX** в семантическом отношении не имеют прямой связи или сходства, так как несут разные и не связанные между собой значения. Поэтому, в данном случае говорить о сходстве в семантическом отношении нецелесообразно. Это слова, которые вероятно использовались как исходные маркетинговые наименования для товаров или брендов, и их сходство заключается скорее в графическом и фонетическом аспектах, чем в смысловом содержании.

Комментарий 3. Искусственный интеллект не учел наличия идентичного международного словообразовательного элемента **geo** (гео), что позволяет говорить об определенном смысловом сходстве наименований. Кроме того, утверждается, что эти наименования имеют разные и не связанные между собой значения, хотя значения наименований не представлялись искусственному интеллекту в качестве исходных данных.

Вопрос 4. Являются ли сходными в ассоциативном отношении наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX**? Если да, то в какой мере? Возможно ли выразить сходство в числовом отношении?

Наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX** имеют сходство в ассоциативном отношении, так как звучат похоже и содержат одинаковые элементы — **geo** и **flex**. Однако, степень сходства можно оценить лишь на уровне восприятия человека, а не числовыми значениями. В данном случае, можно сказать, что наименования имеют среднюю степень ассоциативного сходства, так как сохраняют общие элементы и звучание.

Комментарий 4. Как было отмечено нами ранее, в том числе в наших работах [4; 6], степень сходства все же можно оценить числовыми значениями. Вывод по общим элементам не имеет под собой точно указанных оснований.

В целом чат-бот демонстрирует установку на кооперативную стратегию. Так, на реплику экспериментатора: «Спасибо большое! Если нет возражений, я сверю ваши ответы с исследованием эксперта и задам

уточняющие вопросы», чат-бот ответил: «*Конечно, нет проблем! Буду рад помочь вам с дополнительными вопросами по данной теме.*»

На втором этапе сопоставляются ответы чат-бота и результаты исследования эксперта, а затем задаются уточняющие вопросы.

II этап

Вопрос 1. При сопоставлении фонетического аспекта наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX** следует ли учитывать, что звучание [г'эо ф л á к с] сравнивается с звучанием [г'эо ф л'э к с], [г'эо ф л э́ к с], [джй о ф л'э́ к с], [д ж й о ф л э́ к с]? Что в этом сопоставлении субъективно, а что вариативно?

При сопоставлении фонетического аспекта наименования Геофлакс и GEOFLEX нужно учитывать, что звучание может быть воспринято по-разному в зависимости от индивидуальных особенностей восприятия и произношения. Например, для некоторых людей звуки [г'эо ф л'э́ к с] и [г'эо ф л э́ к с] могут звучать более похоже, чем для других.

Комментарий 1.1. Искусственный интеллект делает акцент на индивидуальные особенности восприятия и произношения, игнорируя заложенные системой языка произносительные варианты данных наименований, т. е. частное и возможное ставится впереди относительно общего и вероятного.

Субъективным элементом в этом сопоставлении является возможность различия восприятия звуков и их интерпретации у разных людей. Некоторые могут слышать сильное сходство между звучанием Геофлакс и GEOFLEX, в то время как другие могут обратить внимание на различия.

Комментарий 1.2. Искусственный интеллект продолжает линию, отмеченную в комментарии 1.1.

Вариативным элементом является возможность разнообразных вариантов интерпретации звуков и их восприятия, которые могут быть обусловлены различными фонетическими особенностями языка, диалектами, акцентами и т. д.

Комментарий 1.3. С этим нельзя не согласиться, если бы не очевидно общий — до банальности — характер информации, которая принимается специалистами по умолчанию.

Вопрос 2. Насколько важны те обстоятельства, что наименования **Геофлакс** и **GEOFLEX** в графическом отношении выполнены в разных алфавитах и различными регистрами, а также имеют разное количество букв?

В графическом отношении различия между наименованиями Геофлакс и GEOFLEX могут играть важную роль в их визуальном

восприятию и узнаваемости. Наименования, написанные в разных алфавитах (латинском и кириллическом), обычно смотрятся совершенно иначе, что может быть ключевым фактором для их различения в визуальном плане. Различия в регистрах букв (заглавные и прописные) или количестве букв также могут повлиять на восприятие и узнаваемость наименований.

Комментарий 2. Ответ искусственного интеллекта в стиле двух предыдущих. Представляется, что алгоритмы коммуникативных стратегий настроены на «соглашательскую» речевую стратегию (или тактику). При этом эксперта не могут устроить вероятностные формулировки в гипотетической модальности — типа «могут играть важную роль», «могут повлиять» и под.

В контексте визуальной идентификации, графические отличия могут быть более заметными и важными, чем фонетические различия между наименованиями. Поэтому при анализе и сопоставлении наименований Геофлакс и GEOFLEX важно учитывать не только звуковые, но и визуальные аспекты их написания.

Вопрос 3. Насколько верно утверждать, что у сопоставляемых обозначений в наименованиях **Геофлакс** и **GEOFLEX** разный ассоциативно-смысловой фон без учета их актуальной семантики?

Утверждение о том, что у сопоставляемых обозначений в наименованиях Геофлакс и GEOFLEX разный ассоциативно-смысловой фон без учета их актуальной семантики, может быть частично верным. Визуальное представление символов и звуков в Геофлакс и GEOFLEX может вызывать различные ассоциации у различных людей, основанные на их предыдущем опыте, стереотипах, ассоциациях и т. д.

Комментарий 3.1. Снова перенос центра тяжести на вероятный ответ, основанный на индивидуализации восприятия.

Однако полная оценка ассоциативно-смыслового фона требует учета актуальной семантики наименований. Например, если наименование связано с определенной отраслью или сферой деятельности, его значение и ассоциации могут быть очевидны для людей, работающих в этой сфере.

Комментарий 3.2. Искусственный интеллект обоснованно связывает семантику наименования с группой товаров, к которой это наименование относится.

Таким образом, при оценке ассоциативно-смыслового фона наименований Геофлакс и GEOFLEX необходимо учитывать их контекст и актуальную семантику для более полного понимания их восприятия.

Комментарий 3.3. Искусственный интеллект, конечно, прав, особенно он преуспел в умении уходить от прямого и конкретного ответа

за счет обтекаемых и малозначимых формулировок. Но, к сожалению, ответ подобного рода не имеет никакого значения в плане обоснованной аргументации в оценке возможного сходства анализируемых словесных обозначений.

Вопрос 4. Зависит ли степень ассоциативного сходства наименований **Геофлакс** и **GEOFLEX** от наличия наименований **ГЕО-ТУР**, **Гео-Сервис**, **Геосинтетикс-Груп**, **ГЕОСЕРВИС**, **ГЕОСтандарт**, **ГеоЛайн**, **ГЕОАКВА**, **ГЕОБИЛДЕР (GEOBUILDER)**, **ГЕОБИТРИМ (GEOBITRIM)**, **ГЕОБЭГ**, **ГЕОДЖЕТ**, **ГЕОДЕТИКА** и т. п.?

Степень ассоциативного сходства наименований **Геофлакс** и **GEOFLEX** с другими наименованиями, такими как **ГЕО-ТУР**, **Гео-Сервис**, **Геосинтетикс-Груп**, **ГЕОСЕРВИС**, **ГЕОСтандарт** и другими, может зависеть от их контекста и сферы применения. Если данные наименования относятся к одной и той же отрасли, например, геологии, геодезии или геосинтетикам, то они могут быть ассоциированы как части одной тематической группы. В этом случае степень ассоциативного сходства может быть высокой.

Комментарий 4.1. Искусственный интеллект не совсем точно отвечает на вопрос. В вопросе вводится контекст — зависимость ассоциаций наименований **Геофлакс** и **GEOFLEX** от других наименований, в частности с компонентом гео-. Вопрос о сходстве исследуемых наименований с контекстными не ставится. Однако чат-бот подводит под одну отрасль некоторые наименования, и в этом случае, по мнению ИИ, степень сходства повышается. Не обходится здесь и без фактической неточности: геосинтетики — это материал, а не отрасль.

Однако, если эти наименования принадлежат к различным отраслям или компаниям, то их ассоциативное сходство может быть менее очевидным. Например, **ГЕО-ТУР** может быть ассоциирован с туризмом, а **ГЕОСтандарт** с добычей полезных ископаемых.

Комментарий 4.2. Рассматривается ситуация, противоположная представленной выше, когда степень сходства менее очевидна. Непонятно, почему **ГЕОСтандарт** ассоциируется с добычей полезных ископаемых. Очевидно, искусственный интеллект — мастер создавать фантомы.

Таким образом, степень ассоциативного сходства наименований **Геофлакс** и **GEOFLEX** с другими зависит от их контекста, сферы деятельности и тематической близости.

Комментарий 4.3. Вывод имеет ту же ошибку, которая отмечена в комментарии 4.1: вопрос был о зависимости от контекста сходства наименований **Геофлакс** и **GEOFLEX** между собой, а не их сходства с другими, как имеет место в ответе.

В конце второго этапа был задан вопрос «Скажите, вы подвержены машинному обучению или ваши алгоритмы задаются извне?». Искусственный интеллект ответил: «Я — это искусственный интеллект, обученный на большом объеме данных, однако алгоритмы, которые я использую, задаются разработчиками и обновляются регулярно. Я не подвержен машинному обучению в реальном времени, но моя способность к обучению и улучшению постоянно совершенствуется».

Интерпретация результатов экспериментального исследования

В целом отметим: ответы чат-бота показали, что использование искусственного интеллекта данного типа возможно пока лишь на уровне вспомогательного экспериментального исследования. При этом экспертная ценность полученных ответов явным образом близка к нулевой.

Дело в том, что, несмотря на то что искусственный интеллект владеет языком на уровне, неотличимом от человека, его аналитические способности вызывают ряд вопросов. Во-первых, он допускает фактические ошибки, ему следует «подучить матчасть», по крайней мере в области общепринятых положений языкознания. Во-вторых, он заменяет конкретные аналитические процедуры общими рассуждениями по теме. В-третьих, он по-своему трактует некоторые вопросы, причем эта трактовка отлична от заложенной в вопросе интенции. Таким образом, в лучшем случае искусственный интеллект способен лишь подтвердить интуицию эксперта, которая, как правило, имеет место еще на стадии до непосредственного исследования материала с помощью экспертных методик на основе специальных знаний.

Все это, на наш взгляд, связано с тем, что искусственный интеллект предлагает ответы на поставленные ему вопросы вне рамок специальных знаний эксперта, в нашем случае общих лингвистических и специфических лингвоэкспертных. Проще говоря, искусственный интеллект отвечает на поставленные вопросы так, как ответил бы на них средний образованный человек, имеющий высокий общий уровень знаниями и владения русским языком, но при этом не владеющий специальными знаниями, т. е. не как подготовленный эксперт-лингвист. В силу этого использование искусственного интеллекта как помощника именно в формировании экспертных выводов вызывает определенные сомнения.

Однако это не значит, что мы вообще не можем использовать его действительно значительные возможности. Надо только четко определить

границы такого использования. В частности, применительно именно к рассматриваемой экспертной задаче установления наличия или отсутствия тождества или сходства до степени смешения мы могли бы:

- поставить проблему обучения искусственного интеллекта существующим методикам лингвоэкспертного анализа словесных обозначений, в том числе — инновационного характера, предлагаемых в наших работах [4; 6],

- каким-то образом встроить в него принципы разграничения общего логического анализа и лингвоэкспертного анализа посредством специальных знаний эксперта-лингвиста в этом исследовательском поле,

- и на этой основе — переформулировать вопросы в диалоге с ChatGPT, с тем чтобы они учитывали бы возможность применения искусственным интеллектом разных методик при ответе на них (например, поставить вопрос о сопоставительном анализе обозначений X и Y посредством коэффициента звукового и/или графического сходства, посредством кластерного анализа или корреляционного анализа, метода оценки семантического расстояния и пр.).

В этом случае искусственный интеллект мог бы представить эксперту обширный и научно обоснованный фактический материал, оценку которого эксперт делает уже вручную. Возможно, также искусственный интеллект сможет на этом этапе работы оказать помощь эксперту и в выборе предпочтительной методики анализа из имеющихся, в случае (как это часто у нас бывает), если разные методики приводят к несовпадающим результатам. Тогда уж точно не произойдет подмены естественного интеллекта эксперта искусственным интеллектом, опасения по поводу чего (не только, разумеется, применительно к нашей лингвоэкспертной области) имеют место в общественном сознании, особенно в среде непрофессионалов.

Литература

1. Бахтизин А. Р., Брагин А. В., Макаров В. Л. Большие языковые модели четвертого поколения как новый инструмент в научной работе [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2023. Т. 18. Выпуск 1. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800025046-9-1/> (дата обращения: 15.09.2024). DOI: 10.18254/S207751800025046-9.
2. Галяшина Е. И. Нейросети — смерть или новая жизнь судебной экспертизы? // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 83–89.

3. *Красса С. И.* Рамки судебной лингвистической экспертизы // *Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК* / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Выпуск 17. Ставрополь: СКФУ, 2019. С. 79–88.
4. *Красса С. И.* Методика определения меры сходства между объектами речеведческих экспертиз // *Юрислингвистика*. 2023. № 27 (38). С. 106–110.
5. *Паршин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятёж в лингвистике XX века // *Вопросы языкознания*. 1996. № 2. С. 19–40.
6. *Радбиль Т. Б., Красса С. И.* Параметризация семантики в лингвоэкспертной оценке сходств наименований товарных знаков и расстояния между ними // *Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г.* Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 295–305.
7. *Россинская Е. Р.* Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 5. С. 173–178. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-5-173-178>.
8. *Россинская Е. Р.* Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // *Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 3. С. 21–33.
9. *Чеснокова Е. В., Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Никулина М. В.* Искусственный интеллект в судебной экспертологии // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2023. Т. 18. № 3. С. 60–77. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-60-77>.

T. B. Radbil,

S. I. Krassa

ChatGPT dialog modeling in linguo-expert research trademark names

Abstract: the work examines the possibilities and boundaries of the use of artificial intelligence in linguistic expert analysis of verbal designations of trademarks for their identity or similarity to the point of confusion through an experiment on simulating an expert's dialogue with ChatGPT using real questions to the expert.

Keywords: artificial intelligence, large language models, dialogue with ChatGPT, linguistic expertise, verbal names, trademarks.

Т. А. Распопова

*кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский
государственный университет им. И. Г. Петровского»*

Брянск, Россия

volkova1111@yandex.ru

Проблема идентификации авторства текстов протоколов допроса при производстве автороведческих исследований (экспертиз)

Аннотация: в публикации представлен краткий обзор существующих в лингвистике методик идентификации авторства текстов протоколов допроса. На примерах линвоэкспертной практики описаны признаки, по которым возможно подтвердить/опровергнуть тождество авторства текстов протоколов допроса (в их описательной части).

Ключевые слова: автороведческое исследование, идентификация текстов, протокол допроса.

дной из задач автороведческих исследований (экспертиз) является идентификационная, направленная на подтверждение/исключение тождества авторства текстов. Методики производства идентификационных исследований наиболее разработаны применительно к художественным текстам, где индивидуально-авторское начало наиболее выражено.

Вместе с тем необходимость подтверждения/опровержения тождества авторства наиболее значимо в юридических документах, в частности в протоколах допроса, поскольку, как справедливо полагает Е. Е. Абрамкина, «фальсификация процессуальных документов является серьезным должностным преступлением, которое карается в соответствии со ст. 303 УК РФ» [1: 98].

Протокол допроса определяется как «процессуальный документ, в котором фиксируются показания допрашиваемого лица» [1: 98]; «процессуальный документ, включающий в себя определенный логический порядок и результаты следственного действия, в свою очередь целью допроса является получение точной и истинной информации от допрашиваемого лица» [2: 7].

Как и любой юридический процессуальный документ, в структурно-композиционном плане протокол допроса включает вводную, описательную и заключительную (резюмирующую) части.

При этом самый высокий уровень стандартизации, где индивидуализация личностных языковых особенностей сведена к минимуму, характерен для вводной и заключительной частей документа. Лексическое наполнение данных текстовых фрагментов составляют юридические клише и штампы, заимствованные из нормативных документов.

Поэтому исследователи отмечают смешение в протоколе допроса как гибридном жанре официально-делового и разговорного стилей, использование оперативно-розыскной терминологии и профессионализмов [2].

Поскольку вводная и заключительная (резольютивная) части документа представляют собой предельно стандартизированную речевую форму, идентификация личности может быть произведена только на основании описательной части протокола, содержащей показания допрашиваемого лица с основной информацией по уголовному делу. Эти показания представляют собой нарратив (рассказ, повествование) о событиях, составляющих предмет допроса. Стилистически представляют собой письменную манифестацию разговорного стиля русского языка.

На разрешение специалиста при производстве идентификационных автороведческих исследований (экспертиз) протоколов допроса могут быть поставлены следующие вопросы.

— Содержатся ли в текстах показаний (свидетелей, потерпевших) общие идентификационные признаки? Можно ли на основании этих признаков идентифицировать тексты?

— Если такие признаки содержатся, можно ли на их основании утверждать, что автором текстов является одно и то же лицо (следователь)?

— Содержатся ли в текстах показаний в протоколах допроса тождественные речевые фрагменты?

Объектом лингвистического исследования могут быть исключительно текстовые фрагменты описательной части протоколов допроса, содержащей показания свидетелей, потерпевших, поскольку остальные части документа полностью стандартизированы и поэтому идентичны.

В лингвистике описаны методики производства автороведческих исследований (экспертиз) либо по статистическим критериям, либо по идентификационным признакам [1; 3–6]. Представим их краткий обзор.

Статистические критерии

Статистические методы атрибуции текстов традиционно описаны в лингвистических исследованиях, например в [5], где предлагается проводить процедуру атрибуции с помощью «различных

инструментальных средств» (компьютерных программ) по следующим текстовым параметрам:

- 1) лексическим (длина слова, слова с непредметным значением);
- 2) морфологическим (частеречный профиль текстов);
- 3) синтаксическим (длина предложения, части речи, начинающие предложение);
- 4) стилистическим (комплексные показатели стиля автора);
- 5) фоносемантическим (подсознательное восприятие звуковой стороны текста) [5: 106–107].

Установить тождество авторства текстов возможно с помощью различных компьютерных программ. Так, например, программа [7] показывает «процент идентичности оригинального и переписанного текста», то есть определяет схожесть текстов в процентах. Программа [8] позволяет «сравнить два текста на схожесть между собой» и выявить одинаковость/различие текстов с указанием числа различий.

В случае если программа [7] показывает совпадение текстов в 100%, а программа [8] — не выявляет различных текстовых фрагментов, можно сделать категоричный вывод об абсолютной идентичности авторства текстов документов.

Количественный метод может быть также использован для автоматизированного подсчета знаковых элементов текста (языковых и неязыковых), проведенный, например, с помощью текстового редактора Microsoft Word. Данная программа позволяет установить тождество текстов по критериям количества страниц, слов, знаков, абзацев и строк в исследуемых текстах. Абсолютное совпадение или близость статистических параметров также указывает на тождество авторства текстов.

Наиболее распространенной методикой подтверждения/опровержения авторства текстов являются методики, основанные на выявлении идентификационных признаков. Согласно методике, описанной в [3; 6], выявляются индивидуально-авторские особенности использования языковых знаков на различных уровнях языковой системы (лексико-семантическом, фразеологическом, грамматическом, стилистическом, орфографико-пунктуационном).

В методике, разработанной экспертно-криминалистическим центром МВД России в 2007 г. [4], для анализа текста предлагается использовать следующие группы признаков:

- смысловые или тематические, отражающие общую направленность текста;

- текстологические, связанные со структурой и логикой построения текста;
- лексические, отражающие особенности лексико-семантического выражения мыслей автором;
- синтаксические, характеризующие особенности синтаксического оформления мыслей;
- стилистические, отражающие степень владения тем или иным стилем и средствами выразительности;
- орфографические, отражающие степень грамотности автора;
- пунктуационные, характеризующие также степень грамотности и уровень владения языком;
- психолингвистические, связанные с выражением субъективного начала в тексте [цит. по: 1: 100].

Описанные признаки подвергаются Е. Е. Абрамкиной критике, поскольку «имеют весьма ограниченную эффективность при анализе текстов протоколов допроса» [1: 100]. В связи с этим исследователь предлагает иной набор идентификационных признаков, основанный на их разделении на общие, отражающие уровень владения языковыми нормами, и частные, связанные с конкретным речевым проявлением этого уровня, особенностями использования тех или иных языковых средств [1: 102].

Изучение данных признаков показывает, что автор методики полностью исключает из исследования предметно-тематический (смысловой) уровень, ссылаясь на особенности тематики документа, обусловленные экстралингвистическими факторами (категория дела, роль допрашиваемого в этом деле и др.). А также орфографико-пунктуационный, поскольку данные «признаки будут полностью принадлежать составителю» [1: 101]. Кроме того, автор предлагает использовать уточнение как дополнительный идентификационный признак.

Признавая в целом объективность, всесторонность и пригодность (апробированы на практике) описанных идентификационных признаков в методике производства автороведческих исследований (экспертиз) протоколов допроса, предлагаем уточнить и дополнить эту таксономию.

Практика проведения автороведческих исследований показывает, что идентификационные признаки следует разделить на признаки текстового уровня (связаны с исследованием лексико-семантической и смысловой структуры текста), признаки языка как системы уровней (особенности использования уровневых единиц языка) и речевые признаки (индивидуальные особенности идиостиля, типичные речевые ошибки).

К признакам текстового уровня можно отнести:

- 1) предметно-тематическое (пропозициональное) содержание текстов документов с выявлением их микротем (семантико-текстовый уровень);
- 2) структурно-композиционный уровень.

Языковые признаки включают:

- 1) анализ языковых единиц лексико-семантического и фразеологического уровней (статистика и специфика использования слов, особенно лексики ограниченного и пассивного словарного запаса);
- 2) анализ языковых знаков грамматического уровня (особенности употребления вариантных словоформ и синтаксических единиц).

Речевые признаки предполагают:

- 1) на стилистическом уровне — выявление специфики употребления стилистически окрашенных языковых единиц, иностилевых вкраплений, тропов и фигур);
- 2) на уровне речевых аномалий — анализ типичных речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок.

По каждому критерию могут быть предложена шкала уровня идентификации:

Абсолютная	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
100% совпадений	Более 60% совпадений	50–60% совпадений	Менее 50% совпадений

Рассмотрим обозначенные критерии более подробно.

1. Анализ предметно-тематического (пропозиционального) содержания текстов

Не следует вслед за Е. Е. Абрамкиной полностью исключать признак идентичности предметно-тематического (пропозиционального) содержания текстов показаний допрашиваемых лиц в протоколах допроса. Несмотря на то, что макропропозиция (глобальная тема) текстов совпадает, поскольку определяется сущностью дела, микротемы (локальные темы) всех текстов могут различаться, поскольку допускается отклонение от основного нарратива, введение дополнительных микротем. Например, изложение события правонарушения может сопровождаться сообщениями о личностных качествах, профессиональной занятости, личной жизни допрашиваемого лица.

Поэтому исследование пропозиционального содержания позволяет определить не только глобальную, но и локальные темы текстов с их последующим сравнительно-сопоставительным анализом.

2. Анализ структурно-композиционного уровня

Данный уровень предполагает не только исследование манеры изложения (последовательность/непоследовательность; многословность/лаконичность), аргументированность/неаргументированность [1: 102], но и анализ доминирующих текстовых структур, а также структурных единиц текста (межфразовых единств, абзацев).

3. Анализ лексико-семантического уровня

Идентификация текстов на лексико-семантическом уровне может быть доказана общностью словарного фонда текстов, установленного с помощью программ автоматического составления словников частотности языковых единиц.

Кроме того, следует обратить внимание на употребление лексики ограниченного и пассивного словарного запаса, окказионализмов. Особое внимание следует уделить вариативности используемых языковых знаков. Например, при возможности варьирования смысла используется одна и та же языковая единица. Так, в 8 исследуемых протоколах допроса свидетелей для обозначения агенса употребляется один и тот же антропоним (имя-фамилия) при возможности варьирования данной номинации (только имя или фамилия, сокращенное имя, имя-отчество и др.). Место обучения эксплицировано аббревиатурой МБОУ СОШ № 52 (при возможности вариативных номинаций школа 52, 52-я школа и др.).

4. Анализ синтаксического уровня

Синтаксический уровень предполагает определение частотности однотипных синтаксических конструкций. В частности, может быть предложен список синтаксических конструкций для его последующего статистического анализа: общее количество предложений; количество простых и сложных предложений; предложений с однородными и обособленными членами; вводными и вставными конструкциями; прямой речью; сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений.

5. Анализ стилистического уровня

Стилистический уровень традиционно предполагает определение стилистической тональности текста, исследование повторяющихся

стилистически окрашенных языковых единиц (разговорно-просторечных или книжных), окказионализмов, тропов.

Среди иноstileвых вкраплений в текст протоколов допроса следует отметить элементы разговорного (разговорно-просторечная лексика, слова с суффиксами субъективной оценки, лексические повторы, инверсия), а также книжных (научного) стилей. Тожественные стилистически окрашенные языковые единицы не только подтверждают тождество авторства текстов, но способны диагностировать языковую личность.

6. Анализ речевого уровня

Как известно, исследование текстов на речевом уровне характеризует общий уровень грамотности автора, наиболее типичные для него речевые, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки. Мнение о том, что анализ орфографико-пунктуационного речевого уровня нерелевантен для текстов протоколов допроса, на наш взгляд, неверно, поскольку этот текст (в части показаний допрашиваемого лица) может быть записан не только следователем, но и самим допрашиваемым лицом собственноручно.

Это подтверждается проведенным нами сравнительно-сопоставительным исследованием 8 протоколов допроса, результаты которого систематизированы в таблице (отмечены только предложения с повторяющимися ошибками).

Тип ошибки	Предложение с ошибкой	Протоколы с данной ошибкой
Неправильное употребление возвратного глагола с постфиксом <i>ся</i> -	<i>Х характеризую как хорошую, потому что она никого не бьет, мы с ней играемся и бегаем на переменах.</i> (Правильно: <i>играем</i> .)	1, 3, 7
Нарушение нормы управления при однородных членах предложения	<i>Мне одноклассники никогда не говорили о том, что им наврала или обманула Х, «врушкой» ее никогда не дразнили.</i> (Правильно: <i>им наврала или обманула их</i> .)	1, 2, 3, 6, 7, 8
Неправильное употребление вида глагола	<i>Также я никогда не замечала за Х, что она что-то придумала, чего в действительности не было.</i> (Правильно: <i>придумывала</i> .)	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
Неправильный выбор подчинительного союза	<i>Также я никогда не замечала за Х, что она что-то придумала, чего в действительности не было.</i> (Правильно: <i>чтобы</i> .)	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7

Окончание табл.

Тип ошибки	Предложение с ошибкой	Протоколы с данной ошибкой
Неправильное написание не- с наречием	<i>Мне не известно рассказывала ли Х об этом моим одноклассникам.</i> (Правильно: <i>Мне неизвестно...</i>)	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
Отсутствие запятой между главной и придаточной частями предложения	<i>Мне не известно рассказывала ли Х об этом моим одноклассникам.</i> (Правильно: <i>Мне неизвестно, рассказывала ли Х об этом моим одноклассникам.</i>)	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
Лишняя запятая перед одиночным союзом <i>или</i> , соединяющим однородные сказуемые	<i>Мне одноклассники никогда не говорили о том, что им наврала, или обманула Х, «врушкой» ее никогда не дразнили.</i>	3, 4, 5, 8
Использование формы согласования в единственном числе вместо множественного	<i>Я проживаю по вышеуказанному адресу со своей мамой и сестрой; Я проживаю по вышеуказанному адресу со своей мамой и папой.</i> (Правильно: <i>со своими мамой и сестрой; со своими мамой и папой.</i>)	4, 8
Отсутствие запятых между главной и придаточной частями предложения	<i>В классе Х общается со всеми, но больше всего с девочками, выделить кого-то я не могу поскольку она общается со всеми одинаково, есть ли у нее подружки в других классах мне не известно.</i>	3, 4, 5, 6, 8
Неправильное написание не- с наречием	<i>В классе Х общается со всеми, но больше всего с девочками, выделить кого-то я не могу поскольку она общается со всеми одинаково, есть ли у нее подружки в других классах мне не известно.</i> (Правильно: <i>неизвестно.</i>)	3, 4, 5, 6, 7, 8
Отсутствие запятой между частями сложноподчиненного предложения	<i>Как Х учится я не знаю.</i> (Правильно: <i>Как Х учится, я не знаю.</i>)	5, 6

Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ речевых ошибок, во многих случаях содержатся одинаковые ошибки в тождественных речевых конструкциях.

По нашему мнению, методика производства идентификационных автороведческих исследований текстов протоколов допроса производится в три этапа. На первом этапе с помощью специализированных компьютерных программ [7; 8 и др.] исключается абсолютная схожесть текстов (100% схожести), что также имеет место в практике экспертных исследований.

На втором этапе производится отдельный, на третьем — сравнительно-сопоставительный анализ текстов документов по разработанным идентификационным критериям.

В заключение следует отметить, что категоричный вывод об абсолютной идентичности авторства текстов документов может быть сделан только на основании высокого уровня схожести текстов (не менее 80%), наличии большого количества прямых текстовых совпадений и высоком уровне совпадающих признаков.

Во всех остальных случаях выводы об идентификации авторства текстов протоколов допроса могут быть только вероятностными.

Литература

1. *Абрамкина Е. Е.* Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17. № 3. С. 97–108.
2. *Белова В. Е.* Протокол допроса: особенности стиля и жанра [Электронный ресурс] // Филология и журналистика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protokol-doprosa-osobennosti-stilya-i-zhanra> (дата обращения: 18.03.2024).
3. *Галяшина Е. И.* Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
4. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 197 с.
5. *Красса С. И.* Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе // Альманах современной науки и образования. № 10 (77). 2013. С. 106–108.
6. *Расопова Т. А.* Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1 (6). С. 133–144.
7. Сравнение схожести текстов [Электронный ресурс] // Cioх. Онлайн калькуляторы, конвертеры, генераторы. Справочники, веб-инструменты. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts (дата обращения: 15.02.2024).
8. Сравнение текстов онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://prostudio.ru/tools/compare-text/> (дата обращения: 15.02.2024).

T.A. Raspopova

Problem of identification of authorship of texts of records of interrogation during authorship research (expert examinations)

Abstract: the publication provides a brief analysis of existing methods in linguistics for identifying the authorship of interrogation protocol texts. Using examples of line expert practice, signs are described by which it is possible to confirm/refute the identity of the authorship of the texts of the interrogation protocols (in their descriptive part).

Keywords: authorial research, Identification of texts, interrogation protocol.

М. С. Саломатина

*кандидат филологических наук,
доцент Воронежского государственного университета
Воронеж, Россия
salomatina.maria@yandex.ru*

Методологические принципы семантического анализа в преподавании лингвокриминалистики

Аннотация: в статье формулируются методологические принципы семантического анализа в лингвокриминалистике. Предлагаемые принципы обеспечивают реализацию системного подхода к работе со спорным текстом и позволяют достичь высокой объективности результатов исследования. Обсуждаемые методологические принципы могут лечь в основу обучения будущих специалистов в области лингвистической экспертизы. Способы и приемы реализации принципов иллюстрируются примерами из экспертной практики автора.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза, семантический анализ, методология лингвистической экспертизы, методологические принципы семантического анализа.

Не будет преувеличением сказать, что именно появление лингвокриминалистики как теории и практики производства экспертизы текста вывело научное лингвистическое знание в сферу, напрямую с языкознанием не связанную, и очевидным образом продемонстрировало социуму прикладной характер филологии. Лингвистическая экспертиза, будучи частью правоприменительной практики, стала фактором, обеспечившим рост востребованности специальных филологических знаний при решении вопросов, имеющих экономический, политический, общественный характер. При этом лингвокриминалистика, на наш взгляд, является не столько отдельной областью лингвистики, сколько сферой криминалистики, очередным инструментом получения доказательств. Последний тезис можно обосновать, во-первых, целью лингвистической экспертизы, которая [экспертиза] всегда выполняется в интересах права; во-вторых, специфическим использованием лингвистической методологии, о чем будет сказано далее; в-третьих, юридической регламентацией научного исследования, в том числе в части оценки его качества в судебном процессе.

Указанные особенности лингвистической экспертизы как особой сферы применения лингвистических знаний определяют подход

к подготовке специалистов в указанной области. Эксперт, несомненно, должен знать способы использования традиционных лингвистических методов в рамках производства экспертизы. В тексте настоящей статьи будут предложены базовые методологические принципы семантического анализа, которые могут быть положены в основу обучения будущих специалистов в области лингвокриминалистики названному виду анализа. Формулирование таких принципов представляется целесообразным не только потому, что семантический анализ, наряду с контекстуальным, является обязательным при исследовании спорного текста, но еще и потому, что теоретический и методологический аппарат лингвокриминалистики находится в процессе формирования, о чем говорит, с одной стороны, обилие работ, посвященных теории лингвистической экспертизы [см., например: 2; 3; 6; 9 и др.], в том числе предлагающих методологические принципы лингвистического анализа [5; 13], с другой — обилие заключений эксперта (или специалиста) с примерами не вполне корректного использования методов языкознания.

Под методологическими принципами будем понимать «кратко сформулированные теоретические положения, обобщающие достижения науки в определенной области и служащие основанием для дальнейших исследований» [16]. Назовем основные принципы семантического анализа в рамках производства лингвистической экспертизы. В качестве иллюстративного материала используются фрагменты заключений эксперта и специалиста по искам в рамках дел о клевете, оскорблении, защите чести и достоинства, умалении деловой репутации.

1. Принцип установления соответствия понятий. Данное положение, на наш взгляд, является базовым, поскольку позволяет поставить лингвокриминалистическое исследование на прочные лингвистические основания. Как известно, в т. н. задании для эксперта нередко используются понятия, не являющиеся лингвистическими: например, понятия неприличной языковой формы или языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, оскорбления [7] и др. Таким образом, эксперту для проведения объективного и надежного исследования спорного текста необходимо соотнести правовые понятия с соответствующими им лингвистическими понятиями и/или категориями.

Так, например, И. А. Стернин наиболее точно и корректно, на наш взгляд, определил понятие неприличной языковой формы, соотнеся ее с нецензурной лексикой [14]. Понятие языковой формы или языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности, предполагает, по нашему мнению, диагностику наличия в спорном тексте ненормативной лексики, публичное употребление которой нарушает требования культуры речи [12].

2. Принцип опоры на традиционные лингвистические концепции (Грамматика 80, т. н. школьная грамматика). Использование в качестве теоретической базы привычных общепринятых лингвистических идей позволяет, во-первых, сделать текст заключения доступным для понимания конечным получателем экспертизы (судьей, следователем, нотариусом и пр.), лингвистические знания которого, как правило, ограничены объемом школьной программы; во-вторых, избежать сомнений, связанных с релевантностью выбранных методов, в случае передачи текста исследования стороннему лингвисту для рецензирования; в-третьих, сделать выводы легко верифицируемыми.

3. Принцип верифицируемости выводов — возможности проверки системы доказательств и результатов участником судебного разбирательства или сторонним лингвистом. Принцип предполагает общую доступность системы анализа для всех участников судебного процесса, наглядность представления исследовательской части работы эксперта. Заключение эксперта, будучи по своей сути научным исследованием, должно соответствовать требованиям, предъявляемым к подобного рода текстам. Нередко в тексте заключения лингвист сокращает т. н. мотивационную часть, лишь упоминая факторы контекста, детерминирующие значение/смысл той или иной языковой единицы, при этом не объясняя, как именно приведенные маркеры актуализируют выявленную семантику. Реализация указанного принципа осуществляется также апелляцией к научной литературе, в которой раскрывается содержание лингвистических понятий, используемых экспертом, описываются применяемые методы и т. п.

4. Принцип адекватности выбранных приемов и частных методов семантического анализа поставленным задачам. Арсенал методов, используемых экспертом, должен быть небольшим и строго обусловленным конкретными исследовательскими задачами. К т. н. обязательным методам, как было сказано ранее, можно отнести методы семантического и контекстуального анализа. Прочие методы используются в качестве своего рода дополнительных в зависимости от поставленного вопроса и специфики языкового материала. Так, например, область применения экспериментальных психолингвистических методов фактически ограничена экспертизой товарного знака, использование таких исследовательских инструментов при анализе спорного текста на предмет выявления в нем языковых признаков унижения чести и достоинства, оскорбления и мн. др., не вполне целесообразно.

5. Принцип учета широкого контекста. Под широким контекстом в данном случае имеются в виду как полный текст, в состав которого входят спорные языковые единицы/высказывания, так и материалы

дела. Проиллюстрируем примером из одного из наших заключений, выполненных в соавторстве с проф. И. А. Стерниным.

В определении о назначении судебной лингвистической экспертизы говорится следующее:

«Пока ждали милицию, Копытов А. П. высказывал в ее [Слепневой] адрес оскорбительные слова, такие как: халявщица, проститутка, воровка, тварь и другие. <...> Как только она [Слепнева] подошла к опоре у дома № 59, Копытов А. П. начал сразу оскорблять ее, говорил: тварь, воровка, сексуально озабоченная, проститутка, наркоманка гнида и другие слова. <...> В судебном заседании также установлено, что были высказаны следующие выражения “подстилка”, “воровка”, “тварь”, “гнида”, “халявщица”, “алкашка”, “сексуально озабоченная”, “спит с другими мужчинами”.

<...> суд считает необходимым назначить по делу лингвистическую экспертизу, поскольку необходимы специальные познания для определения, являются ли выражения и слова “проститутка”, “б...дь”, “подстилка”, “воровка”, “тварь”, “гнида”, “халявщица”, “алкашка”, “сексуально озабоченная”, “спит с другими мужчинами” оскорблением и клеветой в понятии уголовного закона».

Приведем в качестве примера реализации принципа учета широкого контекста анализ языковой единицы «проститутка».

В современном русском языке лексема «проститутка» имеет следующие основные значения:

Проститутка, — и; мн. род. -ток, дат. -ткам; ж. Женщина, занимающаяся проституцией, публичная женщина. Валютная п. (продающаяся за валюту). | Разг. о ком-, чем-л. продажном, крайне беспринципном. Он не журналист, а п. Политическая п. (беспринципный, продажный политик) [10: 1027].

Анализ контекста, в котором было употреблено слово «проститутка», позволяет сделать вывод о том, что названная языковая единица могла быть употреблена в одном из двух названных выше значений либо в двух значениях одновременно (одновременная актуализация нескольких значений одного слова характерна для разговорной речи), а именно: 1. Женщина, занимающаяся проституцией, публичная женщина. 2. Разг. О ком-, чем-л. продажном, крайне беспринципном.

На то, что слово «проститутка» могло быть употреблено Копытовым А. П. в первом значении (женщина, занимающаяся проституцией, публичная женщина), указывает контекст, то есть непосредственное языковое окружение данного слова: оно было употреблено в одном ряду с такими лексическими единицами, как «б...дь», «подстилка», «спит с другими мужчинами», которые указывают на сексуальную

распущенность Слепневой Н. И., ее неразборчивость в половых связях. Кроме того, употребление слова «проститутка» в смысле «женщина, занимающаяся проституцией, публичная женщина» подтверждается ситуацией, в которой была использована названная языковая единица, другими высказываниями Копытова: «В присутствии ее мужа и других жителей улицы Копытов А. П. говорил, что она [Слепнева Н. И.] переспала с начальником горгаза, на основании этого ее подключили к газу» (из материалов дела).

На возможность того, что слово «проститутка» могло быть употреблено в значении 2 (о ком-, чем-л. продажном, крайне беспринципном), указывает то, что в одном ряду с лексемой «проститутка» были употреблены такие языковые единицы, как «воровка», «халявщица», «б...дь» (в одном из его значений), указывающими на беспринципность, моральную нечистоплотность, непорядочность потерпевшей.

Обратим внимание на то, что в данном случае анализируется не только собственно языковой контекст, но и коммуникативная ситуация, о которой экспертам стало известно после знакомства с материалами дела.

6. Принцип опоры на грамматическую семантику. Нередко эксперты-лингвисты ориентированы в большей степени на анализ лексической семантики, не уделяя достаточного внимания семантике грамматической или вовсе ее игнорируя, что зачастую ведет к умозаключениям интуитивного характера и неверным выводам. Полноценный грамматический анализ в рамках лингвистической экспертизы дает исследователю возможность опереться на более рациональные основания, верифицировать сделанные выводы или сузить количество вариантов интерпретации спорного текста хотя бы в силу того, что грамматические значения «имеют исчисляемое количество средств выражения, следовательно, имеют закрытый характер» [11] в отличие от лексических, являющихся неисчисляемыми и имеющими «незакрытый характер» [Там же].

Проиллюстрируем примером из нашего заключения специалиста.

В спорном тексте сообщалась негативная информация о двух лицах, занимающихся совместным бизнесом. Отдельный вопрос касался наличия негативной информации фактологического характера о них в следующем предложении: «Понимаю, что когда берешь мошенника за ж...пу, лучшая стратегия — это нападение». В тексте настоящей статьи не будем приводить анализ семантики лексемы «мошенник». Он производился по традиционной методике с использованием приема анализа словарных дефиниций и метода контекстуального анализа. Комплексный анализ спорного высказывания показал, что оно носит оценочный характер. В пользу оценочности приведенного предложения нами было

предложено три лингвистических аргумента. Приведем здесь тот, который основан на анализе грамматического значения.

С точки зрения синтаксиса предложение, включающее в свой состав лексему «мошенник», относится к обобщенно-личным (Понимаю, что когда берешь мошенника за ж...пу <...>). Обобщенно-личными называют предложения, «действие которых относится к обобщенному лицу, а сказуемое выражено глаголом в форме 2-го лица (реже — в других личных формах)» [1: 99]. Характерной особенностью обобщенно-личных предложений является то, что они содержат образное выражение суждений общего характера [8: 270]. Это значит, что при помощи таких предложений говорящий формулирует общие закономерности, характеризующие некие типичные ситуации. Таким образом, в спорном тексте при помощи обсуждаемой конструкции («Понимаю, что когда ты берешь мошенника за ж...пу, лучшая стратегия — это нападение») производится сравнение описываемой ситуации с обобщенной типичной ситуацией (реакцией нечестного человека, чье поведение вызывает неудовольствие, раздражение, гнев, на ситуацию, когда его разоблачили). Данное сравнение можно описать конструкциями вида: «конкретная ситуация А похожа на типичную ситуацию В» или «поведение конкретного лица А в описываемой ситуации похоже на типичное поведение лиц, относящихся к категории В, в описываемых типичных ситуациях». При помощи сравнения автор спорного текста оценивает действия названных лиц, высказывает свое мнение относительно их поведения. Поведение лиц, которые упоминаются в спорном тексте, сравнивается с поведением того, кого автор спорного текста называет мошенниками.

Как можно видеть, анализ синтаксической структуры спорного предложения дал ключевой аргумент в пользу признания высказывания оценочным.

7. Принцип допущения множественности интерпретаций. Практикующие эксперты хорошо знают, что вероятностные выводы неодобрительно оцениваются судом и органами предварительного расследования. Однако в отдельных случаях сделать однозначный вывод не представляется возможным в силу языковых и смысловых особенностей текста. В качестве иллюстрации реализации названного принципа можно рассмотреть пример, приведенный ранее при обсуждении принципа учета широкого контекста. Тем не менее считаем целесообразным привести следующий небольшой фрагмент заключения из нашей практики, поскольку в нем исследуется не только лексическая, но и грамматическая семантика, о высокой значимости которой говорилось ранее.

Вопрос, вынесенный на рассмотрение специалиста: Содержит ли спорный текст негативные сведения о Н. И. Семенове?

Фрагмент спорного текста: *Мама дорогая! Да какой он руководитель, он работал водителем!*

Спорное высказывание содержит следующую информацию о Н. И. Семенове:

Семенов никакой не руководитель, а водитель.

Семенов — плохой / недостаточно хороший руководитель.

Выявленные смыслы могут быть равновероятно реализованы в анализируемом спорном высказывании. Этот факт обусловлен семантикой предложения «Да какой он руководитель». Данное предложение с точки зрения структуры является фразеосхемой. Под фразеосхемой в лингвистике понимают коммуникативную предикативную единицу синтаксиса, представляющую собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующуюся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающую суждение или побуждение, обладающую грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющую в речи экспрессивную функцию. Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым (опорным) как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй — изменяемым, т. е. лексически свободно варьируемым, а грамматически устойчивым [4].

Фразеосхема, реализованная в спорном высказывании, следующая: Какой + N1, где слово «какой» является постоянным компонентом, а N — переменным.

«В. Ю. Меликян отмечает многозначность данной фразеологизированной конструкции [Меликян 2004, с. 169]. В предложениях выражается: а) уверенное отрицание, несогласие, иногда в сочетании с неодобрением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: Да, государь был так воспитан, такой у него был характер, что ни ну кого на поводу он не шел. Вот, говорят, «влияние Распутина». Какое влияние?! Распутин говорит одно — делается диаметрально противоположное! (Красная звезда, 07.02.2017); б) уверенное утверждение, согласие иногда в сочетании с недоумением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: Какое не получится! (все получится); Какое не успеем! (успеем); в) негативную оценку предмета речи: Какое там богатство, как все, они жили (Комсомольская правда, 28.07.2013) («нет богатства»)» [15].

В спорном тексте фразеосхема Какой + N1 может иметь одно из двух значений, каждое из которых поддерживается контекстом:

1) уверенное отрицание, несогласие, иногда в сочетании с неодобрением, возмущением, огорчением, досадой и т. п. (Н. И. Семенов никакой

не руководитель, а водитель). Актуализация данного значения поддерживается наличием противопоставления «руководитель — водитель»;

2) негативная оценка предмета речи (Н. И. Семенов — плохой / недостаточно хороший руководитель). Актуализация данного значения поддерживается общей высокой эмоциональностью спорного высказывания, его общеоценочным характером: в состав спорного высказывания входит конструкция «мама дорогая», которая используется в значении междометия.

Как можно видеть, сделать однозначный вывод о семантике спорного высказывания в данном случае не представляется возможным.

8. Принцип ограничения глубины семантического анализа. В абсолютном большинстве случаев лингвист не должен проводить герменевтическое исследование спорного материала, но ему стоит ориентироваться на современное состояние языковой системы и актуальное языковое сознание носителя языка. В то же время в экспертных заключениях нередко приходится видеть примеры, когда лингвист, отвечая на вопрос о наличии языковых признаков оскорбления в спорном тексте, проводит глубокий этимологический анализ таких лексем, как «дурак», «сволочь», «подлец» и под., мотивируя последующие выводы аргументами, относящимися к истории языка. Подобного рода научная аргументация ведет к сомнениям в объективности и надежности полученных экспертом результатов.

Перечисленные принципы были выработаны в ходе нашей экспертной практики и предлагаются нами в качестве методологической основы анализа спорного текста студентам, изучающим лингвокриминологику в Воронежском государственном университете. В рамках учебного курса способы реализации сформулированных положений демонстрируются и отрабатываются на материале спорных текстов, являвшихся объектами экспертного анализа. Наша экспертная и педагогическая практика подтвердила целесообразность опоры на названные выше положения, способствующие получению объективных, точных, рациональных выводов.

Литература

1. *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация. Ч. III. М.: Просвещение, 1981. 272 с.
2. *Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В.* Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: Информкнига, 2010. 208 с.
3. *Будаев Э. В.* Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография. Екатеринбург: [б. и.], 2017. 201 с.

4. *Вакуленко Д. А.* Фразеосинтаксическая схема с опорным компонентом если бы: системно-функциональный и фразеологический аспекты [Электронный ресурс] // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeosintaksicheskaya-shema-s-opornym-komponentom-esli-by-sistemno-funktsionalnyy-i-frazeologicheskiy-aspektu> (дата обращения: 12.12.2023).
5. *Вепрева И. Т., Купина Н. А.* Экспертный лингвистический анализ спорного текста: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Уральский университет, 2018. 148 с.
6. *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza-i-predely-dopustimosti-ispolzovaniya-metodov-lingvisticheskoy-nauki> (дата обращения: 23.07.2024).
7. КоАП РФ. Статья 5.61. Оскорбление [Электронный ресурс] // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 20.07.2024).
8. *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинт: Наука, 2008. 464 с.
9. *Кукушкина О. В.* Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ-классик, 2008. 1534.
11. *Рянская Э. М.* К вопросу о соотношении лексики и грамматики в языке [Электронный ресурс] // Вестник НВГУ. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-leksiki-i-grammatiki-v-yazyke> (дата обращения: 08.07.2024).
12. *Саломатина М. С.* Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 90–96
13. *Стернин И. А.* Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста [Электронный ресурс] // СибСкрипт. 2017. № 1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-semanticheskogo-analiza-v-lingvokriminalisticheskoy-ekspertize-teksta> (дата обращения: 17.07.2024).
14. *Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карнов Д. Л.* Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: Канцлер, 2013. 35 с.

15. *Ушакова А. П.* Модальное значение неодобрения в синтаксических фразеологизмах типа «Какой там + N1 / V / Adj / Adv» (на материале военной журналистики) [Электронный ресурс] // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвященный 80-летию юбилею профессора Л. Ф. Копосова. Выпуск XIX. М.: Принтика. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44656037> (дата обращения: 21.05.2024).
16. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 20.04.2024).

M. S. Salomatina

Methodological principles of semantic analysis in teaching forensic linguistics

Abstract: this paper is devoted to the methodological principles of semantic analysis in forensic linguistics. The proposed principles ensure the implementation of a systematic approach to working with a text and allow achieving high objectivity of research results. The discussed methodological principles can form the basis for training future specialists in the field of linguistic expertise.

Keywords: forensic linguistics, semantic analysis, methodology of linguistic expertise, methodological principles of semantic analysis.

В. В. Салькова

аспирант Воронежского государственного университета

Воронеж, Россия

vvs3061@ya.ru

Соотношение лингвистических категорий оценки и модальности: лингвокриминалистический аспект

Аннотация: статья посвящена обсуждению проблемы соотношения лингвистических категорий оценки и модальности в аспекте лингвокриминалистического анализа текста. Обозначены основные подходы к рассмотрению данных категорий в лингвистической науке.

Ключевые слова: категория оценки, оценочность, категория модальности, унижение чести и достоинства, клевета, умаление деловой репутации, лингвистическая экспертиза текста.

На современном этапе развития филологической науки разработка теории лингвистической экспертизы текста имеет особую актуальность, поскольку в правовой сфере увеличивается потребность в специальном лингвистическом знании. В рамках дел об унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, а также в рамках дел об оскорблении, клевете определение формы выражения негативных сведений (разграничение фактологического утверждения и оценочного суждения / мнения) является одним из важных этапов при проведении лингвистического исследования, так как в соответствии с Пленумом Верховного суда РФ от 24.02.2005 только утверждения о фактах могут быть верифицированы [11].

К. И. Бринев отмечает, что все предложенные ранее в филологической науке критерии разграничения фактологического утверждения и оценочного суждения/мнения можно свести к трем основным: гносеологическому (возможность/невозможность верификации высказывания, которое соотносится/не соотносится с действительностью), онтологическому (соотнесенность речевого произведения и жизни как таковой) и модальному (маркированность/немаркированность спорных высказываний) [2].

Таким образом, анализ модальности высказывания/предложения, выявление маркеров мнения/оценки лежит в основе определения формы выражения негативных сведений в лингвокриминалистике.

Несмотря на всестороннюю изученность категорий модальности и оценки (модальность рассматривается работах Ш. Балли,

В. В. Виноградова, В. Г. Гака, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, Е. И. Беляевой, С. С. Ваулиной, М. В. Ляпон, Т. В. Маркеловой и др., оценка описана в работах А. А. Карагодина, К. И. Бринева, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. И. Шаховского; И. А. Стернина, Е. М. Вольф и др.), их соотношение является сложной проблемой для современной лингвистики, поскольку до конца не решен вопрос взаимодействия модальности и оценки, а также лингвистических фактов, которые можно отнести к средствам выражения оценки и модальности.

Исторически понятия модальности и оценки были заимствованы лингвистикой из философии логики: «в логике модальность толкуется как отношение высказывания к действительности, а оценка — как высказывание о ценностях; под ценностью при этом понимается всякий предмет любого интереса, желания, стремления» [5: 50]. Также из логики лингвистика заимствует противопоставление модальных структур: *de dicto* (модальность распространяется на все предложение) и *de re* (модальный оператор приписывает признак вещи) [4: 13].

В лингвистической науке есть три подхода к рассмотрению взаимодействия категорий оценки и модальности.

1. В первом модальность и оценка полностью отождествляются. В рамках данного подхода подчеркивается способность «любой языковой единицы выражать оценочную функцию (положительное, отрицательное или безразличное отношение говорящего) в зависимости от контекста» [10: 185]. Как указывает Т. В. Маркелова, такое рассмотрение соотношения модальности и оценки нашло свое отражение в функционально-прагматическом подходе, который обычно реализуется при анализе текста [Там же]. Ученый подчеркивает, что «оправданность такого подхода диктуется онтологическим пониманием оценки как универсума мышления и познания» [Там же]. Тесная взаимосвязь категорий модальности и оценки отражена в работах таких ученых, как Ш. Балли (1955), А. Вежбицкая (1982), Е. М. Вольф (1985) и др.

2. Во втором отражена частичная связь вышеназванных категорий, говорится о пересечении признаков категорий модальности и оценки [10: 186–187]. Т. В. Маркелова указывает, что данный подход к рассмотрению взаимодействия модальности и категории оценки предложен в «Русской грамматике» 1980 [12].

Так, Н. Д. Шведова отмечает многозначность термина «модальность»: под ним подразумеваются различные явления, которые имеют внутриуровневую распространенность. Ученый классифицирует модальные слова на: 1) объективно-модальные, к которым относит синтаксически абстрактные категории: синтаксические реальность (иньектив, синтаксическое будущее и проч.) и ирреальность (ирреальные

наклонения); 2) субъективно-модальные, которые могут быть выражены «интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов (иногда их называют «модальными словами»), а также разнообразными комбинациями этих средств» [12: 214]. Н. Д. Шведова разделяет класс субъективно-модальных слов на оценочно-характеризующие, под которыми понимает «значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта, события, из его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами или событиями» [Там же: 215] и собственно-оценочные, под которыми понимает «многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения» [Там же: 216].

Также к модальным, по мнению Н. Д. Шведовой, относятся краткие прилагательные, глаголы, предикативы, которые выражают «долженствование, необходимость или вынужденность, предстояние, готовность; это такие слова, как *можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, должен, обязан, может, хочет, желает, следует (в знач. (надо)), (не)годится (в знач. (не следует))*, *надлежит, подобает*» и модальные лексемы, относящиеся к сфере утверждения, отрицания или вопроса [Там же: 214–215; 13].

В. В. Виноградов понимает под модальностью универсальную категорию, поскольку «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [3: 5]. Также ученый утверждает, что с модальностью «соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.)» [3: 63]. Идеи В. В. Виноградова отразились в работах таких ученых, как Г. А. Золотова [6], А. В. Бондаренко [1].

Г. А. Золотова выделяет три аспекта модальности: субъективный, объективный, предикативный [6]. Как отмечает О. Н. Кастанорова, «наличие говорящего, его “выбор” и “установка” модальности предложения определяет ее субъективную сторону. Влияние социальной сферы, общепринятых стереотипов, существующих в языковой “картине мира”,

накладывает “объективный” характер на сферу модальности. Нельзя не отметить и противопоставление форм сказуемого по частным модальным значениям (желательности, целесообразности и т. п.), которое образует “модальность предиката”» [8: 108].

А. В. Бондаренко подчеркивает, что модальность может рассматриваться «как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности» [1: 23]. Таким образом, основу модальности составляет отношение субъекта к тому или иному действительному или возможному положению дел, что сближает вышеназванную категорию с оценкой.

И. А. Стернин и Д. Ю. Просовецкий также считают оценку одним из видов модальности и подчеркивают сложность структуры оценки (взаимодействие субъективных и объективных факторов), указывая, что, помимо оценки по шкале *хорошо-плохо*, оценка может быть нейтральной [16: 75–96; 17].

Связь модальности и оценки подчеркивает и Л. М. Васильев. Ученый пишет, что «некоторые собственно модальные значения (например, значение необходимости, значение возможности и т. п.) могут быть истолкованы и как оценочные, ибо выражают оценочные суждения о «положении дел», оценочный способ познания мира» [Цит. по: 9: 57], поэтому в модальные значения включает классификацию оценки. Л. М. Васильев выделяет следующие оценочные предикаты: 1) модально-оценочные, 2) общеоценочные, 3) частнооценочные, 4) утилитарные, 5) этические, 6) сенсорные, 7) связочные/ассиологические [Там же].

Таким образом, в рамках данного подхода оценка рассматривается в качестве категории, пересекающейся с модальностью в части проявления субъективного отношения к действительности.

3. Третий подход мы вслед за Т. В. Маркеловой обозначим как «узкий». В нем рассматривается взаимосвязь модальности и оценки, но подчеркивается принципиальная разница между оценкой и оценочностью как выражением модусных категорий [10: 186–189]. Стоит отметить, что в рамках данного подхода предпринята попытка четко разграничить категории оценки и модальности.

Говоря о сходстве модальности и оценки, Т. В. Маркелова указывает на общность их структурных компонентов (отношение, субъект, объект): выражение отношения при субъектно-объектном взаимодействии [10: 184]. Рассуждая о разнице между модальностью и оценкой, ученый подчеркивает, что у рассматриваемых категорий разный характер функционально-семантического поля: «моноцентризм ФСП модальности и полицентризм ФСП оценки» [Там же: 189]. Если

в основе функционально-семантического поля оценки находятся «объект и субъект оценки, которые отражены в денотативной ситуации высказывания — ментальном акте оценки» [Там же: 189–190], то в основе функционально-семантического поля модальности находится модальная парадигма, состоящая из различных форм глагольных наклонений, модальных слов или частиц, которая имеет распространение на предложение в целом [Там же]. Т. В. Маркелова указывает, что «в ФСП оценки парадигматика оценочных высказываний очевидно связана с синтагматикой, отражающей специфическими языковыми средствами ядра и периферии такие имплицитные, когнитивные содержательные элементы оценки, как оценочная шкала и стереотип, характеризующиеся интенсификацией оценки» [Там же]. Исходя из этого, ученый приходит к выводу о принципиальной разнице между оценкой и модальностью.

Таким образом, в рамках данного подхода модальность очевидным образом дифференцируется от категории оценки.

Итак, ученые обсуждают взаимодействие модальности и оценки в рамках трех основных подходов: для первого характерно полное отождествление оценки и модальности; для второго характерно рассмотрение модальности и оценки в качестве пересекающихся категорий, выражающих отношение говорящего к предмету речи; для третьего подхода характерно растождествление вышеназванных категорий на основе критерия функционально-семантического поля, под которым понимается группировка различных языковых средств (синтаксических, морфологических, словообразовательных, лексических), выражающих названные категории.

Для нашего исследования более релевантен широкий подход к рассмотрению проблемы соотношения оценки и модальности, в котором оценка и модальность рассматриваются как пересекающиеся, но не тождественные категории, поскольку при производстве лингвистической экспертизы принципиальным является определение общего характера высказывания (оценочное или фактологическое). То есть от эксперта в этом случае требуется установить отношение говорящего к предмету речи, выяснив смысловую составляющую субъективной модальности путем анализа спорного текста на предмет наличия / отсутствия в нем оценочных языковых средств.

В качестве примера анализа спорного текста, демонстрирующего высокую значимость установления соотношения категорий оценки и модальности, приведем повторную экспертизу по иску Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки к ИД «Ленинская смена» в 2019 году [18]. Так, при анализе спорного фрагмента *«Почему влиятельный музыкальный вуз, так и не научившийся эффективно тратить*

бюджетные миллионы, продолжает безнадежно скатываться?» [18: 46] эксперты квалифицируют данное спорное высказывание как выражение субъективного мнения автора. Данный вывод делается ими с учетом структуры самого предложения, а также значения отдельных лексем (*безнадежно, эффектно, скатываться*). Мы соглашаемся с выводами экспертов. Действительно, в данном фрагменте оценочная модальность выражается вопросительной интонацией, которая формируется при помощи вопросительного местоименного слова «почему» и знака вопроса в конце предложения. Сочетание «так и не» в значении еще не совершенного действия используется в качестве средства усиления выражения неодобрительной оценки ситуации.

В спорном фрагменте *«Большинство этих людей, лично преданных ректору, разве что периодически обеспечивают нужные ему результаты голосования <...>»* [18: 47] модальным маркером предположения выступает частица «разве что», которая предлагает значение неуверенности, сомнения. К выводу экспертов хочется также добавить, что данная частица выполняет присоединительную функцию [3: 87], связывая части предложения и распространяя значение на всю грамматическую конструкцию. Таким образом, очевидно, что вывод о субъективном характере модальности высказывания сделан экспертами на основе анализа оценочных языковых средств, выявленных в спорном тексте.

Еще одним примером тесной взаимосвязи категорий модальности и оценки в рамках экспертного исследования текста может служить фрагмент экспертизы № 7, опубликованной в книге «Цена слова» [17: 66] *«Неужели вы, г-н Глава, не признаете, что создали теневой бизнес именно вы и только вы»*. Анализируя приведенный фрагмент, эксперты приходят к выводу, что предложение «содержит утверждение с оттенком удивления, недоуменности» [17: 68], однако подчеркивают, что частица «неужели», употребленная в начале предложения, характерна для вопросительных предложений, но из-за отсутствия знаков препинания и соответствующей интонации квалифицировать данное высказывание в качестве вопросительного нельзя. Такое заключение представляется небесспорным, поскольку, как указано в «Русской грамматике» 1980 [12], главенствующая роль в оформлении вопросительного предложения принадлежит не только интонации, но и вопросительным частицам, в число которых входит использованная в тексте частица «неужели», которая дополнительно выражает значение сомнения, удивления, а также используется в речи для демонстрации несоответствия представлений говорящего и слушающего, выражая тем самым разницу в позициях. В соответствии с текстом Пленума Верховного суда [11], фактологическим высказыванием может выступать только

утверждение о фактах, выраженное повествовательным утвердительным/отрицательным предложением без маркеров оценки/мнения. Как было подчеркнуто ранее, частица «неужели» содержит значение сомнения, оформляет предложение в качестве вопросительного, тем самым выступает в качестве субъективно-модального маркера сомнения. Таким образом, спорный фрагмент является оценочным суждением.

Итак, одним из основных критериев разграничения фактологического утверждения и оценки/мнения при проведении лингвистической экспертизы текста выступает так называемый модальный критерий. Поэтому для эксперта принципиально важно знать основные подходы к рассмотрению категорий оценки и модальности, иметь исчерпывающий перечень средств выражения субъективно-оценочной модальности. Анализ приведенных примеров дает возможность увидеть, что использование широкого подхода к рассмотрению соотношения категории оценки и модальности позволяет получить понятные и прозрачные критерии определения формы выражения негативных сведений.

Литература

1. *Бондаренко А. В.* Модальность в системе категориальных единств // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сборник научных трудов. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2008. С. 21–34.
2. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2015. 252 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
5. Гавриличева Г. П. О проблеме соотношения понятий «оценка» и «модальность» // Ученые записки ЗабГГПУ. 2010. № 3. С. 50–55.
6. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
7. *Карагодин А. А.* Проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений в юрислингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3 (28). С. 272–275.
8. *Касторнова О. Н.* Слова категории оценки и модальность в русском языке // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2006. № 4 (6). С. 107–111.
9. *Квашина В. В.* Теоретические основы сопоставительного изучения категории оценки в разносистемных языках // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 2 (17). С. 54–60.
10. *Маркелова Т. В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 25.07.2024).
12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 710 с.
13. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.
14. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой. М-во юстиции Рос. Федерации, ФБУ РФЦСЭ. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
15. *Стернин И. А.* Основы лингвокриминалистики: учебное пособие. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2018. 304 с.
16. *Стернин И. А., Просовецкий Д. Ю.* Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 75–96.
17. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. Изд. 3, испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 423 с.
18. Экспертиза ГЛЭДИС по определению Арбитражного суда Нижегородской области повторная по иску Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки к ИД «Ленинская смена» [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/1.7ExpArbsudNizhoblpovt2019.pdf> (дата обращения: 31.07.2024).

V. V. Salkova

Correlation of linguistic categories of evaluation and modality: linguocriminalistic aspect

Abstract: this article is devoted to the problem of correlation of linguistic categories of evaluation and modality within the framework of linguocriminalistic analysis of the text. The main approaches to the consideration of these categories in linguistic science are outlined. The main classifications of modality are given.

Keywords: category of evaluation, evaluative, category of modality, humiliation of honor and dignity, libel, defamation.

В. И. Сенкевич

доктор филологических наук,
профессор Брестского государственного
университета им. А. С. Пушкина
Брест, Белоруссия
sienkiewicz@tut.by

Феномен чести и категория достоинства в языке и речевой деятельности

Аннотация: статья посвящена исследованию категории достоинства и феномена чести. Путем антиномии предпринимается познание существенных параметров чести, противопоставленных категориальным признакам достоинства. Доказывается позитивно-прагматическая природа личного достоинства и апофатический (негативный) характер чести.

Ключевые слова: честь, достоинство, антиномия, явление, убедительность, достоверность.

Divide et impera! (Разделяй и властвуй!)

Гай Юлий Цезарь

1.1. Лингвистическое исследование чести и достоинства не может не исходить из парадокса языковой антиномии. В каждой антиномии присутствуют итоги опытного познания самой реальности и результаты дискурсивных теорий и практик, которые сопровождаются проверенными знаниями, практическими умениями и накопленными навыками. Широко известна базовая междисциплинарная антиномия — существование — лат. *existentia* (vs сущность — лат. *essentia*). С ней корреспондирует антиномия юридически значимой категории достоинства и этического феномена чести.

Учение о языковой антиномичности выступает ключевым вектором философии священника П. Флоренского: «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык» [9: 185]. Принцип антиномичности чрезвычайно важен для современного языкознания, развивающегося преимущественно на основе идеологии структурализма. Тезис Ф. де Соссюра «Язык есть форма, а не *субстанция*...» оказывается несостоятельным для феноменологической лингвистики [7], изучающей «язык сущности» (М. Хайдеггер). Все феноменальное ориентировано в сторону археологии языка — глубинных смыслов и архетипов, благодаря которым моделируется целостность всего.

В статье используется антиномический подход («от обратного»). В свете этого подхода сущность всего познается через то, чем оно не является. Технология антиномичности заимствована лингвистикой из феноменологии познания и известна использованием парадоксов в области ортодоксального знания (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский и др.). Феноменология — «наука о сущностях» (М. Понти) — не видит в языке систему, функционирующую в речевой деятельности, а усматривает этологическую гармонию живого слова — воплощение в нем благодати, противоречащей именному закону (*nomina*); во имя (*vs* ради).

На пути «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) определяется и выносится за скобки то, что существует как данное, противопоставленное всему, что не существует в общем и частном — несуществующая сущность, однако «есть для кого» — со всей очевидностью присутствует в восприятии и вербально манифестируется в устном и печатном слове [2: 15–31]. Так, существует «ургия» (дело), однако есть «логия» (слово).

Выведение фактически и событийно данного из сферы очевидной реальности («вынесение за скобки») благоприятствует познанию всего сущностного. Возникают антиномии, включающие единицы, имеющие отношение к системе, и элементы, касающиеся гармонической устроенности самой реальности: имя (*vs* слово), речевая деятельность (*vs* вербальное поведение), воля (*vs* свобода), акт (*vs* поступок), изменения (*vs* перемены), демонстрация (*vs* манифестация) и др.

В процессе исследования категории достоинства и в ходе изучения феномена чести архиважно не отождествлять дискурсивную (рассудочную) теорию и практику, дающие рационально аргументированные знания, и опыт непосредственного познания с сопутствующими ему чувствами и размышлениями. В отличие от достоинства честь не причастна к жизни, а есть неотъемлемая составляющая самой жизни. Без чести не обходится уникальный опыт восприятия и интерпретации всего живого и его (не)благоприятных условий: — *Братцы, а давайте просто дела делать, без обмана? Ведь ежели честно жить, — так ведь как хорошо, покойно, а?* (М. Горький «В людях»).

1.2. Антиномия «достоинство (*vs* честь)» оказывается фундаментальной для языка в процессе его употребления и использования в разных сферах. Эта антиномия повсеместно обнаруживается в обыденных и официальных вербальных переговорах, а также активно проявляется в прагматически значимой речевой деятельности. Особенно существенна она в процессе идентификации субъектов права и вынесения правовой оценки. Не обходится без названной антиномии и этические

интерпретации социального поведения Homo loquens (Человека говорящего): *Честь и достоинство социального педагога* (Л. В. Мардахаев «Социальная педагогика»). Он понимал, что такое офицерская *честь и достоинство* (М. Федоров «Герои Сирии. Символы российского мужества»).

Отдание чести повсеместно обнаруживается в обыденном и профессиональном языках: *Честь имею приветствовать вас в своих владениях, — молвил тем временем черный рыцарь...* (Б. Сушинский «Саблями крещенные»). Приветствуя другого человека, его тем самым чествуют: польск.: *Widywał ich gdzieś na ulicy już podczas okupacji, ubranych po cywilnemu, wydorosłych; kończyło się na, «cześć...cześć» albo na, «jak leci?» — Кое-кого он, правда, видел мельком на улице уже во время оккупации, без гимназических мундиров, повзрослевших. Разговор ограничивался обычно тем, что они говорили друг другу, «Привет...» или спрашивали на ходу, «Как дела?»* (Б. Чешко «Поколение», перевод С. Свяцкого).

Парадоксально оказывается, что свойственное категории достоинства, никоим образом не характерно для феномена чести. Эта очевидная необычность нередко не замечается. Честь неоправданно отождествляются с достоинством или же определяется через него: *Честь — это достоинство нравственно живущего человека* [4: 53]. Также и в толковом словаре: *честь* 'достоинство (личное, профессиональное, военное и т. п.)' [8: т. 4, с. 672].

Не могут не возникать вопросы и к формулировкам, касающимся чести и достоинства, в действующих правовых документах: «1. Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» [10.2. «Оскорбление» (Кодекс Республики Беларусь от 06.01.2021 № 91-3)]. Из статьи следует, что унижается не только честь, но и достоинство.

Однако унижить человека абсолютно не значит оскорбить его. Не случайно роман Ф. М. Достоевского называется «Униженные и оскорбленные». Униженный человек обесчещен — растерян сам и потерян для общества. Оскорбление же затрагивает моральный порядок существования личности. Показательно, что укр. *скорбіти* «скорбеть» означает «причинять горе», лит. *skurbė* «горе» (по М. Фасмеру). Оскорбленный индивид озабочен собственным скорбным положением: сербохорв. *skr̂bitи*, *skr̂b̂им* «заботиться», *skr̂b* «забота» (Там же).

1.3. Категориальная природа достоинства не подлежит дискуссии. Категория определяется как специальное априорное понятие, выражающее существенные отношения действительности. Аристотель понимал под категориями наиболее общие понятия, являющиеся предикатами и утверждениями. Свойства категорий проявляются в логике

дискурсивной (рассудительной) речи, требуют подтверждения и доказательства. Показательно, что в древнегреческом языке понятие «*κατηγορία*» имело значение «обвинение» (от *κατα-* — «противодействие», и *ἀγορεύω* — «произношу речь на собрании»).

Достоинство является моральной категорией. На нем основывается уважение к личности за присущие ей ценностные качества (*категория личного достоинства*). Достоинство требует процедуры институционализации — установления фактов и логического обоснования. Правоммерно утверждать наличие в государстве и его организационных структурах особого института достоинства, существование которого востребовано в активной преобразовательной деятельности субъектов права.

Категории достоинства, как и любая категория, относится к универсуму (лат. *universum* «общность») — объективной действительности как единой системе, существующей во времени и пространстве. Универсальное исследуется когнитивистикой. Любая категория ассоциируется с функцией именования и «объявлением во всеуслышание» (Августин и Боэций).

Совершенно другое — честь. Кроме универсального общего есть континуальное и имманентное для человека целое; общее (*vs* целое). Целостность — неотъемлемый атрибут восприятия и феномен жизни: *целостное восприятие, целостное впечатление, целая жизнь; Живи і цільна-насці шукай...* (М. Багдановіч). «Жизнь, — пишет А. И. Герцен, — есть сохраняющееся единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс: смерть и гниение трупа — полное освобождение частей» [1: 100].

Целостность выступает признанным этическим параметром. Целомудрие говорит о совпадении мыслей человека с его поступками (ср. пол. *potyszlność*). В поточном языке целостность сопрягается с девичьей честью: *целка* (вулг.) ‘девственность’. Слова *рвань, рванина, нарванность; подорвать, подрыв, зарываться, оторваться* и т. д. обязаны своим этическим смыслом нарушению целостности: белорусск. — *От дурныя хлопцы, запіхае Уліта ў выбітае акно падушку. — Нарваныя...* (К. Каліна «Крылаты конь»).

Честь не имеет отношения к универсуму, однако повсеместно присутствует в сфере непрерывно-целостного континуума. Это феномен — «несуществующая сущность» (Э. Гуссерль). Феноменологический статус чести манифестируется ее ориентацией на сознание реципиента, преломляющего реальность через призму своего восприятия. Честь не существует как фактически данное, однако *есть* в своей несомненной осознанной очевидности «для кого»: *Помилуйте... за величайшую для себя честь почту!* (М. Е. Салтыков-Щедрин «Губернские очерки»).

Не имея универсального значения, феномен чести обладает для человека непреходящим смыслом. Не нуждается честь и в концептуализации, т. е. в понятийном и парадигматическом представлении чего-нибудь определенным образом и его системном упорядочении. Честь не может быть также аргументом в теоретических дискуссиях, т. к. ею ничего не доказывается и не обосновывается. Есть «честный взгляд (мнение)», однако честь непригодна к репрезентации различных точек зрения. Это не актуальная проблема, требующая анализа, а насущный («больной») для каждого человека вопрос. Не будучи прагматически направленной, честь выступает смысловой доминантой (ключом) совершаемых поступков и оказывается частым поводом социальных конфликтов.

Этические аспекты презентации чести, несомненно, заслуживают рассмотрения, детального изучения и осмысления. Осуществить это, по нашему мнению, реально только путем противопоставления ноуменального (эмического), свойственного достоинству, и феноменального (этического), характерного для чести.

1.4. Категории достоинства, как и любой категории, требуется точное и логически обоснованное определение. Определить — значит ответить на вопрос «Что это *такое?*». Однако логика точного определения бессильна перед сферой феноменального, не исключая честь. Честь «не такая». Нет смысла превращать что-то в предмет знания, если есть реальный шанс познакомиться с ним непосредственно. О дереализующей «жестокоей дилемме» всякого понимания пишет Х. Ортега: «Мы не можем сделать объектом нашего понимания, не можем заставить существовать для нас предмет, если не превратим его в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он не перестанет быть тем, чем он есть, и не превратится в тень, в схему самого себя» [5: 101].

Феномен чести не нуждается в логическом определении в силу его объективно-субъективной *не данности*. Принципом всех принципов в феноменологии выступает очевидность. Для нее нет необходимости в «свидетеле по делу»; свидетель (*vs* очевидец). Так, субъект может понимать и свидетельствовать факт, что ему лгут. У лжи бывает свидетель, а у неправды — не бывает. Референт в состоянии сам интуитивно догадаться, обманывают его либо говорят правду.

Санкция на знания, дереализующие сущность вещей, не мешает, однако, приблизить познаваемое и скрупулезно познать его. Честное и правдивое не определяется как правильное и истинное; истина (*vs* правда). Правда не соотносится с институтом закона: *Ведый сие, яко праведнику закон не лежит* ... (1 Тим. 1:9). Точные («правильные») науки не могут открыть, кем в своей сущности есть человек и в чем заключается смысл его жизни. На эти и похожие с ними вопросы ищут ответы

науки эйдические (гуманитарные), приближающие к познающему человеку саму реальность.

Подлежать логическому определению — значит употребляться в функции подлежащего, быть темой. Честь не подлежит определению. В этом смысле честь есть феномен функционально не подлежащий — свободный и нетематический. Однако, не будучи тематическим сущим, феномен чести многократно мотивирован. Мотив чести частотен в народной паремииологии: *Всяк честен своими заслугами. Честь по заслугам. Кого почитают, того и величают. Честь окрыляет, бесчестье гнетет. Сегодня в чести, а завтра — свиней пасти.*

Феномен чести оказывается релевантным в размышлениях авторов художественных произведений, знакомящих читателя со своим мировосприятием. Мотив чести звучит в «Горе от ума» А. С. Грибоедова «Евгении Онегине», «Капитанской дочке» и «Дубровском» А. С. Пушкина, «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Отцах и детях» И. С. Тургенева, «Войне и мире» Л. Н. Толстого, «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, «Мастере и Маргарите» и «Беге» М. А. Булгакова, «Тихом Доне» М. А. Шолохова, «Сотникове» В. В. Быкова и др. Отмеченными произведениями далеко не исчерпывается перечень авторских раздумий, касающихся вечного вопроса — чести человека и ее реализации в разных условиях жизни.

В отличие от достоинства, честь не тема и не рема предложения, а составляющая воплощенного в тексте *высказывания*. Самое искусное высказывание ничего не утверждает и ни в чем никого не убеждает. Высказывается не тождественное знанию мнение: «мнить. Устар. Думать...» [8: т. 2, с. 280]. Мнение не существует как языковая данность, однако незримо присутствует в языковом сознании пользователя — есть: *Есть мнения более широкого, можно сказать, общественного характера* (О. Смолина «Азбука счастья»). Мнение не бывает бывшим. Мнениями нераздельно обмениваются. Спекулятивным оказывается выражение «разделить мнение»: *Мама, как всегда, разделяла мнение мужа* (Е. Эшмун «Они среди нас»). Личное достоинство, в отличие от чести, существует независимо от мнения.

Честь, случается, теряют. Потеря чести оказывается позором для человека. Утрата достоинства связана с нанесением ущерба личности. Сохранить представление о собственной ценности, на которое указывает слово «достоинство», можно и в одиночестве. Осознание же своей чести реально только в социуме — где есть другие (*постоять за честь своей школы*).

Высказывая мнение, внушают важный для кого-то смысл либо уверяют в настоятельной необходимости чего-то. На вопрос «В чем

закljučается честь?» академик Д. С. Лихачев отвечает: «В том, что человек держит слово» [4: 185]. Держат *обещанное* слово. На поверку оказывается, что пообещавший что-то человек никому ничего не должен. Обещание есть наложение («налог») на себя обязательства перед другим. Это не целесообразный речевой акт, а слово. Нарушивший свое обещание не виноват, т. к. не затрагивает «дело-закона» (ап. Павел). Обещание — обдуманый священный поступок («обет» — возвыш.). За неисполненное обещание не винят, а «предъявляют»: *Вы не исполнили священного обета, Свою любовь и ту забыли вы* (Л. Ружинский).

Честное слово никак не связано с институтом веры. Решение вопроса о честности кого-, чего-либо неотделимо от мысли о *доверии* к нему. Доверие не проявляется, как вера, в личных отношениях и обращенной речи. Статус доверия логистический. Честным словом никого ни в чем не убеждают, однако при необходимости поддерживают и утешают. В сфере феноменологии знание сменяется посвящением, навыки — привычкой. Честный человек не является носителем убеждающих знаний и практических навыков. Это уверенный в себе и других цивилизованный пользователь (*пользоваться доверием, авторитетом, популярностью* и т. д.).

Честное слово не может быть примером убежденности. Это образец достоверности. Обещая или уверяя в чем-то, нет необходимости прибегать к клятвам. Фактически любая клятва является личностно значимым речевым актом: *Клянусь я первым днем творенья, Клянусь его последним днем...* (М. Лермонтов «Мцыри»). Однако в христианской этике: «Я же говорю вам: не клянитесь вовсе» (Матф. 5:34).

В этической сфере клятва уступает место уверению — божбе: *Я, ей-ей, не виноват ни душой, ни телом* (М. Горький «Детство»). В «ей-ей» звучит мотив заверения. Достоверность высказывания возрастает, если апеллируют к авторитету высшей силы — Богу («ей-богу»). Мотивом уверенности знаменуется подлинная сущность честного слова: **БУДИ ЖЕ СЛОВО ВАШЕ: ЕЙ, ЕЙ: НИ, НИ: ЛИШШЕ ЖЕ СЕЮ НЕПРИЗНИ ЕСТЬ (МАТФ. 5: 43)** [6: 35].

Апелляция «ей», как и призывное «эй», не играет в языке роль действенного стимула. Это посылаемый поведенческий импульс: ср. польск.: *Hej, hej, hej sokoły Omiłajcie góry, lasy doły...* (песен.). Негация «ни, ни» в приведенной выше цитате, как и вокативное «ей-ей», также не имеет отношения к логике — не выражает логическое отрицание («нет, нет»). Здесь не проявляется воля закона, однако звучит санкция защиты перевозданной целостности всего (не смей без разрешения): *Прикладываться с молитвой и давать приношения — пожалуйста, но щупать и пробовать на зуб подлинность — ни-ни!* (В. Тараненко).

Любое достойное существование проявляется деятельно, т. е. активно или пассивно. Чести не проявляется в обстоятельствах причинения (воздействия), а касается обусловленного состояния. В осознании мотива (не)честного поступка неуместно проблемное «почему?», как и объяснительное «потому что». Возникает вопрос «А зачем?» (арх. *почто?*): — Ты *почто* боярыню обидел, смерд!? (из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»).

1.5. Достоинство хранят (сохраняют, охраняют): *Мне поистине дозволено и всегда будет дозволено **хранить достоинство** и презирать смерть* (М. Т. Цицерон «Речи»). Честь не подлежит хранению и абсолютно не нуждается в охране. В сфере чести бдительный надзиратель уступает место строгому смотрящему, охранник — сторожу. Честь стараются сберечь и стремятся оберегать: *Береги одежду снова, а честь смолоду* (посл.). *Честь головой оберегают* (посл.). Человек либо сам в состоянии сберечь свою честь, либо этим озадачены другие — его защитники (*защита чести*). Миссия «оберега» издавна характерна для признанных сакральными вещей. Так, оберег (от глагола «оберегать») — это вещь, источающая «отгонную» силу и оберегающая ее владельца от стихийных бедствий (ср.: мезуза — священный текст у евреев).

Хранимое достоинство, связанное с деловыми качествами личности, является личным (*личное дело, личное достоинство*). Честь же не касается института личности. В сакральной сфере чести все совершается под имперсональным лозунгом «Ничего личного». Поступая (не) честно, человек, собственно, ничего не делает, а только как-то себя ведет: *Честь честью, а дело делом* (посл.). Присутствуя в сознании человека, честь неизменно управляет его поведением. В силу этого не бывает честного дела. Делается что-нибудь добросовестно (на совесть). Есть же честный поступок и честное («ровное») поведение (*поступить честно, вести себя честно*). Склонность к нечестному вербальному и невербальному поведению рассматривается не в плане недостойной деятельности, а в аспекте девиантного поведения (от лат. *deviatio* — отклонение).

Нечестное поведение кого-либо никак не связано с отношением соответствия-несоответствия, которое регламентируется установленными правилами. Характер поведения совпадает либо не совпадает с принятыми в конкретном обществе образцами и стандартами. Степень несоответствия замечается в несхожести с ними и незамедлительно манифестируется «философским» вопрошанием — «На что это похоже?!». Непохожесть (рознь) выступает поводом для возмущения: [Городничий:] *А, Степан Ильич! Скажите ради бога, куда вы запропастились? На что это похоже?* (Н. В. Гоголь «Ревизор»).

Совпадение не относится к области дифференциации и интеграции (разделения и объединения). Это проксемическая модель и признанный путь консолидации — сближения и сплочения. Распознавание в ком-либо честного человека никак не поднимает его агентивный личностный уровень, однако неизменно возвышает социальный статус (имидж): *Сер волк, сед волк, а все ему волчья честь* (посл.). Принцип социальности «честного народа» обнаруживается не в единстве его представителей (*едино*), а в солидарности каждого с каждым (*заодно* с кем-то). Коллективное «мы» в этологической сфере сменяется товарищеским «с кем» (*поступить с кем-то нечестно*).

Формированию образа достойной личности (образа «я») основывается на активной позиции субъекта и присущих ему идеологических установках, т. е. твердости убеждений. Нечто, имеющее актуальную или потенциальную значимость, никак не касается имиджологии становления честного человека.

Имидж не является сформированным образом. Это *эйдос* — облик, фигура, силуэт, стать (ср. бел. *постаць*). Имидж создается не с целью воздействия на кого-, что-нибудь, а с интенцией оказать благотворное влияние на других, вызвать приятное впечатление и восхищение. Имидж не бывает собственным — только своим. Ему вредит обман и фальшь. Составляющими имиджа выступают *репутация* и *авторитет*. Человеку с имиджем нет необходимости врать. Сила в правде. Важно самому не обмануться и не обмануть близких.

Знаменательно, что вызываемые впечатления, благоприятствующие имиджу человека, не бывают ни истинными, ни ложными. Есть только *обманчивые* впечатления. Все, что касается аспекта восприимчивости и сопутствующей ей впечатлительности, не соотносится с монументальностью достоинства. (Не)честное не хранится в памяти — не помнится, однако не забывается.

За совершенный поступок не следует ни поощрять, ни наказывать. За проступок строго взыскивают (*дисциплинарное взыскание*): *Так что не взыщите строго за юношеские неровности стиля, а попытайтесь понять меня давнишнего, но по возрасту — вашего сверстника* (И. Игнатенко «Лента жизни»). Известный классический формат взыскания — вызов на поединок (дуэль). Взыскание не является наказанием. Это «несмертельная» санкция — казнь. Казнят, в принципе, не преступников за «дело», а ослушников за непослушание. Так, если кто-то с кем-то поступил нечестно, то, нередко, с ним не разговаривают, его не приглашают к себе и не зовут с собой, отворачиваются и т. д. Человек в состоянии казнить самого себя: *Да, но что испытывал он? Решил избегать ее? Но тотчас она уже казнила себя за самый вопрос* (Дж. Остен «Доводы рассудка»).

1.6. Этологические характеристики всего живого, изучаемого в аспекте его честности, никак не связаны с аксиологией — теорией ценности, определяющей действительность в терминах добра и зла. Не имея отношения к «добрым делам», честь не является добродетелью. С честностью корреспондирует феномен *блага* и условия его обретения (*благочестие, благоприобретение*).

Добром как материальным достатком считается наличие имущества, денег и т. п. Правовой субъект способен делать добро и желает людям всего доброго (*добрые деяния, доброжелательность, добропорядочность*). Существует «добрая воля», свойственная ее представителям — добровольцам. Добро представляется категорией знаковой (*добрый знак*), именной (*доброе имя*), относительной (*добрые отношения*), людской (*добрые люди*). Добро является предметом знания (*знать добро*), верифицируется на предмет истинности (*истинное добро*). Добро существует в мире возможностей, имеет свойство пропадать (*Добро пропадает*), соотносится со злом: «...добро невозможно без оскорбления зла» (Н. Г. Чернышевский).

Добро связано с волеизъявлением. Так, можно чему-нибудь «дать добро», т. е. позволить: *Он лично дал добро на покупку этих фирм* (Э. Голдратт «Цель-2. Дело не в везении»). Однако нет смысла в волеизъявлении, если что-то касается блага. Благо не выбирают. Феномен блага оказывается сопутствующим продуктом разрешения трудных ситуаций (*благоприятное разрешение ситуации*). Благо не дается, но ниспосылается адресату и получается им (*благополучие*). Добрыми делами кто-нибудь может прославиться. За честные поступки не славят, а непременно хвалят: *Архитектору честь и хвала* (А. Осадчук «Путь Изгоя»).

Фактически любому индивиду можно дать оценку, определив его в категориях добра и зла как «хорошего» или «плохого» (*хороший специалист, плохой работник*). Подлинная же человеческая сущность и ее неотчуждаемые составляющие не имеют цены — бесценные. Отсутствие цены не исключает для кого-либо аспекта *стоимости*. Есть мнение, что каждый стоит столько, сколько в состоянии «держаться» — защищаться, ограждая себя и других от всего, чреватого неприятностями. Незаменимым инструментом этического диктата и защиты выступает честное слово (*слово в защиту, слово защиты*).

Знаменательно, что польском языком феномен чести буквально воспринимается в аспекте защиты: польск. *zaszczyt* — «честь», *zaszczytny* «почетный», *zaszczyścić kogo* — «оказать честь кому» [11: 847]. Оказанная честь выступает поводом для гордости (польск.: «to, co stanowi powód do dumy»). Ценные качества личности, на основании которых утверждается личное достоинство, проявляются в области причинно-следственной

деятельности. Совершаемые честно поступки мотивируются не объяснимой причиной, а очевидным для поведения *поводом*.

Сказать о материальном достатке и духовном достоинстве кого-, чего-нибудь — значит открыть миру информацию относительно совокупности материальных и духовных потенций субъекта. В основе суждений лежат представления о различной ценности денотатов. Однако указать ценность кого-, чего-нибудь не значить отметить его стоимость. Кроме того, что ценится, есть вещи бесценные — коннотативные и не имеющие для кого-то цены. Бесценность не свойственна практике, однако замечается в опыте (*бесценный опыт*). Что-нибудь бесценное никому не дается и не может быть подарено. Оно достается кому-то даром (*бесценный дар*); подарок (*vs* дар).

Дары не подношение и не пожертвование. Это *милость*. Не имея обособленной цены, что-то бесценное непременно чего-то стоит для человека («дорогого стоит»). Ценность представляется свойством предмета (лица) или явления: *ценная информация, ценные подарки, ценные указания, ценные специалисты (кадры), ценный материал, ценные качества, ценное имущество* и т. д.). Парадоксально оказывается, что нечто имеющее цену, ничего для самого человека не стоит. Так, жизнь есть бесценный дар, однако большинство уверено — *«Жить стоит!»*. Бесценным даром для каждого выступает и его честь. Иногда честь становится дороже самой жизни.

Стоимость выступает условием и импульсом наступления чего-то континуального (длящегося): *стоит только подумать, и...; стоит только взглянуть на нее, и...; стоит только отметить, и...* Ситуация, когда что-то есть, однако для кого-то не наступает, трагедийная: *Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется...* (песен.). В языке обыденности импульсом, задающим стоимость, обладает похвала («стоит только похвалить, и...»): *Хвалите бабы мужиков, Мужик за похвалу. Достанет месяц с облаков. И пыль сметет в углу!* (И. Губерман).

Похвала абсолютно не является формой выражения одобрения за действия. Это никакая не оценка, а лестный для кого-то отзыв. В похвале звучит признание заслуг и восхищение успешностью пройденных испытаний. Хвалебные слово не удовлетворяет, а доставляет несравнимое ни с чем удовольствие («успокаивает слух» — Архимандрит Макарий).

Нечто честное не одобряется, а приветствуется (чувствуется, «ухваляется»). Не случайно русскому *«Привет!»*, выговариваемому при встрече, эквивалентно польское *«Cześć!»*: — *Нам пора. Приятно было познакомиться. Привет сестре* (С. Клеверли «Зловещие предсказания»). — *Привет парни, быстро добрались* (А. Буряк «Операция «ИРБИС»»); — *«Cześć, Gosiu, piszę do Ciebie...»*. В поточном польском

языке слова «Cześć» и «Witaj» оказываются взаимозаменяемыми: «Cześć, Kasiu!», «Witaj, Kasiu!».

В приветствиях употребляется так называемый звательный падеж (польск. «wołacz», лат. «vocativus»): «Cześć, *Andrzeju*», «Cześć, *Piotrku*».

Приветствуются не избранные, а званные («...ибо много званых, а мало избранных» — Мф. 22:14). Можно быть или не быть избранным, однако «в натуре» каждый *есть* только постоянно званный (*вечный зов*). Званные не «угодники» — не делают угодные кому-нибудь дела. С точки зрения рассудка лишены качественного достоинства — никуда не годятся (*негодяй* происходит от «не- + *годиться*»). Однако их непригодность к деятельности абсолютно не означает, что они не подходят для службы. Все званные (призванные) не работают, а преданно служат.

Чествуя, человека хвалят за его заслуги. Когда кто-нибудь делает что-нибудь доброе, то за содеянное «виновника» удостаивают — достойно награждают, дают именные подарки и т. д. Награду и славу надо заработать, а хвалу — заслужить. Хвалят не за результаты, а за достижения. Чествуют заслуженных, а славят и награждают достойных. Служат «ради», а делают «во имя».

Честью дорожат. Эпитетом «дорогой» отмечается феноменальная сущность почитаемого человека со стороны его поклонников — *для кого* дорогой. Достоинство ценят и уважают. Определение «уважаемый» — вежливая форма выражения, т. е. *достойн* уважения. Однако есть что-то «стоящее» и фактически не имеющее цены — бесценное. Одаренного им человека непременно почитают.

Идентификация достоинства основывается на качественной оценке личности. Для аутентификации (распознания) чести служит не личностное определение, а признание архетипической *самости* человека («Сам без «Я»); определение (*vs* признание). Человек *сам* в чем-то честно признается либо его честность признается другими: — *Увы, не удалось. Хотя честно признаюсь, что пытался кое-что пронюхать по этому поводу* (А. Арсаньев «Французский сезон Катеньки Арсаньевой»).

Легитимации не подлежит достоинство личного «я» и коллективного «мы». Признаются заслуги человека — итог его «подвизания» на каком-либо поприще («ниве творчества»). Честь непременно нужно заслужить либо завоевать у других. В силу служебного статуса феномен чести не определяет чиновника, а характеризует человека «служивого» — находящегося на военной либо гражданской (гражданской) службе: *Что вы, что вы! Тридцать лет служил вере, царю и отечеству и ни разу не посрамил чести мундира* (И. М. Калинин «Русская Вандея»).

И военная, и гражданская служба не обходятся без ранжирования по званию. Звание — не показатель достоинства именитой личности,

а критерий величия знаменитого человека (*звать-величать*). Именитость чести исключается. Имя является категорией юридической. Субъект имеет право на имя. Звание же конвергентно. Ищется подходящее для аутентификации звание. Званные не избранные («Ибо много званных, а мало избранных» — Матф., 22, 14).

Никакое звание не дает право на определенный акт. Им санкционируется очерченный для кого-либо круг поступков (предприятий). Признавая кого-либо, признают его власть. Выступая источником власти, легитимность уполномочивает референта не иметь, а владеть, не руководить, а управлять. Это уже не область прав, а сфера обязанностей. Легитимация отмечает социальный статус (состояние, сан) фигуранта (*По сану и почет*).

Субъект права выбирает, что ему делать. Обладающий же полномочиями фигурант решает, как ему поступить; выбор (*vs* решение). Нечто нелегитимное может существовать, однако реально оно никому ничем не обязано и ни для кого ничем не есть. «Признание, что кто-то или что-то *есть*, принадлежит сущности лица или вещи, а не относится к его или ее видимости» [10: 50]. Что-то признанное (узнанное) принимается и приветствуется: *Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!* (А. Блок).

В принципе, чествовать за заслуги обязаны не именитых работников, а трудящихся (сотрудников, «трудников»). Труд, в отличие от работы, характеризуется праведностью: *От трудов праведных не нажить палат каменных* (посл.). Смысл приведенной пословицы заключается в том, что честный труд есть источник удовольствия и дохода, но только его не стает на созидание — на то, чтобы создать (выстроить) для себя глобальные условия жизни. В честном труде человек находит себя, однако не созидает. Созиданию сопутствуют баснословные доходы, которых хватит на зажиточные условия — «каменные палаты».

Человека подвигается на созидательное решение при условии осознания его мотивации («а зачем»?) и уверенности в осуществлении задуманного. Очевидно, что высказывание «У нас с вами все получится» ни в чем не убеждает. Им вселяется адресату уверенность в благоприятном исходе (успехе) совместного предприятия («Уверен — у нас с вами все получится»).

Признание чести не основываются на действительном положении дел и отношениях подчинения. Легитимация осуществляется не в социальных организационных структурах, а в общественных *стратах*. В них должностное подчинение сменяется безоговорочным послушанием. Слушать принято тех, кто «на верху» — командиров («Слушай мою команду...»), учителей, старших и т. д.

Признание выступает антиномией институционализации (установления). Так, можно брать во внимание факты (лат. *factum* «сделанное»). Смысла же признавать их нет. Фактическое действительно существует, может быть подтверждено, логически обосновано и систематизировано, однако оно не *есть*. Любой факт является институциональным, т. е. установленным и подлежащим когнитивной обработке. В сфере всего признанного классификация сменяется стратификацией.

В ходе признания не обращается внимания на определенные достоинства и недостатки личности. Не определяется признание также и в терминах положения. Аспект признания социального статуса референта подразумевает рассмотрение его состояния и фиксирование принятых параметров. Параметр — не основное свойство системы, а доминирующая характеристика (строевой элемент) чего-то. Параметризацией называется моделирование с использованием параметров и их конфигурации.

Честь оказывается решающим условием осуществления поступка («Если честно, то...»). Признаваемое «само за себя говорит» — имманентно эманурует (источает) себя либо манифестируется другими — светом. Признание не нуждается не только в фактической, то и в событийной репрезентации. Это ситуация осуществляющегося предъявления и принятия. С одной стороны, референт сам пытается максимально во всем признаться — презентовать себя слушателям (ср. польск.: *prezentacja sylwetki pana*). Презентация себя самого проходит успешно, если дополняется признанием со стороны.

В свете признается не аристократичность, а *элитарности* чего-то, кого-либо (*светское признание, элитные страты*; фр. *elite* «отборное»). Термин «аристократия» происходит от греч. *ἀριστοκρατία* — «господство знати, господство лучших». Элитарное не лучшее (избранное), а отборное и превосходящее по своей силе и влиятельности (ср.: «сливки общества», «высший свет»). Слово «свет» не равнозначно лексеме «мир»: «*семь чудес света*», «*выйти в свет*», «*тот свет*», «*край света*». Свет — социальный феномен. На свете живут (находятся), а в миру пребывают (*На миру и смерть красна* — посл.). Иерархически устроенное «светское общество» не тождественно социально организованному структурам. Эпитет света — *божй*: *Смертная истома заволакивала глаза, застила божий свет* (Е. Н. Гусляров «Самоубийство Пушкина»).

Знаменательно, что свет не только воспринимаемый зрением источник электромагнитного поля (*свет в конце тоннеля*), но еще и аспект мониторящего рассмотрения и освещения (*предъявить инцидент в благоприятном для него свете*). «Пролить свет» на что-либо не значит его объяснить. Это аспект эпистемологического удостоверения чего-либо или оправдания в аспекте его подлинности (*свет правды, пролить свет*

на многовековой спор, пролить свет на сущность человека; меркнуть в свете важности).

Признание никак не связано с желаниями и страстями. Его невозможно удовлетворить. Есть жажда признания, в утолении которой человек нуждается, чтобы получить удовольствие самому либо доставить его своим близким: *Неутоленная жажда признания выжигает душу дотла* (А. Г. Домовец «Орлы Наполеон»). Признание — не волеизъявительное действие, а поступок, условием осуществления которого выступает смелость и решительность (*осмелиться признаться, решиться на признание*). Это интенция сознания, не предполагающая событийных последствий, однако чреватая *консеквенциями* (ср. бел. *наступствы*; лат. *consequens* от *com* «с, вместе с» + *sequi* «ступать»). Как и все предпринимаемое сознательно, признание не может не быть мотивированным. Референт сам решает, стоит или не стоит ему честно во всем признаваться.

Не имея отношения к социальным институтам, устанавливающим достоинство субъектов, признание не обходится без *инстанции* (лат. *instare* «находиться поблизости»). Deskриптив «ближний» аналогичен по смыслу слову «свой». Своей инстанцией для каждого выступает его ближний (жена *своя* мужу). Это не друзья, которых имеют (ср.: *Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей*). Ближние не имеют отношения к институту дружбы, т. е. личных отношений между людьми на основании общих интересов, духовной взаимности и понимания. Ближние — товарищи, приятели, спутники, соратники и т. д. Находящиеся в статусе «ближних» фигуранты, в принципе, никому не должны помогать. Однако они не могут пройти мимо нуждающегося другого и всеми силами стремятся его поддержать: *Своим поведением матушка старалась поддержать отца...* (Г. Л. Олди «Кукла-талисман»). *У них, что своих нет? — поддержал товарища напарник* (А. Пушкарев «Гераклион»).

Нечто знакомое и достойное процедуры уважения в проксемической сфере (от англ. *proximity* — близость) сменяется *церемонией* оказания чести — почитанием. Почтение характеризуется археологической глубиной: *с глубоким (глубочайшим) почтением склонить голову*.

1.7. Чествование не связано с проявлением вежливости. Честно с кем-то *обходятся*. Обхождение — приятная в обществе манера поведения, создающая благоприятные условия для общения. Доминантой обхождения выступает учтивость: *Еще ни разу в жизни я не отвечал отказом на учтивое обхождение* (К. де Монтенпен «Замок Орла»). Обходительный человек высказывает слова благодарности, учитывает условия и статус общающихся. Его поступками не отдается дань вежливости, а манифестируется аспект почитания. Неучтивое обхождение — это безапелляционное *хамство* либо бесцеремонная *пошлость*.

Итак, категория достоинства, свойственная тому, что имеет качественную определенность и активно происходит «по результату». Ценные качества личности, на основании которых утверждается личное достоинство, проявляются в области деятельности. Все акты деятельности удачно или неудачно заканчиваются. Феномен чести не относится к тому, что причиняется, начинается и заканчивается, а ориентирован на все, что осуществляется как бы само по себе, к чему охотно приступают и что успешно завершается. В терминах лингвистики это не область дискурса — рассудочных речевых актов, а феноменальная сфера логоса. Честными признаются не акты, а предприятия — совершаемые поступки, характерные для поведения человека. Благодаря чести прочнее становится характер и осуществляется великая миссия служения всему, заслуживающему доверия — посюстороннему (земному) и потустороннему (возвышенному).

Литература

1. Герцен А. И. Письма об изучении природы // Избранные философские произведения: [в 2-х т.]. Т. 1: Дилетантизм в науке; Письма об изучении природы; Из «Дневника» и др. М., 1948. 372 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Акад. проект, 2009. 489 с.
3. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Блиц, 199 с.
4. Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 255 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.
6. Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2015. 846 с.
7. Сенкевич В. И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка. Седльце: W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. 369 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.
9. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. 446 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. 238 с.
11. Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim. Redaktor naczelny prof. dr hab. Jan Wawrzyński. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2004.

V. I. Senkevich

Honor phenomenon and dignity category in language and speech activity

Abstract: the article is devoted to the study of the category of dignity and phenomenon of honor. Through antinomy, the knowledge of the essential parameters of honor is undertaken, opposed to the categorical signs of dignity. The positive-pragmatic nature of personal dignity and the apophatic (negative) nature of honor is proved.

Keywords: honor, dignity, antinomy, phenomenon, persuasiveness, reliability.

С. Н. Стародубец

доктор филологических наук,
профессор Брянского государственного
университета им. академика И. Г. Петровского
Брянск, Россия
starodubets.madam@yandex.ru

Стратегия речевого манипулирования в противоправной коммуникативной ситуации

Аннотация: в работе предложен лингвостилистический анализ противоправной коммуникативной ситуации, опирающейся на ложную пресуппозицию адресанта и истинную пресуппозицию адресата. Установлено, что в результате речевого взаимодействия адресат становится манипулятором, управляющим диалогом. Зафиксированная в приемах программирующей номинации, отрицании побуждения, селекции информации, намеренном эксплицировании факта, стратегия манипулирования (= манипуляции) обусловила принятие адресантом добровольного решения, выгодного манипулятору.

Ключевые слова: пресуппозиция, пропозициональный анализ, цель прямая, цель косвенная, стратегия редукционизма, стратегия манипулирования.

Речевое манипулирование рассматривается как разновидность речевого воздействия, «используемого для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [1: 99].

Полагаем возможным констатировать: в результате проведения лингвистической экспертизы нами было установлено, что базовой стратегией лейтенанта полиции как участника коммуникативной ситуации в качестве адресата является *стратегия манипулирования*, обусловленная не только прямой (очевидной), но и косвенной (неочевидной целью).

Объект лингвистической экспертизы был определен нами как речевой продукт (устная речь), фиксирующий ситуацию коммуникативного

взаимодействия инспектора (лейтенанта полиции) дорожно-патрульной службы, находящегося при исполнении служебных обязанностей, и гражданина К. Разумова (фамилия изменена).

Целью экспертизы являлось определение коммуникативных стратегий участников диалога, обуславливающих фактическую передачу гражданином К. Разумовым денежных средств лично сотруднику полиции.

При производстве экспертизы использованы аудитивный анализ (прослушивание видеофайлов), анализ пропозиционального содержания речевых событий, лингвостилистический анализ декодированного диалога.

В результате прослушивания видеофайлов установлено дословное содержание речевых актов участников диалога.

При исследовании речевого продукта использованы метод дискурс-анализа, то есть анализа высказываний с учетом прагматических факторов и речевой ситуации; а также такие лингвистические методы, как: семантический, контекстуальный, трансформационный анализы высказываний.

Исследуемое речевое произведение реализуется в сфере официально-деловой коммуникации и относится к официально-деловому стилю русского языка с включением иностилевых фрагментов.

Определим цели и задачи участников коммуникативной ситуации.

Цель адресанта (К. Разумова) — убедить адресата (лейтенанта полиции) в необходимости «пойти навстречу пострадавшему», т. е. «решить вопрос» посредством денежного «вознаграждения» (= взятки), *цель адресата* (очевидная, т. е. прямая) — установить факт противоправных действий К. Разумова; *цель адресата* (неочевидная, косвенная) — зафиксировать противоправный факт дачи взятки должностному лицу на видеокамеру.

Задача адресанта — максимально продуктивно воздействовать на адресата посредством предложений и просьб, чтобы убедить последнего найти возможность разрешить противоправную ситуацию «мирным путем» (т. е. денежным вознаграждением), при этом денежное вознаграждение как средство разрешения проблемы в пользу адресанта взяткой не считается, в случае разрешения «не мирным» путем — равноценно взятке (имплицитно адресант это знает).

Задача адресата — убедить К. Разумова, что противоправный характер его действий, направленный на разрешение проблемы с использованием денежных средств, обуславливает уголовное наказание по статье 291 УК РФ.

На разрешение лингвистической экспертизы были поставлены следующие вопросы.

1. *Идет ли речь в представленном на исследование разговоре о передаче денежных средств от одного собеседника к другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств? Кто из участников разговора является инициатором передачи денежных средств?*

В исследуемом речевом событии ключевым прессуппозитивным высказыванием водителя транспортного средства К. Разумова в ответе на вопрос лейтенанта полиции «*А что делать?*» является реплика «*Ну, решим*».

В приведенном фрагменте К. Разумов руководствуется стратегией редукционизма, упрощения ситуации, проблемы с целью воздействия на адресата и моделирования нужной говорящему картины мира.

Используемая стратегия предполагает исключение из ситуации некоторых факторов (в том числе базовых).

К. Разумов, используя в речи глагол изъявительного наклонения настоящего времени множественного числа, устанавливает таким образом следующие модальные рамки высказывания: отождествляет себя и адресата, полагая, что коммуникативные намерения говорящего и слушающего совпадают.

Во фрагменте на вопрос сотрудника полиции: «*Как я могу сказать?*» К. Разумов отвечает: «*Давай на месте...*». Контекстуальное сцепление высказываний в дискурсе, определяемое ситуацией общения, позволяет констатировать, что имплицуемый (невывказанный языковыми средствами) фрагмент может быть восстановлен с опорой на ментальные представления участников диалога. Соответственно отсутствующий глагол — «*решим*» — воспроизведен посредством контекстуальной связи с предшествующим высказыванием субъекта — «*Ну, решим*».

Более развернутое высказывание «*Давай или привезу сейчас, пять минут, со Снекова или переведу? Как?*» имплицуемое первоначально (невывказанное) намерение переводит в языковую (эксплицируемую) форму, в которой глагол «*переведу*» реализует грамматическую валентность, «*переведу денежные средства*». Распространитель «*денежные средства*» восстанавливается из микроконтекста согласно действующим в грамматике нормативным лексико-грамматическим характеристикам глагола (другое значение приведенного глагола «*перевести произведение с английского языка на русский*» в данной ситуации общения не предусмотрено).

В ответной реплике сотрудника полиции фиксируется достоверная установка отрицательного характера: «*Не надо мне ничего переводить. Вы понимаете, что за это уголовная ответственность?*»

Далее, когда сотрудник полиции отвлекается на беседу со вторым сотрудником полиции и произносит: «*Человек хочет взятку дать*», К. Разумов говорит: «*Да не, не взятку, решить мирным путем*».

В данном фрагменте, опираясь на когнитивное моделирование проблемной ситуации, определяем следующее: сотрудник полиции оценивает действия К. Разумова как уголовно наказуемые (о чем неоднократно подчеркивает и в ранее высказанных речевых актах, как то: *«Вы понимаете, что за это уголовная ответственность по статье 291?»*; К. Разумов, соглашаясь с сотрудником полиции репликой *«Понимаю»*, тем не менее действует намеренно противоправно, предлагая свой вариант решения вопроса *«мирным путем»*, т. е. *«перевести денежные средства»*).

Затем К. Разумов, видя некую смысловую подоплеку в высказывании лейтенанта полиции *«Ну? Если Вы мне будете переводить на личный мой номер?»*, предлагает более приемлемый, с его точки зрения, вариант: *«Не-не-не... наличкой, наличкой. Дружище, ну пойдй навстречу, пожалуйста»*.

Взяв за основу «вариант с наличными средствами», К. Разумов намерен съездить за ними домой, сотрудник патрульно-постовой службы трижды повторяет: *«Вы остаетесь здесь»*, *«Я Вас не могу отпустить, никак. Понятно?»* (ранее *«Я Вас отпустить никуда не могу»*).

Оставаясь ориентированным намерениями «решить на месте», К. Разумов предлагает следующий выход: *«Ну, Сергей можно сходит? На такси съездит Сергей?»*. В ответном речевом акте лейтенанта полиции снова был сделан акцент на уголовную ответственность: *«Я Вас предупредил, сразу говорю, про уголовную ответственность»*.

Высказывание лейтенанта полиции: *«Я Вам говорю, смотрите сами, я Вас не заставляю»* заключительным образом подчеркивает, что насильно удерживать К. Разумова или его попутчика Сергея невозможно, соответственно, последние имеют право выбора действовать в описываемой ситуации по своему усмотрению, но в устной форме об ответственности за свои последующие действия, которые могут стать результатом высказанных ими намерений, предупреждены.

Считаем, что пропозициональный анализ [7: 9] исследуемого речевого материала позволяет определить, что в представленном на исследование разговоре идет речь о передаче денежных средств от одного лица к другому. Лейтенант полиции предупреждает К. Разумова об ответственности за действия, которые могут стать результатом исполнения намерений, связанных с передачей денежных средств полицейскому, находящемуся при исполнении служебных обязанностей. Инициатором передачи денежных средств является К. Разумов.

2. *Имеются ли в разговоре признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение или же не совершение каких-либо действий? Если да, то о каких действиях идет речь? Кто является субъектом побуждения?*

Каков характер волеизъявления (требование, просьба, угроза, предложение, предостережение и т. д.)?

В высказываниях К. Разумова имеются признаки побуждения лейтенанта полиции к совершению противоправных действий, т. е. получению денежных средств в виде перевода либо наличными.

Речевыми актами побуждения являются высказывания, в которых употреблены (а также имплицированы) глаголы в форме повелительного наклонения: «*Давай на месте ... (решим)*», «*Давай или привезу сейчас, пять минут, со Снекова или переведу? Как?*», «*Давай съезжу?*» (1).

Косвенными речевыми актами побуждения являются высказывания: «*Дружище, давай по-другому? <...> Дружище, ну пойдй навстречу, пожалуйста*» (2).

Побуждение, высказанное в речевых актах первой группы, носит характер предложения. Побуждение, высказанное в речевых актах второй группы, носит характер просьбы.

Субъектом побуждения в приведенных высказываниях является водитель остановленного транспортного средства К. Разумов.

3. *Можно ли считать, что две реплики: «Камера пишет? Не...» с 5 мин. 56 сек. по 5 мин. 58 сек. видеозаписи определяют коммуникативную стратегию участников разговора?*

Речевое единство «*Камера пишет? Не...*» опирается на пресуппозиции адресанта (К. Разумова) и адресата (лейтенанта полиции) о том, что в патрульной машине ДПС обычно (стереотип) установлены камеры видеонаблюдения [7: 131–132]. Полагаем, что данное речевое единство определяет коммуникативную стратегию адресанта К. Разумова, но не определяет коммуникативную стратегию лейтенанта полиции.

4. *Создают ли указанные реплики семантическую (смысловую) неопределенность в дальнейшем диалоге? Почему?*

Высказывания могут быть представлены в виде утверждений о фактах (фактологическая информация), оценочных суждений, мнений, предположений. Под утверждением понимается мысль, положение, высказывание, достоверно фиксирующее что-либо.

Для квалификации высказываний как утверждений о фактах необходима совокупность семантических, грамматических, прагматических признаков, позволяющих отграничить передачу автором информации об объективной действительности от информации о различных состояниях его ментальной и чувственной сферы (оценочные суждения, мнения, предположения).

В качестве основного семантического признака утверждения выступает семантическая структура предложения, в которой отображена связь предмета и его признаков; при этом в предложении должна быть

представлена только объективная модальность, т. е. в высказываниях-утверждениях о факте не должно быть оценочных слов и конструкций, входящих в предикативное ядро предложения, а также маркеров субъективной модальности — вводных слов и конструкций, указывающих на источник мнения (*я думаю, я полагаю, мне кажется*), выражающих предположение (*может быть, возможно*), подчеркивающих уверенность/неуверенность автора высказываний (*разумеется, без сомнения*), [4: 11–12; 7].

Предикаты (глаголы-сказуемые) во всех предложениях-высказываниях отражают реальную модальность, то есть описание событий реальной действительности.

Нельзя говорить о том, что имеет место смысловая неопределенность коммуникативного взаимодействия.

Адресант недоговаривает, но отсутствие указанных в первой части исследования языковых компонентов декодирует адресат посредством импликаций, т. е. коммуникация успешна, но осуществляется с позиции адресанта *стратегией редукционизма* [3: 58–59], с позиции адресата — *стратегией манипулирования* (речевого манипулирования, опирающейся на ложную пресуппозицию).

5. Как повлияла целевая установка на речевую стратегию участников коммуникации?

Стратегия участников коммуникации определяется напрямую целевыми установками.

К. Разумов выстраивает выбор речевых актов по градационному принципу, от предложений, просьб до высказываний безапелляционного (не допускающих возражения) характера: «*Хорошо, сейчас он тогда на такси, я вызову*».

Лейтенант полиции неоднократно подчеркивает, что денежное вознаграждение — это и есть взятка должностному лицу, находящему при исполнении служебных обязанностей, за которую предусмотрена уголовная ответственность согласно ст. 291 УК РФ.

Полагаем возможным констатировать следующее.

1. Речевое взаимодействие адресанта (К. Разумова) и адресата (лейтенанта полиции) осуществляется в рамках *противоправной коммуникативной ситуации*, ориентированной на ложную и истинную пресуппозиции и две субстратегии — во-первых, «субстратегию создания мотивации для объекта манипуляции к совершению нужного манипулятору поступка», во-вторых, «субстратегию создания для манипулируемого интерпретации речевого события», при этом первая стратегия обусловливает прямую цель, вторая — косвенную, «сокрытия предыдущей субцели и процесса ее достижения» [2: 67].

2. Имеют место следующие приемы манипуляции:

- «прием программирующей номинации» [5: 67], который состоит в предвосхищении событий, когда последние описываются не как возможные (ирреальная модальность), а как такие, которые реально произойдут: «<...> *Если вы мне будете переводить на личный мой номер...*» — «*Не-не-не... наличкой, наличкой*»;
- отрицание побуждения: «*Смотрите сами, я вас не заставляю*»;
- «селекция информации» — намеренное неоднократное повторение высказывания об уголовной ответственности по статье 291 УК РФ, мотивированное косвенной целью [5: 55];
- намеренное эксплицирование факта передачи денежных средств, мотивированное косвенной целью: «<...> *Что вы там под коврик положили?*» — «*Десять тысяч (два раза)*».

3. Стратегия манипулирования, реализованная лейтенантом полиции в противоправной коммуникативной ситуации, имеющая прямую и косвенную цели, обуславливает *добровольное* принятие К. Разумовым решения, в котором заинтересован манипулятор (Ср.: Копнина Г. А.: «Речевое манипулирование связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста (техникой построения речи, в том числе с риторическими приемами), восприятие которого приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору» [5: 28]), при этом стратегия манипуляция не является разновидностью речевого насилия или речевой агрессии.

Констатируем, что в результате взаимодействия в контексте противоправной коммуникативной ситуации реализованная адресатом стратегия манипулирования (= манипуляция), зафиксированная нами в приемах программирующей номинации, отрицании побуждения, селекции информации, обусловила принятие адресантом добровольного решения, выгодного манипулятору.

Литература

1. *Быкова О. Н.* Языковое манипулирование. Теоретические и прикладные аспекты речевого // Вестник Российской риторической ассоциации. 1999. № 1. С. 99–133.
2. *Денисюк Е. В.* Феномен манипуляции: речедетельностная интерпретация // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-методич. конференции; Екатеринбург, 19–21 марта 2000 г. / под ред. И. Т. Вепревой. Екатеринбург, 2000. С. 66–68.

3. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие: учебное пособие. 3 изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2013. 240 с.
4. *Катышев П. А., Осадчий М. А.* Судебная лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 121 с.
5. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. 4-е изд., испр. [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
6. *Распопова Т. А.* Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2017 г. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. С. 99–106.
7. *Стародубец С. Н.* Современный русский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Теоретический минимум: Учебное пособие для преподавателей, магистрантов, аспирантов и студентов высших учебных заведений. М.: Русайнс, 2023. 142 с.

S. N. Starodubets

The strategy of speech manipulation in a contrary communicative situation

Abstract: the paper presents a linguostylistic analysis of an illegal communicative situation based on a false presupposition of the addresser and a true presupposition of the addressee. It has been established that as a result of speech interaction, the addressee becomes a manipulator who controls the dialogue. The manipulation strategy (= manipulation) recorded in the techniques of programming nomination, denial of incentive, selection of information, and intentional explicating of the fact has conditioned the addresser's adoption of a voluntary decision that is beneficial to the manipulator.

Keywords: presupposition, propositional analysis, direct goal, indirect goal, reductionism strategy, manipulation strategy.

К. О. Тормышова

*магистрант Государственного
института русского языка
им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
tormyshova02@mail.ru*

П. А. Катышев

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского
языкознания Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
pakatyshev@pushkin.institute*

Хезитация в текстах закрытого дискурса: по материалам уголовных дел экономической направленности

Аннотация: в статье описаны некоторые особенности функционирования хезитационных пауз и хезитативов в нелегитимном закрытом дискурсе – в текстах по делам экономической направленности. Установлено, что проявление пауз связано с необходимостью кодирования определенных элементов содержательного плана коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: хезитационные паузы, хезитативы, взятка.

В современной научной парадигме одним из востребованных направлений русистики является изучение разговорной речи, в частности изучение речевых единиц (далее — РЕ) — дискурсивных маркеров, слов-филлеров. Исследователи часто рассматривают подобные РЕ как производные устной речи, не связывая использование РЕ с экстралингвистическими факторами, характеризующими определенную дискурсивную практику. В статье показаны некоторые закономерности появления хезитации в закрытом дискурсе (дискурсе, участники которого не могут эксплицировать свои коммуникативные намерения или некоторые пропозиции из-за ограничений экстралингвистического характера [1: 66]), а именно в текстах по делам экономической направленности (ст. 290, 291, 304 УК РФ).

Прежде чем перейти к особенностям проявления хезитации в указанном виде текстов, рассмотрим основные экстралингвистические признаки ситуации взятки.

В связи с тем, что на ситуацию взятки (как на закрытый дискурс) наложены ограничения экстралингвистического характера [1: 66] (незаконность действий, подозрение о фиксировании диалога на информационный носитель и т. д.), участники коммуникативной ситуации (далее — КС) (взятокодатель и взятокополучатель) скрывают истинный предмет общения.

В материалах по делам о коррупции такой вид речевой маскировки осуществляется посредством 1) кодирования предмета-денотата, что может подразумевать использование эвфемизмов, и 2) сокрытия плана содержания, указывающего на нелегитимный характер обсуждаемых действий — в этом случае следует отказ от обсуждения темы [6: 119].

Закрытость дискурса, невозможность эксплицировать всем известные денотаты, необходимость кодировать предмет-денотат и скрывать часть плана содержания КС — все это говорит о том, что участники диалога могут испытывать затруднение в формировании фраз, поскольку им одновременно важно выполнить две максимы-антиномии: 1) участники должны понять друг друга и 2) третий (нежелательный) участник КС (например, правоприменитель, в частности лингвоэксперт) не должен раскрыть имплицитный план КС. При подобном речевом взаимодействии велика вероятность возникновения хезитационных пауз (заполненных или незаполненных).

Несомненно, чем меньше неопределенных составляющих (смысловых лакун в общих фоновых знаниях) между участниками КС, тем более легким оказывается процесс порождения речи, а шанс появления хезитационных пауз и хезитативов будет ниже. Однако не стоит забывать о том, что хезитация может быть и чертой речевого портрета говорящего, может указывать на волнение говорящего — в этом случае упоминаемой выше взаимосвязи (употребления хезитационных пауз и хезитативов в связи с продумыванием формы имплицитного плана КС) может и не существовать.

Приведем пример, когда РЕ является чертой речевого портрета говорящего: [№ 2, муж] *Подходит к нам / «Ну / что я могу сказать / прилип ты. Единственное как можно решить / это 10 баксов / и сейчас твое дело рвем тут же / при тебе». Я говорю / «Спасибо вам большое / но такие суммы мне даже и во сне не снились». Сивик / «Ну / ладно / раз там меня парни вызвали. Ты через знакомых кого-то там знаешь»* (пример взят из Национального корпуса русского языка). В реплике говорящего № 2 передан диалог, содержащий предложение со стороны человека, Сивик, о передаче ему определенной суммы денег (*10 баксов*); в случае передачи денежного вознаграждения Сивик обязуется не допустить судебный процесс по делу говорящего № 2. Представлено денежное вознаграждение в размере 10 денежных единиц (*10 баксов*), последующее действие со стороны Сивика и гарантии, что *дело* (скорее всего уголовное) не получит развития (*и сейчас твое дело рвем тут же / при тебе*). Правомерно предположить, что выделенная нами РЕ *ну* (десемантизированная РЕ, как и большинство в приведенных далее примерах) связана с представленным в КС содержанием нелегитимного характера

и выполняет аттрактивную функцию (хезитативная второстепенна) — Сивик оказывает речевое воздействие на говорящего № 2 и привлекает внимание говорящего № 2 к высказанному предложению. Однако при дальнейшем изучении разговора мы видим, что РЕ ну в речи говорящего № 2 часто встречается в начале цитат: *Приходит Салимов / садится в камере / «Ну / вот я тебе обещал / что я на тебя нарою / и я еще нарыл». Я говорю / «Что на меня нарыли?» Салимов / «Ну / подумашь / сам поймешь».* В этой позиции РЕ ну выполняет одновременно метакоммуникативную функцию (указывает на прозвучавшую ранее речь) и функцию ксенопоказателя (самоцитаты и цитаты «своих» не содержат РЕ ну в начальной позиции): *К ним приходим / «Ребята / вот так и так. Вот сняли показания. Вот это ваши долги за свет». Они говорят / «Ну / нет у нас сейчас старшего».* После таких выводов вызывает сомнение попытка связать использование РЕ ну с представленным в КС содержанием нелегитимного характера; РЕ ну скорее отражает индивидуальную манеру речи и является чертой речевого портрета говорящего № 2.

Можно выделить как минимум три составляющие (наличие объекта, установленность кода и знания субъектов диалога об объекте и о коде), степень определенности / неопределенности которых или позволяет успешно завершить общение, или вызывает непонимание и затрудняет ведение переговоров для взяткодателя и взяткополучателя. Важно наличие объекта (здесь не только предмет взятки (по схеме Т. А. Сидоровой), но и действия/бездействие взяткополучателя [7: 39, 40]) — без него КС никогда не состоится. С помощью кода выстраивается имплицитный план КС (выстраивается закрытый дискурс), в котором этот объект и проявляется. Наконец, оба субъекта должны осознавать, о каком объекте идет речь и понимать установленный код.

Таким образом, можно выделить следующие виды текстов (продуктов речевой деятельности), в которых идет:

I. Общение с установленным кодом — объект есть, код выстроен, участники знают объект и понимают код.

II. Общение с «нащупыванием» кода, при этом:

1) объект есть, код не установлен, участники знают объект, но не понимают предложенный код;

2) объект есть, код не установлен, не все участники знают объект, не все участники понимают код.

Общение с установленным кодом обычно происходит на момент повторной встречи участников, тогда как случаи 2.1. и 2.2. — первая встреча (может быть и непреднамеренная — см. примеры в статье С. В. Дорониной [4]). Случай 2.2. может описывать провокацию взятки (ст. 304 УК РФ).

Разделив тексты (примеры взяты из научных статей по тематике) по принципу определенности/неопределенности составляющих диалога (наличие объекта, установленность кода и знания субъектов диалога об объекте и о коде), рассмотрим, как в каждом из типов текстов функционируют хезитационные паузы и хезитативы.

В текстах первого типа хезитационные паузы и хезитативы мало используются говорящими. Хезитационная пауза может свидетельствовать о том, что говорящий вспоминает код, которым был обозначен денотат: *Там фигня случилась... Помнишь, был (пауза) «Яичко»...* (пример С. В. Дорониной [4: 248]).

РЕ могут использоваться как средство привлечения внимания к имплицитному плану КС. Например, в текстах часто присутствует напоминание об установленном коде: *М1: А вот это что такое, если не секрет? — Ж1: Ну обзор! Обзор Павел Николаевич* (пример С. В. Дорониной [4: 247]). Фраза начинается с РЕ ну, у которой главная функция — аттрактивная (хезитативная функция второстепенна; с ее помощью говорящий подчеркивает «значения того или иного слова» [5]). После аттрактива следует кодированный элемент *обзор*, затем он повторяется.

Напоминания об оговоренном условии или указания на нарушение условия общения также оформляются паузами и РЕ с хезитативной функцией: *Ну... Меньше текста, Оль. Меньше текста. Тут все слушается. Еще: Ну, ты че по телефону! Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь* (примеры С. В. Дорониной [4: 247]). В начале реплики говорящего — аттрактив ну (хезитативная функция второстепенна), затем — указание на нарушение условия (*меньше текста и ты че по телефону*) и напоминание об оговоренном условии (*Мы ж с тобой договорились. Как че позвонишь*); в первом случае следует повтор условия и аргументация (*Тут все слушается*).

Некоторые проявления хезитации могут быть лишь косвенно связаны с текстами по делам экономической направленности, ведь границы хезитации шире поля нелегитимного и закрытого дискурса. Нужен дополнительный компонент для анализа, в связи с этим рассмотрим случаи, когда говорящий сомневается в чем-либо — как в нелегитимном закрытом дискурсе, так и в бытовом.

При выражении говорящим сомнения во фразе часто оказываются неразрывно связанными хезитационная пауза и вербализованный маркер сомнения (*не доверяю особо, не знаю*); по отношению к ним объект сомнения (другой участник нелегитимных действий, возможность получить денежное вознаграждение и т. д.) может быть представлен как в препозиции, так и в интерпозиции. Пример 1 (сомнение относительно другого участника действий, объект сомнения в интерпозиции): *М1: Потому, что я, честно говоря, все равно какой-то... не доверяю я ему особо*. Пример 2 (сомнение

относительно получения денежного вознаграждения, объект сомнения в препозиции): *М2: А меня он потом отблагодарит. Он сначала пообещал мне два, а сейчас такие расходы идут... не знаю* (примеры П. А. Катыхева — здесь и далее в примерах П. А. имена собственные и некоторые числовые данные изменены). Объект сомнения может находиться и в постпозиции, например: *Ну... не думаю, что он это сделал*.

Важно понимать, что в приведенных выше примерах 1 и 2 природа текста проясняется благодаря объекту сомнения (*ему и он сначала пообещал мне два*) в совокупности с контекстом — без контекста невозможно эксплицировать объекты, на которые указывают местоимение и числительное. Именно эти объекты могут указать на нелегитимный характер содержательных элементов КС (для участников КС знание объектов — понимание общих фоновых знаний, которые можно не эксплицировать в целях экономии речевых усилий, в случае взятки сокрытие общих знаний — это гарантия безопасности для обоих коммуникантов — и для взяткодателя, и для взяткополучателя).

В текстах, отражающих общение с неустановленным кодом (2.1), хезитационные паузы и хезитативы появляются в случае непонимания адресатом предложенного кода. При этом кодируемый объект известен обоим участникам. Пример 1: *М2: Что, ты в городе? М1: Нет, ну я... (пауза) ... в городе, но в чужом. М2: Ну я понял* (пример С. В. Дорониной [4: 248]). Пример 2: *М2: Приветствую Ну че этот. Ну как... как говорили, да? Две рыбы отдашь и все. М1: Дак... эээ... Две... Блин, поточней бы как-нибудь, чтоб я все понял. Мне поделить то, что должен отдать или чего? Или три рыбы?* (пример Е. Л. Дайлоф [3: 26]).

В примере 1 участник М1 испытывает трудности с пониманием предложенного кода, потому после продолжительной паузы хезитации (в составе собственно хезитативы *нет, ну* + пауза), во время которой М1 пытается осмыслить сказанное М2, следует уточнение кода для денотата (*в городе, но в чужом*).

В примере 2 участник М1 не понимает, какие действия ему необходимо совершить, и после заполненной хезитационной паузы (собственно хезитатив *дак*, вокализация *эээ* и РЕ *блин* с оценочно-эмоциональным компонентом свидетельствуют о волнении говорящего) следует запрос на уточнение кода для действий М1 и уточнение самих действий.

Следует заметить, что в примере 1 хезитация возникает в моменте с прозрачной сочетаемостью — обычно на подобный вопрос следует подтверждение предположения, высказанного собеседником, или отрицание предположения с указанием на другой объект (место — деревню, пригород, окраину города (если город = центр)). В реактивной реплике из примера 1 *Нет, ну я... (пауза) ... в городе, но в чужом* видим отрицание,

затем подтверждение предположения о местонахождении и уточнение *в чужом*. Подобная номинация (вместо названия города) необычна, может свидетельствовать о сокрытии информации от предполагаемого третьего участника. В таком случае хезитация свидетельствует о продумывании говорящим формы для передачи имплицитного содержания и о продумывании самого имплицитного содержания.

Еще интересен один пример, когда денотат (посредник) был известен участникам, но, скорее всего, не являлся до этого момента предметом разговора, потому и не кодировался:

M2: А отдали какие, чьи: наши или оттуда?

M1: *Я думаю, отняли, наверное, тот, кто в октябре... около праздников... Понимаешь?*

M2: Тот, кто что?

M1: *Тот, у кого в октябре праздник... и ходит в серой форме.*

M2: Угу. (пауза) *Не врублюся* (пример С. В. Дорониной [4: 248]).

Хезитационные паузы появляются при предложении кода для денотата и добавлении элемента (*ходит в серой форме*), который, по мнению инициатора кодирования, должен дополнить основную характеристику посредника *кто в октябре... около праздников...* и *Тот, у кого в октябре праздник*.

Один из примеров — это, предположительно, диалог двух посредников (так как оба собеседника М1 и Ж1 регулярно упоминают субъектов М2 и Ж2 и их речевые высказывания); во время диалога участник М1 выходит на видеосвязь с субъектом М2 (инициатива исходила от М1: *Хочешь, я при тебе сейчас ему позвоню и скажу: «Пусть привезут»*) и передает информацию, полученную от Ж1, используя при этом код, отличный от установленного между им и Ж1.

M1: *Слушай меня, вот договорился насчет машины «Бентли» тринадцатого года машина, отдают за полтора. Вот не знаю, купить — не купить, насчет масла, мотор масла не жрет. Нормальная машина, хвалят, за полтора лямма. Как думаешь, надо покупать?* (пример П. А. Катышева).

После окончания видеосвязи М1 объясняет Ж1 знакомый ей код (при этом Ж1 знает, каков объект): *Я с ним так разговариваю: машина, Бентли... машину я покупаю, Бентли, если что... Я не хочу рисковать* (пример П. А. Катышева). Мы видим, что М1 сначала называет ключевые слова, кодирующие объект (*машина, Бентли*), затем следует незаполненная хезитационная пауза, уточнение кода (*машину я покупаю, Бентли, если что*) и аргументация (*Я не хочу рисковать*).

Более всего хезитативов обнаружено в текстах, отражающих случай 2.2., — код не установлен, и кодируемый объект известен не всем участникам. Последнее утверждение спорно, ибо под такое определение

подходят две ситуации: 1) участник не понимает, что ему предлагают взятку / у него самого требуют взятку или 2) участник лишь делает вид, что не знает, о каком кодируемом объекте идет речь (как в следующем примере):

М1: Да, ну я понимаю все, но войдите вы в мое-то положение.

*М2: Ну дак, а как, **допустим**, мы войдем в это положение.*

М1: Ну, давайте как-нибудь попроще там. Что-нибудь придумаем.

М2: Как? Что мы придумаем?

*М1: Ну давай что-нибудь **так**. Ну **серьезно**, командир. Ну вы сами-то поймите, **ну прикинь**, меня прав лишат, или пятерку даже, мне, **прикинь**, за нее в натуре... (пример С. В. Дорониной [4: 246]).*

В приведенном отрывке оба участника используют хезитативы, однако в речи М1 хезитативов (как слов-филлеров) намного больше — они расположены не только в начале синтагм, но и занимают отдельные синтагмы. Такое количество хезитативов может свидетельствовать о волнении говорящего (М1) — М1 находится в ситуации институционального общения, общения с представителем правоохранительных структур.

В диалоге встречаются как хезитативы (*ну, так*), так и хезитационные выражения (*ну прикинь, ну серьезно*). В начальных репликах М1 заявлено, что возможны иные пути решения проблемы, и *ну* во фразе *Ну, давайте как-нибудь попроще там. Что-нибудь придумаем* выполняет также аттрактивную функцию — М1 пытается указать М2 на имплицитный план КС.

Отдельно рассмотрим интересный случай хезитации: *Коммерсант: Давай строить реальные планы, я готов. Коллектор: Готовы, и понятно, что с деньгами сейчас проблема у всех, ну реально у всех, с ликвидностью проблемы у всех. Коммерсант: (жест рукой, пересчитывает деньги) Ууу... Коллектор: (улыбается) Золотой вы человек!* (пример А. Н. Баранова [1: 70]).

В диалоге присутствует (с точки зрения формальных признаков) не-тривиальный хезитатив-вокализация *ууу* — звук нефонемного характера [2]. С прагматической точки зрения такой хезитатив может выполнять аттрактивную функцию: Коммерсант привлекает внимание Коллектора к имплицитному плану КС, выраженному в жесте.

С другой стороны, можно было предположить, что использование хезитатива в подобном контексте призвано усложнить процесс идентификации информации для нежелательного третьего участника (правоприменителя), но эта версия не кажется правдоподобной: в дискурсе взятки действительно используется стратегия сокрытия информации нелегитимного характера при подозрении на нежелательное фиксирование диалога с помощью записывающего устройства, однако сомнительно, что невербальный жест может быть скрыт звуковым «хезитативным сопровождением».

Таким образом, использование хезитационных пауз и хезитативов в закрытом дискурсе позволяет говорящему продумать не только последующий речевой отрезок, но и то, что в этом отрезке подвергнется кодированию.

Когда код установлен и оба участника понимают его и имеют общий фон знаний о ситуации, то хезитативы и хезитационные паузы редки. В используемых РЕ хезитативная функция второстепенна, на первый план выходит аттрактивная функция — РЕ-аттрактивы помогают говорящему привлечь внимание собеседника, например, при нарушении условий беседы, или напомнить об установленном коде.

В диалоге с «нащупыванием» кода проявляются продолжительные паузы хезитации в случае непонимания собеседником предложенного кода, после паузы следуют фразы уточняющего характера. Используется большее количество хезитативов, что указывает на волнение собеседника.

Литература

1. Баранов А. Н. Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике «закрытых» дискурсов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 64–76.
2. Белицкая А. А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения: 29.08.2024).
3. Дайлоф Е. Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 24–28.
4. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 245–249.
5. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 23.08.2024).
6. Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В. Речевая маскировка авторства в конфликтогенных текстах: лингвистические, правовые и психологические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 3. С. 109–123.
7. Сидорова Т. А. Диагностика взяточничества в экспертной деятельности лингвиста // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 1 (59). С. 39–50.

K. O. Tormyshova,

P. A. Katyshev

Hesitation in “closed” discourse: bribery cases

Abstract: the article describes some examples of the functioning of hesitation pauses and hesitatives in the illegitimate “closed” discourse – particularly in bribery cases. It is established that the functioning of hesitation pauses is associated with the need to encode certain elements of the content plan of the communicative situation.

Keywords: hesitation pauses, hesitatives, bribes.

Т.А. Троицкая

эксперт Национального общественного центра

по содействию экспертной деятельности

Москва, Россия

t.troizkaia@mail.ru

Использование специальных познаний в области религиоведения при проведении лингвистических судебных экспертиз

Аннотация: сегодня религиозные тексты и тексты, непосредственно порожденные религиозной деятельностью, все чаще становятся объектами специальных экспертных исследований по делам с экстремистскими составами, реже – в судебных спорах по незаконному осуществлению религиозной деятельности, при разрешении вопросов о деструктивных религиозных культах. Традиционно подобные экспертизы назначаются экспертам-лингвистам, но практика показывает необходимость использования комплексного подхода.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, религиоведение.

Сложившаяся в настоящее время в экспертной и судебно-следственной практике ситуация, связанная с необходимостью углубленного исследования религиозного дискурса, религиозных и религиозно-обрядовых текстов характеризуется известной противоречивостью. С одной стороны, возбуждение уголовных дел и административного производства в большинстве случаев происходит по факту обнародования тех или иных «спорных» с юридической точки зрения текстов, креолизованных текстов, аудио и видеоматериалов, с другой стороны — в процессе предварительного расследования или даже уже на стадии судебного следствия хотя бы одна из сторон процесса непременно поднимает вопрос о необходимости изучения их специфической религиозной принадлежности.

Именно последняя понимается защитой либо обвинением не просто как одна из составляющих, влияющих на стиль и жанр текста, но и часто как основной фактор, объясняющий само возникновение и использование данных текстов. Именно религиозный характер обуславливает специфику прагмалингвистической ситуации, объясняет или даже формирует тот самый «контекст» в широком смысле слова, на необходимость учета которого в делах экстремистской направленности специально указал ВС РФ [8].

По нашему мнению, контекст при исследовании текстов или иных речевых продуктов, порожденных религиозной, культовой или обрядовой деятельностью, включает в себя как минимум жанр, функциональную направленность текста и его обращенность особой целевой аудитории. Так, например, в исламе существует понятие «светской проповеди», то есть обращенной к верующим, но производимой вне процесса богослужения и вне стен культового здания. Ее может проводить любой из шейхов (учителей), в том числе в ИТКС «Интернет», в любом из мессенджеров. При этом, однако, она не утрачивает свое религиозно-дидактическое назначение и не перестает быть важной составляющей частью именно духовной жизни каждого правоверного.

Так же и в других традиционных религиях — христианская проповедь для прихожан будет, с одной стороны, обязательно связана с актуальными религиозными праздниками, со воспоминаемыми конкретными событиями священной истории, а с другой стороны — должна содержать в себе отсылки к событиям текущей действительности. Вот только уровень изложения религиозно-философских понятий и доктрин для богословов, учащихся семинарии и обычных прихожан будет существенно отличаться как на языковом уровне, так и на понятийном.

При этом любая проповедь в качестве обязательного компонента должна включать в себя указания на необходимость сохранения веры, исправления религиозных обрядов данной конкретной конфессии — то есть признаки и элементы того, что входит в так называемый «спор о чистоте веры». В состав проповеди для лиц любой конфессии в обязательном порядке должны входить указания на то, что только принадлежащие данной конфессии люди «спасутся». Иначе проповедь как таковая утерять смысл и не достигнет своей основной коммуникативной цели.

На необходимость выделения особого религиозного функционального стиля речи уже обращали внимание многие ученые конца XX века и настоящего времени (Л. П. Крысин, В. А. Мишланов, И. В. Бугаева, О. А. Крылова, С. Г. Макарова, О. А. Прохвятилова, М. Б. Расторгуева и др.).

В научной литературе были описаны такие отличительные особенности религиозных текстов как использование архаически возвышенной, торжественной эмоционально-экспрессивной окраски [6: 259–270], многообразной терминологии [4: 9]; Т. В. Ицкович также полагает, что конструктивный принцип религиозного функционального стиля «подразумевает обязательную для каждого из последующих религиозных текстов опору на религиозный прототекст (для русского Православия — текст Евангелия)» [5: 12].

О необходимости учитывать опору на прототексты в виде Корана и хадисов, а также постоянного учета специфики сферы употребления самих религиозных текстов говорится и применительно к исламской проповеди [11: 9].

Необходимость учета самой сферы использования и функционирования текста обуславливает привлечение специалиста в области религиоведения для ответа на следующие вопросы: относится ли исследуемый текст к религиозной сфере, используется ли он в культовой или обрядовой деятельности, какие задачи он позволяет там выполнять или на выполнение каких задач и целей направлен и, наконец, не построен ли текст конкретной проповеди/книги/урока на цитатах из литературы, которая не может быть по определению отнесена к экстремистским материалам. Библия, Коран, Танах и Ганджур, составляющие духовную основу христианства, ислама, иудаизма и буддизма, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами [10].

Необходимость учета подобных факторов проиллюстрируем ниже на примерах анализа текстов Николая Романова (схиигумена Сергия).

Николай Романов был задержан в 2020 году и осужден за экстремизм, склонение к суициду, нарушение права на свободу вероисповедания и самоуправство, на шесть лет и одиннадцать месяцев лишения свободы и отбывает наказание в ИК № 13 Нижнего Тагила. Поясним, что все проявления преступной деятельности были обнаружены исключительно в текстовых продуктах, текстах проповедей и видео, произведенных Н. Романовым в процессе осуществления своей профессиональной деятельности как священнослужителя РПЦ. Таким образом, среди текстов, содержание которых по результатам судебных лингвистических экспертиз было однозначно признано содержащим экстремистский контент, не было ни одного публицистического или иного текста сугубо светского содержания и/или направленности. По делу не было проведено ни одной религиоведческой экспертизы.

Языковая личность Н. Романова (схиигумена Сергия) уже была объектом специальных исследований и была с точки зрения лингвистики охарактеризована как маргинальная [9: 119–122]. Причем отнесение его к «маргинальным языковым личностям» было осуществлено авторами на основании следующих признаков: «в личности бывшего схиигумена отразился сплав православия и различных субкультур (уголовной, милитарной и эзотерической), наложенный на политическую платформу сталинизма, монархизма и антиглобализма», «говорящий транслирует не религиозные, а общественно-политические взгляды», «агрессивная направленность текстов», «необыкновенная вера в свои силы и способности» [9: 119–122].

Не касаясь анализа его личности, системы базовых ценностей и убеждений, что нам лично представляется все же предметной сферой психологии, а не лингвистики, а также не оценивая степень веры его в собственные способности, тем более, что о своих возможностях Романовым говорится, что все предлагаемые им действия будут совершены не его силами, но «молитвами первоверховных апостолов Петра и Павла» и т. д., приведем выдержку из проведенного нами религиоведческого исследования текстов Романова, проведенного по общению защиты.

Перед специалистом была поставлена задача по результатам анализа текстов — ответить на вопрос, имеются или отсутствуют в текстах проповедей Романова Н. В. (схиигумена Сергия) цитаты из Евангелия и других исторических религиозных источников? Установить их объем и смыслообразующую роль. Выявление в содержании представленных объектов цитат тем важно, что каждая из них, будучи определена как высказывание определенного старца, пророка, святителя или же как слова самого Христа, не может быть априори истолкована буквально, как экстремистское высказывание о событиях современной жизни.

Проведенный по представленным расшифровкам-стенограммам анализ содержания текстовой части видеороликов выявил в них факты множественного, если не избыточного использования прямых цитат из вероучебной, богослужебной и иной литературы религиозного характера, включая ссылки на Писание (Евангелие) и комментарии к нему. Причем цитирование обнаруживается в упоминании наиболее ярких и метафорических образов, при поднятии эсхатологической темы (грядущего конца света, гибели мира, прихода Антихриста и Белого царя), при указании на потенциально несправедливое поведение народа, власти светской и церковной, на которых, в качестве аргументации, ссылается проповедник.

В ходе проведенного исследования было установлено, что:

— содержание проповедей включает в себя многочисленные и большие по объему цитаты из Евангелия, трудов Отцов Церкви, Святителей, Подвижников и т. п. источников, которые используются для подготовки проповедей любым православным священнослужителем. В качестве основного источника для цитирования, в том числе отдельных емких образов и словосочетаний, отличающихся явными метафоричностью и архаичностью звучания, является Библия. При этом сами цитаты не искажаются, их содержание и смысл не переиначиваются и не изменяются, а также не обретают ложной трактовки. Более того, их изначальное глубокое духовное содержание не переносится прямо на события земной жизни и жизни плоти и не рассматривается как прямое

руководство не к совершению молитвы и покаяния или посещению храмов, а к совершению каких-либо физических действий, как это делается сектантами (например, «Свидетелями Иеговы»);

— цитаты хорошо различимы на слух благодаря явно архаичной форме — так что слушатель/зритель проповеди имеет возможность правильно определять, где кончаются слова Писания / Святых Отцов и т. д. и где начинаются слова самого проповедника;

— именно при помощи цитат из авторитетных и общеупотребимых православными священнослужителями религиозных источников тексту придается эстетическое содержание (они еще играют роль средств художественной выразительности речи);

— самыми частотно употребляющимися в проповедях и потому лексически значимыми словами, процент которых наиболее высок, являются храмы, Бог, молитва (в противоположность статически редко употребленным словам и словосочетаниям «выходите на улицы» и т. п.);

— по сути, в подобном ситуативном контексте и в соответствии с жанром проповеди следует говорить о том, что цитируемая литература / источники относятся к т. н. интерпретационному репертуару и социолекту православного священнослужителя;

— поскольку проповедь совершается для определенной целевой аудитории, в определенном — религиозном — дискурсе, следует учитывать, что для этой аудитории все цитаты из священной и вероучительной литературы уже являются общими истинами, не подвергаемыми сомнению и воспринимаемыми уже с позиций сформированной готовой оценки, изначально заданной религиозными взглядами и религиозной доктриной;

— заранее сформированным, заданным экстралингвистическими параметрами является и тип общения священнослужителя с аудиторией — священник априори общается с прихожанами через категорию греха и осуждает его за этот «родовой признак» от лица Бога;

— в исследованных объектах нет высказываний, которые бы входили в противоречие с догматами христианства и православным вероучением;

— основное содержание — религиозное. Все обсуждаемые и в том числе осуждаемые явления окружающей действительности описываются и оцениваются не явления духовного и метафизического плана. В связи с этим, например, вводится известная, в том числе, по русской классической литературе XIX–XX веков тема двойничества в связи с необходимостью защиты настоящего В. В. Путина от происков Сатаны, который стремится явиться миру и править под его маской;

— в качестве объектов, которым неуклонно должны противостоять православные христиане, называются не группы людей, которые можно

выделить по каким-либо признакам, но скорее метафизические явления и абстрактные категории — сатанизм, Антихрист и его последователи, церковный экуменизм, папизм, мировой сионизм, Мошиах, цифровизация и т. п.

Повторимся: при всей кажущейся агрессивности и, возможно, субъективной оскорбительности формулировок «мировой сионизм», «хабатники — хасиды» и т. п., использованные формулировки не позволяют выделить по ним конкретные группы лиц. Так, Хабад это одно из ответвлений от иудаизма, и не каждый иудей принадлежит этому почти сектантскому направлению. Тем более нет никаких объективных оснований для того, чтобы отождествлять с «хабадниками — хасидами» каждого представителя еврейского народа и/или гражданина Израиля, среди которых также есть представители разных конфессий, агностики и атеисты.

В речах же Романова они выделены по противостоянию Христу и православию в частности. Тоже самое можно сказать и о случаях им употребления в своей речи номинации «жид». В Библии это слово используется для прямого указания на «врагов Христа». В своих же проповедях Романов прямо указывает, что не выделяет ни один из народов и не относится к еврейскому народу плохо, тем более что это — народ, избранный самим Христом, а использует определенный термин для указания на «врагов Бога и веры».

Например, в содержании видео «После церковного суда» обнаружены следующие яркие цитаты:

— «объединив вокруг Животворящего Креста, сим победим (Крестное знамение)». В процитированном фрагменте текста содержится вольный пересказ факта священной истории: равноапостольный император Константин, одержавший в трех войнах победу над врагами, видел на небе Божие знамение — Крест с надписью: «Сим победиши». Таким образом, говоря о победе с Крестом, проповедник говорит о кресте самого Христа, т. е. о метафизическом явлении, явлении духовной жизни, о необходимости сплотиться и укрепиться в своем вероисповедании, которое и поможет (силами Креста и Христа) одержать победу над Антихристом. В православном религиозном дискурсе указание на небесное знамение, использованное в форме искаженной цитаты, не может быть отождествлено с экстремистским призывом к совершению конкретных действий, направленных на захват/изменение власти и т. д.

В другом видео используется близкое по смыслу выражение «Мобилизуйся у Креста под Знаменем Христа», которое также имеет прямую отсылку к описанным выше событиям христианской истории и, на наш взгляд, не имеет явных маркеров призывов к совершению

не духовных, но физических агрессивных и направленных против государства и общества действий. Как минимум, его содержание допускает множественность толкований.

В содержании того же видео использовано высказывание «Все предатели веры, изменники будут уничтожены этим небесным градом», являющееся прямой цитатой из Видения И. Богослова, т. е. описание Апокалипсиса. Святой Иоанн Богослов свидетельствует: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» [7].

Приводя цитату из Апокалипсиса, проповедник указывает на то, что в «последние времена» будут уничтожены проявлениями гнева Божьего все те, кто отойдет от веры. При этом в данной фразе не содержится какой-либо угрозы, речевой акт пророчества, в принципе, не может быть отождествлен с речевым актом угрозы, так как наступление описанных в нем событий не зависит и не контролируется говорящим. Содержание не имеет отношения к изменникам Родины, государства и т. п. Источник является часто цитируемым, авторитетным и не относится к запрещенным и экстремистским.

— «Голос народа — Гнев Божий». Крылатое выражение «глас народа — глас Божий» в привычной для нас формулировке встречается у ученого и богослова Алкуина в письме, датированном ок. 800 г., к будущему императору Карлу Великому, и, что важно, в критическом ключе: «Мы не должны слушать тех, кто говорит: “Глас народа — глас Божий”, ибо непостоянство толпы всегда граничит с безумием» [1]. Из этой цитаты ясно, что мнение о равенстве воли народа и Божественной воли, по-видимому, уже бытовало в аристократических кругах раннесредневекового общества. Называется «крылатым выражением», потому что цитируется очень часто и активно. Не может быть отождествлен по форме и содержанию ни с речевым актом угрозы, ни с экстремистским призывом.

— Высказывание «Священники, дорогие отцы, мы с вами — духовная пехота, которую называют “царицей полей”. Почему вы оставили неубранные поля? Пшеница созрела, собирайте ее в житницу Господню, открывайте храмы и служите, как заповедуют святые отцы» содержит в себе отсылку к прямой цитате из Евангелия по Матфею 13:30: «Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою». Слова о том, что снопы плевел предаются огню, пшеница же собирается в житницу, показывают, что все еретики и лицемеры в вере должны быть сожжены огнем геенны, а святые, именуемые пшеницей, принимаются в житницы, то есть

в небесные обители [2; далее по тексту все ссылки на цитаты из Писания будут даваться с указанием книги и стиха, без повторения электронного адреса Синодального издания Библии].

— «Но слуги ада не одолеют церковь. Молитва — молитвой, слова — словами, но вера без дел мертва». Содержит в себе цитату из Евангелия и И. Златоуста: Евангелие от Матфея 16 стих 18 — синодальный текст: «и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»; Иоанн Златоуст (~347–407): «и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва». Хоть апостол Павел и учил, что человек оправдывается верою, без дел, неправильно его поймет тот, кто решит, что, однажды уверовав во Христа, он может творить злодеяния, жить в бесчестье и пороке и все равно быть спасенным верой. В этом отрывке своего послания Иаков объясняет, как надо понимать слова апостола Павла, и использует пример Авраама, чтобы показать, что вера тщетна, если не подтверждается добрыми поступками; на примере Авраама и апостол Павел показывал, что человек оправдывается не делами. Автор послания напоминает, что вера Авраама добрыми делами как раз подтверждалась, и ясно показывает, что апостол Павел учил на примере Авраама об оправдании верою не затем, чтобы кто-то решил, что не так уж и важно поступать хорошо. Павел имел в виду, что никто не должен считать, что своими прежними добрыми делами он заслужил дар оправдания; дар этот обретается только по вере.

Процитированные высказывания относятся к евангельским словам и не могут быть оценены как экстремистские. Причем они не могут быть отнесены к экстремистским ни по источнику, ни по функции (религиозно-учебные, назидательно-дидактический пафос которых направлен на укрепление человека в необходимости веры в Бога и доверия Богу), ни по форме (метафорическая, образная, художественная, не допускает прямого истолкования).

Тоже самое можно сказать и других «спорных» высказываниях Н. Романова из других объектов. Например, из содержания видеоролика «От РСФСР к Святой России. Продолжение следует» (здесь и везде по тексту рассматриваются те проповеди, которые были оценены как экстремистские материалы):

— «Еще раз объявляю: в каждом городе по 300 гедеонцев, в России и в бывшем Советском Союзе. Напоминаю о грядущем православном царе, который объединит все национальности страны в единую могучую державу, которого бояться будет и сам антихрист». Процитированное высказывание содержит в себе отсылку к библейским образам и словам.

Для того, чтобы израильтяне яснее видели спасительную помощь Господа, спасение Которого соединяется не с количеством, а качеством исполнителей его, Господь повелел Гедону произвести особый выбор воинов, имеющих идти с ним против неприятеля. После такого выбора из всего отряда 32 000 воинов с Гедоном остались только 300 воинов, прочие же были отпущены по своим домам. При столь небольшом отряде Гедон мог решиться на битву с многочисленным неприятелем только благодаря твердой вере в помощь Божию, почему св. ап. Павел и называет его победившим верою своею (Евр. 11:32–33). Таким образом, «300 гедонцев» — это метафора, метафорический образ, указывающий на то, что стойкость в вере является залогом будущей победы против сил зла. Не содержит в себе указаний на необходимость отобрать воинов для каких-либо физических действий или битвы, не может быть интерпретирована как призыв к битве, к объединению в какие-либо вооруженные формирования и т. п.

— «Белый царь — это православный царь, будущий царь для всех народов мира». В 4-й главе своей книги пророку Захарии открылось пророческое видение последних двух помазанников, о которых говорит и книга Откровение (11 глава) — Белого царя и Белого пророка (Захария 4:11–14). Цитата из религиозного авторитетного источника, буквальное воспроизведение пророчества, содержит указание на события будущего. Причем, сроки наступления этого «будущего» не конкретизированы.

Видеоролик «Кто готовит рабство в России» содержит следующие «спорные высказывания»:

— «огненные слова святителя Филарета Московского: «Ненавидь врагов Христа, уничтожай врагов Отечества». В этом высказывании приводится искаженная цитата слов святителя Филарета: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь» [3].

Ее содержание отсылает к сложностям понимания, как по заветам Христа нужно относиться к врагам и побуждает задуматься, идет ли речь в словах святителя именно о физическом противостоянии и уничтожении, или же вновь использован сложный метафорический язык и, как это обычно делается, в проповеди использованы метафоры, а не слова, подразумевающие буквальное истолкование.

— «Синагога из народа стала сборищем сатанинским», цитата из Евангелия: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2: 8–9).

Слово *синагога* греческое. В еврейском языке ему соответствует слово *keneset* (собрание). Место собрания называется *beth ha keneset* (дом собрания). В Евангелии и других новозаветных книгах на церковнославянском языке слово синагога переводится как «сонмище» (см.: Мф. 4: 23; 12: 9; Мк. 1: 21). Дословно: из народного собрания стала сборищем сатанинским.

В средневековом церковном европейском искусстве противопоставление христианства и иудаизма аллегорически представлено в виде двух женских фигур — Церкви и Синагоги. Такими скульптурами оформлен, например, южный портал трансепта (поперечного нефа) собора в Страсбурге, построенного в период около 1230 года. Синагога и Церковь представлены в антропоморфных женских образах. Но вот только Церковь уверенно держит в правой руке крест, словно опираясь на него. Прямые, ниспадающие до земли складки плаща делают фигуру твердой и устойчивой. Голова увенчана короной. Взгляд устремлен вдаль. Синагога же прижимает к телу сломанное в нескольких местах копье, т. е. сломанное оружие своей веры. Изгиб фигуры повторяет эту ломаную линию. Из левой руки выпадают скрижали — налицо идея отказа, отступничества от Закона Моисея. Голова опущена. На глазах повязка — символ духовной слепоты. То есть противопоставление Синагоги и Церкви в пользу последней в христианской культуре и традиции является устойчивым, традиционным и опять же не связано с негативными характеристиками какого-либо народа, национальности, религии и т. п.

По содержанию процитированное высказывание содержит в себе указание на то, что «говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы», т. е. указание на вероотступничество, отказ от заветов и заповедей Бога. Оно не может быть интерпретировано как обвинение членов некоей конкретной современной иудейской общины в занятиях сатанизмом, а равно как и не может быть по смыслу приравнена к тенденциозным обвинениям в отношении группы «верующие, иудеи», но должно быть рассмотрено исключительно в церковно-догматическом понимании, как указание на врагов Христа, на смещение центра чистоты веры и настоящей святости.

Приведенные примеры, число которых можно увеличить, показывают недопустимость упрощенного подхода к анализу религиозных текстов, только с позиций норм современного русского языка, без учета прототекста, метафоричности библейского языка и языка проповеди, а также без учета самой ситуации, т. е. контекста и формы бытования исследуемых слов.

Когда исследуемый текст произносится в церковном интерьере либо просто священнослужителем в церковном облачении, перемежается

с молитвой, начинается и заканчивается ею, нужно учитывать, что сама породившая его обстановка накладывает на Автора весьма жесткие ограничения. С точки зрения верующего человека он предстоит перед Богом и обращается к нему. Именно этот фактор подлежит учитывать специалистам, выбирая из множества значений того или иного произнесенного слова наиболее подходящее.

Если в поведении лица, в том числе в его речи, нет никаких явных признаков отклонения от нормы в сторону предполагаемой патологии, то нет никаких оснований считать, что священнослужитель будет браниться, а также разжигать агрессивные и иные настроения не в духовном, но в сугубо мирском смысле.

Подобно тому, как при анализе текстов из исламского дискурса мы не отождествляем каждый факт указания на джихад, т. е. каждое указание на необходимость ведения борьбы на пути Аллаха с прямым призывом к совершению насильственных, разрушительных и т. п. действий, без наличия недвусмысленно указывающего на это контекста, так и в случае с анализом христианских текстов, необходим более глубокий и вдумчивый подход, который, на наш взгляд, может быть достигим только путем обязательного подключения к анализу религиозных и религиозно-обрядовых текстов специалиста-религиоведа.

Литература

1. *Алкуин Флакк Альбин*: цитаты, афоризмы и высказывания [Электронный ресурс] / Цитаты.инфо — цитаты здесь. URL: <https://citaty.info/man/alkuin-flakk-albin> (дата обращения: 15.09.2024).
2. Ветхий и Новый Завет. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Вопросы и ответы священников [Электронный ресурс] / Русская Православная Церковь. Среднеазиатский митрополичий округ. URL: <https://pravoslavie.kg/answers/1662> (дата обращения: 15.09.2024).
4. *Ицкович Т. В.* Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди. Екатеринбург, 2015. 150 с.
5. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
6. *Крылова О. А.* Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001. С. 259–270.
7. Откровение Иоанна Богослова [Электронный ресурс] / Библия онлайн. Библия в синодальном, современном и других переводах. Симфония, словари, собрание толкований и комментариев. URL: <https://bible.by/verse/66/8/7/> (дата обращения: 15.09.2024).

8. Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Постановление от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307089/ (дата обращения: 15.09.2024).
9. *Плотникова А. М., Цыганов Т. В.* Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 118–125.
10. Федеральный закон от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”, ст. 3.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/news/672734/> (дата обращения: 15.09.2024).
11. *Файзуллина Э. Ф.* Речевая культура мусульманских религиозных деятелей: учебное пособие. Казань: Российский исламский институт, 2016. 93 с.

T.A. Troitskaya

The use of special knowledge in the field of religious studies in conducting linguistic forensic examinations

Abstract: today, religious texts and texts directly generated by religious activities are increasingly becoming the objects of special expert research in cases involving extremist groups, less often in court disputes over the illegal exercise of religious activities, when resolving issues about destructive religious cults. Traditionally, such examinations are assigned to linguistic experts, but practice shows the need to use an integrated approach.

Keywords: linguistic expertise, extremism, religious studies.

Б. А. Уланова

*эксперт 1 категории группы
экспертизы в отношении СМИ и СМК
отдела экспертизы информационной
продукции Департамента организации
мониторинга СМК, ФГУП «Главный
радиочастотный центр»
Москва, Россия
baira1981@gmail.com*

Н. В. Милосердова

*эксперт 2 категории группы
экспертизы в отношении СМИ и СМК
отдела экспертизы информационной
продукции Департамента организации
мониторинга СМК, ФГУП «Главный
радиочастотный центр»
Москва, Россия
milajanatali@mail.ru*

К вопросу о маскировке информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено (на примере объявлений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних)

Аннотация: в статье освещаются различные способы маскировки информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Приводится анализ объявлений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних в рамках функционально-прагматического подхода. Выявлены такие виды маскировки, как использование анафорических местоимений при отсутствии антецедента, эллипсис, перифраза и другие.

Ключевые слова: маскировка содержательных элементов текста, порнографическое изображение несовершеннолетних, объявление о продаже.

Законодательством Российской Федерации запрещено распространение материалов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних [17; 18]. К указанному контенту, кроме непосредственно фото и видеозаписей, правоприменитель [12] относит и информацию о распространении, предложении, предоставлении, продаже, приобретении и т. д. детской порнографии для себя или другого лица. В связи с тем, что изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних грозит привлечением к уголовной ответственности, коммуниканты стремятся скрыть истинное содержание передаваемого материала в своих сообщениях. В то же время адресант заинтересован в максимальном охвате аудитории, так как за передачу указанного контента он получает денежное вознаграждение. Поэтому информация о продаже порнографических материалов в подавляющем большинстве случаев распространяется в форме объявлений. В поисках платежеспособной аудитории

преступники активно публикуют такие сообщения на форумах, сайтах, в социальных сетях, мессенджерах и иных уголках информационно-телекоммуникационной сети Интернет, при этом стараясь завуалировать содержимое контента во избежание модерации или правовой ответственности. В данной работе предпринята попытка осветить некоторые способы маскировки информации, применяемые для распространения запрещенного контента в сети Интернет, на примере объявлений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности мы имеем дело с сообщениями и даже чат-ботами, которые содержат информацию о продаже порнографических изображений несовершеннолетних. Ранее в отдельной работе [9: 619] мы приводили результаты анализа, позволившего выявить в таких сообщениях три тематические группы языковых маркеров, содержащих указание на:

- «возраст», т. е. указание на то, что изображенное лицо не достигло совершеннолетия;

- «секс», т. е. подтверждение сексуальной направленности распространяемого материала;

- «продажу», т. е. указание на необходимость получения адресантом сообщения денежного вознаграждения за предоставление доступа к имеющемуся у него контенту.

Исследованные сообщения содержали краткое описание «товара» и в большинстве случаев указание на продажу (желание купить) или на стоимость предоставления доступа к контенту (в рублях или иной валюте, включая электронные деньги), реквизиты карты для осуществления перевода и т. п. Результаты анализа указанного контента побудили нас обратиться к понятиям «объявление» и «реклама». В толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова приводится следующее определение понятия «объявление»: *«сообщение, извещение о чем-л., доводимое до всеобщего сведения, помещенное где-л. для широкого ознакомления»* [4: 693]. В Федеральном законе «О рекламе» [19] закреплено следующее понятие «рекламы»: это *«информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»*. Обратим внимание, что, в отличие от просто объявления, реклама направлена не только на информирование, но и на привлечение внимания к определенному объекту, выбранному автором сообщения. В некоторых научных источниках [13: 117; 10: 69; 7: 32] мы столкнулись с понятием «рекламное объявление», которое рассматривается в качестве наиболее простого жанра рекламы, передающего в максимально

сжатой форме информацию об объекте. Авторы отмечают, что объявление обладает наиболее выгодными условиями коммуникации, так как предполагает заинтересованность адресата в объекте рекламы.

Возвращаясь к анализируемым нами сообщениям, отметим, что их цель — передача сведений о распространении порнографических изображений несовершеннолетних, что в свою очередь формирует соответствующее ответное поведение у адресата. Форма подачи информации характеризуется высокой скоростью воздействия на адресата и получения ответной реакции, а также широтой охвата аудитории. Информационное воздействие материалов сексуальной направленности осуществляется за счет апелляции к низшим, инстинктивным, при этом мощным и базовым потребностям человека, а также сознанию личности, что формирует подкрепление или коррекцию установок реципиента.

Кратко обозначим особенности коммуникативной ситуации, в которой функционировали анализируемые нами объявления о продаже порнографических изображений несовершеннолетних.

1. Анонимность коммуникантов. Адресат и адресант не знают друг друга. Более того, часто в качестве адресанта выступают не живые люди, а чат-боты, имитирующие общение посредством заложенного алгоритма. Такие боты выглядят как мини-магазины и содержат ограниченное количество команд, посредством которых можно строить диалог, направленный на выбор и получение запрещенного контента. При этом существуют общедоступные инструменты, позволяющие без навыков программирования создавать подобные боты за пару часов и в случае блокировки быстро их восстанавливать. Использование маскировки зачастую позволяет таким чат-ботам избегать автоматической модерации.

2. Краткость сообщений. Время взаимодействия коммуникантов максимально ограничено, направлено исключительно на получение запрещенных материалов. Поэтому диалог даже с живым человеком может ограничиваться 3–4 сообщениями с использованием сленговой лексики.

3. Цель — сокрытие информации от третьих лиц (правоохранительных органов или автоматической блокировки), так как распространение сведений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних запрещено законодательством Российской Федерации. Коммуниканты стремятся завуалировать содержание своих высказываний, поэтому выполнение поставленных перед экспертом диагностических задач осложняется тем, что необходимая информация замаскирована. При этом распространителю надо привлечь внимание аудитории именно к своему материалу, и часто объявления содержат красочные описания, в которых активно применяется эвфемизация. Кроме того, для привлечения новой аудитории сообщения должны содержать намеки, понятные для

«непосвященного», но близкого к «теме» пользователя сети «Интернет». Поэтому в объявлениях о распространении порнографических изображений несовершеннолетних можно встретить приемы речевого воздействия, аналогичные применяемым в рекламе [2: 112–116].

Как мы выше отметили, при обработке материалов, поступающих на исследование, эксперты сталкиваются с определенными трудностями при исследовании объявлений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних, так как имеют дело с явлением маскировки их содержательных элементов. При анализе подавляющей части подобного контента нам приходится работать с импликатурами, то есть с выводимыми смыслами. Отметим, что аналогичная проблема уже многие годы сопровождает лингвистические исследования рекламы наркотических средств: чтобы избежать наказания, но при этом продолжать осуществлять свою деятельность, злоумышленники постоянно меняют речевые коды в своих сообщениях, при этом задача эксперта остается неизменной — установить значение анализируемых содержательных элементов текста.

Так как описываемый нами в настоящей статье контент связан с использованием средств маскировки в современном коммуникативном пространстве, в целях дальнейшего исследования мы решили установить, что включает в себя понятие «маскировка». В ГОСТ Р 70003–2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения» закреплено, что маскировкой содержательных элементов является *«не вызывающее коммуникативной неудачи между адресатом и адресантом представление коммуникативно значимой информации в неявном виде с целью ее сокрытия от третьих лиц»*. При этом *«к маскировке в том числе относятся использование условных языковых элементов в оговоренных коммуникантами значениях, смена коммуникантами канала или кода при передаче сообщения. Например, переход на письменную форму при устном общении, использование жестов, иных невербальных средств»* [11: 3]. Так как стандарт позволяет раскрывать значения приведенных в нем терминов, указывая объекты, входящие в объем определяемого понятия, отметим, что «неявный вид» включает в себя способы маскировки, которые будут раскрыты нами ниже. Кроме того, обратим внимание, что большую роль при работе с замаскированной информацией играет контекст. Именно он позволяет установить соответствие или несоответствие используемых адресатом и адресантом речевых единиц коммуникативной ситуации, а также значение слова, актуализируемое в тексте. Вместе с тем при исследовании мы учитываем не только лингвистический (языковое окружение), но и экстралингвистический контекст (направленность ресурса, сопутствующие изображения и т. д.), также влияющий на смысловое содержание текста.

На основании установленных выше признаков коммуникативной ситуации и приведенных теоретических положений при анализе материалов, поступающих на исследование, нами были выявлены различные способы маскировки информации, направленной на распространение порнографических изображений несовершеннолетних. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из выявленных нами способов является использование эвфемизмов. Согласно определению, представленному в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, эвфемизм — это *«слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-л. причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости и т. п.)»* [4: 1513].

Наряду с указанным выше Н. С. Болотнова понимает под эвфемизацией (эвфемизм и эвфемизация в рамках данной работы рассматриваются в качестве синонимов) замену одних слов и сверхсловных единиц другими с целью создания неопределенности в описании явления или маскировки сущности явления [3: 19].

Стоит отметить, что А. Е. Козлов и Я. Х. Саженина посредством феномена эвфемизации раскрывают понятие маскировки как сокрытия определенных обстоятельств и лиц, связанных с этими обстоятельствами [8: 172]. Однако некоторые авторы считают, что с учетом функционально-прагматического подхода к определению понятий *«сущность эвфемии как языкового явления не вполне отвечает содержанию понятия маскировки в контексте судебной лингвистической экспертизы»* [5: 26], так как функция сокрытия информации от третьих лиц реализуется не полностью в связи с возможностью носителем языка «догадаться», о чем идет речь. В последнем случае маскировку отделяют от эвфемии и относят к явлению криптолалии.

На данном этапе систематизации данных, полученных в результате исследования объявлений о продаже порнографических изображений несовершеннолетних, мы склоняемся к первой точке зрения и относим эвфемизмы к способам маскировки информации. Например, в одном из анализируемых материалов нами было выявлено выражение «делает приятно» (см. рис. 1), обозначающее действия сексуального характера.

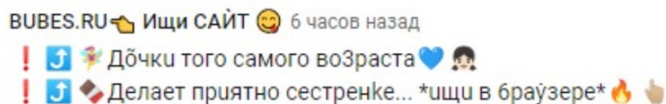

Рис. 1

Еще одним способом сокрытия денотативной информации можно назвать использование анафорических местоимений при отсутствии антецедента.

Анафорическими отношениями называют «отношения между элементами высказывания: словами, словосочетаниями, при которых в содержании одного из элементов содержится отсылка к другому» [6: 32], а антецедентом называют предшествующую единицу высказывания, с которой соотносится последующая единица, поясняющая относительные местоимения, местоименные наречия, имена существительные, расположенные в первой части [Там же]. В ряде похожих объявлений, в которых содержались ссылки на телеграмм-каналы или чат-боты с детской порнографией, нами было выявлено выражение «тот самый возраст» (см. рис. 2), в котором словосочетание «тот самый» отсылает посвященного реципиента к несовершеннолетнему возрасту.

Маскирующим потенциалом обладает также такое языковое явление, как эллипсис, который в лингвистике определяется как «пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)» [1: 525].

Подчеркнем, что эллиптические словосочетания и предложения, используемые в анализируемом нами контенте, обычно представляют уже готовую модель, существующую в сознании тех, кто продает и покупает

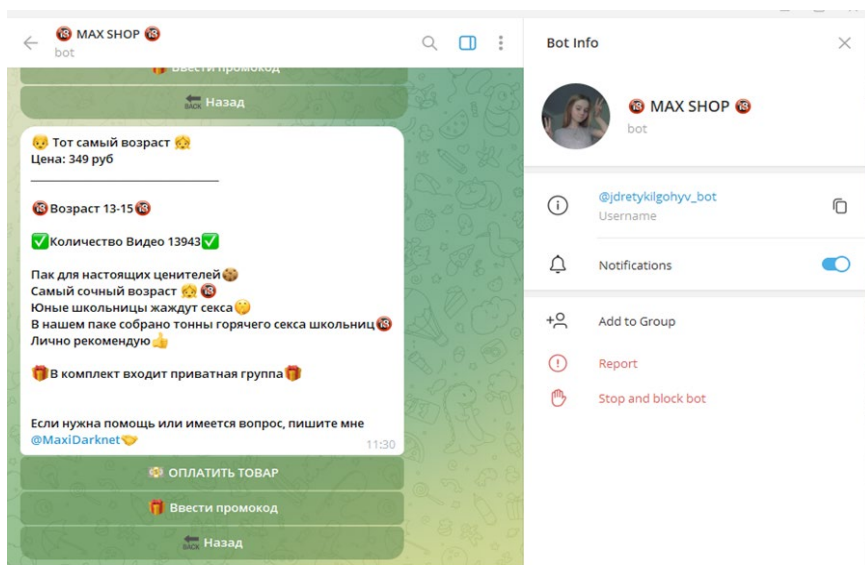

Рис. 2

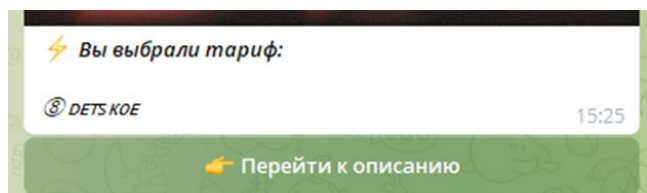

Рис. 3

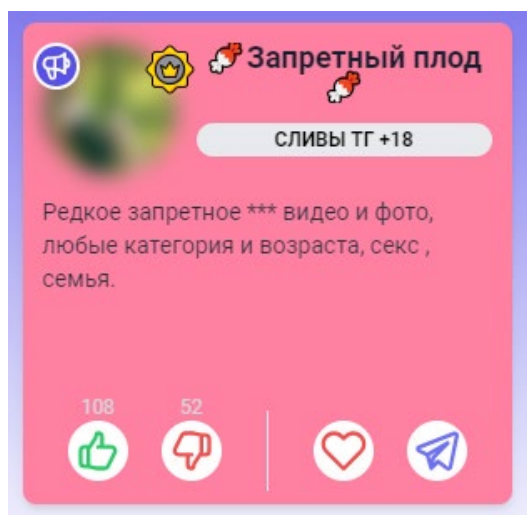

Рис. 4

порнографические материалы с участием несовершеннолетних. Если в данной модели опускается какой-либо элемент, смысл высказывания остается неизменным.

Например, в нижеприведенных объявлениях (рис. 3, 4) используются эллиптические конструкции, в которых опускаются компоненты, восстанавливаемые определенными реципиентами из контекста.

Следующий рассматриваемый нами способ маскировки, билингвизация, основывается на способности коммуниканта использовать два языка. Билингвизм как коммуникативный феномен широко распространен в современном обществе, так как процессы глобализации способствуют межнациональному общению, в том числе посредством сети «Интернет». Ее пользователи имеют возможность посещать «иноязычные» ресурсы и находить там единомышленников из других стран, создавать сообщества, активно общаться на языке, отличном от того, который официально используется в стране их проживания (в основном

на английском языке). В результате этих процессов языковые единицы из одного языка проникают в другой. Языковой элемент, без изменений инкорпорированный из «иностранного» в «своеязычие», некоторые ученые обозначают термином «билингвизм».

Во второй половине XX века в США и Европе активно развивалось педофильское движение, выступавшее за декриминализацию половых отношений с детьми и снижение либо полную отмену возраста сексуального согласия. Представители этого сообщества пытались по аналогии с движением ЛГБТ¹ добиться признания своих прав, однако в результате ряда уголовных преследований и резкой негативной реакции общества на продвигаемые идеи не преуспели. Несмотря на это существует довольно много закрытых интернет-форумов для тех, кто придерживается приведенных выше взглядов. Большинство из них англоязычные, но не для всех пользователей английский язык является родным. Сленговые выражения перетекают в другие языки, становятся интернациональными и используются как в самих текстах сообщений, так и в никнеймах на форумах, в названиях сайтов или чатов и т. д. (пример см. рис. 5). Приведем несколько примеров таких языковых единиц: CP (сокр. от англ. child porn — детское порно), РТНС (сокр. от англ. preteenhardcore — жесткое порно с участием малолетних, не достигших подросткового возраста), BL (сокр. от boylover — лицо, испытывающее романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним мужского пола), JB (сокр. от англ. jailbait — «тюремная приманка», то есть несовершеннолетнее лицо, выглядящее взросло и сексуально вызывающе).

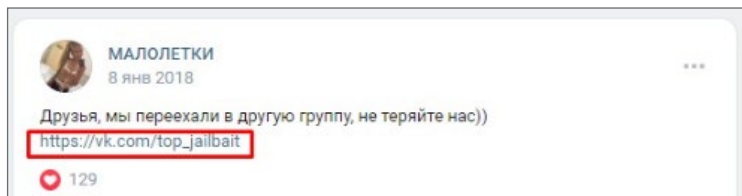

Рис. 5

К одному из способов маскировки мы относим метафору. Это слово, словосочетание, фрагмент текста или целый текст, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства с другим явлением или предметом. Ее использование свойственно не только художественным произведениям или газетным статьям, но и разговорной речи. В рамках когнитивного

¹ Движение ЛГБТ признано экстремистским в Российской Федерации (прим. ред.).

подхода анализа метафоры перенос значения рассматривается как отдельная познавательная операция, исследованию которой посвящена не одна научная работа [16; 20]. Подходы исследователей к данному процессу разнятся, однако суть сводится к использованию категорий и свойств объекта из одной понятийной области для осмысления сущности и описания объекта другой области. При этом стороннему лицу, столкнувшемуся с результатом такой операции, не всегда очевидно свойство, которое берется за основу переноса, и сама исходная область. Эта скрытая, неявная информация, что отвечает цели маскировки содержания сообщений, рассматриваемых нами в данной статье.

Приведем пример метафоры, используемой для маскировки возраста. Словом «досочки» обозначаются девочки в период до полового созревания и начала роста молочных желез (плоская поверхность доски — отсутствие выступов над поверхностью грудной клетки). Напомним, что важную роль в возможности обнаружения такой информации играет контекст сообщения.

Перейдем к заключительному способу маскировки, рассмотренному в данной статье. Перифраза (парафраза) — это оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием его существенных признаков или указанием на его характерные черты [15: 461]. М. А. Сиривля в своем диссертационном исследовании [14: 13] определяет перифраз как иносказательное описательное вторичное наименование денотата, имеющее информативный и суггестивный характер и передающее прагматическую информацию о предмете речи. Перифраза в указанной работе рассматривалась как экспрессивное средство языка газеты, поэтому много внимания было уделено экспрессивно-оценочной функции перифразы. Мы же имеем дело с иной коммуникативной ситуацией, для которой цель информирования посредством имплицитных смыслов превалирует. Образный характер перифразы позволяет, с одной стороны, определить предмет через выделение главного признака, с другой — подать объект в непривычном для восприятия ракурсе, что отвечает и задаче маскировки и может привлекать дополнительное внимание к сообщению.

В некотором количестве проанализированных нами объявлений содержалось выражение «запретное видео и фото» (рис. 4). Указание на запрет свидетельствует о противоправном содержании материала. В совокупности с маркерами несовершеннолетнего возраста и особенностями рассматриваемой коммуникативной ситуации такое указание позволяет говорить о наличии информации о порнографических изображениях несовершеннолетних.

В нескольких исследованных нами чат-ботах предлагалось купить «большой сочный архив материалов детского возраста (от дошкольников

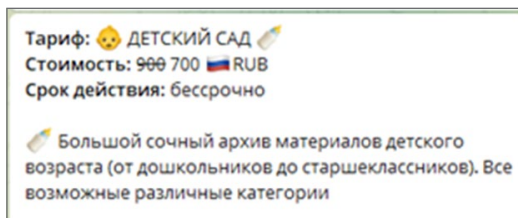

Рис. 6

до старшеклассников)» (см. рис. 6). Как мы видим, в сообщении имеется косвенное указание на возраст изображенных лиц («детский сад», «детского возраста», «от дошкольников до старшеклассников»). Из контекста можно восстановить, что под архивом материалов понимаются именно фото и видеоизображения, словом «сочный» отмечен характер этих изображений (эта единица часто встречается в описаниях порнографических материалов с участниками любого возраста).

Подводя итоги, отметим, что вопрос о способах и содержании маскировки в лингвистической экспертизе актуален и постоянно рассматривается в исследовательских работах, однако привести их исчерпывающий перечень не представляется возможным, так как злоумышленники после раскрытия кода довольно быстро придумывают другой. Кроме того, исследование объявлений в сети Интернет осложнено тем, что появляются новые формы и средства выражения в интернет-пространстве. Например, вместо текстового сообщения злоумышленники могут использовать эмодзи «печенье» для обозначения контента, содержащего порнографические изображения несовершеннолетних, или эмодзи «капли воды» для обозначения сексуального возбуждения. Уже после подготовки текста данной статьи нами были выявлены новые выражения, используемые для распространения запрещенного контента. В такой ситуации эксперты ежедневно сталкиваются с новыми кодами, поэтому важно выявить основные алгоритмы кодирования, следить за исследованиями коллег в областях, где коммуникантами применяется маскировка содержательных элементов речи (распространение наркотиков, переговоры о даче взятки и т. п.), и своевременно делиться своими работами с профессиональным сообществом.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
2. Бернадская Ю. С., Костылева Т. А. Приемы речевого воздействия в рекламе [Электронный ресурс] // ОНВ. 2006. № 10 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-rechevogo-vozdeystviya-v-reklame> (дата обращения: 12.09.2024).

3. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. *Дайлоф Е. Л.* О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы. // Юрислингвистика. 2019. 11. С. 24–28.
6. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
7. *Кара-Мурза Е. С.* Формы и жанры русской коммерческой рекламы [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2014. № S3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-zhanry-russkoy-kommercheskoy-rekla-my> (дата обращения: 12.09.2024).
8. *Козлов А. Е., Саженина Я. Х.* Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических преступлениях. // Лингвокультурология: ежегодный сборник научных трудов / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Уральский гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2016. Вып. 10. С. 167–186.
9. *Милосердова Н. В., Уланова Б. А.* Использование метода полевого структурирования при анализе сведений о распространении порнографических изображений несовершеннолетних в сети «Интернет» // Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа: материалы VIII Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева; отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2024. С. 618–622.
10. *Миронова А. А.* Жанры рекламы: к проблеме квалификации [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГУ. 2012. № 32 (286). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-reklamy-k-probleme-kvalifikatsii> (дата обращения: 12.09.2024).
11. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70003–2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.02.2022 № 61-ст).
12. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27.02.2023 № 25 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, в единую автоматизированную информационную систему “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети ‘Интернет’ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети ‘Интернет’, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено”».

13. *Сабянин Н. Н.* К вопросу о классификации рекламных жанров [Электронный ресурс] // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-reklamnyh-zhanrov> (дата обращения: 12.09.2024).
14. *Сиривля М. А.* Перифраз как экспрессивное средство языка газеты (семантико-прагматический аспект). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 23 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
16. Теория метафоры: Сборник: пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. / вступ. сл. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
18. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ.
19. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ.
20. *Чудинов А. П., Будаев Э. В.* Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-metafory-na-sovremennom-etape-razvitiya> (дата обращения: 13.09.2024).

В. А. Ulanova,
N. V. Miloserdova

To the question of masking the prohibited in the russian federation information (on the example of child pornography advertisements)

Abstract: the article highlights various ways of masking the prohibited in the Russian Federation information. The analysis of child pornography advertisements is carried out in the functional and pragmatic approach. There were some ways of masking the information identified, such as the use of anaphoric pronouns at the absence of the antecedent, an ellipsis, periphrasis and others.

Keywords: masking of contextual text elements, pornographic images of a child, advertisements.

Э.А. Федина

*курсант 236 взвода факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Санкт-Петербург, Россия
eleonora2019duble@gmail.com*

Приемы оказания давления на собеседника в ситуации вымогательства (языковой аспект)

Аннотация: в статье рассмотрены случаи вымогательства, осуществленные по телефонному звонку, проведен сравнительный анализ речи телефонных мошенников и подлинных сотрудников различных организаций, выявлены основные приемы оказания давления на собеседника. Также приведены пути решения проблемы.

Ключевые слова: вымогательство, манипулятивное воздействие, телефонный разговор, преступления в сфере экономики, оказание давления.

В Российской Федерации за январь — июль 2024 года на 17,1% возросло число зарегистрированных киберпреступлений [8: 14]. К ним относится и телефонное мошенничество, которое классифицируется по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [9: 119]. Злоумышленники представляются сотрудниками различных организаций и требуют деньги либо персональные данные под предлогом решения несуществующих проблем. Не смотря на старание замаскироваться под реального сотрудника, преступники выдают себя не только подозрительными действиями, но и речью. Злоумышленники используют различные тактики, чтобы запугать или манипулировать жертвами. Знание этих методов может помочь людям лучше защищаться от вымогателей.

Как правило, телефонный разговор относится к вербальной коммуникации. По тому, как общается и доносит информацию сотрудник, можно определить его подлинность. «Цель манипулятора — побудить другого человека совершить те или иные поступки, выгодные ему» [1: 9]. Телефонный мошенник добивается цели путем обмана и вымогательства. Проведя анализ записей телефонных разговоров, автор выявила особенности речи преступника и их приемы воздействия на жертву.

Первая часть телефонного разговора — это представление. Злоумышленники допускают фактические ошибки, которые граждане

с низкой правовой культурой могут не заметить. Например, поступает звонок от сотрудника Центрального Банка, хотя, обратившись к Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», можно обнаружить, что у него нет полномочий, связанных с работой с физическими лицам [10].

Мошенники избегают конкретных деталей, в речи звучит неопределенность и неясность. Маскируются под представителей крупных организаций, реально существующих, либо утверждают, что их фирма очень известная, но в то же время утаивают названия. Они могут использовать общие фразы, чтобы не дать жертве возможности задать уточняющие вопросы. «Телефонный звонок — позволяет манипулировать человеком при разговоре, но при таком общении можно разоблачить мошенника правильным вопросом» [5: 2].

Чтобы человек вышел из психологического равновесия, вымогатели создают срочность. Злоумышленники твердят о важности и необходимости решить проблему именно сейчас, не давая жертве время на обдумывание. Одна из возможных фраз содержится в записи разговора, опубликованного на российской платформе RUTUBE: «— Это Ваша основная задача, так скажем, которая предстоит сегодняшним днем выполнить. С сегодняшним. Ни завтра, ни послезавтра, ни вечером, ни в обед, а конкретно сегодня. Можно сказать, что сейчас. Оттягивать и затягивать этот вопрос никуда нельзя. Вас уже выбрали жертвой мошеннических манипуляций и поэтому исходя из опыта говорю сразу — будут пытаться что-то похитить до того момента, пока не похитят. Когда похитят, будет уже поздно предпринимать какие-то действия с Вашей стороны» (Отрывок 12 мин. 52 сек. — 13 мин. 23 сек из видео «Мошенники из “ФСБ”, работают по схеме “Начальник — подчиненный”»). Чувство неотложности мешает рассудительности, так жертва под давлением принимает спонтанные решения.

Для большего эффекта используют метод запугивания. Например, мнимые сотрудники полиции или служб безопасности банков, утверждая, что расследуют мошенничество, могут угрожать уголовной ответственностью или потерей средств, если не будут предоставлены личные данные или деньги для «восстановления» счета. Еще одна угроза, сопровождающая вымогательство, может быть связана с близкими людьми [4: 1]. В обоих случаях описанные методы манипулятивного воздействия помогают телефонным мошенникам избежать критического мышления со стороны жертвы.

Одна из типичных фраз мошенников связана с требованием рассказать, что понимает жертва. В процессе пересказа человек проговаривает историю, которую сочинили злоумышленники. Есть предположение,

что этот прием используется с целью внушить человеку реальность проблемы. Человек верит, а после начинает искать пути решения и поддается выполнению указаний от «разбирающегося в этой сфере сотрудника». Если же жертва начинает сомневаться, мошенник всячески убеждает, что она мыслит не совсем верно и корректирует. «Речь того, кто пытается что-то внушить вам, обычно изобилует субъективными оценками. Фактически цель говорящего — побудить вас к определенным действиям (или, наоборот, воздержанию от них)» [3: 7].

« — Подведите мне теперь краткий итог нашего разговора, как вы все понимаете, что приключилось, что произошло. И от этого будем уже отталиваться» (Отрывок 21 мин. 42 сек. — 21 мин. 48 сек. из видео «Мошенники из “ФСБ”, работают по схеме “Начальник — подчиненный”»).

В речи телефонных мошенников наблюдается обилие вопросительных предложений. Они могут быть как единичными, так и идущими целой цепочкой. Можно утверждать, что злоумышленники придерживаются принципа «контролирует тот, кто задает вопросы» [2: 131]. Так, если у гражданина сомнения о подлинности сотрудника усилились или же прямым текстом он говорит о них, то вымогатель парирует подобными вопросами: «с чего Вы взяли?», «почему Вы так считаете?». Подобная смена контроля, как правило, должна обязывать человека дать ответ и подробно обосновать свое предыдущее заявление, уточнить что он имеет ввиду [2: 99]. Но это не всегда работает.

Главное отличие настоящего сотрудника от вымогателя — это стиль речи. Реальные сотрудники придерживаются делового стиля, остаются вежливыми. В то время как некоторые злоумышленники обладают меньшим терпением и могут использовать просторечие либо нецензурную брань, допускать грамматические, речевые, орфоэпические ошибки, а также перейти на личности. В момент, когда мошенник раздражен, его речь приобретает экспрессию, то есть способность выражения психического состояния говорящего [11: 1]. Примеры:

Аудиозапись 1 (из видео «Мошенники из “ФСБ”, работают по схеме “Начальник — подчиненный”» канала «Владимир» видеохостинга RUTUBE).

«— Если бы я знал, какой банк в этом замешан, то я бы с Вами не общался на эту тему. Я думаю, Вы понимаете это сами прекрасно. Вы человек не глупый, хоть и периодически задаете глупые вопросы. Но ничего страшного, я же Вам даю ответы на Ваши вопросы» (10 мин. 29 сек. — 10 мин. 43 сек.);

«— Может, Вы вместо меня расследование будете проводить или что? Или решать проблему эту? Скажите мне, Владимир Петрович» (10 мин. 12 сек. — 10 мин. 18 сек.).

Аудиозапись 2 (из видео «Сборник обиженных звонилоч!!» канала «Алексей FS» видеохостинга RUTUBE).

«Телефонный мошенник: как у Вас вообще в связи со сложившейся ситуацией, Алексей, у вас фамилия Хохлов? Как Вам живется? Непросто, наверное, правильно?» (4 мин. 30 сек. — 4 мин. 39 сек.);

«Человек: Ну, то есть, Вы сами ничего не знаете, так получается?

Телефонный мошенник: Алексей, я ответил на Ваш вопрос.

Человек: Ну, я понял, что Вы сами не знаете. Хорошо, дальше.

Телефонный мошенник: Я понял, что Вы меня не слышите.

Человек: Ну, это не важно.

Телефонный мошенник: Я вам ответил на Ваш вопрос.

Человек: Хорошо, Вы не нервничайте. Чего Вы нервничаете?

Телефонный мошенник: Да потому что Вы говорите, что я не знаю. Я говорю, что я знаю» (8 мин. 19 сек. — 8 мин. 40 сек.).

Настоящие специалисты не допускают подобные выражения, их речь правильна и официальна. Для них характерно строгое соблюдение языковых норм и избегание эмоционально-окрашенной лексики.

Еще одна важная деталь — сотрудники не используют междометия, строго следят за тем, что говорят. Мошенники же, наоборот, пытаются подобрать нужные выражения и действуют по ситуации. «Худшее время задуматься о том, что собираешься сказать, — в момент самой речи» [11: 6]. Однако использование междометий может быть еще связано с попыткой изнурить человека долгой, нудной передачей информации. Ведь, как известно, усталость влияет на самочувствие человека, а значит и на работу мозга. Из этого следует, что необходимо также обратить внимание на длительность звонка. Деловое общение по телефону не требует больших временных затрат. Согласно правилам этикета, такая телефонная беседа может длиться максимум 4–5 минут. Это оптимальный промежуток времени, позволяющий решить все вопросы. Разговор с настоящим работником организации в среднем составляет не больше 5 минут.

Также преступники употребляют в процессе общения с жертвой сложные термины, такие как «компрометация», «IP-адрес и MAC-адрес». Мошенники пользуются незнанием мирных граждан профессиональной терминологии и смело придумывают слова, такие как: «пластиковый продукт», «финансовая ячейка», «зеркальный кредит», «динамическая комбинация». Этот прием направлен на «запутывание» собеседника, создании иллюзии, что мнимый сотрудник является специалистом в своей сфере и превосходит в знаниях.

«— Но при этом всем я пытаюсь объяснять Вам все более простыми словами. Потому что понимаю, что отчасти Вы по банковской части, как я понимаю, особо не разбираетесь ни в чем. Поэтому я говорю Вам

прямо, как оно есть, как я эту картину вижу, так Вам и сообщаю» (отрывок 15 мин. 24 сек. — 15 мин. 28 сек. из видео «Мошенники из “ФСБ”, работают по схеме “Начальник — подчиненный”»).

Стоит заметить, что «мокрой печати» в России нет, существует иное название, используемое русским народом, — «синяя печать». А вот первый термин имеет корни иного государства.

В связи с началом Специальной военной операции в настоящее время стали популярны телефонные звонки от украинских мошенников. Не каждый представитель этого вида преступников владеет грамотной русской речью. Соответственно, во время разговора может проявляться украинский акцент, а иногда и характерные слова их родного языка.

Источник проблемы — информация, которую не должны заполучить злоумышленники для благополучного совершения преступного деяния. Банки, операторы сотовой связи, социальные сети и другие организации могут по тем или иным причинам допускать утечку персональных данных своих клиентов. Тем самым невольно помогают мошенникам в поиске потенциальных жертв. «По мере ускорения цифровизации всех сфер жизни кибербезопасность становится одной из самых востребованных технологических областей» [6: 41]. Обучение персонала становится крайне актуальной задачей, «поскольку недостаточно подготовленный сотрудник может стать слабым звеном в системе защиты» [6: 41]. Со стороны организаций стоит задача усиления конфиденциальности информации, в которую также входят персональные данные отдельных граждан.

Клиенты и пользователи, в свою очередь, в целях безопасности должны предоставлять минимум персональных сведений, насколько это позволяют требования организаций и сайтов. Также рекомендуется периодически обновлять пароли хотя бы раз в три месяца [7].

В народе бытует мнение, что «пока Вы разговариваете с мошенником, Вы спасаете других людей, которым он мог позвонить в это время». На самом деле, это не совсем так. Часто мошенники называют по одному и тому же номеру, зная, что человек может в очередной раз отказать либо имеет низкий доход, чтобы если не добиться от него денег, то хотя бы получить опыт в разговоре с жертвами. Пока неопытные мошенники тренируются на таких людях и прорабатывают свою речь, личностей, имеющих большие суммы на счетах, обзванивают более подготовленные. У последних меньше ошибок в речи по той причине, что они более профессиональны в своей преступной деятельности, поэтому их сложнее определить. Исходя из этого, правильным решением будет не продолжать разговор с злоумышленником, а отключиться от звонка сразу же, как его распознали.

В процессе поиска решения поставленной проблемы выявлены основные методы вымогательства, используемые телефонными мошенниками. Мнение о том, что преступники имеют свои речевые маркеры, подтвердилось. Людям необходимо научиться их обнаруживать и вовремя прекращать разговор. Полученные в ходе исследования знания в дальнейшем могут способствовать предотвращению преступных деяний в сфере экономики.

Литература

1. *Адамчик В. В.* 330 способов успешного манипулирования человеком. Минск: Харвест, 2021. 320 с.
2. *Джонс Фил М.* Сказал как отрезал: самые действенные фразы для влияния и убеждения. М.: Эксмо, 2020. 144 с.
3. *Джонс Фил М.* Убеди кого угодно: как с помощью универсальных фраз можно выходить победителем из любого спора. М.: Эксмо, 2024. 192 с.
4. *Кулев В. К., Папшева Е. В., Старинский А. Ю., Сугрובה К. С.* Телефонное мошенничество [Электронный ресурс] // НиКа. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telefonnoe-moshennichestvo> (дата обращения: 27.07.2024).
5. *Лабутин А. А.* «Мобильные» мошенничества: основные способы совершения [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-moshennichestva-osnovnye-sposoby-soversheniya> (дата обращения: 27.07.2024).
6. Прорывные инновации: человек 2.0: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 4–8 апр. 2022 г. / С. А. Гавриш, Л. М. Гохберг, Д. Е. Грибова и др.; под ред. Л. М. Гохберга, А. Р. Ефимова, Ю. В. Мильшиной; НИУ «Высшая школа экономики»; ПАО Сбербанк. М.: ВШЭ, 2022. 56 с.
7. «СБЕР СОБА» [Электронный ресурс]. URL: <https://sbersova.ru/sections/protection/edinstvennye-i-neverotimye-kak-sozdavat-nadezhnye-paroli-i-upravlyat-imi> (дата обращения: 03.08.2024).
8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — июль 2024 года [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/54040412/> (дата обращения: 20.08.2024).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2024. 400 с.
10. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: принят Гос. Думой 27 июня 2002 г. М.: Центрмэг, 2023. 180 с.

11. *Хачецукова З. К., Хабекирова З. С., Калашаова А. А., Шхумишхова А. Р., Панеш Д. Р.* Языковые механизмы экспрессивности: анализ базовых понятий [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6—1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-mehanizmy-ekspressivnosti-analiz-bazovyh-ponyatiy> (дата обращения: 04.08.2024).

Е. А. Fedina

Techniques of exerting pressure on the interlocutor in an extortion situation (linguistic aspect)

Abstract: the article deals with cases of extortion carried out by phone call, a comparative analysis of the speech of telephone scammers and genuine employees of various organizations is carried out, the main techniques of exerting pressure on the interlocutor are revealed. The ways of solving the problem are also given.

Keywords: extortion, manipulative influence, telephone conversation, economic crimes, pressure.

О. В. Федорова

*эксперт I категории группы экспертизы по 149-ФЗ отдела экспертизы
информационной продукции Департамента организации мониторинга СМК,
ФГУП «Главный радиочастотный центр»*

Москва, Россия

nemo80@list.ru

Подготовка будущих экспертов гуманитарных специальностей в контексте формирования их личностной зрелости и психологической устойчивости в целях сохранения психологического здоровья специалистов

Аннотация: в статье обосновывается важность комплексной подготовки экспертов в целях сохранения их профессионального потенциала и психологического здоровья, предполагающей формирование компетенций в совокупности с развитием их личностной зрелости и психологической устойчивости, предлагаются меры для реализации данного подхода.

Ключевые слова: эксперт, профессиональный стресс, профессиональное выгорание, личностная зрелость, психологическая устойчивость.

Зачастую эксперту в своей повседневной деятельности приходится сталкиваться с высоким уровнем сложности решаемых задач, большим объемом материалов, негативным контентом, оказывающим разрушительное влияние на психику неподготовленного реципиента (детская порнография, сцены либо описания насилия и жестокости, информация о суицидах и т. п.). Отдельно стоит упомянуть высокую степень ответственности, которая ложится на плечи эксперта за судьбу тех людей, в отношении которых назначена экспертиза (либо тех людей, которые напрямую причастны к ее результатам). Все вышеперечисленное становится источником профессионального стресса, который зачастую своевременно не замечается экспертом и приводит к быстрому профессиональному выгоранию, истощению ресурсов личности, нарушению ее целостности.

Следовательно, проблема сохранения психологического здоровья личности эксперта в процессе выполнения трудовой деятельности приобретает в настоящее время особую актуальность. Научно-прикладной интерес в данном случае представляет изучение потенциальных

профессионально-личностных деформаций, их детерминант, специфических психических состояний, в числе которых синдром профессионального выгорания, а также выработка превентивных мер, направленных на предупреждение негативных последствий влияния экспертной деятельности на личность специалиста.

Впервые в зарубежной науке термин «профессиональное выгорание» введен американским психиатром Х. Дж. Фреденбергом в 1974 году, под которым подразумевалось психическое состояние здорового человека, находящегося в тесном общении с клиентами (пациентами) в эмоционально насыщенной атмосфере в рамках оказания им профессиональной помощи [7]. Далее совместно с Г. Нортон он выделил стадии профессионального выгорания: одержимость в демонстрации своей значимости перед коллегами; неспособность отключиться от рабочих задач; невнимание к собственным первичным потребностям; отрицание проблем, тревожность, паника; дезориентация ценностей, озабоченность работой; агрессия и цинизм по отношению к коллегам и профессиональной деятельности; игнорирование социальных контактов, злоупотребление алкоголем и наркотиками; изменение привычного поведения; деперсонализация — утрата человеком своего «я»; ощущение одиночества; депрессия, собственно синдром профессионального выгорания [6]. В отечественной науке термин «выгорание» был впервые рассмотрен Б. Г. Ананьевым в 1968 году, который считал, что данное негативное явление может развиваться у людей, работающих в профессиональной сфере «человек-человек». Дальнейшие исследования в современной отечественной психологии распространились не только на анализ проявлений профессионального выгорания «субъект-субъектных» профессий, но и на профессии «субъект-объектного» типа.

Следует отметить, что при исследовании данной проблемы, мы полностью согласны с мнением Т. Г. Неруш, которая при соотнесении понятий «профессиональное выгорание» с другими психологическими категориями отмечает, что в современной отечественной психологии наблюдается терминологическая путаница (например, для обозначения феномена выгорания используются различные понятия: «эмоциональное выгорание», «психическое выгорание», «профессиональное выгорание»), а также то, что зачастую профессиональное выгорание, не являясь самостоятельным феноменом, рассматривается как специфическая форма профессиональных деструкций [3]. В. Е. Орел также разводит понятия «профессиональное выгорание» и «профессиональная деформация», рассматривая выгорание как относительно самостоятельный, отличный от профессионального стресса и профессиональной деформации феномен профессионального развития личности: *«анализ*

существующих классификаций профессиональных деструкций показывает, что ведущими среди них являются разного рода деформации личности, а также специфические психические состояния личности, среди которых наиболее значимым является синдром психического выгорания» [4].

Как уже было отмечено ранее, цель данной статьи — изучение потенциальных профессионально-личностных деформаций, их детерминант, а также некоторых специфических психических состояний, в числе которых синдром профессионального выгорания.

Для решения поставленной задачи нами был проведен опрос экспертов, касающийся их профессиональной деятельности, а также предложен опросник для выявления уровня профессионального выгорания (Диагностика профессионального «выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой (англ. Maslach Burnout Inventory, сокр. MBI) [2: 360–362]).

Соответственно, в основу нашего исследования легла модель синдрома профессионального выгорания, предложенная американскими учеными К. Маслач и С. Джексон, которые систематизировали описательные характеристики данного синдрома и разработали опросник для его количественной оценки (Maslach, Jackson, 1986).

Согласно авторам опросника, синдром выгорания проявляется в трех группах переживаний:

- эмоциональном истощении — переживании опустошенности и бессилия;
- деперсонализации — дегуманизации отношений с другими людьми (проявлении черствости, бессердечности, цинизма или грубости);
- редукции личных достижений — занижении собственных достижений, потере смысла и желания вкладывать личные усилия на рабочем месте [2: 7–8].

Предложенный экспертам опросник состоит из 22 пунктов, по которым возможно вычисление значений трех шкал: «Эмоциональное истощение», «Деперсонализация», «Редукция профессиональных достижений» [5: 266–267]:

- «эмоциональное истощение» проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, утраты интереса и позитивных чувств к окружающим, ощущении «пресыщенности» работой, неудовлетворенностью жизнью в целом;
- «деперсонализация» проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопереживания, а в отдельных случаях — в негативизме и циничном отношении. На поведенческом

уровне «деперсонализация» проявляется в высокомерном поведении, использовании профессионального сленга, юмора, ярлыков;

— «редукция профессиональных достижений» отражает степень удовлетворенности работника собой как личностью и как профессионалом. Неудовлетворительное значение этого показателя отражает тенденцию к негативной оценке своей компетентности и продуктивности и, как следствие, — снижение профессиональной мотивации, нарастание негативизма в отношении служебных обязанностей, тенденцию к снятию с себя ответственности, к изоляции от окружающих, отстраненность и неучастие, избегание работы сначала психологически, а затем физически [5: 265].

В опросе приняло участие 22 эксперта, чья профессиональная деятельность связана с анализом информационной продукции.

По социально-демографическим признакам выборка распределилась следующим образом:

— по полу: респонденты мужского пола составили 23% от общего числа обследуемых, респонденты женского пола — 77%;

— по возрастному признаку: лица до 25 лет составили 18% от общего числа обследуемых; 26–30 лет — 23%, 31–35 лет — 18%, 36–40 — 18%, старше 40 лет — 23%;

— по общему стажу экспертной деятельности: 0–1 год — 27%, 2–3 года — 27%, 5–10 лет — 27%, 11–15 лет — 9%, свыше 15 лет — 9%;

— по стажу экспертной деятельности в занимаемой на данный момент должности: 0–1 год — 36%, 2–3 года — 46%, более 5 лет — 18%.

Результаты исследования с применением опросника «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой (англ. Maslach Burnout Inventory, сокр. MBI) представлены в таблице 1.

Таким образом, результаты, полученные на выборке экспертов, чья профессиональная деятельность связана с анализом информационной продукции, показывают, что у 36% опрошенных выявлена средняя степень выгорания, у 41% — низкая и у 23% — крайне низкая степень выгорания, при этом взаимосвязей с возрастом специалистов и стажем их работы как в области экспертной деятельности, так и стажем работы в данной должности, не выявлено. При этом наибольший вклад в интегральный показатель выгорания у экспертов вносит параметр «Эмоциональное истощение», который проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, утраты интереса и позитивных чувств к окружающим, ощущении «пресыщенности» работой, неудовлетворенностью жизнью в целом.

Таблица 1. Результаты исследования выборки специалистов по экспертизе информационной продукции по методике «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой (англ. Maslach Burnout Inventory, сокр. MBI)

Значение Наименование шкалы	Крайне низкий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Эмоциональное истощение	23%	27%	23%	27%
Деперсонализация	50%	41%	9%	0
Редукция достижений	23%	55%	18%	4%
Общий уровень профессио- нального выгорания	23%	41%	36%	0

Результаты опроса также свидетельствуют о том, что 23% экспертов констатируют у себя наличие признаков профессионального выгорания на протяжении от полугода до двух лет, которые выражаются преимущественно в физической усталости, эмоциональной опустошенности (черствости), раздражительности, отсутствии интереса к чему-либо, чувстве апатии к работе. Стоит отдельно отметить тот факт, что, согласно исследованию, средний уровень профессионального выгорания выявлен у 36% экспертов, эмоциональное истощение, как одна из составляющих синдрома, выявлено у 50% экспертов (23% — средний уровень и 27% — высокий), редукция достижений (тенденция к негативной оценке своей компетентности и продуктивности) у 22% экспертов (18% — средний уровень и 4% — высокий). Представленные данные могут свидетельствовать о том, что у части экспертов профессиональное выгорание присутствует, однако специалистами не осознается, то есть протекает в латентном (скрытом) виде. Данная ситуация представляет опасность отсутствием возможности своевременного принятия мер по предотвращению развития синдрома выгорания.

Переходя к вопросу о профессиональных детерминантах выгорания у экспертов, занимающихся анализом информационной продукции, следует отметить тот факт, что данная деятельность принадлежит сфере «когнитивного труда», который относится исключительно к умственной, социально упорядоченной деятельности, исключающей прямое, физическое взаимодействие с материалом. Данное понятие ввел итальянский философ Франко Берарди [1], который отмечает повышение психического и физического напряжения, связанного с ежедневным воспроизведением одних и тех же операций, при этом подобный

труд становится привлекательной частью жизни работника когнитивного труда, который, порой, стремится продлить по собственной воле рабочее время, утрачивая вкус к жизни.

Согласно полученным в ходе опроса данным, источники профессионального стресса, обозначенные экспертами, соотносятся с классификацией характеристик трудовой деятельности, которые имеют отношение к динамике развития стресса или выступают как вероятные его источники, предложенной В. А. Бодровым, который выделяет организационные, рабочие и индивидуальные характеристики трудовой деятельности [2: 12–14].

В ходе исследования нами были выделены следующие источники профессионального стресса, касающиеся деятельности экспертов, занимающихся анализом информационной продукции:

I. Организационные детерминанты

1. Структура: невозможность развиваться (отсутствие профессионального обучения, возможности профессионального и карьерного роста).

2. Процессы: отсутствие обратной связи по результатам деятельности; несоблюдение ранее выработанных правил и установок (противоречивость, неясность); отсутствие отдачи от работы.

3. Управление: отсутствие стимулирования (в том числе денежного), регулярные переработки, неточные технические задания.

II. Рабочие детерминанты

1. Содержание работы: объективная невозможность выполнения поставленных задач (в контексте временных рамок, объема работы, жесткие дедлайны); монотония, однообразие в работе; большой объем работы (чрезмерная нагрузка); сложность поставленных задач; деструктивный характер контента; длительная работа без возможности отдыха; высокая ответственность за принятое решение; отсутствие профессиональной динамики (концентрация на выполнении только одной задачи).

2. Средства работы: технические проблемы, препятствующие выполнению деятельности.

3. Физико-химические и технические условия труда: эксперты данные факторы не указали.

4. Социальные условия: дисфункциональные отношения с коллегами; отсутствие положительной оценки деятельности, общественного признания, одобрения; негативная атмосфера в коллективе; нехватка или отсутствие полноценного контакта с коллегами.

III. Индивидуальные детерминанты

1. Профессиональные: нехватка профессионального опыта (чаще у молодых сотрудников).

2. Морально-нравственные и организационные: отсутствие мотивации к работе; недисциплинированность; неорганизованность; неумение переключаться с рабочих процессов на режим отдыха.

3. Психологические: повышенная тревожность; излишняя впечатлительность; низкая стрессоустойчивость; мнительность; нерешительность; чрезмерная чувствительность к внешним обстоятельствам; перфекционизм; высокий уровень притязаний (высокая планка); излишняя требовательность к себе; страх совершить ошибку; самокритика; гиперответственность; отсутствие асертивности; инфантилизм (личностная незрелость); неадекватная самооценка; недостаточное развитие уровня интеллектуального и эмоционального интеллекта, начитанности и проницательности; конфликтность, отсутствие желания (неумение) работать в команде; ригидность; низкий уровень креативности и творческого мышления; безынициативность; цинизм; отсутствие либо повышенный уровень эмпатии; высокая вовлеченность в материал; отсутствие развития и реализации в других сферах жизни; неспособность разделять личное и профессиональное; неумение поддерживать баланс сфер жизни.

4. Физиологические: переутомление, недосып; высокая истощаемость нервно-психических процессов; низкий общий энергетический уровень.

5. Физические: низкая устойчивость к длительной работе с большим объемом информации (низкая физическая выносливость, быстрая физическая утомляемость).

Таким образом, можно выделить два блока, характеризующих трудовую деятельность эксперта, с преобладающим влиянием на развитие профессионального стресса: содержание работы и психологические особенности специалиста. При этом содержание работы не следует считать определяющим для развития профессиональных деструктивных состояний, важно рассматривать рассогласование между указанной спецификой работы эксперта и личностными ресурсами специалиста. Исходя из этого, можно констатировать тот факт, что существующее положение вещей требует от специалиста не только развитых мыслительных способностей, высокого уровня развития профессиональных навыков и компетенций, общей культуры и эрудиции, но и определенного уровня личностной зрелости и психологической устойчивости.

Вместе с тем, эксперты отметили личностные качества, способствующие развитию психологической устойчивости к негативному влиянию отдельных факторов профессиональной деятельности, которые условно можно представить в виде трехкомпонентной структуры, включающей когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты:

— когнитивный компонент раскрывается через наличие профессиональных знаний, умений и навыков эксперта, а также особенностей мышления (гибкость, высокая обучаемость, эрудированность, любопытство, креативность, осознанность, открытость новому, высокий умственный, эмоциональный и духовный интеллект, критичность мышления, рефлексия, умение переключаться как между задачами, так и между режимами труда и отдыха, стремление к самосовершенствованию и развитию, умение планировать, учитывать приоритетность задач);

— аффективный компонент включает в себя знание и понимание себя и другого, эмоций и эмоциональных состояний и раскрывается через эмпатию, адекватную самооценку, позитивное самоотношение, уверенность в себе и своих профессиональных навыках и знаниях, эмоциональную устойчивость, стрессоустойчивость, умение фокусироваться на положительных результатах своей деятельности, и в меньшей степени — на трудностях и неудачах, умение понимать и работать со своим внутренним состоянием, оптимизм, коммуникабельность;

— поведенческий компонент включает в себя способность сохранять work-life баланс, трудолюбие, умение отдыхать, сбрасывать напряжение, находить источник вдохновения в другой сфере жизни, активность, энергичность.

Данные личностные качества лежат в основе психологической зрелости, устойчивой жизненной позиции эксперта.

Исходя из выявленных детерминант развития деструктивных состояний, связанных с профессиональной деятельностью, в том числе развития профессионального выгорания, мы предполагаем, что система психологической профилактики развития данных негативных состояний должна проводиться на рабочем и индивидуальном уровнях. Управление рисками развития деструктивных состояний, в том числе профессионального выгорания, на рабочем уровне затруднительно путем прямого психологического воздействия, тем не менее возможно внедрение практик по повышению устойчивости к ее негативному влиянию (обучение сотрудников системе физического и психического восстановления, в том числе нормализации баланса труда и отдыха, повышение психологической устойчивости к деструктивным факторам внешней среды, формирование адекватного отношения к выполняемым обязанностям, а также развитие психологической зрелости личности; просвещение и консультирование руководителей по вопросам эффективного взаимодействия с сотрудниками, подверженными профессиональному выгоранию, нахождению конструктивных решений; реализации индивидуального подхода к подчиненным, создание благоприятного психологического климата в коллективе).

Профилактика на индивидуальном уровне предполагает реализацию ряда психологических мероприятий на различных этапах становления специалиста:

1) профориентация и профотбор. Довольно много абитуриентов выбирают свой профессиональный путь, ориентируясь не столько на свои склонности и возможности, сколько на иные факторы (престижность профессии, совет или требование родителей, спонтанно возникший интерес, доступность учебного заведения и пр.). На данном этапе задача педагогов и психологов — познакомить молодежь со спецификой работы эксперта, рассказать о реалиях деятельности, которой предстоит заниматься будущему специалисту. При этом знание профильных дисциплин, осведомленность о нюансах предстоящей деятельности, безусловно, важные факторы, влияющие на успешность будущего эксперта, однако следует также учитывать личностные качества и психологические характеристики абитуриента. На данном этапе целесообразно проведение профориентационной беседы с применением комплекса психодиагностических методик для определения соответствия личностных особенностей предполагаемой деятельности. Результаты психодиагностического исследования в данном случае носят рекомендательный характер, однако данное мероприятие позволит абитуриенту лучше узнать себя и заранее выявить свои сильные и слабые стороны, что позволит ему в будущем осознанно опираться на свои ресурсы, а также своевременно развить необходимые для успешной трудовой деятельности качества;

2) обучение в высшем учебном заведении. На данном этапе целесообразно проведение комплекса психологических мероприятий по формированию личностной зрелости и психологической устойчивости к будущей профессиональной деятельности: психодиагностическое обследование студентов с целью выявления мишеней психологического воздействия, динамическое наблюдение и оценка личностных особенностей обучающихся, обучение способам выхода из кризисных состояний, преодоления стрессовых ситуаций, построению конструктивной коммуникации с окружающими, проведение мероприятий по развитию психологической устойчивости и формированию здоровьесберегающих принципов и позиций, расстановка правильных ориентиров при взаимодействии с окружающим миром в виде индивидуальной работы (по запросу либо со студентами, требующими повышенного внимания, находящимися в группе риска по различным основаниям) и групповых тренингов;

3) стажировка новых сотрудников. На данном этапе необходимо проведение психологических мероприятий по интеграции молодого специалиста в коллектив, ознакомление не только с содержательной стороной должностных обязанностей, но и спецификой материала, с которым

предстоит работать специалисту. Привлечение психолога целесообразно для успешной адаптации специалиста к новым условиям, а проведение психодиагностических мероприятий — с целью выявления сильных и слабых сторон сотрудника для определения дальнейших мероприятий по психологическому сопровождению стажера. Следует отдельно отметить тот факт, что зачастую молодые специалисты — это вчерашние выпускники, на которых деструктивный контент оказывает наиболее негативное влияние. Поэтому так важна реализация предложенного выше комплекса мероприятий, позволяющих своевременно сформировать не только грамотного специалиста, но и психологически зрелого и устойчивого, что позволит минимизировать потенциальные риски профессиональных деструкций;

4) психологическое сопровождение сотрудников на различных этапах трудовой деятельности. На этапе собственно профессиональной деятельности экспертов также целесообразно проведение различных психологических мероприятий: психодиагностики с определенной периодичностью для своевременного выявления рисков развития профессиональных деструктивных состояний; индивидуальной (по запросу) и групповой психотерапевтической работы с персоналом; организация релаксационных зон, регламентированных перерывов, привлечение опытных специалистов для формирования здоровьесберегающих принципов и установок в коллективе; проведение групповых мероприятий, направленных на сплочение и объединение сотрудников, а также способствующих переключению внимания и выходу негативных эмоций и напряжения, восстановлению энергии, истощенных ресурсов.

Проблема сохранения психологического здоровья личности эксперта в процессе выполнения трудовой деятельности — на сегодняшний день актуальный вопрос, несмотря на то, что существует достаточно много информации по проблеме деструктивного влияния профессиональной деятельности на личность работника и ее профилактики. Тем не менее специфика влияния экспертной деятельности на специалиста — малоизученная тема, требующая дальнейшего исследования и анализа, что позволит не только прогнозировать развитие негативных состояний, связанных с трудовой деятельностью эксперта, но и своевременно предотвратить ее деструктивное влияние на личность специалиста на начальных этапах его трудовой деятельности. Отдельно следует отметить тот факт, что психологические мероприятия по профилактике развития данных негативных последствий целесообразно осуществлять задолго до начала профессиональной деятельности, а именно на этапе профессиональной подготовки будущих специалистов в высших учебных заведениях.

Литература

1. *Берарди Ф.* Душа за работой: От отчуждения к автономии. Грюндриссе, 2019.
2. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.
3. *Неруш Т. Г.* Профессиональное выгорание как специфическая форма профессиональных деструкций // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 3.
4. *Орел В. Е.* К проблеме формирования профессиональных деструкций [Электронный ресурс]. URL: http://www.yspu.yar.ru/images/1/1c/05_Орел_В.Е.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
5. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
6. *Freudenberger H. J.* Staff burnout. Journal of Social Issues, 1974. Vol. 30. Pp. 159–165.
7. *Upadaya K., Vartiainen M., Salmela-Aro K.* From job demands and resources to work engagement, burnout, life satisfaction, depressive symptoms, and occupational health. Burnout Research, 2016. Vol. 3. Pp. 101–108.

О. V. Fyodorova

Training future humanities experts in the context of forming their personal maturity and psychological stability for the purpose of preserving the psychological health of specialists

Abstract: the article substantiates the importance of comprehensive training of experts in order to preserve their professional potential and psychological health, which involves the formation of competencies in conjunction with the development of their personal maturity and psychological stability, and proposes measures to implement this approach.

Keywords: Expert, professional stress, professional burnout, personal maturity, psychological stability.

А. Ю. Хоменко

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра языка и мозга НИУ «Высшая школа экономики», научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений НИУ «Высшая школа экономики», эксперт-лингвист, эксперт-фоноскопист, эксперт-авторовед АНО «Центр экспертизы и оценки “ЕСИН”»
Нижний Новгород, Россия
akhomenko@hse.ru

А. О. Панфилова

студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
awake777.20@gmail.com

Ю. Д. Лопатко

студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
lopatko.julia3@gmail.com

Н. В. Буракова

студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
burakova.02@mail.ru

Е. Ю. Хлопотина

студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
masterkatyakhlopp@mail.ru

А. П. Верина

студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика»
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия
verina.arina.2002@gmail.com

Анализ политизированного контента в социальных медиа (на материале русскоязычного сегмента медиаплатформы ТикТок)¹

Аннотация: представленное исследование посвящено созданию схемы анализа политизированного контента социальных медиа на примере площадки ТикТок. В фокусе исследования контент до начала специальной военной операции (СВО) и после начала СВО и блокировки российского сегмента данной интернет-платформы. Материалом исследования стали видео и их метаданные, в том числе хэштеги: коллекция периода «до СВО» (244 хэштега, 19 тематических групп, 2520 видео); коллекция периода «после СВО» (187 хэштегов; 17 групп; 851 видео). В результате

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00204, <https://rscf.ru/project/24–28–00204/>.

выяснилось, что русскоязычный сегмент ТикТок содержал контент политического содержания (видео о демократии, выборах, действиях оппозиционных сил и т. д.) и до СВО. После начала СВО большинство роликов русскоязычного сегмента ТикТок со значительным числом просмотров и «лайков», которые вошли в материалы исследования, оказались посвященными политическим вопросам (преимущественно военным). Для анализа подобного контента в статье предлагается схема, содержащая два основных этапа: 1) сбор с платформы не только мультимодальных текстов, собственно видео, но и набор их метаданных в определенной конфигурации; 2) анализ метаданных видео с помощью методов интерпретативной лингвистики и социолингвистики как первый этап анализа собственно содержания роликов.

Ключевые слова: социальные медиа, ТикТок, мультимодальный текст.

Введение

В рамках распространенных научных проблем современной прикладной лингвистики особое место занимает проблема анализа содержания социальных медиа. ТикТок является прототипическим репрезентантом таких медиа, поскольку используется для обмена мультимедийными файлами и их комментирования [1], что не отрицает наличия у ТикТок ряда элементов традиционной социальной сети [3]. Тем не менее в англоязычных публикациях ТикТок чаще всего определяется широко и функционально — как вид социальных медиа [4].

Как правило, ТикТок используется в качестве приложения, позволяющего легко обмениваться информацией и видео, а также участвовать в так называемых «челленджах». Он был запущен в 2017 году и стал одной из самых скачиваемых программ в мире [7; 10].

Логотипом ТикТок является стилизованная нота, что отсылает к истории создания сервиса: обмен музыкальным контентом. В настоящее время тематический круг ТикТок расширен, захватывает острые социальные и даже политические темы. Например, в 2024 году к ним относились: «поддержка трагических событий», «забота о животных», «что нужно знать о психоактивных веществах», «борьба с ненавистью в ТикТок», «мошенничество», «нарушение пищевого поведения», «ресурсы для поддержки жертв сексуального насилия», «ТикТок против сексуальной эксплуатации несовершеннолетних», «предупреждение трави», «covid-19», «выборы», «суицид и самоповреждение», «цифровое благополучие», «онлайн-челенджи» [TikTok: Темы <https://www.tiktok.com/safety/ru-ru/topics/>].

Как ресурс для обмена музыкальными видео, первоначально ТикТок считался неполитизированной медиаплатформой. По мере обретения

популярности и тематического расширения место ТикТок в политической сфере изменилось, и сейчас исследования, характеризующие политическую составляющую проблем данной платформы, представляют его в двух ипостасях: как инструмент, который необходимо использовать в политике для самопродвижения [2; 6] или как враждебный и опасный «китайский» ресурс, который необходимо контролировать и блокировать [8].

Как бы то ни было, ясно, что в современных реалиях ТикТок уже далек от полной аполитичности. В связи с этим возникает понимание, что, вероятнее всего, рано или поздно экспертам придется анализировать содержание этой медийной площадки на предмет наличия контента, включающего признаки нарушения законодательства РФ.

Методы и материалы исследования

В настоящей работе исследовательская команда поставила цель сформировать последовательность анализа контента социальной площадки ТикТок в условиях социальной и политической напряженности общества. В качестве фактора, спровоцировавшего социальную напряженность, был выбран факт запуска Российской Федерацией специальной военной операции (СВО).

Так, материалом для анализа послужили видео, размещенные в ТикТок, и их метаданные. Был создан корпус мультимодальных текстов, собранный с помощью технологии веб-скрейпинга (web-scraping, скрейпинг, скрапинг) [5]. Скрейпинг может проводиться как вручную, так и автоматически с помощью различных программ. Для настоящего исследования материал собирался автоматически с использованием компьютерных алгоритмов на языке Python 3.12.

По результатам предварительного мануального анализа контента на платформе ТикТок методами интерпретативной лингвистики было выделено 508 хэштегов, релевантных для исследования (семантически связанных с общественно-политической и культурной жизнью общества). Из них 254 хэштега анализировались для временного периода до начала специальной военной операции, то есть до 24 февраля 2022 г. (в период с июля 2018 включительно) и 254 — для временного периода после начала СВО, то есть после 24 февраля 2022 г. (в период до марта 2024 включительно). При сборе данных использовался стохастический алгоритм в рамках направленной (преднамеренной) выборки (judgment sample [9]), в котором с помощью подсчета «лайков» и «репостов» учитывался уровень популярности видео. После сбора материала выяснилось, что найти релевантные видео удастся не с помощью всех хэштегов: для некоторых

из выбранных тегов видео в полученном датасете либо отсутствуют вообще, либо представляют собой рекламный или иной контент, не подходящий для целей настоящего исследования. В конечную выборку вошли 244 хэштега для временного периода до начала специальной военной операции и 187 — для временного периода после начала СВО.

Для автоматического сбора видеороликов был создан словарь хэштегов, по которому осуществлялся поиск видео. То есть алгоритм скачивал ролик и их метаданные, только если в описании был один из указанных в словаре хэштегов. Для реализации задачи использовались библиотеки TikTokApi [<https://pypi.org/project/TikTokApi/>] и playwright [<https://pypi.org/project/playwright/>] (для создания сеанса и отправки запроса на сайт ТикТок). С помощью функции TikTokApi.hashtag() проводился поиск по каждому из хэштегов. В случае с хэштегами для временного периода после начала СВО ввиду необходимости анализа видео не только российского сегмента платформы, но и русскоязычных видео, выложенных с доменов других стран, поиск проводился иначе: для каждого хэштега выбирались наиболее популярные видео без использования VPN и с использованием VPN. Дело в том, что после блокировки ТикТок доступ к российскому сегменту мог быть получен только при помощи программного обеспечения для обхода блокировки (VPN: virtual private network). Библиотека TikTokApi была использована для сбора прямых ссылок на видео, соответствующих критериям отбора. Скачивание непосредственно самих видео и их метаданных производилось с помощью библиотеки pyktok [<https://pypi.org/project/pyktok/>]. Функция pyktok.save_tiktok() позволила скачать видео с платформы, а функция pyktok.generate_data_row() — получить метаданные. Далее с помощью библиотеки pandas [<https://pypi.org/project/pandas/>] метаданные были сохранены в csv-матрицы для дальнейшего анализа. Всего было собрано 3313 видео: 2450 видео по хэштегам из категории «до СВО» и 863 видео по хэштегам из категории «после СВО».

Для каждой из тематической группы хэштегов создавалась единая таблица с метаданными, где строки — каждое отдельное видео тематической группы, столбцы — характеристика метаданных. В таблице 1 ниже приведен пример представления метаданных для двух первых видео по хэштегу *#пекин* в семантической группе *допинг*.

Все хэштеги настоящего списка были объединены в тематические группы на основе семантических доминант, выделенных при интерпретативном экспертном анализе описаний видео. Для периода «до СВО» анализировались следующие смысловые объединения: *допинг* (230 видео), *лозунги* (42), *Олимпиада в Токио* (194), *российский гимн* (70), *Россия*, *РФ* (188), *русская культура* (33), *русский* (188), *русский флаг* (32),

Таблица 1. Матричное описание метаданных анализируемого в исследовании датасета

группа хэштегов	количество в группе, ед.	Дата	средняя продолжительность, с.	локализация, домен	количество лайков, ед.	количество репостов, ед.	количество комментариев, ед.	количество просмотров, ед.	описание, основные семантические доминанты	количество транслированных русскоязычных и фанатизированных язычных сетевых имен	количество имен кириллицей, количество имен латиницей, количество отсутствующих имен
семантическая группа <i>ДОПИНГ</i>	общее количество видео для группы — 230	период публикации видео: 2018–12–14 22:47:51–2022–02–23 10:25:09	средняя продолжительность видео — 23,56	список: RU — 220; UA — 9; BY — 1	общее количество лайков для видео: 109856722; ср. ар. — 477637	общее количество репостов для видео: 1110339; ср. ар. — 4827	общее количество комментариев для видео: 659718; ср. ар. — 2868	общее количество просмотров для всех видео группы/среднее арифметическое количество репостов для видео: 1557492086; ср. ар. — 6771704	описание, основные семантические доминанты	количество транслированных русскоязычных и фанатизированных язычных сетевых имен: 198	количество имен кириллицей — 78; латиницей — 136; отсутствующих имен: 16
хэштег	Id	Дата	продолжительность, с.	локализация, домен	количество лайков, ед.	количество репостов, ед.	количество комментариев, ед.	количество просмотров, ед.	описание	сетевое имя автора	имя, указанное в аккаунте

#пекм (7 ед.)

Окончание табл. 1

	7060158919 842310000	2022-02- 02 20:02:26	8	RU	816000	1063	445	11500000	Никогда не сла- вайтесь. #этеритубе- ридз #фи- гурноската- ние #тренер #неславайся #мотивация- успех #мотива- тор #мотиваци- яспорт #пекин #олимпиада #гло #мол	eteri_ice_ queen_fan	Мария
	7063535176 957130000	2022-02- 11 22:24:02	58	RU	301600	540	481	5600000	#фигурноека- тание #гусо- ваалександра #сашатрсова #россия ru #этеригеори- евна #этеригу- беридз #пекин #россияперед #русскиаракета #россиялучшая #спорт #тутбе- ридз #олимпи- адапекин #бо- леемзанаших #пекин2022 #анашербакова #вечернийур- гант #камила- валиева #шер- баковаанна #олимпийские- игры #ургант	greentomato0	Green tomato
	7059708209 401020000	2022-02- 01 14:53:27	14	RU	254200	706	987	3000000	Наши фигури- сты в Пекине #алек- сандратрсова #анашерба- кова #олим- пиада #пекин #фигурноека- тание	quadqueen_	Russian rocket

русский язык (203), социальная политика РФ (82), внешняя политика (88), внутренняя политика РФ (241), В. В. Путин (217), театр (99), кино (79), живопись (122), сказки (108), литература (137), песни и танцы (97) по 244 хэштегам. Для периода «после СВО» — следующие: олимпиада (24 видео), лозунги (163), обстрелы (119), военизированные операции в городах (37), российский флаг (20), Россия, РФ (42), Россия и другие страны (11), русский (4), санкции (15), социальная политика РФ (1), внешняя политика РФ (83), внутренняя политика РФ (2), война (237), В. В. Путин (50), культура (17), песни и танцы (7), мероприятия, концерты, звезды (31) по 187 хэштегам.

Результаты исследования

Из первичного анализа собственно семантики тегов (без исследования локализации домена, с которого было выложено видео, структуры сетевых имен пользователей, публикующих запись, продолжительности роликов) можно сделать вывод о параметрах дискурса, в рамках которого функционирует мультимодальный контент. Так, ясно, что экосистема видео цифровой социальной медиаплощадки ТикТок в русскоязычном сегменте после начала специальной военной операции изменилась: популярных (собирающих большое количество просмотров и «лайков») видео в русскоязычном сегменте после начала СВО стало меньше (на 64,78% при сопоставимом количестве тегов, то есть семантических ключей). Если пересчитать имеющиеся данные из абсолютных частот в относительные, то на один тег до СВО приходилось около десяти (10,04) популярных видео, а на один хэштег после — около 5 (4,60) роликов. Видно, что платформа, как часть иностранного медиапространства, заблокированного в РФ, после начала СВО несколько потеряла популярность: пользователи стали размещать меньше материалов на злободневные темы. При этом смысловая наполненность этих материалов тоже изменилась (рис. 1, 2).

Смысловые акценты в медиаконтенте ТикТок сместились. Эту платформу для выражения своего мнения относительно политической ситуации в РФ стали использовать реже, но сама тематика видео стала более острой: доминирующими тематическими группами после начала СВО становится *война, лозунги и обстрелы вместо Путина, русского языка, Олимпиады в Токио и России*. Стоит отметить, что из изначального списка тегов для периода до СВО в собранном датасете не удалось найти релевантные видео всего для 10 хэштегов, среди них, например, *#славароссии*; а для роликов в период после начала СВО методом преднамеренной выборки релевантных видео не обнаружилось для 67 тегов, в их числе *#национализм, #сирия, #славаукраїні* и пр.

Рис. 1. Визуализация семантических групп хэштегов периода до начала СВО: в облаке размер элемента показывает корреляцию с частотой его встречаемости — чем больший размер имеет элемент, тем чаще встречается видео в данной тематической группе

Что касается интерпретативного анализа семантики описаний собранных видео, то следует сказать, что при поиске видео по темам, связанным с Россией, русской культурой и политикой как до, так и после начала СВО часто встречаются элементы, описывающие Россию позитивно (*горжусь, вперед, дух, эстетика: «Досмотри до конца! Горжусь нашей армией #россия #армия #парад #русские», «RU 🇷🇺 #русскиевперед #русские», «@romaha134 подпишитесь пожалуйста на мой канал #славяне #славянесила #славянскийдух #русский #русьматушка #русичи #русскийдух #русскиесила #добро», «Мои красотки-царевны ♡ Inst Patriotka.rf*

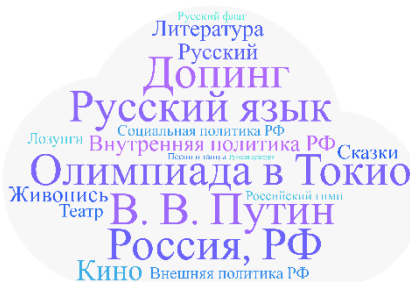

Рис. 2. Визуализация семантических групп хэштегов периода после начала СВО: в облаке размер элемента показывает корреляцию с частотой его встречаемости — чем больший размер имеет элемент, тем чаще видео встречается в данной тематической группе

#эстетика #кокошник #tsarevnacore #русскаякультура #кокошники #кокошники #царевна»). Помимо этого, нередко используются лексемы, которые выражают интерес к деятельности президента («#путин #путин-прикол #приколы #юмор #политикаюмор #интервью #интервьюпутина #смешно #прессконференция #рек #хочуврек #втоп #правитмиром», «#вв #ввпутин #ввп #путин #кремль #кремльмосква #москва #президент #президентроссии #страна #россия #россияRU #политика #политикароссии #жизнь #врек #втоп #тв #время #историяроссии #мысливслух #лучшее #популярное», «#вв #ввпутин #ввп #путин #кремль #кремльмосква #москва #президент #президентроссии #страна #россия #россияRU #политика #политикароссии #жизнь #врек #втоп #тв #время #историяроссии #мысливслух #лучшее #популярное #интересное #историяизжизни #правительство #интервью #вопрос #ответ»), а также положительно его описывают (лучший президент: «Когда внезапно приехали родственники, а ты не особо того хотел #лучшийпрезидент #путиннашпрезидент #президент #путин #ввпутин #путинтоп #ввп #президентроссии #силароссии #единоросы #россия»).

При поиске лексем, связанных с темой политики, чаще всего появляются следующие слова и сочетания слов — *Украина, Россия vs Украина, Россия и Украина, Россия будет свободной, США, русский флаг на Украине* («Разница новостей... #новости #новостисегодня #новостидня #новости24 #новостироссии #политика #политикароссии #политикасегодня #политикаукраины #россия24 #политика #политикароссии #60минут #скабеева #россия #россияRU #россиятоп #RU #сша #сшаUS #мир #война #украинаUA #украинароссия #украина #україна #українськийтікток #українаUA #укртікток #россияvsамерика #россияукраина #новини #новиниукраїни #путин #зеленский #бандеранепройдет #донбасс #донецк #луганск #донбас #донбассвойна #днр #лнр», «#путин #запутина #флагроссии #деньфлага #деньфлагароссии», «Мы тоже присоединяемся к флешмобу #флагроссииRU 22 августа отмечается День Государственного Флага Российской Федерации RU #флагроссии #деньфлага»).

Несмотря на быструю блокировку исследуемой медиаплощадки в России, при поиске видео в ТикТок в период после специальной военной операции было обнаружено присутствие большого количества видео, тематически связанных с СВО («Лайк ♥ за омон выдержали красавицы #россияпутин #проснисьроссия #найправасвои», «А как вы ждете своего солдата? #ждусолдата #дмб2022 #армия #солдат #верность #любовь», «я русский, и мне не стыдно за свою страну и народ. #ярусский #мненестыдно #россия #украина #путин», «а я горжусь #чтоярусский #путин #россиясила #держжукунапальсе», «#родина #россия #ялюблороссию #горжусьчтоярусский #мненестыдно #горжусь #z #v #силавправе #своихнебросаем»).

Тем не менее, естественно, стоит отметить, что далеко не все ролики, относящиеся к тематике СВО и внешней и внутренней политике РФ, неся позитивный посыл и обладают положительной семантикой. Так, в тематической группе *лозунги* структура группы поменялась, но в семантике как до, так и после СВО в большом количестве встречаются призывы к изменению внешней и внутренней политики страны: до СВО наряду с небольшим (11) количеством видео с тегами *#крымнаш*, *#мысила*, *#россиявперед* почти в три раза (30) больше роликов с тегом *#свободанаваленому*. Интересно, что после начала СВО в структуре группы встречаются теги (всего по ним 35 видео) *#мирноенебо*, *#мнестыдно*, *#нетрусскомумиру*, *#нетвойне*, *#нетвойнероссиииукраины*, *#украинанамневраг*, *#всусила*. При этом роликов с тегами, семантически связанными с поддержкой внешней политики РФ, становится больше (109 видео): *#ярусский*, *#горжусьчтоярусский*, *#мненестыдно*, *#мненестыдночтоярусский*, *#мырускиеснамибог*, *#мысвами*, *#нетнацизму*, *#победабудетзанами*, *#победазанами*, *#работайтебратя*, *#славароссии*, *#славаруси*, *#слышузов*, *#вместемысила*, *#ягоржусьчтоярусский*, *#ягоржусьроссией*, *#занаших*.

После начала СВО среди роликов появляется тематическая группа *война* с соответствующей семантической доминантой. Внутри этой группы оценка специальной военной операции разнится: наряду с тегами *#маршмира* (5), *#мир* (6), *#нейтралитет* (5), *#nowar* (9), *#потерирф* (4), *#противвойны* (8), *#россияагрессор* (9), *#войнаникогонежалеет* (1), *#язамир* (5), *#замир* (7), *#запретиливроссии* (3), *#запретроссии* (1), *#жаль* (3), *#запретроссиянам* (всего 70 видео) встречаются теги *#пленныйВСУ* (5), *#россиябудетсвободной* (1), *#россиянепобедима* (7), *#россияпобедит* (7), *#россиясила* (6), *#россиявперед* (4), *#русскиеидут* (1), *#русскиевоенные* (5), *#з* (8) (44 видео). Такое распределение показывает, что за внешнюю политику РФ и против нее выступает разное количество пользователей электронной платформы.

Тем не менее в общей сложности интересно, что в период до и после начала СВО в экосистеме анализируемой социальной площадки структура семантики описаний видео изменилась не так значительно, как кажется на первый взгляд. Основными группами тегов остались:

- патриотизм (*#великаястрана*, *#родина*, *#гордостьмоя*, *#люблюзоссию*, *#гимн*, *#марш*, *#славароссии*, *#ягоржусьроссией* и т. д.);
- история, культура и традиции (*#русь*, *#балет*, *#сказки*, *#театр*, *#былины*, *#славародуславянскому*, *#русьматушка* и т. д.);
- описание России как мощного политического субъекта (*#могущество*, *#сила*, *#вместемысила* и т. д.);
- политические события (*#прямаялиния*, *#присоединениекрыма*, *#митинг*, *#деньфлагароссии* и т. д.).

Многие теги, релевантные для исследования, совпадают, но можно заметить, что некоторые из тематик стали выделяться. Заметны изменения не только доминирующих групп, но и тематик, связанных с отношением к культуре России: после начала СВО стало достаточно популярно пропагандировать традиции славян, их символику и религию (*#русь*, *#русскаякультура*, *#славабогамипредкамнашим*, *#славародуславянскому*, *#славянебратья*, *#язычество*, *#российскоетелевидение*, *#русскийфольклор*, *#русьматушка*). Чаще стали встречаться видео с трансляциями военных действий, подкрепленные патриотичными тегами (*#славароссии* и пр. — 177 видео после СВО), местами военных действий и видами оружия (*#беспилотники*, *#бпла*, *#дрон*, *#град*, *#кассеты*, *#константиновка*, *#краматорск*, *#курсодесса*, *#мариуполь*, *#обстрел*, *#обстрелодессы*, *#прилет*, *#ракета*, *#ракетныйудар*, *#снаряды*, *#соледар*, *#взрыв*, *#жкктирас*). Основная негативная оценка после начала СВО распространяется на президента РФ: *#россиябезпути-на*, *#путинсдохни*, *#путинубийца*, *#путинвор*, *#путинвотставку*, *#путинхаос*, *#путинх*йло*, *#стоппутин* — 40 видео после СВО с негативной оценкой против отсутствия таких видео в собранном датасете до начала СВО. При этом после начала СВО мы видим лишь 8 видео с положительной оценкой президента, эксплицированной в теге *#путиннашпрезидент*, в противовес 36 видео с позитивной оценкой до начала СВО (*#путинпрезидентмира*, *#путинсила*, *#путинмолодец*, *#россияпутин*, *#запутина*).

Ограничения исследования

В настоящем исследовании важно обозначить ограничения. Основным из них является процесс конструирования самого корпуса данных. Дело в том, что для аналитики изначально интроспективно были выделены темы (обозначены в исследовании как тематические группы), которые могут считаться релевантными для анализа. Так, вручную был сформирован ряд сематических групп, манифестирующих имеющие значение для исследования тематики, и тегов внутри них (таблица 2).

Далее датасет видео формировался методом стохастического выбора (random sample [9]) из генеральной совокупности социальной сети, тем не менее на входе перед скачиванием видео тегами задавались достаточно жесткие критерии, некоторым образом ограничивающие вариабельность материала для анализа. Важно отметить, что сам отбор тегов внутри тематических групп осуществлялся с применением экспертной кросс-валидации, что минимизирует субъективность выбора: медийное пространство исследуемой интернет-платформы было независимо оценено двумя группами экспертов, обладающих специальными знаниями в области медиалингвистики.

Таблица 2. Список тематических групп с соответствующими семантическими доминантами и тегов, выделенных в рамках указанных групп ¹

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
допинг (230 видео)	пекин (7), александратрусова (5), аннашербакова (9), болеемзанаших (10), болеемзароссию (16), допинг (6) допинговыйскандал (7) допингскандал (3) допингспорт (10) фигурноекатание (5) камиламьстобой (8), камилавалиева (10) китай (10), китай (10), коньки (11), марккондратюк (12), медаль (14), олимпиада (14), олимпиада2022 (15), олимпиадапекин (19), пекин2022 (9), россиялучшая (6), скандал (15), спортивныйгерой (9)	олимпиада (24 видео)	идальго (1), мэрпариха (5), мок (5), наснедогонят (2), олимпиада (1), олимпийскиигры (4), париж (3), соревнования (2), спорт (1)

¹ В настоящую таблицу не включены теги с нулевым значением (отсутствием видео по ним) для периода после начала СВО в связи с их большим количеством (67 единиц).

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
лозунги (42)	крымнаш (2), мысила (7), россиявперед (3), славароссии (0), свобода навалёному (30)	лозунги (163)	ярусский (5), чторярусский (6), горжусьчторярусский (9), любви (1), мирное небо (4), мненестыдно (5), мненестыдночторярусский (9), мненестыдно (4), мненестыдночторярусский (10), мырусскиеснамибог (7), мысвами (5), нетнацизму (7), нетрусскомумиру (4), нетшовинизму (2), нетвойне (7), нетвойнероссиииукраины (8), победабудетзанами (8), победазанами (8), работайтебратья (5), славароссии (7), славаруси (1), слышужов (6), украинанамневраг (2), вместемысила (5), всусила (6), ягоржусьчторярусский (8), ягоржусьроссией (8), занаших (6)
Олимпиада в Токио (194)	аринааверина (10), динааверина (8), чемпионы (8), чемпионки (1), давайроссия (19), гимнастика (10), лучшие (15),	обстрелы (119)	беспилотники (9), бомбятмирных (5), бпла (8), дрон (2), град (4), кассеты (4), константиновка (6), краматорск (7), курсодесса (5),

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
	олимпиада2020 (10), олимпийскиеигры (6), победа (13), синхронистки (15), синхронноеплавание (10), спорт (15), спортивнаягимнастика (9), светланаромашина (13), токио (0), токио2020 (18), художественнаягимнастика (14)		мариуполь (6), обстрел (7), обстрелодессы (5), прилет (7), ракета (4), ракетныйудар (6), снаряды (3), соледар (7), стопвойна (8), типичныйдонецк (5), взрыв (3), жктирас (8)
российский гимн (70)	гимноестнарод (0), гимнроссии (6), гимнроссийскойфедерации (5), гордостьмоя (13), любовь (16), мир (3), мненестыдно (0), советскийсоюз (14)	военизированные операции в городах (37)	бахмут (8), бучанскаярезня (5), гостомель (5), ирпень (4), киев (3), киевскаяобласть (2), резнявбуче (5), войनावукраине (5)
Россия, РФ (188)	братскаяроссия (1), moscow (12), москва (13), россия (13), россиясила (3), russia (10), красота (11), марш (8), могущество (8), парад (16), россиятоп (8), русь (13), русская (9), русские (11), ссср (15), вечныйогонь (11), великая (6), великаястрана (8), владимирпутин (8), яруская (0)	российский флаг (20)	деньфлагароссии (6), флаг (5), нашфлаг (2), российскийфлаг (2), русскийфлаг (5)

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
русская культура (33)	russianclassics (1), russianculture (9), история (16), историяроссии (3), slavic (4)	Россия, РФ (42)	russianmilitary (5), великароссия (6), москва (2), рф (3), россия (1), россиябудущего (4), россиябудущего (1), россиядержав (6), россияне (9), русьматушка (2), славароссии (3)
русский (188)	егэ2022 (9), богатырь (17), экзамен (16), егэ (8), егэреакция (14), огэ2022 (8), результатыегэ (14), россияне (2), russian (12), русскиесила (16), русскиезаграницей (16), русский (9), силач (10), славяне (13), strong (7), учеба (10), учиться (7)	Россия и другие страны (11)	россиягермания (1), россияукраина (9), сшароссия (1)
русский флаг (32)	деньфлага (15), флагроссии (6), родина (11)	русский (4)	русские (3), славяне (1)
русский язык (203)	алфавит (17), буквы (11), чтение (15), экзамены (14), егэ2021 (12), егэрусский (9), егэрусскийязык (15), грамматика (5), нравотность (11),	санкции (15)	экономика (1), недождетесь (1), санкции (6), санкциипротивроссии (7)

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
	иностранцы (10), могучийрусскийязык (6), невыносимыйрусскийязык (10), огерусский (9), орфография (7), пунктуация (6), речь (10), роднойязык (6), русскийязык, сложныйрусскийязык (13), язык (7), знания (10)		
социальная политика РФ (82)	пенсионнаяреформа (9), политика (13), социальныйконтракт (16), сопомощь (7), соцзащита (14), справедливость (9), власть (14)	социальная политика РФ (1)	политика (1)
внешняя политика РФ (88)	2014 (3), армия (14), детидонбаса (1), днр (4), донбасс (1), донецк (3), екатерина2 (6), крым (15), луганск (7), петр1 (12), присоединениекрыма (9), русскаявесна (0), украина (3), война (6), зеленый (4)	внешняя политика РФ (83)	америка (1), днр (5), донбасс (7), донбасс2014 (3), донбасснаш (5), донбассукраина (2), донбассвойна (5), ЕС (4), евросоюз (4), германия (1), говоритДонбасс (1), казахстан (1), лнр (7), лнрднр (3), луганск (5), луганск_ лнр (3), луганскнаш (5), луганскроссия (4), славаукраине (1), украина (3), украинароссия (5), ukraine (1), вставайдонбасс (1), зеленский (6)

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
внутренняя политика РФ (241)	23января (15), голос (8), голосование (10), гордость (11), конституция (10), конституциярф (10), митинг (15), митинг23января (16), митингмосква (10), навальный (17), навальный2021 (13), навальныймитинг2021 (14), омон (8), полиция (10), поправки (13), поправкиконституции (13), путинпрезидентмира (2), путинсила (2), рф (5), россиябюджетчастливой (9), россиябудетсвободной (11), россиябудущего (9), запоправки (12), засвободу (8)	внутренняя политика РФ (2)	бориснемцов (1), залищак (1)
В. В. Путин (217)	америка (14), байден (2), демократия (4), душа (9), государство (9), интересыгосударства (7) интервьюпутина (6), кремль (12), меркельпутин (8), мудростьотпрезидента (1), нашастрана (10) нашпрезидент (7),	война (237)	сво (5), армияроссии (1), царственебесное (4), фронт (7), frontlines (4), маршмира (5), милитаризм (2), military (3), мир (6), мобилизация (9), молодые солдаты (5), нейтралитет (5), power (9), оружие (4), потерирф (4),

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
	отставка (9), правитмиром (4), прессконференция (10), президентроссии (10) прямаялиния (10), путин (13), путинмолодец (12), путиннашпрезидент (0), путинприкол (17), россияпутин (9), сша (10), ввпутин (15), запугина (9)		пленныйВСУ (5), противвойны (8), разговороважном (8), россияагрессор (9), россиябудетсвободной (1), россиянепобедима (7), россияпобедит (7), россиясила (6), россиявойна (9), россиявперед (4), russianarmy (3), russianwar (4), русскиеидут (1), русскиевоенные (5), солдаты (3), солдатырф (2), спецназ (2), война (7), война2022 (9), войнаукраинароссия (9), войнауукраине (1), войнауукраине (11), верф (2), war (8), язамир (5), z (8), замир (7), запретиливроссии (3), запретроссии (1), жаль (3), запретроссиянам (3)
театр (99)	балерина (19), балет (9), большойтеатр (16), классика (6), культура (8), насцене (9), опера (9), шелкунчик (15), спектакль (8)	В.В. Путин (50)	путиннашпрезидент (8), путинсдохни (5), путинубийца (2), путинвор (4), путинвоетставку (1), путинхаос (5), путинх*йло (8), стоппутин (11), владимирпутин (6)

Продолжение табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
кино (79)	актеры (8), нацифильмы (10), русскиефильмы (13), русскийкинематограф (10), русскийсериял (16), русскиефильмы (6), русскоекино (16)	культура (17)	арийцы (3), русь (1), русскаякультура (4), славабогамипредкамнашим (1), славянодуславянскому (1), славянебратья (5), язычество (2)
живопись (122)	айвазовский (8), галерея (7), искусство (17), историяискусств (15), картины (8), русскаяживопись (15), русскиехудожники (15), русскиймузей (10), современноеискусство (15), живопись (12)	песни и танцы (7)	русскоетелевидение (4), русскийфольклор (3)
сказки (108)	бабаяга (9), богатыри (14), былины (10), фольклор (10), легенды (8), мифы (13), русские сказки (10), сказка (7), славянскаякультура (11), славянскаямифология (16)	мероприятия, концерты, звезды (31)	концерткие (5), нагиев (4), нервы (2), нойзмс (8), поддержкаукраины (12)

Окончание табл. 2

Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги	Тематические группы на основе семантических доминант	Хэштеги
литература (137)	булгаков (10), грибоедов (8), лермонтов (15), пушкин (16), толстой (9), гореотума (8), книги (15), литература (8), мертвые души (14), руслит (19), русскаяклассика (7), русскаялитература (8)		
песни и танцы (97)	деревня (9), кокошник (17), народныестанцы (8), народныйкостюм (10), русскаякультура (13), русскаяпесня (4), русскаятрадиция (9), русскийтанец (15), традиция (12)		

Эксперты искали теги, соответствующие выделенным ранее тематическим группам. Поиск осуществлялся с проведением семно-семемного анализа лексем, входящих в хэштеги. По результатам этого исследования независимо друг от друга двумя командами были созданы расширенные списки тегов, релевантные, по мнению экспертов, для анализа. Конечный список был сформирован посредством исключения тегов, которые не встретились в обоих списках одновременно. Так, объективность выбора именно указанных элементов мультимодальной коммуникации в качестве критериев отбора видео для финального датасета высока. Тем не менее сам способ отбора материала (judgment sample) накладывает на исследование соответствующие ограничения.

Дискуссия

В конечном итоге можно говорить о том, что смысловая наполненность наиболее популярных видео, релевантных для исследования, опубликованных до начала специальной военной операции и после ее начала разнится. После начала СВО в ТикТок стало появляться больше видео с тематикой военных действий, что мотивировано складывающейся социальной и политической ситуацией. Изменилась оценка внешней политики РФ пользователями электронной платформы, в том числе они значительно негативнее стали оценивать президента страны. Тем не менее доля патриотических высказываний и отсылок к родной культуре после начала СВО также выросла и стала более пророссийской.

Подобные выводы важны для установления широкого контекста функционирования конкретного мультимодального текста. Так, исследовательская команда предлагает использовать приведенную выше схему анализа дискурсивного содержания как первый этап при исследовании локального видеоконтента ТикТок в рамках экспертных изысканий. При этом важно скрупулезно подходить к реализации этого этапа. Для анализа дискурса следует:

- собрать не только сами мультимодальные тексты с помощью веб-скрейпинга или вручную, но и получить информацию о метаданных этих текстов предложенной в статье конфигурации: количестве «лайков» и «репостов», описания видео и хэштеги к ним и пр. Метаданные видеороликов позволяют понять, в каком контексте и виде дискурса (кроме собственно развлекательного, заданного самой платформой) функционирует тот или иной мультимодальный текст;

- после сбора исследуемого материала в той конфигурации, которая необходима для полного, всестороннего и объективного анализа содержания видеороликов, логичным выглядит этап ручной обработки

материала с помощью стандартных методов интерпретативной лингвистики и социолингвистики: семантический анализ описаний видео и их хэштегов, анализ тематических полей, анализ аналогичного контента на базе социолингвистического метода преднамеренной выборки и пр.

Исследователи убеждены, что методичный анализ метаданных видеотекстов необходим в качестве первого этапа исследования собственно их содержания в связи с тем, что из описаний видео уже можно сделать обоснованные выводы об экосистеме и ландшафте интересующих социальных медиа. Эта экосистема, этот ландшафт задают параметры коммуникации, формируют дискурс, в рамках которого неизбежно функционирует каждый мультимодальный текст, исследование которого может потребоваться.

Литература

1. Асташкин А. Г., Бреслер М. Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации // Ученые записки казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018, Т. 160, кн. 4. С. 814–822.
2. Зуйкина К. Л., Креницына Н. С. Сервис TikTok в электоральной коммуникации: опыт использования в России на примере выборов в Госдуму 2021 года // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 1. С. 101–122. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.107>.
3. Ластовкина Д. А. Социальные сети в контексте социального капитала: обзор зарубежных теоретических подходов // Социальные, культурные исследования и безопасность. № 3. 2020. С. 146–166.
4. Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 223–230.
5. Эшонкулов Х. И. Проблемы автоматизированного сбора информации // Вестник науки и образования. 2021. № 11–2 (114). С. 38–41.
6. Cervi L., Tejedor S, Marín Lladó C. TikTok and the new language of political communication: the case of Podemos. *Cultura, Lenguaje y Representación*, 2021. V. XXV. P. 267–287.
7. Fan X., Luo J., Wang X. Understanding TikTok Usage: Communication Strategy of ByteDance Based on the Background of New Media B. *Proceedings of the 2022 4th International Conference on Literature, Art and Human Development*. 2023. P. 226–236, https://doi.org/10.2991/978-2-494069-97-8_29.
8. Gray J. E. The geopolitics of ‘platforms’: the TikTok challenge. *Internet Policy Review*. 2021. № 10 (2). <https://doi.org/10.14763/2021.2.1557>.
9. Smith N., Waters C. Variation and change in a specialized register: A comparison of random and sociolinguistic sampling outcomes in Desert Island Discs. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2019. № 24 (2). P. 169–201. DOI:10.1075/ijcl.17117.smi.

10. *Yang Sh., Zhao Yu., Ma Y.* Analysis of the Reasons and Development of Short Video Application — Taking Tik ok as an Example. Proceedings of the 9th International Conference on Information and Social Science. 2019, P. 340–343.

A. Yu. Khomenko, A. O. Panfilova, Yu. D. Lopatko,
N. V. Burakova, E. Yu. Khlopotina, A. P. Verina

Analysis of politicized content in social media (based on the russian-language segment of tik-tok)¹

Abstract: the presented research is devoted to the creation of a scheme for analyzing politicized social media content using the TikTok platform as an example. The content piece before the start of the special military operation and the content piece after the start of the special military operation and blocking of the Russian segment of this Internet platform are analyzed. Videos and their metadata, including hashtags, became the material for the research: a collection of the period “before special military operation” (244 hashtags, 19 thematic groups, 2520 videos); collection of the period “after special military operation” (187 hashtags; 17 groups; 851 videos). It turned out that the Russian-language segment of TikTok contained political content even before the special military operation (videos about democracy, elections, forces opposing the government, etc.). After the start of the special military operation, the majority of videos from the Russian-language segment of TikTok with a significant number of views and “likes” included in the research materials turned out to be devoted to political issues (mainly military). To analyze such content, the article proposes a scheme containing two main stages: 1) collecting from the platform not only multimodal texts, the video itself, but also the correct set of their metadata; 2) analyzing video metadata using methods of interpretive linguistics and sociolinguistics – as the first stage of actual content analysis of the exact video.

Keywords: social media, TikTok, multimodal text.

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 24-28-00204, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00204/>.

А. О. Хохлов

*магистрант направления «Филология»,
профиль «Юридическая и документная лингвистика»
Кемеровского государственного университета
Кемерово, Россия
i@aalaxy.ru*

Применение нейросетевых технологий в производстве лингвистической экспертизы рекламного текста

Аннотация: в публикации представлен экспериментальный опыт применения нейросети ChatGPT в производстве лингвистической экспертизы рекламного текста «Молодым платить не по масти» банка «Тинькофф». Установлено, что нейросеть некорректно распознала рекламное изображение, не смогла самостоятельно установить в полном объеме необходимые семантические аналогии, внесла двусмысленность в ответы по ряду вопросов, но в целом верно проанализировала содержание спорного текста и пришла к тому же выводу, что и специалисты ФАС России, о наличии в рекламе недопустимых образов, сравнений и выражений.

Ключевые слова: нейросеть, ChatGPT, лингвистическая экспертиза, рекламный текст.

Нейросети в судебной лингвистике

В сфере юридической лингвистики нейросети представляют исследовательский интерес в разных аспектах. Во-первых, это автороведческий аспект. К настоящему времени сформировался круг научных работ, в которых изучается продукт, созданный нейросетью, с точки зрения его идентификации и дифференциации от естественной речи. Т. А. Литвинова, А. В. Громова отмечают важность и остроту «проблемы определения синтезированной речи, <...> обнаружения ботов в социальных сетях» [3: 82]. А. Р. Айдагулова рассматривает «проблему выявления сгенерированных текстов в документах, являющихся результатами учебной и научной деятельности» [1: 154].

Во-вторых, нейросети изучаются «с позиций теории цифровизации судебно-экспертной деятельности» [5: 21]. Е. Р. Россинская «отмечает изменения в методологии и технологиях разработки экспертных методик в связи с внедрением алгоритмов искусственного интеллекта — нейронных сетей», анализирует причины, «по которым использование нейронных сетей в судебной экспертизе может привести к ошибочным

заклучениям», особое внимание уделяет явлению «галлюцинаций нейронных сетей глубокого обучения на больших языковых моделях» [Там же]. Несмотря на ошибки и галлюцинации работы нейронной сети, перспективы заключаются не в отказе от ее использования, а в создании баз данных (Data-set) для корректного обучения.

В существующих научных публикациях по судебной лингвоэкспертологии еще не рассматривался вопрос о корректности работы нейросети в производстве лингвистических исследований. В связи с тем, что при рассмотрении одной и той же спорной ситуации выводы лингвистов-экспертов часто оказываются противоположными, в методическом аспекте является весьма актуальным рассмотреть возможности использования искусственного интеллекта в анализе текста. Представляется, что в идеале искусственный интеллект сможет прийти к объективным, а не субъективным выводам и дать аргументированное обоснование при ответе на вопросы.

В настоящей публикации мы обращаемся к рассмотрению работы нейросети по спорному рекламному тексту. Выбор именно рекламного текста среди всех объектов производства лингвистической экспертизы обусловлен рядом причин. Как отмечает Г. А. Копнина, именно в области лингвистической экспертизы по спорным рекламным текстам наблюдается «...отсутствие общепринятой методики проведения лингвоэкспертного анализа (дискуссионным остается вопрос о применении экспериментальных методов исследования; отсутствие общепринятой методики исследования манипулятивности текста); разграничение скрытой рекламы и пиар-текстов; недостаточно четкое понимание термина «некорректное сравнение» в юриспруденции; размытость оснований для квалификации рекламы как неэтичной и т. д.» [2: 135]. Кроме того, именно по рекламным текстам сложилась практика их рассмотрения экспертно-консультативными советами при управлениях Федеральной антимонопольной службы, когда специалисты из разных областей знания обсуждают рекламу и голосуют по вопросам наличия/отсутствия в ней нарушения. В связи с вышесказанным гипотетически представляется, что именно искусственный интеллект сможет объективно квалифицировать спорную рекламу как этичную/неэтичную, отличить корректное сравнение от некорректного и предоставит обстоятельные доказательства своим выводам.

Нейросеть ChatGPT как лингвист-эксперт

В качестве материала была выбрана реклама «Молодым платить не по масти» банка «Тинькофф»: «В рекламе, распространявшейся

в социальной сети «Instagram»¹ в 2017 г., демонстрируется тюремная камера и четыре раскладушки. Изображение сопровождается текстом: «Молодым платить не по масти» и подписью под ним: “Карта в радость, кэшбэк в сладость, господа. Чтобы сделать вашу юность проще, мы отменили плату за обслуживание для всех с 14 до 18 лет. Деньги в пластик, АУЕ! Оформить щас или кекнуть раз”» [4].

ФАС России данную рекламу признала нарушающей ФЗ «О рекламе»: «Согласно части 6 статьи 5 Федерального закона “О рекламе” в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия» [Там же].

Для проведения лингвистического исследования мы задали нейросети ChatGPT перечисленные ниже вопросы и, получив ответы, попросили их аргументировать. Ответы и аргументация нейросети приводится в ее авторской форме, без исправления.

Формулировка задания для нейросети: «Перед тобой — спорная реклама банка «Тинькофф». Возьми роль опытного лингвиста-эксперта. Ответь...»:

Вопрос № 1: Содержит ли данная реклама непристойные образы и выражения?

Ответ Нейросети: В качестве лингвиста-эксперта, я могу предложить следующий анализ рекламы банка «Тинькофф» на предмет содержания непристойных образов и выражений:

1. Непристойные образы: Реклама использует изображение пустой больничной палаты, что может вызывать ассоциации с болезнью или потерей. Это может быть воспринято как эксплуатация чувств страха или тревоги, что не соответствует этическим стандартам рекламы.

2. Непристойные выражения: Фраза «Деньги в пластик, АУЕ» и «оформить щас или кекнуть раз» могут быть интерпретированы как созвучные с тюремным жаргоном и лозунгами экстремистской субкультуры, что противоречит требованиям закона о рекламе, запрещающего

¹ Входит в корпорацию Meta, которая признана в России экстремистской и запрещена.

использование выражений, связанных с экстремизмом и противоречащих общественной морали.

3. Двусмысленность: Использование фраз, которые могут иметь двойное толкование или ассоциироваться с негативными явлениями, может вводить потребителей в заблуждение и нарушать законодательные требования к честности и прозрачности рекламы.

В заключение, на основе лингвистического анализа, можно утверждать, что данная реклама содержит элементы, которые могут быть расценены как непристойные и двусмысленные, что потенциально нарушает Федеральный закон «О рекламе». Для более глубокого анализа и юридической оценки рекомендуется обратиться к специалисту в соответствующей области.

Вопрос № 2: Содержит ли реклама наименования запрещенных в России организаций?

Ответ Нейросети: Нет прямого упоминания наименований запрещенных организаций, но использование аббревиатуры АУЕ, которая ассоциируется с запрещенной субкультурой, может быть воспринято как косвенное упоминание.

Аргумент Нейросети: Аббревиатура АУЕ может быть ассоциирована с запрещенной субкультурой. Хотя прямого упоминания организации нет, такая ассоциация может быть расценена как нарушение закона.

Вопрос № 3: Имеются ли в рекламе слова и выражения из тюремного сленга или выражения, похожие на тюремный сленг?

Ответ Нейросети: Да, фразы «Деньги в пластик, АУЕ» и «оформить щас или кекнуть раз» могут быть восприняты как созвучные с тюремным сленгом.

Аргумент Нейросети: Фразы «Деньги в пластик, АУЕ» и «оформить щас или кекнуть раз» могут быть восприняты как созвучные с тюремным сленгом, что может нарушать законодательные требования к рекламе.

«АУЕ» — это аббревиатура, ассоциируемая с тюремной субкультурой и экстремистскими движениями, запрещенными в РФ. В рекламе использование этой аббревиатуры может создать ассоциацию с этой субкультурой, что является нарушением закона, запрещающего рекламу, связанную с экстремизмом. Такое использование может быть воспринято как пропаганда или одобрение запрещенной деятельности.

Вопрос № 4: Что означает слово АУЕ в данной рекламе?

Ответ Нейросети: В контексте рекламы значение слова АУЕ неясно, но оно может быть воспринято как отсылка к тюремной субкультуре.

Аргумент Нейросети: В контексте рекламы значение слова АУЕ неясно, но его использование может быть воспринято как отсылка к тюремной субкультуре, что недопустимо.

В рекламном контексте значение аббревиатуры «АУЕ» не объясняется, что создает неопределенность относительно ее использования. В то время как для одних это может быть просто набором букв, для других — отсылкой к тюремной субкультуре. Такая двусмысленность может вводить в заблуждение и вызывать нежелательные ассоциации.

Вопрос № 5: Что значит слово КЕКНУТЬ?

Ответ Нейросети: Слово «кекнуть» в обиходном языке может означать «смеяться», но в контексте рекламы его значение неоднозначно и может быть воспринято как созвучное с тюремным жаргоном.

Аргумент Нейросети: Слово «кекнуть» может означать «смеяться», но в данном контексте его значение неоднозначно и может быть воспринято как созвучное с тюремным жаргоном.

Вопрос № 6: Что значит выражение Не по масти?

Ответ Нейросети: Выражение «не по масти» в общем значении означает «не подходит», «не соответствует», но в данном контексте его значение может быть двусмысленным.

Аргумент Нейросети: Выражение «не по масти» обычно означает «не подходит», но в данном контексте его использование может быть двусмысленным и вводить в заблуждение.

Выражение «не по масти» в общем контексте может означать «не подходит» или «не соответствует», однако в данном случае, учитывая общий контекст рекламы, связанный с тюремной субкультурой, это выражение может быть воспринято как двусмысленное и иметь скрытый смысл, связанный с тюремным жаргоном. Это может быть воспринято как намек на нежелательные или неприемлемые действия.

Каждое из этих утверждений основано на анализе рекламного текста и его потенциальной интерпретации в контексте общественной морали и законодательства о рекламе. Использование выражений, которые могут быть ассоциированы с негативными или запрещенными элементами, может привести к юридическим последствиям и негативному восприятию бренда. Важно, чтобы рекламные сообщения были четкими, не содержали двусмысленных выражений и соответствовали этическим стандартам и законодательству.

Вопрос № 7: Какое выражение из тюремного сленга сходно с фразой «карта в радость, кешбэк в сладость»?

Ответ Нейросети: Нет прямого сходства с тюремным сленгом, но использование слова «сладость» может быть воспринято как игра слов, созвучная с фразами из тюремного жаргона.

В целом, реклама содержит элементы, которые могут быть интерпретированы как созвучные с тюремным сленгом и ассоциироваться с неэтичными выражениями. Это может нарушать требования Федерального закона «О рекламе» относительно использования непристойных образов и выражений, а также требования к честности и социальной ответственности рекламы. Для более точной оценки и юридической консультации по данному вопросу рекомендуется обратиться к специалисту в области рекламного права.

Аргумент Нейросети: Хотя нет прямого сходства с тюремным сленгом, использование слова «сладость» может быть воспринято как игра слов, созвучная с фразами из тюремного жаргона.

Эти аргументы основаны на анализе рекламы с точки зрения соответствия Федеральному закону «О рекламе», который требует, чтобы реклама была честной, не вводила в заблуждение и не содержала непристойных образов и выражений. Использование выражений, которые могут быть ассоциированы с тюремным сленгом или запрещенными субкультурами, может нарушать эти требования и привести к юридическим последствиям для рекламодателя.

Также нейросети были заданы вопросы не открытого типа, а направленные, в формулировке которых содержались фразы из тюремного жаргона для проведения сравнения:

Вопрос № 8: Существует движение АУЕ (арестантский уклад един), признанное запрещенным на территории РФ. Это субкультура людей, интересующихся «блатной романтикой», то есть культурой лиц, отбывающих наказание в тюрьме. Один из лозунгов: «Фарту масти, АУЕ», что может быть созвучно с «Деньги в пластик, АУЕ». В связи с этим переосмысли ответ.

Нейросеть: Учитывая предоставленный вами контекст и информацию о движении АУЕ, которое было признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ, использование фразы «Деньги в пластик, АУЕ» в рекламе может вызвать определенные вопросы с точки зрения соответствия Федеральному закону «О рекламе».

Согласно статье 5 Федерального закона «О рекламе», реклама не должна противоречить законодательству и общественной морали, а также не должна использовать образы и выражения, связанные с экстремизмом⁵. Учитывая, что АУЕ является запрещенной субкультурой, ассоциация с ней может быть расценена как нарушение данных требований.

В данном случае, если фраза «Деньги в пластик, АУЕ» воспринимается как отсылка к лозунгу «Фарту масти, АУЕ», использованному запрещенной субкультурой, это может быть основанием для признания рекламы незаконной. Рекламодателям следует избегать использования выражений, которые могут быть связаны с нелегальными или экстремистскими движениями, чтобы не нарушать закон и не вводить в заблуждение потребителей.

Для более детальной оценки и юридической консультации по данному вопросу рекомендуется обратиться к специалисту в области рекламного права. Это позволит получить точную интерпретацию законодательства и избежать потенциальных правовых рисков.

(1) АУЕ — Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%A3%D0%95>.

(2) В России запретили АУЕ («Арестантский уклад един»).»<https://www.bbc.com/russian/news-53808013>.

и др. ссылки.

Вопрос № 9: Также «оформить щас или кекнуть раз» созвучно с фразой из тюремного жаргона «вилкой в глаз или в ж*** раз». Проведи анализ высказывания, что оно означает. Добавь в свой ответ.

Нейросеть: Фраза «оформить щас или кекнуть раз» действительно может быть воспринята как созвучная с тюремным жаргоном «вилкой в глаз или в ж*** раз», который, согласно информации, является вопросом, задаваемым новичку при «подселении» в тюремной среде. Этот вопрос имеет угрожающий подтекст и предполагает выбор между двумя нежелательными вариантами.

В контексте рекламы, использование фразы, напоминающей тюремный жаргон, может быть расценено как несоответствие нормам общественной морали и законодательству о рекламе. Согласно Федеральной антимонопольной службе (ФАС), использование таких выражений в рекламе может быть признано ненадлежащим и нарушающим часть 6 статьи 5 закона «О рекламе», которая запрещает использование бранных слов, непристойных образов, сравнений и выражений.

Таким образом, если рекламное сообщение содержит выражения, которые могут быть ассоциированы с тюремным жаргоном или экстремистскими движениями, это может привести к юридическим последствиям для рекламодателя, включая признание рекламы незаконной и наложение штрафов. Важно, чтобы рекламные материалы соответствовали законодательным требованиям и общепринятым этическим стандартам, чтобы избежать негативных последствий и сохранить доверие потребителей.

(1) undefined. <https://bing.com/search?q=%d0%b2%d0%b8%d0%bb%d0%ba%d0%be%d0%b9+%d0%b2+%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b7+%d0%b8%d0%bb%d0%b8+%d0%b2+%d0%b6>.

(2) ФАС признала незаконной рекламу «Тинькофф Банка» с тюремным жаргоном. <https://pravo.ru/news/201023/>.
и др. ссылки.

Выводы о работе нейросети:

1. У нейросети имеются трудности с распознаванием изображения, в связи с чем нейросеть не смогла установить объективно имеющиеся связи между вербальным компонентом рекламного текста и изобразительным, что неизбежно сказалось на качестве ответов на вопросы, их неопределенности. Анализируемая реклама представляет собой креолизированный текст, содержащий изображение тюремной камеры с несколькими кроватями. Нейросеть не смогла верно распознать место, изображенное на рекламе, определив его как больницу.

2. Нейросеть смогла найти аналогии фраз, используемых в рекламном тексте, с выражениями из тюремного жаргона. Но при этом для убедительности выводов потребовались наводящие вопросы лингвиста-эксперта.

3. Аргументация нейросети часто дублируется и оказывается малоинформативной, без наводящих вопросов эксперта ответы нейросети заикливаются.

4. Нейросеть считывает языковую игру, дает в своих ответах варианты интерпретации (АУЕ как агнонимичное слово и как слово из тюремного жаргона), представляя тем самым противоположные позиции сторон, как это бывает при реальном рассмотрении спорной ситуации.

5. Текст, созданный нейросетью, содержит орфографические и пунктуационные ошибки, что означает необходимость проведения корректуры и редактуры сгенерированного текста.

6. Нейросеть, несмотря на ошибки в распознавании изображения и неполном осмыслении вербального компонента рекламного текста, сделала вывод, совпадающий с выводом специалистов ФАС России.

Как показали результаты проведенного эксперимента, нейросеть обладает способностью анализировать рекламный текст с позиции лингвиста-эксперта. На данный момент нельзя признать, что нейросеть самостоятельно провела глубокий, содержательный анализ спорного материала и подготовила аргументированные выводы. Нейросеть нуждается в развитии способностей проведения семантического анализа, обобщения, установления связей между значениями разных выражений, а также между вербальными и невербальными компонентами.

Литература

1. *Айдагулова А. Р.* Особенности текстов, сгенерированных искусственным интеллектом // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. № 4 (72). 2023. С. 154–156.
2. *Копнина Г. А.* Лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов: российская практика // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 121–142.
3. *Литвинова Т. А., Громова А. В.* Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 77–88.
4. Реклама Тинькофф банк с упоминанием АУЕ признана ненадлежащей [Электронный ресурс] // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: <https://fas.gov.ru/news/24476> (дата обращения: 17.08.2024).
5. *Россинская Е. Р.* Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 21–33.

A. O. Hohlov

Application of neural network technologies in the production of linguistic expertise of advertising text

Abstract: the publication presents an experimental experience of using the ChatGPT neural network in the production of a linguistic examination of the advertising text “Young people should not pay according to their suit” by Tinkoff Bank. It was found that the neural network incorrectly recognized the advertising image, was unable to independently establish the necessary semantic analogies in full, introduced ambiguity into the answers to a number of questions, but in general correctly analyzed the content of the disputed text and came to the same conclusion as the FAS Russia specialists about the presence of unacceptable images, comparisons and expressions in the advertisement.

Keywords: neural network, ChatGPT, linguistic expertise, advertising text.

Е. А. Чубина

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия
chubina@mail.ru*

Формирование профессиональных компетенций обучающихся по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»: к вопросу о методическом обеспечении

Аннотация: рассматриваются вопросы, связанные с реализацией интегрированного подхода к обучению по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» (специализация «Речеведческие экспертизы»), формированием их профессиональной компетенции. Описаны принципы отбора учебного материала, базовые дидактические принципы, положенные в основу обучения. В качестве иллюстрации представлены кейсы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебный эксперт, речеведческие экспертизы, двойная компетенция.

Специальность 40.05.03 «Судебная экспертиза» входит в группу юридических специальностей (Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» (с изменениями и дополнениями), с 01 сентября 2026 года Приказ Минобрнауки России от 04.03.2022 № 197 (ред. от 02.08.2024) «Об установлении соответствий специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки, перечень которых утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 1 февраля 2022 г. № 89», что предопределяет ряд требований к профессиональным компетенциям выпускников.

Эти требования в свое время были сформулированы в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», были закреплены Приказом Минобрнауки России от 31.08.2020 № 1136 во ФГОС 40.05.03

Судебная экспертиза (уровень специалитета), нашли отражение в основных профессиональных образовательных программах высшего образования по указанной специальности.

Приведем некоторые профессиональные компетенции и индикаторы достижения компетенций, как они обозначены в ОПОП 40.05.03 Судебная экспертиза. Компетенция ПК-1 *«Способен участвовать в процессуальных и иных действиях, предусмотренных законодательством с целью применения специальных знаний»*. Один из индикаторов указанной компетенции — ИПК 1.2. *«Участствует в разработке форм использования специальных знаний, использует свой процессуальный статус и компетенцию специалиста для понимания функциональных задач и приемов по их достижению. Умеет осуществлять иные формы взаимодействия с участниками судебного процесса, предвидеть юридические последствия процессуальных решений, готов самостоятельно выполнять отдельные поручения»*. Компетенция ПК-2 *«Способен выполнять судебные экспертизы в рамках гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях»*. Сформированность этой компетенции определяется, среди прочего, индикаторами достижения компетенций ИПК 2.1. *«Выполняет судебные экспертизы, применяет научно-обоснованные методики и технические средства в исследовании и установлении фактов, на различных этапах судопроизводства и ИПК 2.2. «Проводит анализ методического и технологического обеспечения экспертной деятельности в целях объективного и всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, при подготовке и производстве судебных экспертиз»*.

Совершенно очевидно, что сформировать указанные компетенции механическим соединением предметных областей невозможно. Экспертная задача решается с опорой на знания в области судебной экспертологии, базовой (материнской) науки — в зависимости от специализации, и, конечно, с опорой на знания в области юриспруденции. Именно поэтому судебного эксперта называют специалистом двойной компетенции.

Ранее [3: 143] в самых общих чертах мы описали методическую систему формирования профессиональной компетенции обучающегося по специальности 40.05.03 (специализация «Речеведческие экспертизы»): «...с опорой на знания, умения и навыки в области судебной экспертологии, в области лингвистики (особо — прикладных ее направлений), в области юриспруденции происходит формирование компетенций, имеющих интегрированную природу, в том числе — формирование лингво-правовой компетенции, понимаемой нами как способность обучающегося толковать спорный речевой продукт в категориях не только

языкового, но и правового кода. Полагаем верным именно дефисное написание термина «лингво-правовая компетенция», поскольку подчеркиваем интеграцию двух равноправных наук — лингвистики и юриспруденции, следовательно, говорим о сочинительной, а не подчинительной связи».

Наличие у эксперта лингво-правовой компетенции позволяет ему с опорой на свои лингвистические знания устанавливать те и только те факты и обстоятельства, которые будут иметь доказательственное значение для суда. Предупреждая возможные вопросы, оговорим, что такой интегрированный подход к исследованию спорного текста вовсе не означает выход в сферу правовой квалификации: эксперт не подменяет собой правоприменителя, не дает правовую квалификацию деянию. Напротив, знание системы и структуры юридической науки, ее методологии и отраслей, терминологической базы, знание юридической техники предупреждают ошибки, связанные, например, со смешением понятий и толкованием специальных юридических терминов как общеязыковых («обида»/«оскорбление»), позволяет обучающемуся понимать пределы экспертной компетенции и не нарушать их, позволяет непротиворечиво понимать объект исследования.

В качестве иллюстрации обратного: корень многих экспертных ошибок — непонимание того, что исследуемый текст, как любой другой объект экспертного исследования, нельзя разрушать. Согласно положениям частной теории судебной лингвистической экспертизы, объект судебной лингвистической экспертизы — это запечатленный на материальном носителе продукт речевой деятельности лица, его речевое произведение (речевой след). К сожалению, достаточно распространенной является ситуация, когда в процессе исследования продукт речевой деятельности автора статьи подменяется продуктом речевой деятельности специалиста, в котором затем последний находит требуемую форму. Приведем примеры таких ошибок. Фрагмент *«Впрочем, ФИО не ограничивается вопросами права и нередко выступает экспертом по самым разным темам, далеким от своих профессиональных интересов. Например, рассказывает глянцевым журналам о правилах ухода за собой, конкурируя с бьюти-блогерами»* в интерпретации специалиста звучит так: *«ФИО неоднократно выступала в качестве специалиста в различных областях, в которых в действительности специалистом не является»*. На основе собственной интерпретации специалистом сделан вывод о наличии в спорном высказывании негативной информации о ФИО, данной в форме утверждения о факте. На аналогичной подмене построен и другой вывод. Фрагмент статьи *«Вместе с тем, создается ощущение, что все позитивные упоминания о них исчезают, как это было, например, с Ивановым И. И., интервью*

с которым сняли со страниц одного из ведущих в стране электронных СМИ уже на следующий день после публикации, а следом за ним и статью с упоминанием бизнесмена с сайта не менее известной газеты» был проанализирован специалистом в собственной интерпретации «*ФИО причастна к удалению интервью с Ивановым И. И. и статьи о нем со страниц неконкретизированных СМИ*», сделан вывод о наличии информации в форме утверждения о факте, причем на имеющуюся в тексте статьи конструкцию «создается ощущение» специалист вообще внимания не обратил.

Нередко исследователя не смущает даже то, что он из вопросительного предложения делает утвердительное. Так, анализируя фрагмент текста «*Получается, что газ и электроэнергия поступают на объекты, принадлежащие компаниям N, не имеющим лицензий Ростехнадзора?*», специалист заключил: «Высказывание содержит скрытое суждение, формулируемое следующим образом: «*Объекты, принадлежащие компаниям N, не имеют лицензий Ростехнадзора*». Указанную часть высказывания следует считать сообщением о факте». В результате таких ошибочных действий дан неверный вывод.

Последний случай показателен тем, что специалист не считал, что подменяет объект, он считал, что производит «синонимическое преобразование текста». Профессор А. Н. Баранов, предложивший использовать в экспертизе метод синонимических преобразований, понимал под ним иное: «...типичный случай синонимических преобразований — реферирование — изложение содержания спорного текста в сокращенном виде, когда эксплицируются лишь та часть его содержания, которая существенна с точки зрения поставленных вопросов» [1: 23]. Однако анализ показывает, что метод зачастую понимается неверно, расширительно, как возможность переиначить, «перелицевать» текст, самолично определив, что важно, а что — нет.

Разрушение объекта исследования, изъятие из него отдельных частей не допускается. Однако в текстах заключений можно встретить анализ «отдельных» и «конкретных» высказываний, причем такой подход отражен даже в структуре исследования и в названиях разделов, например: «Анализ отдельных высказываний», «Анализ конкретных высказываний». Показательно, что на подготовительной стадии исследования, когда объекты должны быть подробно описаны, такие высказывания и их границы, как правило, не определяются, часто о них вообще ничего не говорится. Остается догадываться, каким образом эти фрагменты в качестве спорных появляются в исследовательской части.

Методологически лингвистическое исследование спорного текста возможно только в единстве содержательных и формальных компонентов (закон единства формы и содержания речевого произведения),

с учетом основных категорий текста — целостности и связности, с учетом всего текстового объема и, конечно, при использовании неразрушающих методов исследования.

Реализуемые в Университете имени О. Е. Кутафина подходы к обучению студентов дают возможность адаптировать новые исследования в области судебной экспертологии и прикладной лингвистики, а затем вводить их в учебную практику. Принципы отбора материала (исследуются живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи), структура учебных дисциплин, комплекс упражнений, включающий в себя многочисленные кейсы, — все подчинено единой цели: подготовить выпускника к практике экспертной деятельности.

К числу базовых дидактических принципов, положенных в основу обучения, можно отнести принцип связи теории с практикой (как пример реализации — введение внутрилекционных вставок типа практического занятия, что соответствует также принципу развивающего обучения), принцип научности (в обучении используется показ только объективных закономерностей, основанных на достоверных сведениях, прошедших научную проверку), принцип сознательности обучения (как пример реализации — каждая познавательная задача сопровождается объяснением преподавателя, студент понимает, что, как и для чего делается, сознательный отклик на изучаемое повышает интерес к предмету, прагматическую направленность обучения), принцип прочности усвоения знаний (основной упор в процессе обучения делается на выполнение студентами учебных и контрольных экспертиз, по данным науки, обучающиеся максимально усваивают на занятиях не то, что видят или слышат, а то, что делают), принцип доступности (усложненное содержание, сведенное и обобщенное из многих источников — судебной и экспертной практики, научных трудов, доступ к которым для студентов часто ограничен — предопределяет соблюдение пропорциональности между известным и неизвестным, обучение строится с учетом уровня предшествующей учебной подготовки учащихся).

Помимо профессиональных компетенций совершенствуются и универсальные компетенции обучающихся, связанных со способностью понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы, способностью работать с различными информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации.

Для составления кейсов и упражнений используются сведения, полученные в результате анализа судебных решений, размещенных на сайтах правовой информации. Форма кейсовых заданий дает возможность

активнее реализовывать компетентностный подход в учебном процессе, использовать интерактивные формы проведения занятий [2].

Даже с учетом ограниченного объема работая с кейсами позволяет обучающимся оценивать правильность поставленных перед экспертом вопросов, изучать фрагменты экспертных заключений с целью нахождения процессуальных, гносеологических и иных ошибок, совершенствуя таким образом собственные профессиональные навыки.

Отметим, что объекты исследования (речевые продукты веб-коммуникации, тексты протоколов, судебных решений, экспертные заключения и т. п.) даются в кейсовых материалах с сохранением орфографии и пунктуации источника, с обязательным изъятием персонифицированной информации. По некоторым курсам кейсы включают фрагменты из литературных произведений, но используются они в полном соответствии с положениями статьи 1274 Гражданского кодекса РФ в объеме, необходимом для раскрытия экспертной ситуации и достаточном для ее анализа.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем несколько кейсовых заданий.

Кейс (дисциплина «Судебная лингвистическая экспертиза»). На исследование представлена стенограмма разговора врача Иванова (Д1) с пациентом (Д2):

Д1: К сожалению, ничем не могу помочь. Очередь на три месяца вперед.

Д2: Доктор, пожалуйста, помогите! Вы же знаете наш диагноз.

Д1: Здесь все с таким диагнозом.

Д2: Но мой сын не «все». Помогите! Мы в долгу не останемся.

Д1: Долг — морг (вздыхает). Рифма в голову пришла, неправильная. Всем тяжело. Но сделать ничего не могу. Ускорить не могу.

Д2: Пожалуйста, прошу. Что же делать, если на нашу долю выпало такое несчастье?

Д1: Ваша доля — наша воля. Хорошая рифма. Ладно. Давайте за дольку малую... помогу. Так и быть. Жалко парня.

Вопросы и задания:

1. Была назначена судебная лингвистическая экспертиза. Проанализируйте правильность поставленных перед экспертом вопросов:

— Идет ли речь в представленном на исследование разговоре о передаче денежных средств от одного собеседника другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?

— Имеются ли в разговоре признаки побуждения к передаче денежных средств за совершение или несовершение каких-либо действий? Если да, то о каких действиях идет речь? Кто является субъектом побуждения?

Каков характер волеизъявления (требование, просьба, угроза, предостережение, предложение или др.)?

— *Имеются ли в высказываниях Д1 признаки речевой манипуляции с целью побуждения к передаче денежных средств?*

2. Проанализируйте используемые в разговоре устойчивые единицы. К каким видам фразеологических единиц они относятся? Пользуясь словарями, определите актуальное значение ФЕ.

3. Оцените данное экспертом толкование выражения *долька ма-лая*: «Выражение *долька малая* может быть понято как уменьшительная форма устойчивого выражения *малая доля* либо как искаженное устойчивое выражение *малая толика*. В обоих случаях значение словосочетания *долька малая* будет одинаковым — ‘небольшая часть чего-либо’. В разговорной речи устойчивое выражение *долька малая* употребляется для обозначения взятки либо выплачиваемой кому-либо части денежных средств или иных ценностей, добытых незаконным путем.

Можно ли согласиться, что «в разговорной речи устойчивое выражение *долька малая* употребляется для обозначения части денежных средств, добытых незаконным путем»?

Кейс. ООО «Искатель» обратилась в суд с иском к ООО «Поиск» о нарушении авторских прав на сценарий реалити-квеста: в сценарии «Страшная комната» (ООО «Искатель») были обнаружены совпадения отдельных элементов и сюжетных ходов квеста «Проклятый номер» (ООО «Поиск»). В качестве материалов были представлены: 1. Сценарий квеста «Страшная комната» — текст на русском языке и программный код, выполненный черным шрифтом, на 7 листах. 2. Сценарий квеста «Проклятый номер» — текст на русском языке, выполненный черным шрифтом, на 7 листах. Суд назначил автороведческую экспертизу. В процессе исследования было установлено, что оба сценария основываются на рассказе Стивена Кинга «1408». Эксперт указал на то, что жанр сценария квеста относится к технической документации и, как следствие, говорить об авторстве некорректно.

Вопросы:

1. Может ли сценарий квеста являться объектом судебной автороведческой экспертизы?

2. Верно ли утверждение эксперта о том, что «жанр сценария квеста относится к технической документации и, как следствие, говорить об авторстве некорректно»?

3. Проанализируйте правильность поставленных перед экспертами вопросов:

— *Является ли сценарий «Страшная комната» копией сценария «Проклятый номер»?*

— Является ли сценарий «Страшная комната» переработанной копией сценария «Проклятый номер»?

4. Проанализируйте правильность ответов на поставленные вопросы:

По первому вопросу установлено, что текст сценария «Страшная комната» не является копией текста сценария «Проклятый номер», так как сценарии имеют близкую, но тем не менее разную структуру, объемы самого текста различаются; отсутствуют дословные совпадения, за исключением наименования одного раздела «Легенда», что в свою очередь объясняется жанровой принадлежностью.

По второму вопросу установлено, что количество и характер заимствованных элементов, отсутствие текстовых совпадений, фрагментарный характер текстов исследуемого жанра не позволяет говорить о том, что сценарий квеста «Страшная комната» является переработанной копией сценария квеста «Проклятый номер».

Кейс. Адвокат подсудимого К. указал на то, что в тексте заключения по результатам проведенного автороведческого исследования экспертом Петровым П. П. подпись о предупреждении его об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ поставлена в день составления заключения 7 декабря 2018 года, тогда как экспертиза была начата 17 ноября 2018 года. Адвокат считает, что на момент начала производства экспертизы Петров П. П. не был предупрежден об уголовной ответственности. Адвокат полагает необоснованными выводы суда о том, что указанное заключение эксперта соответствует требованиям закона.

Вопросы:

1. Может ли защитник ходатайствовать об исключении такого доказательства?

2. На каком основании суд может отказать стороне защиты в удовлетворении ходатайства об исключении доказательств?

3. Если суд удовлетворит ходатайство адвоката и заключение Петрова П. П. не будет признано доказательством, может ли адвокат ходатайствовать о проведении экспертизы и какая она будет — первичная, повторная или дополнительная?

Подобного рода интегрированный подход к обучению студентов речеведов, учебная работа, построенная на использовании лингвистических методов в неразрывном единстве с методами судебной экспертизы, — все это является важным в процессе формирования профессиональных компетенций обучающихся по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, являющихся по сути специалистами двойной — судебно-экспертной и юридической — компетенции. Грамотное сочетание традиций и новаций юридического и экспертного образования способно обеспечить информационную безопасность государства,

особенно в части предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
2. Судебная автороведческая экспертиза: учебное пособие / Т. П. Соколова, Е. А. Чубина. М.: Норма: Инфра-М, 2023. 368 с.
3. Чубина Е. А. Формирование лингво-правовой компетенции студентов-речеведов, обучающихся по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 143–152.

Е. А. Chubina

Professional competences of students enrolled in the specialty 40.05.03 «Forensic Expertise»: about methodological support

Abstract: the article discusses issues related to the implementation of an integrated approach to the training of future experts. The knowledge increment pyramid is presented. The principles of selection of educational material are described. The author spoke about the basic didactic principles underlying the training. As an illustration, a fragment of educational work.

Keywords: linguistic competence, forensic examination, integrated competencies.

А. А. Шалыпина

*эксперт АНО «Институт
экспертных исследований»,
магистрант Новосибирского
государственного университета
Новосибирск, Россия*
a.shalyapina@g.nsu.ru

Е. Е. Абрамкина

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
фундаментальной и прикладной лингвистики
Новосибирского государственного
университета
Новосибирск, Россия*
abramkinaee@list.ru

Экспериментальное фоноскопическое и автороведческое исследование возраста на материалах устной и письменной речи сестер

Аннотация: в статье обсуждается возможность исследования возраста на материале устной и письменной речи родных сестер. Используются как традиционные, так и экспериментальные методы экспертных исследований. В результате комплексного исследования определен ряд параметров устной и письменной речи, характерных для подгрупп старших и младших сестер.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, автороведческая экспертиза, атрибуция, сиблинги, формантный анализ, 2B-PLS, возраст автора текста.

Введение

В последние годы речеведческие экспертизы обретают все большую популярность — и можно с уверенностью сказать, что частично рост внимания к данному виду экспертиз связан с постоянным увеличением числа потенциальных объектов исследования. Действительно, создание разнообразных текстов, аудио- и видеоматериалов, а также их распространение с развитием сетевых коммуникаций и социальных сетей сильно упростилось — а значит, и массив данных, пригодных для речеведческих исследований, становится все больше.

Но даже при большом объеме данных некоторые проблемы в идентификационном поле только обостряются. Так, споры вызывает вопрос возможности рассматривания в одном экспертном исследовании текстов разной природы — устного и письменного [20: 214]. Кроме того, одним из вызовов остается определение «четких границ» схожести параметров при сравнении как устных, так и письменных текстов: как оценить меру

близости статистических измерений письменного текста, как разграничить перцептивно схожие акустические характеристики дикторов?

Чтобы приблизиться к решению перечисленных идентификационных проблем, требуется комплексное сложное исследование. Первым шагом к пониманию потенциального механизма глобального исследования репрезентативности идентификационных признаков может стать изучение речи близких родственников. Так, практика исследований устной речи показала, что наибольшее сходство обнаруживается между параметрами голосов родных братьев [2: 318]. Существующие исследования в данной области позволяют сделать вывод, что интерес представляет изучение речи сиблингов в целом (в том числе потому, что при взрослении подростки обоих полов претерпевают мутацию голоса, выражающуюся в росте хрящей гортани, удлинении голосовых связок, усилении напряжения артикуляционной и мимической мускулатуры, увеличении объема глотки; однако у мальчиков мутация протекает гораздо быстрее, кроме того, она более выражена: длина голосовых складок у мальчиков увеличивается примерно в полтора раза, тогда как у девочек — лишь на 30–50% [16: 111–113]).

Также интересным представляется синхронное рассмотрение устного и письменного текстов одного автора. В экспертной практике такие задачи иногда встречаются [20: 214], и эти случаи, во-первых, подтверждают саму возможность анализа текстов разной природы, во-вторых, позволяют применять для восстановления языкового портрета личности целый комплекс инструментов и методов анализа текста. Такое «смешение» текстов разной природы позволяет расширить перечень рассматриваемых признаков, а значит, провести более глубокий анализ лексического, синтаксического, прагматического и других уровней языка.

Изучение сиблингов

Одной из проблем, подтолкнувших научное сообщество к изучению речи сиблингов, был возросший интерес к онтогенезу в целом и проблеме возникновения речевых нарушений. Так, исследовалось влияние разницы в возрасте между сиблингами, полового состава группы сиблингов и порядка рождения сиблингов на вероятность развития заикания, громкость голоса, четкость артикуляции [24: 327]. Сначала такие исследования проводились на основе наблюдения за речью детей, и довольно быстро стало ясно, что сиблинги оказывают влияние на когнитивное развитие друг друга в целом. В вопросе речевого развития большинство исследователей приходят к выводу, что дети, имеющие старших братьев и/или сестер, отстают в речевом развитии от единственных детей

в семье. Но такая тенденция характерна только для сиблингов, чья разница в возрасте не превышает четырех лет. При большем возрастном разрыве речь младшего развивается по схожему с единственным ребенком в семье сценарию [4: 163–164]. Что касается общей тенденции к появлению нарушений речи, предполагается, что возникновение у ребенка речевой дисфункции связано с порядком его рождения [3: 298]. Но по своей природе эта зависимость носит скорее психосоциальный характер: первенцы и последующие дети биологически одинаково предрасположены к речевой дисфункции, а вот ее развитие у старших и младших неодинаково из-за разного характера взаимодействия с родителями и развития личностных черт, интеллекта, когнитивных способностей и социальных навыков.

Согласно общепринятой модели существующих между дикторами различий, любая междикторская вариативность является либо органической (вызванной различиями в анатомических структурах голосового тракта), либо заученной (вызванной различными манерами артикуляции говорящих) [30: 1]. Для сиблингов возможно либо равномошное сочетание обоих типов (в случае монозиготных близнецов), либо преимущественное усвоение схожих речевых паттернов (в некоторых исследованиях в качестве примера носителей вариативности такого типа упоминаются дизиготные близнецы [27: 691], которые генетически связаны примерно так же, как сиблинги, не являющиеся близнецами [29: 50]). Поэтому мы можем выдвинуть предположение, что голоса сиблингов одного пола схожи, поскольку анатомические особенности голосового тракта дикторов схожи, а языковая среда до некоторого момента является общей.

В контексте изучения речи сиблингов проводились также исследования частотных характеристик гласных, подробнее мы рассмотрим эти работы позже.

Для статистического анализа сходства и различия речи сиблингов наиболее удачным и репрезентативным представляется многомерный анализ [22: 962].

Фоноскопическое исследование

При проведении фонетических исследований в сравниваемых аудиозаписях рассматривают одинаковые (фонетически однотипные) слова или слоги. Возможность проведения такого микроанализа фрагментов определяется экспертом на основе качественных характеристик аудиозаписи (соотношения сигнал/шум, сложности реализуемого типа анализа и ряда других факторов) [6: 95]. Вычисление акустических признаков

звуков проводится на наиболее частотных в русском языке гласных звуках /а/, /о/, /е/, /и/. При малой длительности и зашумленности отдельных участков фонограмм для микроанализа может быть использована лишь некоторая часть признаков, например признаки только звуков /а/ и /о/. С. В. Князев и С. К. Пожарицкая отмечают, что формантные картины гласных /е/ и /и/ схожи [10: 94], поэтому в настоящей работе рассмотрим одну из них (/и/). Также представляется нужным рассмотреть /у/: эта гласная, в сравнении с другими, редко встречается в текстах, поэтому в идентификационных исследованиях практически не рассматривается, но особенности ее фонации выделяются на фоне других гласных — /у/ в любой позиции в слове не редуцируется, а это значит, индивидуальные особенности произношения диктора (в случае их наличия) будут отчетливо видны.

Основными факторами, определяющими индивидуальные параметры речи диктора для сопоставимых по контексту фрагментов фонации, являются форманты. Согласно определению С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, форманты — это резонансные частоты речевого тракта определенной формы и объема [10: 93]. Частоты формант задаются конфигурацией речевого тракта, поэтому сведения о формантах позволяют делать определенные выводы о положении артикулирующих органов. Форманты считаются наиболее репрезентативными для распознавания устной речи параметрами звуков.

Значения формант гласных фонем напрямую связаны с традиционными классификационными характеристиками. Так, значение форманты F1 зависит от подъема языка при артикуляции. Значение форманты F2 обратно пропорционально длине ротового резонатора, то есть зависит от ряда гласного. За формирование F3 у всех русских гласных, кроме «и», отвечает гортанный желудочек [5: 28]. Кроме того, по изменениям F3 у конкретного диктора при произнесении одного и того же звука можно судить о движении гортани в вертикальной плоскости: чем больше значение F3 отстает от F2 и F1, тем ниже находится гортань, и наоборот [18: 67]. Также F2 и F3 позволяют судить о степени огубленности (лабиализованности) гласных [26: 71]. Что касается форманты F4 и более высоких формант, нет определенной части голосового тракта или артикуляционной конфигурации, формирующей эти частоты [9: 37].

Как было упомянуто выше, попытки рассмотрения речи сиблингов с позиции формантного анализа уже предпринимались. Так, было установлено, что при сравнении схожих на слух голосов англоговорящих родных братьев резонансные частоты F1, F2 и F3 гласных оказались настолько численно близки, что, основываясь только на этих формантах в процессе установления личности по голосу, информантов было бы

невозможно отличить друг от друга [25: 91]. Диапазоны резонансной частоты F4 у сиблингов одного пола заметно отличаются [27: 694], но различие с F4 других дикторов (не имеющих с сиблингами родственных связей) оказывается в разы большим [21: 2].

Для русскоязычных дикторов ситуация может оказаться иной хотя бы в силу существующих различий вокалических систем русского и английского языков. Так, английские гласные тяготеют к кардинально заднему или кардинально переднему положению языка, они сильно дифференцированы по ряду, в то время как русские гласные «сосредоточены» ближе к центральной части языка, среднему ряду [17: 145]. Также в английском вокализме реализуется признак напряженности/ненапряженности, не имеющий аналога в русском языке. Признак долготы/краткости же хоть и присутствует в каждой из вокалических систем, реализуется по-разному: в русском языке долгота/краткость не дифференцирует фонемы, а лишь противопоставляет ударные (более долгие) гласные безударным, для английских гласных фонем долгота является одним из важных смысловых различительных компонентов в оппозициях гласных одного ряда и одной ступени подъема [1: 29].

Опыт проведения фоноскопической экспертизы доказывает, что при изменениях абсолютных значений формант в силу влияния экстралингвистических факторов соотношения формант практически не меняются [7: 168]. В связи с этим в качестве спектральных идентификационных признаков звуков используются статистические оценки значений и отношения величин, определяемые для гласных /а/, /о/, /е/, /и/ (в нашем случае, /а/, /о/, /и/ и /у/).

Автороведческое исследование

В современном автороведении продолжает оставаться неразрешенным вопрос о составе максимально контекстно устойчивых признаков текста и признаков, релевантных при анализе текстов определенного типа [13: 108]. При статистическом анализе измеримых признаков удобны автоматические программы. Их автономное использование, конечно, не может быть единственным основанием для формулировки выводов по идентификационным задачам [12: 85], но представляет исследовательский интерес (в том числе потому, что помогает обрабатывать большие массивы текстов гораздо быстрее, чем это происходит вручную).

В нашей экспериментальной работе в качестве инструмента анализа письменных текстов был выбран автоматический атрибутор «ХоРом» [19: 92; 23: 1067]. Согласно описанному авторами программы

алгоритму, анализ идиостиля автора письменного текста производится методами интерпретативной лингвистики с последующей объективацией полученных данных с помощью математической статистики. Параметры, описывающие идиостиль, были выбраны с учетом психолингвистических, социолингвистических и судебно-лингвистических методов. Атрибутор позволяет сравнить две модели языковой личности (два текста) и с помощью ряда метрик определить уровень их сходства. Кроме того, на этапе ввода текста можно указать жанровую отнесенность текста, а результаты работы алгоритма отредактировать вручную (например, вычест неснятую омонимию там, где она ошибочно подсчитана программой).

Обработка результатов фоноскопического и автороведческого исследования

Ранее в контексте автороведения предпринимались попытки статистического анализа данных автороведческих экспертиз [11: 110]. Для установления меры сходства между объектами в речеведческих экспертизах авторы рассматривали интерпретации коэффициента Жаккара, коэффициента Серенсена, коэффициента Кульчинского и коэффициент Отиаи. Однако результаты подсчета рассматриваемых индексов могут быть противоречивы, что не позволяет сделать однозначный вывод о репрезентативности того или иного статистического индекса.

Также были попытки анализа звучащей речи с помощью метода главных компонент и получения проекций на латентные структуры для идентификации личности [14: 140]. Исследования проводились на малых выборках, которые хоть и не позволили выделить идентификационные черты, но показали, что применение многомерного анализа в отношении изучения речи, во-первых, возможно, и во-вторых, результативно.

В качестве статистического метода в нашем исследовании был выбран PLS-анализ — метод получения проекций на латентные структуры (Projection to Latent Structure). Эффективным инструментом PLS-анализа является 2B-PLS (Two-Block PLS). 2B-PLS модели наиболее используются для изучения имплицитных процессов различной природы через выявление глубинных «латентных структур» (независимых механизмов), единых для обоих блоков многомерных показателей — матриц B1 и B2 [15: 19].

В один блок (B1) можно поместить переменные-предикторы (данные), а в другой блок (B2) — отклики-признаки (состоят только из «0» и «1», это наши вопросы, на которые модель должна дать ответы). Отметим, что подобный блок B2 позволяет управлять углом поворота

блока В1 — он должен быть таким, чтобы дать ответы на вопросы-признаки из блока В2. В некотором роде это своеобразное «обучение», настройка модели на конкретный ряд вопросов из блока В2. Отметим, что этот подход отличается от известной PLS-регрессии тем, что вся информация из исходных рядов данных при построении 2В-PLS модели собирается в первых (независимых) латентных структурах.

2В-PLS анализ проводится с помощью программного пакета JACOBI 4 [28: 1].

Материалы и выборка

В пилотной версии эксперимента приняли участие две пары родных сестер (21 год и 15 лет; 18 лет и 15 лет). Принималось во внимание, что испытуемые не имеют хронических заболеваний органов артикуляционного аппарата и щитовидной железы, а также не претерпевали хирургических вмешательств, вызывающих изменения органов артикуляционного аппарата (это обусловлено стремлением минимизировать влияние внешних факторов на артикуляционный аппарат, каковыми могут служить операции и другие хирургические вмешательства; деятельность же эндокринной и нервной систем связана сложными многоступенчатыми процессами, детальное рассмотрение влияния каждого из протекающих процессов на механизм речепорождения в настоящей работе не предполагается). Также в семьях испытуемых строго двое детей, этот критерий представляется важным в свете сказанного ранее о развитии речи сиблингов.

Фоноскопическое исследование проводилось по четырем аудиозаписям: у информантов были запрошены две аудиозаписи, на которых было зафиксировано произнесение подготовленного и спонтанного текста соответственно; спонтанный текст — это спонтанный монолог диктора на предложенную тему (описание одного дня из жизни), подготовленный — чтение с листа предложенного художественного текста (отрывок из романа И. А. Гончарова «Обломов»). Ключевыми требованиями к записям было отсутствие посторонних шумов и оптимальная длительность: не менее 4 минут для спонтанной речи, не менее 3 минут для подготовленной речи. В результате сбора данных дикторами были предоставлены аудиоматериалы, в которых длительность записей спонтанной речи составила в среднем 3–4 минуты, подготовленной речи — 5–7 минут.

Автороведческое исследование проводится по четырем текстам: у информантов были запрошены два письменных текста, один из которых является положительным отзывом на какое-либо произведение (книгу, фильм, театральный спектакль и т. д.), выбранное самостоятельно, другой — отрицательным отзывом на другое произведение, выбор которого

также осуществлялся информантами. Объем каждого текста — не менее 500 слов (требование такого объема указано в методике производства речеведческих экспертиз как необходимое для репрезентации наибольшего количества устойчивых идентификационных признаков).

Результаты фоноскопического исследования

Результаты анализа формантных данных приведены на рисунке 1. Центрами областей интересов ROI («regions of interest») в данной модели стали идентификаторы «F4+» и «F4-» — значения форманты F4, «t+» и «t-» — длительность фонации. На основе полученных данных можно сказать, что:

- для старших сестер характерны более низкие частоты F4 /y/ (в сравнении с младшими);
- для младших сестер характерны более высокие частоты F4 /o/ (в сравнении со старшими);
- в подготовленные тексты фонация всех гласных более короткая, чем в спонтанных;
- в спонтанных текстах отмечается более долгая фонация /a/.

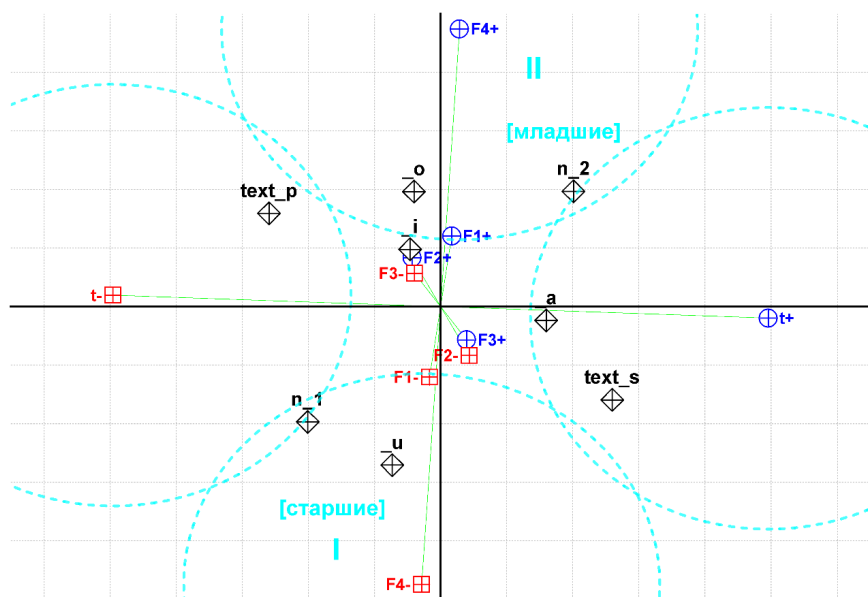

Рис. 1. Анализ устной речи

Результаты автороведческого исследования

В результате обработки письменных текстов испытуемых с помощью атрибуционного программного комплекса «ХоРом» были получены следующие метрики по текстам (каждому параметру присвоен код типа 1.XX и 2.XX, где 1 — относительные параметры, 2 — абсолютные параметры):

n	name
_1.01	Индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда
_1.02	Индекс туманности Ганнинга
_1.03	Средняя длина слова (в буквах)
_1.04	Средняя длина предложения (в словах)
_1.05	Количество предложений длиннее 8-ми слов
_1.06	Коэффициент предметности (Pr)
_1.07	Коэффициент качественности (Qu)
_1.08	Коэффициент активности (Ac)
_1.09	Коэффициент динамизма (Din)
_1.10	Коэффициент связности текста (Con)
_1.11	Количество слов несловарного написания
_1.12	Сравнительные придаточные
_1.13	Конструкции с сопоставительными союзами
_1.14	Вставные конструкции
_1.15	Сложные синтаксические конструкции
_1.16	Глагольные односоставные предложения
_1.17	Обращения
_1.18	Местоимения "я, мы"-группы
_1.19	Местоимения "ты, вы"-группы
_1.20	Сложные слова полуслитного написания
_1.21	Модальные частицы
_1.22	Междометия
_1.23	Наличие/отсутствие модального постфикса «-то»

Рис. 2. Относительные параметры

На основе значений данных параметров для всех рассматриваемых текстов была построена бикомпонентная модель (рисунок 4).

Центрами областей интересов ROI («regions of interest») в данной модели стали идентификаторы «s» — старшие, «y» — младшие, «p» — позитивные тексты, «n» — негативные тексты.

n	name
2.01	Количество предложений
2.02	Количество слов
2.03	Количество слогов
2.04	Количество слов длиной более 3-х слогов
2.05	Количество существительных
2.06	Количество местоимений
2.07	Количество прилагательных
2.08	Количество глаголов
2.09	Количество глагольных форм
2.10	Количество наречий
2.11	Количество предлогов
2.12	Количество союзов
2.13	Количество слов несловарного написания
2.14	Предложения с однородными рядами
2.15	Предложения с обособленными приложениями
2.16	Вводные слова и конструкции
2.17	Целевые и выделительные обороты
2.18	Конструкции с семантикой сравнения
2.19	Синтаксические сращения
2.20	Сравнительные придаточные
2.21	Конструкции с сопоставительными союзами
2.22	Вставные конструкции
2.23	Сложные синтаксические конструкции
2.24	Глагольные односоставные предложения
2.25	Обращения
2.26	Местоимения "я, мы"-группы
2.27	Местоимения "ты, вы"-группы
2.28	Сложные слова полуслитного написания
2.29	Модальные частицы
2.30	Междометия
2.31	Наличие/отсутствие модального постфикса «-то»
2.32	Ключевые слова
2.33	Предпочтительные слова-интенсификаторы

Рис. 3. Абсолютные параметры

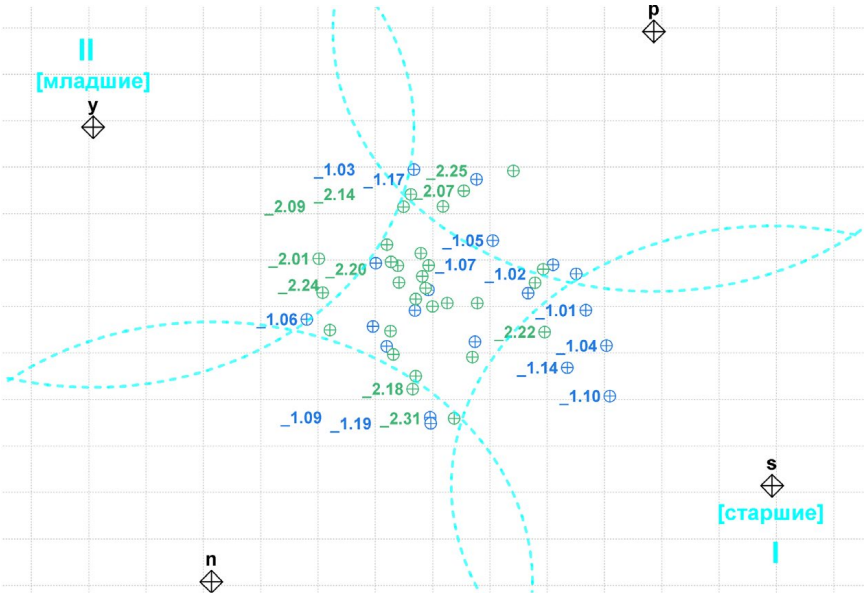

Рис. 4. Анализ письменных текстов

Модель показала, что существует тенденция проявления в **большей степени** следующих параметров по отношению к соответствующим идентификаторам «s» и «y»:

Старшие («s»)	Младшие («y»)
1.01 Индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда	1.03 Средняя длина слова (в буквах)
1.04 Средняя длина предложения (в словах)	1.17 Обращения
1.10 Коэффициент связности текста (Con)	2.09 Количество глагольных форм
1.14 Вставные конструкции	2.14 Предложения с однородными рядами
2.22 Вставные конструкции	2.24 Глагольные односоставные предложения

Рассмотрение характерных атрибутов позитивных и негативных текстов не входит в задачи нашего исследования, но мы считаем необходимым привести также перечень параметров, **в большей степени** проявившихся в текстах той или иной тональности:

Позитивные тексты («р»)	Негативные тексты («п»)
1.05 Количество предложений длиннее 8-ми слов	1.09 Коэффициент динамизма (Din)
2.07 Количество прилагательных	1.19 Местоимения «ты, вы»-группы
2.25 Обращения	2.18 Конструкции с семантикой обращения
	2.31 Наличие/отсутствие модального постфикса «-то»

Таким образом, и для устной, и для письменной речи ряд признаков оказался характерен либо только для старших, либо только для младших сестер. Для выяснения величины эффекта сиблинговости на параметры устной и письменной речи планируется продолжить исследование и расширить выборку.

Перспективы исследования

Для того, чтобы оценить, насколько эффективны применяемые методы (в контексте устной речи — насколько сходства параметров речи сиблингов выделяют их в выборке людей того же возраста и пола), было решено добавить к материалам настоящего исследования данные Русского мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (<https://multidiscourse.ru/>) [8: 193]. Корпус состоит из отдельных коммуникативных эпизодов (так называемых записей), в каждом из которых участвует четыре человека — Рассказчик (Narrator), Комментатор (Commentator), Пересказчик (Reteller) и Слушатель (Listener). Название корпуса обусловлено тем, что двое из участников вначале смотрят известный в лингвистике стимульный материал — шестиминутный фильм, так называемый «Фильм о грушах», созданный в 1970-е гг. в Беркли исследовательской группой под руководством У. Чейфа. В этом фильме, не включающем никаких речевых действий персонажей, показана история о взаимодействии ряда лиц, в том числе садовника, собирающего груши, мальчика, крадущего корзину с грушами, и еще нескольких. Фильм представляет собой хорошо продуманную цепь физических и социальных событий и давно зарекомендовал себя как превосходный способ получать компактные и сравнимые между собой пересказы.

Для увеличения выборки письменных текстов в настоящее время идет поиск соответствующего критериям текстового корпуса.

Литература

1. *Аракин В. Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования: Учебное пособие для пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Высшая школа, 1989. 157 с.
2. *Грачев А. М.* К вопросу об идентификации речи дикторов по родственному признаку // Вестник Нижегородского ун-та. Математика и информатика. 2012. № 5 (2). С. 316–320.
3. *Денисенко А. С., Шабаев В. С.* Порядковый номер рождения как фактор появления речевых нарушений // Воспитание и обучение детей младшего возраста: Материалы VIII Международной конференции, Москва, 29 мая — 01 июня 2019 года. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 297–298.
4. *Доброва Г. Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: ЯСК, 2018. 262 с.
5. *Каганов А. Ш.* Об использовании спектральных характеристик речи для определения биометрических параметров речевого тракта в судебно-медицинской идентификации личности говорящего // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. № 57 (1). С. 26–29.
6. *Каганов А. Ш.* Криминалистическая экспертиза звукозаписей. М.: Юрлитинформ, 2005. 272 с.
7. *Каганов А. Ш.* Инструментальное исследование спектральных характеристик речи в задаче криминалистической идентификации говорящего: теоретические основания и технология исследования // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 8 (109). С. 164–181.
8. *Кибрик А. А., Федорова О. В.* An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2018. № 15 (2). С. 191–200.
9. *Кирьянов П. А., Каганов А. Ш.* Применение методов спектрального анализа в задаче медико-криминалистической идентификации говорящего // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 59 (5). С. 36–38.
10. *Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: учебное пособие для вузов. М.: Гаудеамус, 2011. 430 с.
11. *Красса С. И.* Методика установления меры сходства между объектами речеведческих экспертиз // Юрислингвистика. 2023. № 27. С. 106–110.
12. *Литвинова Т. А., Громова А. В.* Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник ВолГ У. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 77–88.
13. *Литвинова Т. А., Литвинова О. А., Диброва Е. В., Рыжкова Е. С.* Корпусные исследования письменной речи в решении задач судебного автороведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1 (50). С. 107–113.
14. *Малинин П. В., Поляков В. В.* Применение методов анализа многомерных данных к задаче идентификации личности по голосу // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–1 (65). С. 140–142.

15. *Овчинникова К. А., Вергунов Е. Г.* Механизмы как понятие в науке и инструменты их выявления, изучение механизмов в лингвистическом исследовании как пример применения психофизиологического инструментария моделирования в междисциплинарном анализе // *Комплексные исследования детства*. 2023. Т. 5, № 1. С. 14–25.
16. *Пенкина Е. В.* Возрастные особенности подростков и их влияние на обучение пению в мутационный и постмутационный периоды развития голоса. // В кн.: Л. А. Рапацкая, В. В. Гетьман (ред.). *Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: Материалы XII Международной научно-практической конференции*. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 109–115.
17. *Санигурская М. Г.* О проблемах фонологической интерференции в ситуации многоязычия (на материале русского, немецкого и английского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8–2 (38). С. 143–146.
18. *Уртегешев Н. С.* Гласные: соответствие формант артикуляции // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021. № 2 (40). С. 63–77.
19. *Хоменко А. Ю.* Лингвистическое моделирование как основа для создания полуавтоматического атрибуционного алгоритма // *Политическая лингвистика*. 2022. № 3 (93). С. 90–100.
20. *Хоменко А. Ю.* Возможность идентификации лица по разнородному материалу — устной и письменной речи — в условиях одной экспертной задачи // *Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот: Материалы Международных научных конференций, Екатеринбург, 27–30 ноября 2019 года*. Екатеринбург, 2019. С. 214–218.
21. *Feiser H. S., Kleber F.* Voice similarity among brothers: evidence from a perception experiment // In 21st Annual Conference of the International Association for Forensic Phonetics and Acoustics (IAFPA). Santander, Spain. 2012.
22. *Ingram D., Dubasik V. L.* Multidimensional assessment of phonological similarity within and between children // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2011. № 25 (11–12). P. 962–967.
23. *Khomenko A., Baranova Yu., Romanov A., Zadvornov K.* Linguistic Modeling as a Basis for Creating Authorship Attribution Software // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, 16–19 июня 2021 года. Vol. Выпуск 20S. Российский государственный гуманитарный университет, 2021. P. 1063–1074.
24. *Koch H. L.* Sibling Influence On Children's Speech // *Journal of Speech and Hearing Disorders*. 1956. № 21 (3). P. 322–328.
25. *Koffi E., Lyons J.* Sibling Acoustics: Phonetic Measurements of the Vowels Produced by Three Brothers Who «Sound Alike» // *Linguistic Portfolios*. 2018. Vol. 7, Article 6.
26. *Leuzzi F., Tessitore G., Delfino S., Fusco C., Gneo M., Zambonini G., Ferilli S.* A Statistical Approach to Speaker Identification in Forensic Phonetics // *Lecture Notes in Computer Science*. 2017. P. 69–83.

27. *Loakes D.* A forensic phonetic investigation into the speech patterns of identical and non-identical twins // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences'03. 2003. Barcelona. P. 691–694.
28. *Polunin D., Shtaiger I., Efimov V.* JACOBI4 software for multivariate analysis of biological data // bioRxiv. 2019. DOI:10.1101/803684.
29. *Van Gysel W. D., Vercammen J., Debruyne F.* Voice similarity in identical twins // Acta oto-rhino-laryngologica Belgica. 2001. № 55 (1). P. 49–55.
30. *Zuo D., Mok P. P. K.* Formant dynamics of bilingual identical twins // Journal of Phonetics. 2015. № 52. P. 1–12.

A. A. Shaliapina,

E. E. Abramkina

Experimental phonoscopic and authorship research of the aspect of age on materials of oral and written speech of sisters

Abstract: the article discusses the possibility of studying the aspect of age on the materials of oral and written speech of sisters. There are used both traditional methods of expert research (formant analysis) and experimental methods (automatic text attribution, multivariate statistical analysis).

Keywords: phonoscopic expertise, authorship attribution, siblings, formant analysis, 2B-PLS, age of the text author.

М. В. Шибает

*лингвист-эксперт
АНО «Союз экспертов “Контекст”»
Красноярск, Россия
shibaev.m.v@mail.ru*

А. В. Кипчатова

*кандидат филологических наук,
лингвист-эксперт АНО «Союз
экспертов “Контекст”»
Красноярск, Россия
allakipchatova@mail.ru*

К вопросу о границах лингвоэкспертного понятия пропаганды терроризма

Аннотация: статья посвящена изложению аргументации в пользу точки зрения о допустимости понимания вербальной пропаганды терроризма как непубличного явления.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, пропаганда, терроризм.

Рассматривая пропаганду как полевую структуру следует отметить, что периферия этого поля достаточно диффузна, что зачастую вызывает затруднения как у правоприменителя, так и у экспертов, привлекаемых в рамках проведения расследования по ст. 205.2 УК РФ. Одним из частных проявлений такого явления, актуализирующим идею необходимости более четкого очерчивания границ понятия является вопрос об обязательности/необязательности признака публичности для квалификации действий как пропагандирующих терроризм.

Сторонники идеи обязательности публичности, как правило, акцентируют внимание на том, что пропаганда должна быть направлена на формирование общественного мнения, что традиционные акторы пропаганды (например, СМИ или государство) ведут свою деятельность в рамках публичной коммуникации, наконец, что другие действия, значимые в рамках ст. 205.2 УК РФ (оправдание и призыв), должны быть публичными, чтобы стать юридически значимыми.

Мы склоняемся к противоположной точке зрения, поэтому в данной статье постараемся представить аргументацию в пользу точки зрения о том, что юридически значимая пропаганда терроризма может быть (и бывает) непубличной.

Французский классик теории пропаганды Жак Эллюль считал, что «Пропаганда не может увлекаться частностями и склонять на свою сторону людей одного за одним» [1: 169] (стоит, однако отметить, что Ж. Эллюль не отрицал употребительность метода личной беседы для осуществления пропагандистского воздействия — см., напр., [11: 27; 11: 32; 11: 38]).

Полемизируя с ним, российский философ А. Б. Белоусов заявляет, что «Это справедливо по отношению к массовой пропаганде, которая ведется правительственными структурами, в своем распоряжении имеющими любые СМИ. А если взять, скажем, пропаганду революционную или террористическую, у которой отсутствуют возможности работать с массами напрямую?» [1: 169]. Последняя цитата наглядно демонстрирует одну из причин, почему некоторые виды пропаганды существуют в рамках непубличной коммуникации — такое существование вынужденно, обусловлено отсутствием у пропагандиста возможности эффективного воздействия сразу на большую аудиторию. Другой причиной, на наш взгляд, является большая ориентированность такой формы пропаганды на соблюдение принципа индивидуализации пропагандистской деятельности (о необходимости соблюдения этого принципа см., напр., [2: 271–274]). Выбор пропагандистом конкретного человека как своей мишени позволяет более точно настроить инструментарий воздействия, откалибровать его с учетом особенностей объекта.

Добавим, что индивидуальная пропаганда может возникать в результате преобразования первичного источника информации во вторичные (подробнее о таком свойстве пропагандистского воздействия см. [6: 84–86]), хрестоматийный пример подобного типа это ретрансляция лицом понравившихся ему информационных материалов из публичного пропагандистского источника близким людям в межличностной коммуникации — как правило при дистанционном контакте, осуществляемом с помощью технических средств в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Отметим также, что в отечественной традиции непубличные формы пропаганды часто рассматриваются как вполне нормативные, что, смеем предположить, обусловлено популярностью таких форм среди социалистов. Еще Г. В. Плеханов в конце XIX века отмечал, что «пропагандист дает много идей *одному лицу или нескольким лицам* [здесь и далее выделение в цитатах сделано Нами — АВК, МВШ], а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц, иногда чуть не целому населению данной местности» [7: 58]. Непубличные формы пропаганды освещаются и в советских методических рекомендациях по ведению пропаганды в условиях военного времени: «Консультации являются наиболее гибкой и доходчивой формой пропаганды. <...> Консультации проводятся групповые, когда на консультацию приглашаются определенные группы товарищей по заранее определенным вопросам, и *индивидуальные*, когда консультации даются отдельному человеку на возникающие у него вопросы» [8: 83–84]. Употребительность подобных форм пропагандистского воздействия отмечает и советский исследователь Н. А. Рубакин:

«Обыкновенно дело ведется так: пропагандист или агитатор говорит, говорит и говорит, — *в личных беседах*, в кружках, на собраниях, на митингах и в других коллективах, — один на один и соборне, — доказывает, рассуждает, обсуждает, спорит, полемизирует» [9: 130].

Далее мы попробуем представить несколько аргументов в пользу идеи «непубличной пропаганды».

1. Лингвистический аргумент. Как известно, в рамках ст. 205.2 УК РФ под пропагандой терроризма понимается «деятельность по распространению материалов и/или информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Значимым для нас с лингвистической точки зрения здесь является использование единственного числа при описании объекта действия — «лицо», что, вероятно, призвано акцентировать внимание правоприменителя на том, что даже воздействие в отношении одного конкретного человека уже попадает в рамки диспозиции статьи (впрочем, можно также предположить, что единственное число здесь используется в собирательном, обобщающем значении, так что потенциал полиинтерпретативности все равно сохраняется).

Итак, признак публичности здесь не является однозначно юридически определяемым, строго заданным диспозицией статьи, что актуализирует идею необходимости рассмотрения бытования соответствующих лексических единиц в современном русском языке для выявления наличия/отсутствия в них смыслового компонента «публичность». Для этой цели нами был проведен небольшой анализ практики употребления слова «пропагандировать» на материале Национального корпуса русского языка [5], который показал употребительность конструкций типа «пропагандировать кому-то» и «пропагандировать кого-то» с индивидуальным адресатом пропаганды (напр.: «я тут пропагандировал ее [книжку] *одному югославу*», «Кирилл Владимирович с таким напором стал пропагандировать *гостя*»), кроме того, зачастую непубличность пропагандирования подтверждается контекстом коммуникативной ситуации, в которой общение происходит тет-а-тет, например в рамках институционализированного общения врача с пациентом или в рамках межличностного общения родителя с ребенком: «и соки она [врач-педиатр] не пропагандирует», «врач должен пропагандировать здоровый образ жизни», «меня часто сын видит с книгами (или с читалкой), говорю, что люблю читать, что нравится и т. п. (т. е. пропагандирую чтение как могу)».

Таким образом, следует сказать, что для современных носителей русского языка семантический компонент «публичность» не воспринимается как обязательный для лексем, связанных с пропагандой.

2. Системный аргумент. Рассматривая запрет на пропаганду терроризма в системе запретов на пропаганду, регламентируемых российским законодательством, следует отметить следующее. В правовой системе сложились две традиции понимания пропаганды: первая традиция (касающаяся терроризма, диверсий, нетрадиционных сексуальных отношений, педофилии, экстремистской символики) подразумевает, что пропаганда — это деятельность, направленная на убеждение адресата в позитивной ценности явления. Вторая традиция (актуальная для пропаганды наркотических и психотропных средств) предполагает, что пропагандирующей также может являться просто информация определенного содержания — о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, способах и местах культивирования наркосодержащих растений (подробнее об этом см., напр. [4]), что делает наличие коммуникативной цели убеждения необязательным. Тем не менее ни первая, ни вторая традиция не содержат в себе информации о публичности как обязательном признаке пропаганды. Отметим также, что формулировки ст. 205.2 и 281.3 УК РФ подразумевают сосуществование в рамках диспозиции одновременно трех явлений: призыва, оправдания и пропаганды, относительно первых двух уточняется, что в поле правовой регламентации попадают только публичные призывы и оправдания, относительно пропаганды такое уточнение отсутствует.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о том, что в существующей на текущий момент в РФ системе правовой регламентации запретов на определенные виды пропаганды отсутствует указание на публичность пропаганды как ее обязательный признак.

3. Телеологический аргумент. Для получения информации о целеполагании законодателя, включившего запрет на пропаганду терроризма в Уголовный кодекс, мы предлагаем посмотреть, в каком именно разделе УК РФ располагается ст. 205.2 — «Преступления против общественной безопасности». Понятие самой «общественной безопасности» можно найти в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации»: *«Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»* [3]. Исходя из таких формулировок, целью государственного запрета пропаганды терроризма можно считать защиту индивида и общественных ценностей от противоправных посягательств. Актуальными здесь представляются следующие вопросы: нарушает ли пропаганда конкретному лицу терроризма право этого лица на защищенность от подобного рода посягательств? Опасно ли для

общественных ценностей внедрение идей терроризма одному конкретному лицу? Ответы на эти вопросы нам кажутся очевидными.

Практика показывает, что личный контакт (осуществляемый как непосредственно, так и дистанционно с помощью технических средств) является рабочим инструментом внедрения разнообразных идеологий и практик в сознание адресата. Ранее беседы с отдельными людьми активно использовали социалисты для приобщения адресата к идеалам коммунизма, в настоящий момент этот же метод пользуется популярностью среди эмиссаров террористических организаций религиозного толка (напр., «ИГИЛ», «Джебхат ан-Нусра», «Хайят Тахрир аш-Шам» и т. п.), а также среди представителей террористической организации «Легион “Свобода России”». Затрагивают ли такие беседы (направленные в конечном счете на вступление лица в организацию и его участие в деятельности организации) общественную безопасность? На наш взгляд, затрагивают. Можно ли говорить о том, что запрет на беседу эмиссара с двумя людьми преследует цель защиты общественной безопасности, и при этом утверждать, что беседа эмиссара с одним человеком безопасна для общества и не должна регламентироваться правом? На наш взгляд, нельзя.

4. Прецедентный аргумент. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что пропаганда, осуществляемая непублично, неоднократно юридизировалась, становилась предметом оценки в российских судах. Проведенный анализ правоприменительной практики последних лет показал, что **на уровне следствия** такое понимание пропаганды подтверждается постановлениями о возбуждении уголовных дел (напр.: *«В период с 20.01.2024 по 26.01.2024 гражданин X, ... с использованием телефона сотовой связи ... и персонального аккаунта в мессенджере “Telegram” в ходе личной переписки с пользователями телеграм-аккаунтов, принадлежащих гражданину Y и гражданину Z, осуществил отправку аудиозаписей и видеофайлов, содержащих в себе ... признаки пропаганды идеологии насилия (вооруженной борьбы мусульман против неверных с целью защиты ислама и мусульман), а также идеологии и практик признанных террористическими и запрещенных на территории Российской Федерации организаций “Аль-Каида” и “ИГИЛ”»* [из Постановления о возбуждении уголовного дела ГСУ СК РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия]), **на уровне обвинения** — обвинительными заключениями (напр.: *«31.05.2023 ... Гражданин X, реализуя свой преступный умысел, направленный на пропаганду терроризма, действуя умышленно, осознавая общественную опасность и преступный характер своих действий, в нарушение ст. 12 Федерального закона № 114-ФЗ от 25.07.2002 “О противодействии экстремистской деятельности”, ч. 1 ст. 24 Федерального закона*

№ 35-ФЗ от 06.03.2006 “О противодействии терроризму”, используя принадлежащий ему мобильный телефон..., с целью пропаганды перед гражданкой У идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и представления о допустимости осуществления террористической деятельности, в ходе телефонного разговора с последней сообщил высказывания...» [из Обвинительного заключения, утвержденного Прокуратурой Красноярского края]), наконец, на уровне окончательной юридической квалификации — приговорами судов (напр.: «Гражданин Х с целью сформировать у гражданина У идеологию терроризма, убежденность в ее привлекательности и допустимости такой деятельности не ранее 23 часов 30 минут 19 мая 2022 года, используя сотовый телефон... посредством мессенджера “WhatsApp” отправил последнему 13 видеозаписей...» [из Приговора Первого Восточного окружного военного суда], «Гражданка Х, ... используя принадлежащий ей мобильный телефон, ... мессенджер Telegram..., действуя умышленно, совершила публичное оправдание и пропаганду терроризма при следующих датах, времени, месте и обстоятельствах: — ...; — в период с 19 мая 2023 года по 25 июня 2023 года, с целью формирования у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности и допустимости, в адрес своей знакомой гражданки У, ...отправила сообщения...» [из Приговора Второго Восточного окружного военного суда]).

Резюмируем вышесказанное следующим тезисом. Необязательность признака публичности для вербальной пропаганды терроризма подтверждается российской правоприменительной практикой, направленностью ст. 205.2 УК РФ на защиту общественной безопасности в совокупности с опасностью для общественной безопасности даже индивидуальной пропаганды терроризма, особенностями использования термина «пропаганда» в российском законодательстве и бытованием лексем, связанных с пропагандированием, в русском языке.

Литература

1. Белоусов А. Б. «Пропаганда» Жака Эллюля // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 167–182.
2. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981. 278 с.
3. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/ (дата обращения: 15.09.2024).
4. Лебедева А. К. К вопросу о производстве судебной лингвистической экспертизы по делам о пропаганде наркотических и психотропных веществ // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 117–123.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Новиков В. В., Герасимов К. Д. Технологии пропаганды: учебно-методическое пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Уральский университет, 2018. 148 с.
7. Плеханов Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России (Письма к молодым товарищам) [Электронный ресурс] / [Соч.] Г. Плеханова. Женева: тип. «Социал-демократа», 1892. 90 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/91570-plehanov-g-v-o-zadachah-sotsialistov-v-borbe-s-golodom-v-rossii-pisma-k-molodym-tovarischam-locale-nil-zheneva-1892> (дата обращения: 15.09.2024).
8. Пропаганда и агитация в условиях военного времени: Сборник. Саратов: Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б), 1942. 49 с.
9. Рубакин Н. А. Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие: проблемы прикладной психолингвистики / ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1972. С. 130–135.
10. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
11. Эллиуль Ж. С. Э. Феномен пропаганды / пер. с фр. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023. 410 с.

М. V. Shibaev,

A. V. Kipchatova

Revisiting the boundaries of terrorism propaganda understanding within forensic linguistic examination

Abstract: the article is devoted to presenting arguments in favor of the view that the understanding of verbal terrorism propaganda as a non-public phenomenon is permissible.

Keywords: forensic linguistic examination, propaganda, terrorism.

А. А. Шмаков

*кандидат филологических наук,
и. о. заведующего кафедрой медиакоммуникаций, русского языка
и риторики Алтайского филиала РАНХиГС
Барнаул, Россия
art.schmakow@gmail.com*

К проблеме определения границ контекста при выполнении лингвоэкспертных исследований

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы установления контекстуального значения языковых единиц в ходе осуществления лингвоэкспертной деятельности. Автор статьи поднимает вопрос об определении границ компетенций лингвиста-эксперта при выполнении контекстуального анализа в ходе конкретных исследований.

Ключевые слова: контекстуальный анализ, лингвистическая экспертиза, границы контекста.

Метод контекстного (контекстуального) анализа — это один из лингвистических методов, который нацелен на установление значения лексемы в контексте. Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается рассуждениями современных исследователей. Так, С. Т. Нефедов, В. Е. Чернявская отмечают, что «развитие и усиление интерпретативных подходов в лингвистике [в число которых входит и контекстуальный анализ. — А. Ш.], противостоящих формально-структурным методам, связано именно с вовлеченностью в анализ все большего количества внешних факторов» [6: 84]. Важно отметить, что процесс выявления релевантных, т. е. значимых для адекватного извлечения смыслов составляющих контекста, не обладает достаточной определенностью, не до конца поддается формализованной процедуре как последовательности однозначных, воспроизводимых операциональных шагов исследователя.

Рассматриваемая проблема обусловлена несколькими факторами, в число которых входят изменения в медиасреде, связанные с распространением интернет-коммуникаций, изменения в правосознании граждан и, как следствие, возрастающее количество дел, связанных с установлением значений единиц языка. Также имеет место постоянное развитие методик и приемов, применяемых в лингвоэкспертной практике.

В ходе выполнения лингвистических экспертиз и исследований и частные, и государственные лингвисты-эксперты сталкиваются с проблемой неполного отражения значений некоторых лексем в словарях, что в конечном итоге ведет к методологическим разногласиям и спорам между лингвистами касательно как конкретных кейсов, так и применения определенных инструментов контекстуального анализа, в частности привлечения данных из «Национального корпуса русского языка». Обратим внимание на то, что данная проблема встречается при выполнении экспертиз и исследований по различным категориям дел: от споров по защите чести, достоинства и деловой репутации, дел об оскорблении и клевете до кейсов, связанных с толкованием текста, выявлением лингвистических признаков угроз, секстингом, делами по экстремизму и терроризму.

Объект описания в статье — процесс лингвоэкспертного исследования поступивших речевых материалов. Предмет — процесс установления контекстуального значения языковых единиц при производстве экспертиз.

Цель аналитической записки — систематизация релевантных компетенции лингвиста-эксперта приемов установления контекстуального значения языковых единиц.

Проблема установления значения лексической единицы в контексте рассматривается в рамках нескольких научных направлений филологического толка.

В современной лингвистике существуют различные подходы к пониманию контекста, как более узкие, в соответствии с которыми контекст рассматривается лишь как вербализованная информация, так и более широкие, соотносящие контекст с неязыковой действительностью и неязыковой информацией.

В практике языкознания, в преподавании родного или иностранного языка под контекстом в большинстве случаев традиционно понимается словесное окружение какой-то данной языковой единицы. Словесное окружение в качестве контекста положил в основу своей теории актуального значения слова В. Шмидт [8].

Представители некоторых теорий контекста считают, что для осуществления языковой коммуникации необходимо, чтобы подобные друг другу образы знака и означаемого и связи этих образов существовали в голове тех, кто общается. Только тогда слова говорящего будут вызывать соответствующие образы у слушающего. Этот образ мира, составляющий общее знака говорящего и слушающего и предваряющий и определяющий восприятие (смысл) знака, и является тем, к чему теперь приходят лингвисты, именуя по-разному то, что подразумевается

под контекстом, «предпосылкой» (*Voraussetzung*), «презумпцией» или «пресуппозицией» (*Präsupposition*) [4: 20].

Сторонники контекстуального анализа стремятся вывести контекст за рамки вербального уровня и выйти на уровень семиотики. Так, Е. Р. Курилович включает в свое понятие контекста не только словесное окружение, но и элементы «внешней ситуации» [5]. Таким образом, объектом лингвистического исследования на уровне семантики может быть только прагматическое и семантическое двуединство — текст и контекст [3].

В настоящее время все чаще речь идет о коммуникативном контексте, т. е. ситуации общения, в рамках которого осуществляется определенное речевое взаимодействие. Этот подход востребован и в лингвоэкспертной практике, поскольку описание коммуникативной ситуации часто является одним из этапов выполнения лингвистической экспертизы.

Значение (семантика) слова — «это информация, которую несет слово как единица языка. Значение бывает лексическим (характеризует предмет, явление, называемое словом) и грамматическим (характеризует принадлежность языковой единицы к определенному грамматическому разряду — род, число, падеж, часть речи, время и т. д.)» [7: 14]. Кроме того, можно выделить системное лексическое значение — то, которое представлено в сознании человека, в толковых словарях, и контекстуальное, т. е. реализующееся в конкретном контексте. Контекстуальное значение может существенно отличаться от системного, анализ контекста употребления анализируемой языковой единицы — обязательное условие лингвистической экспертизы.

Семантическое исследование, объектом которого является слово, употребленное в конкретном тексте, включает несколько этапов: компонентный анализ, на основе которого выявляются дифференциальные и интегральные признаки языковой единицы; контекстуальный анализ, позволяющий установить окончательное значение слова в исследуемом тексте; сравнительный анализ, применяемый в ходе всего исследования, сопровождающий компонентный и контекстуальный методы.

Значение слова устанавливается на основе данных различных словарей, причем только в результате сопоставления сведений, полученных из разных словарей, можно сделать обоснованный вывод о свойствах того или иного слова или значения. Основные критерии выбора словарей — их академичность и современность. Так как слово функционирует в тексте, установить, в каком именно значении использовано слово, можно, только проанализировав контекст его употребления.

Контекстуальный метод исследования основывается на том, что слова взаимодействуют друг с другом в тексте и результатом этого

процесса могут стать изменения в семантической структуре слова. Именно из контекста мы понимаем, в каком из своих значений употреблено слово в данной ситуации. Контекст — это «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [1: 206].

Установление границ контекста — это отдельная исследовательская проблема, потому что иногда контекст может ограничиваться рамками одного высказывания, иногда — абзаца, а иногда и всего текста целиком. Это тоже не предел, поскольку текст может быть не единичным, как, например, сообщения в интернет-переписке, таким образом контекст может быть расширен до границ дискурса.

Какие лингвистические и экстралингвистические характеристики контекста должны быть учтены при анализе значения конкретной языковой единицы? Так, З. В. Баишева отмечает, что «эксперту-лингвисту следует учесть стилистические характеристики исследуемого речевого произведения» [2: 58], в число которых входят типичные стилевые черты на всех уровнях языка.

Метод анализа конкретных слов и выражений с опорой на толковые словари используется как основной в большинстве экспертных исследований. Продуктивными средствами формирования негативного контекстуального значения лексемы в тексте являются ирония, метафоризация и иные средства. Выявление данной семантики требует анализа слов и выражений с опорой на контекст, который в спорных текстах реализует свои разрешающие, погашающие и интенсифицирующие свойства. Так, например, словоформы фашист, садист, мясник, проститутка, шалава, шлюха и др. семантически обобщенно характеризуют лицо, к которому они обращены, относят его к классу социально неодобряемых лиц. Однако в контексте их употребления они могут использоваться не в прямых, а в переносных эмоционально неодобрительных значениях, когда они просто сообщают об эмоциональной неприязни к номинируемому ими лицу, имеют бранный характер. Это может относиться и к употреблению некоторых нецензурных слов, которые в контексте могут использоваться в неодобрительно-оценочном значении, а не в прямом, когда в контексте употребления эти единицы не будут иметь обобщающего характера.

Таким образом, для получения более объективных выводов в ходе лингвоэкспертных исследований при установлении контекстуальных значений языковых единиц возникает необходимость 1) привлечения данных НКРЯ, которые позволяют установить более актуальное контекстуальное значение; 2) следования синтаксической структуре высказывания с использованием формальной логики; 3) учета границ

компетенции лингвиста-эксперта при установлении контекстуального значения. В современных условиях динамичного развития языка и вовлечения разнообразных дискурсивных речевых практик в публичное пространство все чаще возникает потребность установления контекстуального значения без опоры на словарные источники, поскольку узуальное значение конкретной единицы еще не нашло отражения в лексико-графической практике.

В ходе лингвоэкспертной практики автора статьи было выявлено три основных приема установления контекстуального значения лексической единицы:

- 1) с использованием окружающего лексическую единицу контекста;
- 2) с привлечением дополнительных контекстов из внешних источников (например, «Национального корпуса русского языка»);
- 3) смешанным способом: на основе анализа контекста с привлечением дополнительных контекстов из внешних источников.

1. Возможности использования окружающего лексическую единицу контекста могут быть продемонстрированы в экспертизах по делам, связанным с выявлением лингвистических признаков возбуждения вражды и ненависти к определенным группам лиц, а также в ходе установления высказываний, содержащих положительную оценку враждебных (насильственных) действий одной группой в отношении другой группы лиц, объединенных по каким-либо признакам.

В ходе проведения судебной лингвистической экспертизы интернет-страницы пользователя под никнеймом «Виктор Норман» в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/id402835564) в рамках дела по ст. 282 УК РФ было установлено, что объектом исследования является запись на стене в социальной сети «ВКонтакте», которая состоит из двух частей:

Часть 1. Изображение с текстом. На изображении показаны люди в военной форме, на переднем плане содержится изображение лица в военной форме, которое, согласно справке, предоставленной инициатором экспертизы, является Адольфом Гитлером. Изображение содержит текст следующего содержания: «Я не умер. Загляни в свое сердце — я там».

Часть 2. Запись на стене. Дословное содержание части 2 спорного текста (далее — СТ) таково: «Ты в наших сердцах дедушка Адольф, только адекватные люди идут за тобой, мы на веки веков с тобой, смерть цветным жидам массонам чуркам чернилам папуасам шавкам био мусору».

Изображение с текстом задало контекстуальную рамку, т. е. стало фоном для восприятия второй части объекта — собственно вербальной.

В ходе ответа на поставленный перед экспертом вопрос о наличии высказываний, содержащих негативную оценку группы лиц, объединенных

по каким-либо признакам, было установлено, что часть лексем содержат в себе негативную оценку группы лиц по признаку национальной принадлежности (в частности, «жиды», «чурки», «чернилы»), которая зафиксирована в словарях русского языка. Лексемы «цветные», «масоны», «папуасы» в толковых словарях русского языка не содержат отрицательной семантики, т. е. нейтральны, однако, будучи погруженными в негативный контекст, создаваемый в том числе и изображением, в котором упоминается (и изображена) фигура А. Гитлера, они приобретают негативные коннотации как номинации групп лиц, в отношении которых распространялась идеология фашизма (все эти группы, выделенные по различным признакам, относятся к категории «чужих»).

Таким образом, на контекстуальное значение лексических единиц оказывает влияние их ближайшее окружение: в частности, происходит перенос негативной семантики, в результате чего оценочно нейтральные номинации приобретают негативную оценку.

Еще один прием контекстуального анализа был применен в ходе лингвистического исследования текста статьи «Тратим больше, а на счету — плюс: опыт жилищного кооператива на ул. Бондарчука, 9», опубликованной 17.11.2020 в электронном издании «Мир новостей» (<https://www.tomsk.ru/news/view/158033-tratim-bolshe-a-na-schetu-plyus-opyt-zhilishchnogo-koopera-tiva-na-ul-bondarchuka-9>), по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), в рамках которой на анализ была предоставлена интернет-статья, посвященная работе управляющей компании. В частности, исследовалось высказывание «На доме ничего не делалось». С точки зрения формальной логики данное высказывание является общеотрицательным, т. е. оно полностью отрицает факт осуществления каких бы то ни было работ со стороны управляющей компании, однако это противоречит как здравому смыслу, так и содержанию самого спорного текста, в котором говорится о том, что какая-то деятельность со стороны управляющей компании была осуществлена, например: «Оказалось, за зиму нам начистили и навывозили снега на 108 тысяч».

Негативный контекст коммуникативной ситуации, в который погружено данное высказывание, актуализирует ситуативное значение фразы «ничего не делалось»: не делалось на том уровне, который бы хотели сами жители домов. Это подтверждается многочисленными примерами из второй части статьи, в которой рассказывается о позитивном опыте самоуправления: «Дом уже может похвастаться результатами работы ЖК: перед подъездами обустроены клумбы, стены подъездов покрасили в цвета дома, заказали доски для объявлений из оргстекла, под которыми будут номера этажей и квартир». Таким образом, высказывание

«На доме ничего не делалось» не содержит информацию о том, что УК однозначно не производило никаких работ по обслуживанию конкретного дома, это можно установить только при анализе контекста.

Подводя итог, отметим, что в рамках решения данного кейса был расширен контекст до границ всего текста статьи, что дало возможность установить значение спорной фразы.

2. Возможности привлечения дополнительных контекстов из внешних источников в ходе контекстуального анализа лексических единиц.

На основе упомянутого выше материала текста статьи «Тратим больше, а на счету — плюс: опыт жилищного кооператива на ул. Бондарчука, 9», опубликованной 17.11.2020 в электронном издании «Мир новостей» (<https://www.tomsk.ru/news/view/158033-tratim-bolshe-a-na-schetu-plyus-opyt-zhilishchnogo-kooperativa-na-ul-bondarchuka-9>), нужно было ответить на вопрос о значении лексемы «якобы» в высказывании «По словам Дениса, на новый год УК якобы купила для дома искусственное дерево за 40 тысяч рублей, при этом ежегодно установка стоила 6 500 рублей (без демонтажа)».

В двух толковых словарях современного русского языка из трех (были взяты толковые словари под редакцией Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и А. П. Евгеньевой) лексема «якобы» трактуется как «выражение сомнения в достоверности» и указание на «предположительность высказывания, на сомнение», имеются пометы «устаревшее», «книжное». Анализ спорного высказывания из интернет-статьи показывает, что словарные значения лексемы «якобы» в нем не реализуются. Это заставляет обратиться к Национальному корпусу русского языка, где находится аналогичный пример: «Отец рассказал историю о том, что, якобы, в восточные области проникла дивизия советских войск, обученная языкам и немецкой выправке» [В. А. Швец. Дневник, 1943]. В данном контексте «якобы» выполняет функцию передачи чужой речи без указания на недостоверность и неопределенность, поскольку это исключено по контексту. Коммуникант не может сам указывать на недостоверность им же сообщаемой информации. Следовательно, частица «якобы» не является указанием на предположительный характер высказывания, а выступает в функции, аналогичной изъяснительному союзу «что», т. е. передает чужую речь.

Таким образом, именно поиск аналогичных контекстов в НКРЯ и их анализ позволил установить значение лексемы «якобы», которое пока не зафиксировано в словарях русского языка.

Аналогичная ситуация произошла в ходе выполнения судебной лингвистической экспертизы электронной переписки между пользователем с именем «Макар» и пользователем с именем «Екатерина». Эксперту

было необходимо ответить на следующий вопрос: «Идет ли в переписке между пользователем с именем “Макар” и пользователем с именем “Екатерина” речь о таких объектах, как половые органы, части человека, а также о совершаемых с ними действиях (в том числе обнажении) и/или действиях, связанных с совершением полового акта, удовлетворением сексуального влечения?».

В ходе работы с текстом было обнаружено словосочетание «кончил в рот», предположительно обозначающее действия, совершаемые участниками орального полового акта. В нормативных словарях русского языка и в словарях субстандартной лексики лексема «кончать» с сексуальной семантикой не зафиксирована. Тем не менее были установлены схожие примеры употреблений глагола «кончать» в Национальном корпусе русского языка: «Девчонки, а вам нравится, когда кончают в рот?» [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]; «Иногда может стошнить, когда партнер кончает в рот» [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)].

3. Возможности установления контекстуального значения на основе анализа контекста с привлечением дополнительных контекстов из внешних источников.

В ходе судебной лингвистической экспертизы объектом являлись скриншоты поста, размещенного на интернет-странице пользователя «Артур Исинбаев», которые были исследованы на предмет выявления высказываний, содержащих положительную оценку враждебных (насильственных) действий одной группой в отношении другой группы лиц, объединенных по каким-либо признакам. Экспертом было установлено, что вербальный компонент СТ представляет собой письменный текст, который заканчивается фразой «Ютаев Магомед стал Шахидом (иншаАллах), в 1999 году в начале очередной российской военной агрессии против Чеченского Государства...». Невербальный компонент представляет собой статическое фотоизображение человека, вероятно, в военной форме с предметом в руке, похожим на огнестрельное оружие — автомат.

Характеризуя Магомеда Ютаева, адресант СТ использует номинации «воин» и «шахид»:

ВО́ИН, -а, м. Высок. Тот, кто несет военную службу, сражается с врагом, воюет; боец, солдат. И видят: в поле меж врагами, Блистая в латах, как в огне, Чудесный воин на коне Грозой несется, колет, рубит. Пушкин, Руслан и Людмила [Словарь Евгеньевой].

О наличии положительной коннотации в лексеме «воин» говорит помета «высокое» и примеры употребления данной единицы, приведенные в словарной статье.

ШАХИД [شَهِيد араб.] Дословно: свидетель. Человек, потративший что-либо (жизнь, духовные, материальные и прочие ценности) на пути Аллаха. Как правило, под шахидом понимают муджахида, мученика веры, потерявшего жизнь на пути служения Аллаха (или) в джихаде. («Словарь мусульманских терминов») То есть, «шахид» в исламе это тот, кто принял мученическую смерть за веру, в этом контексте «стать шахидом» — погибнуть на священной войне — «джихаде», возможно, совершить террористический акт, который унесет жизни «неверных». Ср. пример из НКРЯ:

Муса аль-Кабир всегда знал, что он не умрет своей смертью, что он призван погибнуть на джихаде, чтобы стать шахидом, по-русски сказать — святым [Владимир Черкасов. Черный ящик (2000)]. Установить положительное значение словосочетания «стать шахидом» помогает именно привлечение примера из НКРЯ и проведение семантических аналогий: «шахид» — «святой». Следовательно, и лексема «воин», и лексема «шахид» содержат позитивные коннотации и положительно оценивают действия лица «Магомед Ютаев» как представителя группы лиц «чеченцы», выделенной в тексте по национальному признаку.

Итак, анализ контекста высказывания, в том числе его невербального компонента, в совокупности с привлечением данных НКРЯ позволил нам установить коннотативный компонент лексического значения, который имеет контекстуальную обусловленность и не отражен в словарях современного русского языка в силу национально-культурной специфики.

Таким образом, в ходе работы над кейсами было выявлено три основных приема установления контекстуального значения лексической единицы:

- 1) с использованием окружающего лексическую единицу контекста, когда учитываются коннотативные значения лексем ближайшего окружения или же контекст расширяется до границ текста или коммуникативной ситуации;
- 2) с привлечением дополнительных контекстов из внешних источников (например, «Национального корпуса русского языка»);
- 3) смешанным способом: на основе анализа контекста с привлечением дополнительных контекстов из внешних источников как способа верификации предполагаемого контекстуального значения.

Таким образом, установление контекстуального значения лексических единиц в ходе проведения лингвоэкспертных исследований может производиться с помощью привлечения данных Национального корпуса русского языка путем выявления сходных по формальным признакам лингвистических контекстов и выявления общих сем, чтобы обеспечить

переход от единичного контекстуального значения к парадигматическому, но еще не зафиксированному в лексикографических источниках. Кроме этого, в ходе работы над портфолио было установлено, что на контекстуальное значение лексических единиц оказывает влияние их ближайшее окружение: в частности, происходит перенос негативной/положительной семантики, в результате чего оценочно-нейтральные номинации приобретают тот или иной тип оценки.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 606 с.
2. Баишева З. В. Семантическое исследование как разновидность судебной лингвистической экспертизы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3 (41). С. 54–60.
3. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. Литература и язык. 1981. Т. 40. № 40. С. 114–123.
4. Ибраев Л. И. Надзнаковость языка // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 17–35.
5. Курилович Е. Заметки о значении слова / Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 241–254.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).
7. Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.
8. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / под науч. ред. проф. И. А. Стернина. Ярославль: Канцлер, 2013. 79 с.
9. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Berlin: Akademie-Verlag, 1967. 130 S.

A. A. Shmakov

To the problem of determining of the context boundaries during linguistic expert research

Abstract: the article is devoted to the consideration of the problem of establishing the contextual meaning of linguistic units in the course of implementing linguistic expert activities. The author of the article raises the issue of determining the boundaries of the competence of a linguist-expert when performing contextual analysis in the course of specific studies.

Keywords: contextual analysis, linguistic expertise, boundaries of context.

А. С. Щербак

*доктор филологических наук,
профессор Тамбовского государственного
университета им. Г. Р. Державина
Тамбов, Россия
ant_scherbak@mail.ru*

Однозначность восприятия слова: лингвистический анализ спорного текста

Аннотация: на фактическом материале спорного текста, размещенного в сети Интернет, рассматривается лексема «скрываются», имеющая однозначное смысловое значение и послужившая провоцированию конфликтной речевой ситуации.

Ключевые слова: спорный текст, однозначность толкования, лингвистическая экспертиза.

Функционирование виртуальных текстов, как правило, ориентируется на языковые знания, которые предполагают определенную степень овладения ими со стороны всех участников коммуникации как членов сообщества. Но дискурсе социальных сетей, как и в повседневном быту, существуют бесконфликтная и конфликтная языковые коммуникации. Если бесконфликтная ситуация предполагает четкую однозначную соотнесенность традиционных знаний адресата и адресанта об объекте с его языковым обозначением, то конфликтность языковой коммуникации может проявляться в навязывании читательскому сообществу однозначного слова, которое заведомо вызывает эмоциональный эффект, напряженность в речевом общении, т. е. неприятие читателем и служит сигналом речевого конфликта.

Лингвисты-эксперты отмечают, что исследование по делам чести, достоинства и деловой репутации направлено на «выявление негатива — информации, отрицательно характеризующей конкретных лиц. В качестве негативных рассматриваются преимущественно сведения о действиях, поступках лица, отрицательно характеризующих его в аспектах здравого смысла, морали, права, — о действиях противоправных, непорядочных, неразумных» [1: 23]. М. А. Осадчий подчеркивает: «...способность распространенных сведений унижить честь и достоинство, подорвать деловую репутацию является основным и единственным параметром при идентификации сведений порочащего характера...» [2: 57].

Информацию, отрицательно характеризующую конкретное лицо, проиллюстрируем конфликтной речевой ситуацией в тексте, размещенного в сети Интернет (запись в чат-группе в мобильном приложении WhatsApp // <https://chat.whatsapp.com/1hlVKZhYvn67pARixs2TC3>) под названием «Афган Чечня Котовск»), в отношении которого был заявлен иск и в составе которого присутствовало слово «скрысятничал» (анализируемые нами фрагменты текста выделены шрифтом). Приведем текст полностью, сохраняя авторскую орфографию и пунктуацию без изменений:

Савельев Александр Сергеевич Чечня

«У нас идет реконструкция парка Воинской славы, необходимо будет увековечить и воинов СВО, но проблема в том, что опять хотят ветеранов разделить на «белых» и «черных», то есть не прибавить к уже существующему нашему общему памятнику, а сделать отдельную скульптуру на газоне между аллеей памяти ВОВ и лучем на перекресток на завод. Делать памятник хотят доверить **ганьшину**, кто не помнит — напоминаю, что уже было: в 2014г нашим бывшим фондом “Воинское братство” в моем лице с администрацией был заключен договор сделать барельеф для афганцев в музее, 83000р, а это большие деньги в то время, должны были пойти на помощь родителям наших погибших ребят, мне пришлось уехать выполнять боевые задачи на Донбасс, **а ганьшин подменил счет и после перевода денег бросил работу на половине и присвоил деньги себе**, барельеф доделывали другие люди. Я предлагаю добавить воинов СВО к уже существующему нашему общему памятнику, и добавить к общему памятнику боевую технику (уже начал переговоры с командованием 5 армии). Жду комментариев и предложения»

Савельев Александр Сергеевич Чечня

«Ошибся печатая, он скрысятничал 73000р»

Отсутствие в анализируемом тексте таких элементов, как «*по моему мнению*», «*мне кажется*», «*могу предположить*» и подобных вводных конструкций (слов-маркеров, выражающих оценочное мнение пишущего) однозначно указывает на то, что анализируемый текст квалифицируется как сообщение сведений.

Необходимо учитывать и тот факт, что к числу порочащих относятся и сведения, которые *потенциально* оказывают отрицательное воздействие на деловой имидж, репутацию лица, задевают его честь и унижают достоинство.

Так, в написании фамилии используется графическое средство для выражения авторской оценки предмета речи — фамильный антропоним «ганьшин» дважды пишется со строчной (маленькой) буквы. Ср.: «...**хотят доверить ганьшину**...», «...**а ганьшин подменил счет**...».

Такое написание не является случайным, все имена собственные в тексте написаны с прописной (большой) буквы правильно, ср.: Воинская слава, СВО, ВОВ, «Воинское братство», Донбасс. Отсутствие маркированной прописной буквы в фамилии, предваряющей событийную (их называют также фактологическими, фактуальными, описательными) информацию, относящуюся к человеку, который является субъектом коммуникативной установки (замысла) адресанта, предполагает явное использование эмоционально-экспрессивной окраски. Этот стилистический параметр, написание фамилии «ганьшин» с нарушением нормативно-орфографического аспекта, эксплицитно задает тональность содержания текста, при этом значительная часть информации остается «за кадром», то есть имплицитно, формируя семантику высказывания и подтекст.

В лингвистике такие «скрытые послылки, заключающиеся в высказываниях», называются пресуппозициями, являющиеся необходимым условием существования речевого акта, поскольку таким образом адресант говорит не только то, о чем не хотел говорить прямо, но и то..., что вообще не может быть полно и точно выражено эксплицитно — делает публично известной личную неприязнь адресанта к Ганьшину, т. е. отражает субъективное оценочное мнение о человеке по фамилии Ганьшин и активизирует негативный смысл: выдвигается уничижение (унижение, признание Ганьшина ничтожным). Коммуникативное намерение автора текста (интенция) — передать этот смысл получателю сообщения, массовому читателю.

С целью сделать Ганьшина предметом обсуждения в обществе (доверять или не доверять Ганьшину делать памятник) адресант использует утвердительные простые предложения (одно из которых в составе сложного предложения).

«...ганьшин подменил счет и после перевода денег ... присвоил деньги себе...»; «Он скрысятничал 73000р».

С точки зрения коммуникативного синтаксиса (актуального членения), однородные сказуемые ПОДМЕНИЛ, БРОСИЛ, ПРИСВОИЛ находятся в позиции после подлежащего и выполняют коммуникативную цель пишущего. Однородные сказуемые (РЕМА) содержат само сообщение о теме или по поводу темы, в роли которой выступает подлежащее («ганьшин») и содержит информацию, послужившую для адресанта «исходным пунктом» его сообщения.

Ср.: предложения, которые имеют различное актуальное членение, т. к. реализуют различные коммуникативные цели автора.

1. *«Ганьшин // подменил бросил и присвоил».*
2. *«Подменил, бросил и присвоил // Ганьшин».*

В первом предложении автор сообщает, ЧТО сделал Ганьшин, как он поступил, в соответствии с этой коммуникативной целью подлежащее «Ганьшин» является темой, а группа сказуемого «подменил, бросил и присвоил» — ремой. Во втором предложении автор сообщает, КТО именно подменил, бросил и присвоил, поэтому «подменил, бросил и присвоил» — тема, а «Ганьшин» — рема.

С лингвистической точки зрения для интерпретации сведений как порочащих необходимы языковые признаки, к числу которых относятся:

1) они должны быть оформлены как высказывания с ФАКТО-ЛОГИЧЕСКОЙ информацией о противозаконной или аморальной деятельности, неэтичном профессиональном или безнравственном поведении или о соответствующих поступках. В нашем случае указана определенная сумма денег — **73000 руб.**, которые Ганьшин «скрысятничал»;

2) эти высказывания должны быть выражены в форме УТВЕРЖДЕНИЯ, т. е. в группе сказуемого, которое оформлено в изъявительном наклонении, и выполнять коммуникативную целеустановку СООБЩЕНИЯ — констатации факта.

Предложения «...ганьшин **подменил** счет, бросил работу и ... после перевода денег... **присвоил** деньги себе», «Он **скрысятничал** 73000р» содержат однородные сказуемые в изъявительном наклонении прошедшего времени.

Глагол «подменил» использован в прямом значении, имеет начальную форму ПОДМЕНИТЬ в значении «*тайно, незаметно заменять одно другим*». В русском языке этот глагол часто употребляется с целью обмана или введения в заблуждение. Ср.: подменить — «тайно, незаметно заменить другим» [3: 499]. Глагол ПРИСВОИЛ в предложении употребляется в прямом значении «самовольно сделать своим, своей собственностью». Ср.: присвоить — «завладеть, самовольно взять с свою собственность, выдать за свое» [3: 555].

В современной разговорной речи и в криминальном жаргоне глагол совершенного вида прошедшего времени СКРЫСЯТНИЧАТЬ (форма несовершенного вида — КРЫСЯТНИЧАТЬ) употребляется в значении «ВОРОВАТЬ», «ПОДВОРОВАЫВАТЬ». Глагол «крысятничать» в лингвистических словарях» отмечен стилистическими пометами «разг.», «сниж.», «неодоб.» [4: 145].

В данном случае речь идет о номинации действия, напрямую некогда связанного с исполнением Ганьшина. Думается, что автор сообщения хотел еще подчеркнуть тот факт, что Ганьшин в группе WhatsApp «Афган, Чечня, Котовск» «всем знаком», известный, поскольку слово «скрысятничать» в армейском жаргоне означает «воровство у своих», что является весьма осуждаемым. Имеется в виду красть у своих!!!

Таким образом, глаголы *подменил*, *присвоил*, употребленные в прямом значении, глагол *скрысятничал* с негативной семантикой в составе сказуемых, доминантные лексемы СЧЕТ, ДЕНЬГИ, цифровые показатели с сокращением (р) от слова рублей (83000р, 73000р) выражают утверждение адресанта о том, ЧТО именно сделал Ганьшин, как он поступил, т. е. характеризуют незаконные действия (ПРИСВОИЛ ДЕНЬГИ СЕБЕ в сумме 73000р), которые способны вызвать явное осуждение со стороны читателей.

Информация в тексте является утвердительной. Грамматически утвердительное суждение выражается формой повествовательных предложений: «...а ганьшин подменил счет и после перевода денег бросил работу на половине и присвоил деньги себе, ...», «он скрысятничал 73000р».

Именно форма УТВЕРЖДЕНИЯ способствует тому, что сведения в позиции сказуемого воспринимаются как информационный центр высказывания, который содержит нечто важное и НОВОЕ. Тогда как информация менее важная помещается автором в информационно слабую позицию, в ДАННОЕ: в группу подлежащего, которая содержит уже известную информацию.

Смысл любого текста зависит от того, что в него вкладывает автор, какое значение он придает словам именно в этом тексте, поскольку слова могут употребляться как в прямом, так и в переносном смысле.

Для лингвистической экспертизы существен анализ интенции адресанта — коммуникативного намерения, являющегося существенной содержательной особенностью текста. Оно описывается в теории речевых актов специальными глаголами типа «сообщать», «рассказать». В нашем случае адресант использует предикат НАПОМИНАТЬ в значении «напомнить» — «заставлять кого-нибудь вспоминать» [4: 331]: «...кто не помнит — напоминаю, что...».

Анализируемый текст включает жаргонизм СКРЫСЯТНИЧАЛ, несущим экспрессивную негативную оценку поведения адресата.

КРЫСА → крысятничать (крыса+ЯТ+НИЧ+А+ТЬ) → СКРЫСЯТНИЧАТЬ

Слово «крыса» используется для номинации человека, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное; о тех, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент. Ср.: Крыса «(разг., пренебр.) О человеке, род занятия которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное» [5: 141]. В криминальном жаргоне крыса — лицо, ворующее у своих подельников, сокамерников.

Зооморфный глагол «СКРЫСЯТНИЧАТЬ» вступает в синонимический ряд со словами *воровать*, *подворовывать*, *заимствовать*, *прятать*, *утаивать* что-либо и являет собой ярко выраженную зоосемантическую

метафору (крыса — символ отвращения), подчеркивающую отрицательное свойство человека — воровство.

В ситуации негативных сведений о действиях Ганьшина метафорический глагол совершенного вида **СКРЫСЯТНИЧАЛ** характеризует уже совершившуюся деятельность (украл деньги, присвоил их себе) и может рассматриваться как языковое средство, адресное употребление которого является потенциально унижительным для человеческого достоинства обозначаемого лица, очерняя его имя и умаляя деловую репутацию данного гражданина.

Иными словами, когда в письменной речи, размещенной в сети Интернет, используется глагол **«СКРЫСЯТНИЧАЛ»**, то публично формируется негативное общественное мнение о человеке, который обманывает, ведет себя подло, предательски, ворует, что в целом порочит общественную деятельность и деловую репутацию гражданина, т. е. формируется имидж Ганьшина — такому человеку нельзя доверять делать памятник, в то время как адресант пишет: **«Делать памятник хотят доверять ганьшину»**).

Критерий «соответствие действительности» является основным при юридической квалификации утверждений как порочащих или клеветнических. При этом важен факт, что для признания клеветы публичной, главное здесь — открытость, гласность, обращенность сведений ко многим людям. Приведенные ниже высказывания, относящиеся к определенной денежной сумме, могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, а именно: *«подменил счет»*, *«присвоил деньги себе»*, *«скрысятничал 73000р»*.

Обобщим результаты проведенного лингвистического анализа.

Диагностические признаки	Унижение чести, достоинства, умаление деловой репутации	Клевета	Примеры Примечание
Сообщение негативных сведений о лице	+	+	«подменил счет» «присвоил деньги»
Отнесенность негативных сведений к конкретному лицу	+	+	«ганьшину» — Ганьшину
Фактологический характер негативных сведений (фактологическое утверждение)	+	+	скрысятничал 73000р»

Продолжение табл.

Диагностические признаки	Унижение чести, достоинства, умаление деловой репутации	Клевета	Примеры Примечание
Публичный характер распространения сведений	+	+	запись в чат-группе в мобильном приложении WhatsApp (Электронный адрес: https://chat.whatsapp.com/Ih1VKZhYvn67pARixs2TC3) под названием «Афган Чечня Котовск»)
Порочащий характер данных сведений (т. е. выраженное в языковой форме указание на нарушение моральных норм или законов)	+	+	«присвоил деньги себе»
Информационный характер текста, информационная цель (установка) автора)	+	+	Публичное информационное сообщение
Несоответствие сведений действительности	+	+	Устанавливается судом
Неприличная языковая форма сообщения негативной информации	Не обязательно. Унизить честь и достоинство можно и нормативной лексикой, в приличной форме	Не обязательно. Оклеветать можно и с использованием нормативной лексики, в приличной форме	

Окончание табл.

Диагностические признаки	Унижение чести, достоинства, умаление деловой репутации	Клевета	Примеры Примечание
Обобщенность негативной характеристики адресата	Не обязательно. Негативные сведения могут содержать информацию и об отдельных конкретных действиях адресата	Не обязательно. Негативные сведения могут содержать информацию и об отдельных конкретных действиях адресата	«подменил» «присвоил» «скрысятничал»

Таким образом, проведенное исследование текста, размещенного в сети Интернет под именем «Савельев Александр Сергеевич Чечня», дает основание сделать выводы.

1. Имеют место публичные высказывания утвердительного характера, приписывающие гражданину Ганьшину незаконные действия (**«ганьшин подменил счет, после перевода денег присвоил деньги себе», «он скрысятничал 73000р»**).

2. Лексические и грамматические показатели высказываний о гражданине Ганьшине несут информацию о конкретных фактах, которые способны вызывать осуждение со стороны читателей, очернить его имя, унизить честь и умалить его личное достоинство, опорочить деловую репутацию данного гражданина, его производственно-хозяйственную и общественную деятельность (глагольные словосочетания **«подменил счет, присвоил деньги»**, глагольная лексема **«скрысятничал»**, цифровые показатели суммы денег — **83000р, 73000р**).

Таким образом, присутствие в спорном тексте однозначного слова *скрысятничал* служит вербальным средством отражения несомненности в приятии читателями на веру суждений автора текста о том, что человек своровал, и тем самым создает конфликтную ситуацию.

Литература

1. Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. М.: МАСКА, 2021. 176 с.
2. Осадчий М. А. Параметрическая порочащего характера информации // Русский язык в судебном процессе. Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 56–60.

3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2014. 874 с.
4. Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 2. К-О. М.: ЯСК, 2017. 864 с.
5. Словарь русского языка. Тт. I–IV. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II. 1986. 736 с.

A. S. Shcherbak

Unambiguity of perception of the word: linguistic analysis of the controversial text

Abstract: the actual material of the controversial text posted on the Internet examines the lexeme «hide», which has an unambiguous semantic meaning and served to provoke a conflictual speech situation.

Keywords: controversial text, unambiguous interpretation, linguistic examination.

Научное издание

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕРТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Сборник научных работ по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Москва, 17–18 октября 2024 г.)

Электронное издание

Техническое редактирование *Н. Разумова*
Компьютерная верстка *Б. Зипунов*

Редакционно-издательский отдел
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Подписано в печать 21.04.2025.
Формат 60 × 90/16. Объем 31 п.л.

Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute

ISBN 978-5-98269-351-8

